

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ГУМАНИТАРНЫЕ И ЮРИДИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Научно-теоретический журнал

ISSN 2409-1030

Том 10, № 2 (2023)

Выходит 4 раза в год

Ставрополь
2023

Журнал «Гуманитарные и юридические исследования» – рецензируемый научный журнал открытого доступа, публикующий работы, изучающие различные проявления многообразия восточной и западной цивилизаций.

Миссия журнала **«Гуманитарные и юридические исследования»** – способствование развитию исследований, посвященных цивилизациям Запада и Востока, специфике их взаимоотношений; публикация оригинальных статей, обзоров по истории цивилизаций, филологии и юриспруденции России и зарубежных государств, рецензий монографий, сборников статей, материалов международных и всероссийских конференций. Важное место в деятельности журнала отводится расширению международного сотрудничества с научным сообществом государств дальнего и ближнего зарубежья в рамках актуальных проблем истории цивилизаций Востока и Запада, филологии и юриспруденции России и зарубежных стран.

Цель журнала заключается в выявлении и публикации научных исследований высокого уровня по истории цивилизаций Востока и Запада, филологии России и зарубежных стран, опирающихся на современные теоретико-методологические подходы, максимально широкий круг источников и соблюдающих этику издания научных публикаций. Значительное внимание в редакционной политике уделяется анализу сложных и дискуссионных тем истории, филологии, юриспруденции России и зарубежных государств, цивилизационного взаимодействия и межкультурного диалога, специфики развития различных цивилизаций и их культурных кодов, интеллектуального наследия западных и восточных цивилизаций.

Редакционная коллегия поддерживает междисциплинарные исследования и академическую полемику, рассматривая его как основу для представления различных точек зрения научных школ, мировоззренческих концепций, методологических подходов в современной гуманитаристике.

В журнале «Гуманитарные и юридические исследования» публикуются научные работы по истории цивилизаций Востока и Запада, филологии и юриспруденции России и зарубежных государств. Журнал вводит в научный оборот архивные и другого рода документы; публикует информация о новых изданиях, научных конгрессах, конференциях, семинарах, юбилеях известных российских и зарубежных ученых.

Журнал публикует статьи на русском и английском языках.

Разделы журнала:

Исторические науки (всеобщая история, отечественная история, источниковедение); юридические науки (теория и история права и государства; история учений о праве и государстве; конституционное право; конституционный судебный процесс; муниципальное право; гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право; финансовое право; налоговое право; бюджетное право; земельное право; природоресурсное право; экологическое право; аграрное право, уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право; административное право; административный процесс); филологические науки (теория языка).

ISSN 2409-1030

<https://doi.org/10.37493/2409-1030>

Научный журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС 77-59452 от 22 сентября 2014 г.

Выходит 4 раз в год

Дата выхода первого номера: 16.05.2014.

Сведения о переименовании: журнал «Юридические исследования» (свидетельство ПИ № ФС7751091 от 4 сентября 2012 года) в 2014 году был переименован и ныне выходит под названием «Гуманитарные и юридические исследования»

Тираж 500 экз.

Свободная цена

Индекс 94078 «Объединенный каталог. ПРЕССА РОССИИ. Газеты и журналы»

Входит в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук

Адрес редакции и издателя: 355017, г. Ставрополь, ул. Пушкина, 1. Телефон: (8652) 75-28-64.

E-mail: gujournal@ncfu.ru; сайт: <https://humanitieslaw.elpub.ru/jour>

Адрес издательства Научной библиотеки ФГАОУ ВО «СКФУ»:

355029, г. Ставрополь, ул. Пушкина, 1.

ГУМАНИТАРНЫЕ И ЮРИДИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Научно-теоретический журнал

Учредитель

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования «Северо-Кавказский федеральный университет»

Главный редактор

Крючков И. В. — доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой зарубежной истории, политологии и международных отношений Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь, Россия)

Заместитель главного редактора

Смирнов Д. А. — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой административного и финансового права, директор юридического института Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь, Россия)

Ответственный секретарь

Амбарцумян К. Р. — кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры зарубежной истории, политологии и международных отношений Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь, Россия)

Редакционный совет

Исмаил Тогрул — д-р ист. наук, д-р экон. наук, профессор факультета международных отношений Университета Экономики и Технологий Торговых Палат и Бирж Турции (г. Анкара, Турция);

Мамонов В. В. — д-р юрид. наук, профессор, заведующий кафедрой государственного права Ленинградского государственного университета имени А. С. Пушкина (г. Пушкин, Россия);

Мелконян А. А. — д-р ист. наук, академик НАН Республики Армения, директор Института истории НАН Армении (г. Ереван, Армения);

Мюллер В. — д-р ист. наук, профессор, профессор института восточно-европейской истории Венского университета (г. Вена, Австрия);

Репина Л. П. — д-р ист. наук, член-корреспондент РАН, заместитель директора Института всеобщей истории РАН (г. Москва, Россия);

Саваи Ф. — д-р ист. наук, профессор, профессор Капошварского университета (г. Капошвар, Венгрия);

Фролов Д. Д. — д-р социально-политических наук, научный сотрудник Национального Архива Финляндии (г. Хельсинки, Финляндия).

Редакционная коллегия

Апрыщенко В. Ю. — д-р ист. наук, профессор, директор института истории и международных отношений Южного федерального университета (г. Ростов-на-Дону, Россия);

Анисимов А. П. — д-р юрид. наук, профессор, профессор кафедры конституционного и административного права Волгоградского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы (г. Волгоград, Россия);

Артамонова Е. А. — д-р юрид. наук, доцент, профессор кафедры уголовного права и процесса, Северо-Кавказский федеральный университет, профессор (г. Ставрополь, Россия);

Бакаева О. Ю. — д-р юрид. наук, профессор, профессор кафедры финансового, банковского и таможенного права Саратовской государственной юридической академии (г. Саратов, Россия);

Беликов А. П. — д-р ист. наук, доцент, профессор кафедры зарубежной истории, политологии и международных отношений Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь, Россия);

Блинов А. Г. — д-р юрид. наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного и уголовно-исполнительного права Саратовской государственной юридической академии (г. Саратов, Россия);

Борисова Т. Г. — д-р. филол. наук, доцент, заведующая кафедрой родных языков и лингводидактики Ставропольского государственного педагогического института (г. Ставрополь, Россия);

Бредихин С. Н. — д-р филол. наук, профессор, профессор кафедры теории и практики перевода Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь, Россия);

Булыгина Т. А. — д-р ист. наук, профессор, профессор кафедры истории России Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь, Россия);

Гладышев А. В. — д-р ист. наук, профессор, профессор кафедры истории нового и новейшего времени Саратовский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского (г. Саратов, Россия);

Грязнова В. М. — д-р. филол. наук, профессор, профессор кафедры русского языка Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь, Россия);

Гусаренко С. В. — д-р филол. наук, профессор, профессор кафедры русского языка как иностранного Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь, Россия);

Демченко Т. И. — д-р юрид. наук, доцент, профессор кафедры теории и истории государства и права Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь, Россия);

Дроздова А. М. – д-р юрид. наук, профессор, профессор кафедры правовой культуры и защиты прав человека Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь, Россия);

Ежова Е. Н. – д-р. филол. наук, профессор, заведующая кафедрой рекламы и связей с общественностью Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь, Россия);

Каменский М. В. – д-р филол. наук, доцент, профессор кафедры романо-германской филологии и лингводидактики Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь, Россия);

Каширина Т. В. – д-р. ист. наук, профессор, заведующая кафедрой международных отношений и внешней политики России Московского государственного лингвистического университета (г. Москва, Россия);

Клюковская И. Н. – д-р юрид. наук, профессор, заведующая кафедрой теории и истории государства и права Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь, Россия);

Клычников Ю. Ю. – д-р. ист. наук, профессор, профессор кафедры исторических и социально-философских дисциплин, востоковедения и теологии Пятигорского государственного университета (Пятигорск, Россия);

Колесникова М. Е. – д-р ист. наук, профессор, заведующая кафедрой истории России, директор гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь, Россия);

Краснова И. А. – д-р ист. наук, профессор, профессор кафедры зарубежной истории, политологии и международных отношений Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь, Россия);

Кузьминов П. А. – д-р ист. наук, профессор, профессор кафедры истории России Кабардино-Балкарского Государственного Университета им. Х. М. Бербекова (г. Нальчик, Россия);

Ласкова М. В. – д-р филол. наук, профессор, заведующая кафедрой перевода и информационных технологий в лингвистике Южного федерального университета (г. Ростов-на-Дону);

Мехди Хоссейни Тагибад – профессор, директор Института Кавказских исследований Тегеранского университета (г. Тегеран, Иран);

Мирошниченко Н. В. – д-р юрид. наук, профессор, заведующая кафедрой государственного и муниципального управления и права Ставропольского государственного аграрного университета (г. Ставрополь, Россия);

Мухачёв И. В. – д-р юрид. наук, профессор, заведующий кафедрой конституционного и международного права Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь, Россия);

Навасардова Э. С. – д-р юрид. наук, профессор, заведующая кафедрой экологического, земельного и трудового права Юридического института Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь, Россия);

Позднышов А. Н. – д-р юрид. наук, профессор, декан юридического факультета Ростовского государственного экономического университета (РИНХ) (г. Ростов-на-Дону, Россия);

Попов В. В. – д-р юрид. наук, профессор, профессор кафедры финансового, банковского и таможенного права Саратовской государственной юридической академии (г. Саратов, Россия);

Радбиль Т. Б. – д-р филол. наук, профессор, заведующий кафедрой теоретической и прикладной лингвистики Национального исследовательского Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского (г. Нижний Новгород, Россия);

Рыженков А. Я. – д-р юрид. наук, профессор, профессор кафедры гражданского и международного частного права Волгоградского государственного университета (г. Волгоград, Россия);

Савина В. С. – д-р юрид. наук, доцент, профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова (г. Москва, Россия);

Серебрякова С. В. – д-р филол. наук, профессор, заведующая кафедрой теории и практики перевода Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь, Россия);

Старилов Ю. Н. – д-р юрид. наук, профессор, декан юридического факультета, заведующий кафедрой административного и административного процессуального права Воронежского государственного университета (г. Воронеж, Россия);

Цихорацкий П. – д-р. ист. наук, профессор, профессор Вроцлавского университета (г. Вроцлав, Польша);

Чаннов С. Е. – д-р юрид. наук, профессор, заведующий кафедрой служебного и трудового права Поволжского института управления имени П.А. Столыпина-филиал РАНХиГС (г. Саратов, Россия);

Чичман Л. – д-р полит. наук, профессор института международных, политических и региональных исследований Будапештского университета Корвина (Будапешт, Венгрия);

Шварц И. – д-р филос. наук, профессор Венского университета (г. Вена, Австрия);

Шебзухова Т. А. – д-р ист. наук, профессор, директор института сервиса, туризма и дизайна Северо-Кавказского федерального университета (г. Пятигорск, Россия);

Щербакова Л. М. – д-р юрид. наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и процесса юридического института Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь, Россия);

Шибкова О. С. – д-р филол. наук, профессор, заведующая кафедрой иностранных языков для гуманитарных и естественнонаучных специальностей Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь, Россия);

Ширяева Т. А. – д-р филол. наук, профессор, заведующая кафедрой английского языка и профессиональной коммуникации Пятигорского государственного университета (г. Пятигорск, Россия).

Переводчик-редактор

Марченко Т. В. – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры теории и практики перевода Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь, Россия).

Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation

HUMANITIES AND LAW RESEARCH

Scientific journal

ISSN 2409-1030

Volume 10, No. 2 (2023)

Published four times a year

Stavropol
2023

«**Humanities and law research**» journal is a peer-reviewed open access academic journal that publishes papers analyzing various manifestations of the diversity of Eastern and Western civilizations.

The mission of «Humanities and law research» journal is to contribute to the development of research on the civilizations of the West and the East, the specifics of their relationships; publication of original articles, reviews on the history of civilizations, philology and jurisprudence of Russia and foreign countries, reviews of monographs, collections of articles, works of international and All-Russia conferences. An important area in the journal's activities is the development of international cooperation with the scientific communities in foreign countries in the framework of topical issues of the history of civilizations of the East and the West, philology and jurisprudence of Russia and foreign countries.

The purpose of the journal is to identify and publish top-level research works on the history of civilizations of the East and West, philology of Russia and foreign countries which are based on modern theoretical and methodological approaches as well as a wide range of sources and follow the academic publication ethics.

Considerable attention in the editorial policy is paid to the analysis of complex and controversial topics of history, philology, jurisprudence of Russia and foreign countries, civilizational interaction and intercultural dialogue, the specifics of the development of various civilizations and their cultural codes, the intellectual heritage of Western and Eastern civilizations. The Editorial Board supports interdisciplinary research and academic discussions, considering it as a basis for presenting various points of view of scientific schools, concepts, methodological approaches in modern humanities.

«Humanities and law research» journal publishes academic papers on the history of civilizations of the East and West, philology and jurisprudence of Russia and foreign countries. The journal introduces archival and other documents into academic circulation; provides information about new publications, scientific congresses, conferences, seminars, jubilees of prominent Russian and foreign scholars.

The journal publishes papers in Russian and English.

Sections of the journal:

Historical sciences (World History, National History, Source Studies); Legal sciences (theory and history of law and the state; constitutional law; constitutional litigation; municipal law; civil law; business law; family law; international law; financial law; tax law; budget law; land law; natural resource law; environmental law; agrarian law, criminal law and criminology; penal law; administrative law; administrative process); Philological sciences (theory of language).

The scientific journal is registered in the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology, And Mass Media (Roskomnadzor).

Certificate of mass medium registration PI № FS 77-59452 of September 22, 2014.

ISSN 2409-1030
<https://doi.org/10.37493/2409-1030>

Published four times a year

Release date of the first issue: 05.16.2014.

Information about the renaming: the journal «Legal research» (certificate PI No. FS77-51091 dated September 4, 2012) was renamed in 2014 and is now published under the name «Humanities and law research».

Circulation: 500 copies

Free price

Postal code 94078 «Unified catalog. PRESS OF RUSSIA. Newspapers and magazines».

The journal is on the List of leading peer-reviewed scientific journals recommended for candidate and doctoral thesis publications.

The address of the editorial office: 1, Pushkin Street, Stavropol 355017.

Telephone: +7 (8652) 75-28-64

E-mail: gujournal@ncfu.ru; website: <https://humanitieslaw.elpub.ru/jour>

The address of the publishing and printing complex of the North-Caucasus Federal University:

2, Kulakov Street, Stavropol 355029.

© FSAEI HE "North-Caucasus Federal University", 2023.

HUMANITIES AND LAW RESEARCH

Scientific journal

Founder

Federal State Autonomous Educational Institution
for Higher Education "North-Caucasus Federal University"

Editor-in-Chief

Igor V. Kryuchkov – Doctor of History, Professor, Head of Foreign History, Political Science and International Relations Department, North-Caucasus Federal University (Stavropol, Russia)

Vice Editor-in-Chief

Dmitrii A. Smirnov – Doctor of Law, Professor, Director of the Law Institute, Head of Administrative and Financial Law Department, North-Caucasus Federal University (Stavropol, Russia)

Executive editor

Karine R. Ambartsumyan – PhD in History, Associate Professor, Associate Professor, Foreign History, Political Science and International Relations Department, North-Caucasus Federal University (Stavropol, Russia)

Editorial Council

Togrul Ismail – Doctor of History, Doctor of Economics, Professor, Associate Professor, University of Economics and technology chamber of Commerce and stock exchanges of Turkey (Ankara, Turkey);

Vadim V. Mamonov – Doctor of Law, Professor, Head of State Law Department, Pushkin Leningrad State University (Pushkin, Russia);

Ashot A. Melkonyan – Doctor of History, academician of National Academy of Sciences of Armenia, Director of Institute of History, National Academy of Sciences of the Republic of Armenia (Erevan, Armenia);

Wolfgang Müller – Doctor of History, Professor, East European History Department, University of Vienna (Vienna, Austria);

Lorina P. Repina – Doctor of History, corresponding member of the Russian Academy of Sciences, Deputy Director of the Institute of World History of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia);

Ferenc Szávai – Doctor of History, Professor, Professor of the Kaposvar University (Kaposvar, Hungary);

Dmitrii D. Frolov – Doctor of Social and political Sciences, scientific officer of the National Archives of Finland (Helsinki, Finland).

Editorial Board

Viktor Yu. Apryschenko – Doctor of History, Professor, Director of the Institute of History and International Relations, Southern Federal University (Rostov-on-Don, Russia);

Alexey P. Anisimov – Doctor of Law, Professor, Professor of Constitutional and Administrative Law Department, Russian Academy of National Economy and Public Service (Volgograd branch, Russia);

Elena A. Artamonova – Doctor of Law, Associate Professor, Professor of Criminal Law and Procedure Department, North-Caucasus Federal University (Stavropol, Russia);

Olga Yu. Bakaeva – Doctor of Law, Professor, Professor of Financial, Banking and Customs Law Department, Saratov State Law Academy (Saratov, Russia);

Alexandr P. Belikov – Doctor of History, Associate Professor, Professor of Foreign History, Political Science and International Relations Department, North-Caucasus Federal University (Stavropol, Russia);

Alexandr G. Blinov – Doctor of Law, Professor, Head of Criminal and Criminal Executive Law Department, Saratov State Law Academy (Saratov, Russia);

Tatiana G. Borisova – Doctor of Philology, Associate Professor, Head of Native Languages and Linguodidactics Department Stavropol State Pedagogical Institute (Stavropol, Russia);

Sergey N. Bredikhin – Doctor of Philology, Professor, Professor of Theory and Practice of Translation and Interpreting Department, North-Caucasus Federal University (Stavropol, Russia);

Tamara A. Bulygina – Doctor of History, Professor, Professor of History of Russia Department, Humanities Institute, North-Caucasus Federal University (Stavropol, Russia);

Andrey V. Gladyshev – Doctor of History, Professor, Professor of Modern and Contemporary History Department, Saratov State University named after N.G. Chernyshevsky (Saratov, Russia);

Violetta M. Gryaznova – Doctor of Philology, Professor, Professor of Russian Language Department, North-Caucasus Federal University (Stavropol, Russia);

Sergey V. Gusarenko – Doctor of Philology, Professor, Professor of Russian as a Foreign Language Department, North-Caucasus Federal University (Stavropol, Russia);

Tamila I. Demchenko – Doctor of Law, Associate Professor, Professor of Theory, State and Legal History Department, North-Caucasus Federal University (Stavropol, Russia);
Alexandra M. Drozdova – Doctor of Law, Professor, Professor of Legal Culture and Protection of Human Rights Department, North-Caucasus Federal University (Stavropol, Russia);
Elena N. Ezhova – Doctor of Philology, Professor, Head of Advertising and Public Relations Department, North-Caucasus Federal University (Stavropol, Russia);
Mikhail V. Kamenskii – Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of Romano-Germanic Philology and Linguistics, North-Caucasus Federal University (Stavropol, Russia);
Tatiana V. Kashirina – Doctor of History, Professor, Head of International Relations and Foreign Policy of Russia Department, Moscow State Linguistic University (Moscow, Russia);
Irina N. Klyukovskaya – Doctor of Law, Professor, Head of Theory, State and Legal History Department, North-Caucasus Federal University (Stavropol, Russia);
Yurii Yu. Klychnikov – Doctor of History, Professor, Professor of Historical and Socio-Philosophical Disciplines, Oriental Studies and Theology Department, Pyatigorsk State University (Pyatigorsk, Russia);
Marina E. Kolesnikova – Doctor of History, Professor, Head of Russian History Department, Director of the Humanitarian Institute, North-Caucasus Federal University (Stavropol, Russia);
Irina A. Krasnova – Doctor of History, Professor, Professor of Foreign History, Political Science and International Relations Department, North-Caucasus Federal University (Stavropol, Russia);
Petr A. Kuzminov – Doctor of History, Professor, Professor of Russian History Department, Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov (Nalchik, Russia);
Marina V. Laskova – Doctor of Philology, Professor, Head of Translation and Information Technology in Linguistics Department, Southern Federal University (Rostov-on-Don, Russia);
Nadezhda V. Miroshnichenko – Doctor of Law, Professor, Head of Chair of State and Municipal management of Stavropol State Agricultural University (Stavropol, Russia);
Igor V. Mukhachev – Doctor of Law, Professor, Head of Constitutional and International Law Department, North-Caucasus Federal University (Stavropol, Russia);
Mehdi Hosseini – Professor, Head of Caucasus Studies Institute, Tehran University, (Tehran, Iran);
Eleonora S. Navasardova – Doctor of Law, Professor, Head of Environmental Law, Land and Law of Employment Department, North-Caucasus Federal University (Stavropol, Russia);
Alexey N. Pozdnyshov – Doctor of Law, Professor, Head of Faculty of Law, Rostov State Economic University (RINKH) (Rostov-on-Don, Russia);
Vasilii V. Popov – Doctor of Law, Professor, Professor of Financial, Banking and Customs Law Department, Saratov State Law Academy (Saratov, Russia);
Timur B. Rudbil – Doctor of Philology, Professor, Head of theoretical and applied linguistics Department, Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod (Nizhny Novgorod, Russia);
Anatolii Ya. Ryzhenkov – Doctor of Law, Professor, Professor of Civil and International Private Law, Volgograd State University (Volgograd, Russia);
Victoriya S. Savina – Doctor of Law, Associate Professor, Professor of Civil Law Disciplines Department, Plekhanov Russian University of Economics (Moscow, Russia);
Svetlana V. Serebriakova – Doctor of Philology, Professor, Head of Theory and Practice of Translation and Interpreting Department, North-Caucasus Federal University (Stavropol, Russia);
Yurii N. Starilov – Doctor of Law, Professor, Dean of the Law Faculty, Head of the Administrative and Administrative Procedural Law Department, Voronezh State University (Voronezh, Russia);
Piotr Cichoracki – Doctor of History, Professor of Wrocław University (Wrocław, Poland);
Sergey E. Channov – Doctor of Law, Professor, Head of Service and Labor Law Department, Povolzhsky Institute of Management named after P.A. Stolypin (Saratov, Russia);
László Csicsmann – Doctor of Political Sciences, Professor of International, Political and Regional Studies Institute, Budapest University "Corvinus" (Budapest, Hungary);
Iskra Schwarcz – Doctor of History, Professor, Professor of Vienna University (Vienna, Austria);
Tatiana A. Shebzuhova – Doctor of History, Professor, Director of Service, Tourism and Design Institute (branch of the "North-Caucasus Federal University" Pyatigorsk, Russia);
Ludmila M. Shcherbakova – Doctor of Law, Professor; Professor of Criminal Law and Procedure Department, North-Caucasus Federal University (Stavropol, Russia);
Oksana S. Shibkova – Doctor of Philology, Professor, Head of Foreign Languages for Humanities and Natural Sciences Department, North-Caucasus Federal University (Stavropol, Russia);
Tatiana A. Shiryaeva – Doctor of Philology, Professor, Head of English Language and Professional Communication, Pyatigorsk State University (Pyatigorsk, Russia).

Translator-editor

Tatiana V. Marchenko – PhD in Philology, Associate Professor, Associate Professor of Theory and Practice of Translation and Interpreting Department, North-Caucasus Federal University (Stavropol, Russia)

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

Барышникова Н. В., Кузнецова О. В. Социальная политика начала 1990-х годов в условиях экономических реформ: направления и способы решения (Южный Урал).....	185
Бобешко А. В. Эмиграция венгров в Великобританию в начале XXI в. в контексте миграционной политики правительства В. Орбана.	198
Бодрова Е. В., Калинов В. В. Техническое перевооружение советской промышленности в 1950-е гг.	205
Кирчанов М. В. Проблемы Македонской Православной Церкви в современной греческой политике памяти.....	212
Кодинцев А. Я. Анатолий Фёдорович Кони – руководитель уголовно-кассационного департамента сената.....	222
Косых Т. А. Все дороги ведут в Саламанку: испанский город в восприятии британских военных в 1808–1812 гг.	229
Кудрявцев А. А. Дербент в истории зороастризма на Кавказе	237
Месропян А. Э. Заготовительная деятельность потребительской кооперации Краснодарского края в условиях восстановления хозяйства (1943–1945 гг.)	244
Мутушев И. А. Феномен абречества на Северном Кавказе как форма социального протеста в конце XIX – начале XX вв.	251
Халимбекова Э. Р. Особенности развития банков в Османской империи в середине XIX – начале XX вв.	258
Хамид М. С. Американская оккупация Ирака и проблема шиитского активизма	265

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

Бычко М. А., Разумов П. В. К вопросу о реформировании потребительского законодательства	272
Навасардова Э. С., Нутрихин Р. В. Проблема деэкологизации природоохранного законодательства России и Казахстана в контексте формирования эколого-безопасного пространства ЕАЭС	279
Постульга Л. В. О системе документов стратегического планирования в области охраны окружающей среды и рационального природопользования	286
Соколов А. Ю., Лакаев О. А. Правовая политика в сфере обеспечения безопасности кормов и кормовых добавок для животных	293
Терещук С. С. Система принципов дисциплинарного производства по делам о коррупционных правонарушениях на государственной службе	300
Фомиченко С. В. Административная ответственность за правонарушения в области деятельности саморегулируемых организаций арбитражных управляющих	307
Чомаев А. А. О некоторых проблемах использования цифровых технологий в процессе реализации прав и свобод личности.....	314

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Архипова И. В. Таксисные функции немецких девербативов: потенциальные и реализованные	321
Вартанова Л. Р., Рындина Ю. В. Лингвопереводческие особенности интернациональной лексики военной тематики	328
Грязнова В. М., Губанов С. А. Гиперконцепт Качество как механизм вербального представления эпитетной парадигмы в творчестве М. Цветаевой.....	337

РЕЦЕНЗИЯ

Дударев С. Л. Лучицкая С. И. Рыцари, крестоносцы и сарацины. Запад и Восток в эпоху крестовых походов. СПб.: Евразия, 2021. 480 с.....	343
---	-----

CONTENTS

HISTORY

Baryshnikova N., Kuznetsova O. Social policy of the early 1990s in the conditions of economic reform: directions and ways of solution (Southern Ural).....	185
Bobeshko A. Emigration of Hungarians to Great Britain at the beginning of the 21st century in the context of the migration policy under the V. Orban government.....	198
Bodrova E., Kalinov V. Technical re-equipment of Soviet industry in the 1950 s	205
Kyrchanoff M. Problems of the Macedonian Orthodox Church in the modern Greek memorial politics.....	212
Kodintsev A. Anatoly Fyodorovich Koni – the head of the criminal-cassation department of the Senate.....	222
Kosykh T. All roads lead to Salamanca: British combatants' reflection of a Spanish city in 1808–1812.....	229
Kudryavtsev A. Derbent in the history of Zoroastrianism in the Caucasus.....	237
Mesropyan A. Procurement activity of consumer cooperation in the Krasnodar Territory in the conditions of economic recovery (1943–1945).....	244
Mutushev I. Phenomenon of abrechestvo in the North Caucasus as a form of social protest in the late 19th – early 20th centuries.....	251
Khalimbekova E. Features of the development of banks in the Ottoman Empire in the middle of the XIX – early XX centuries.....	258
Hamid M. The American occupation of Iraq and the problem of Shiite activism.....	265

LEGAL SCIENCES

Bychko M., Razumov P. On reforming consumer legislation.....	272
Navasardova E., Nutrikhin R. The problem of deecologization of environmental legislation of Russia and Kazakhstan in the context of the formation of the EAEU ecological and safe space	279
Postulga L. On the system of strategic planning documents in the field of environmental protection and rational use of natural resources	286
Sokolov A., Lakaev O. Legal policy in the field of ensuring the safety of animal feed and feed additives	293
Tereshchuk S. The system of principles of disciplinary proceedings in cases of corruption offenses in the public service	300
Fomichenko S. Administrative responsibility for offenses in the field of self-regulating organizations of arbitration managers.....	307
Chomaev A. On some problems of using digital technologies in the process of realizing individual rights and freedoms.....	314

PHILOLOGICAL SCIENCES

Arkhipova I. Taxi functions of German deverbatives: potential and realized.....	321
Vartanova L., Ryndina Yu. Linguistic and translational features of the international vocabulary of military subject	328
Gryaznova V., Gubanov S. Hyperconcept Quality as a mechanism of verbal representation of epithetic paradigm in M. Tsvetaeva's works	337

REVIEW

Dudarev S. S. Luchitskaya. Knights, Crusaders and Saracens. West and East in the Age of the Crusades. St. Petersburg: Eurasia, 2021. 480 p.	343
---	-----

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ / HISTORY

Научная статья

УДК 94(470) : 364.07

<https://doi.org/10.37493/2409-1030.2023.2.1>

СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА НАЧАЛА 1990-Х ГОДОВ В УСЛОВИЯХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ РЕФОРМ: НАПРАВЛЕНИЯ И СПОСОБЫ РЕШЕНИЯ (ЮЖНЫЙ УРАЛ)

Наталья Владимировна Барышникова¹,
Ольга Вячеславовна Кузнецова²

¹ Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Оренбургский филиал (д. 26, ул. Курача, 460007, Оренбург, Российская Федерация)

Кандидат исторических наук. ORCID: 0009-0009-5001-7939. E-mail: baryshnikova.7878@mail.ru

² Филиал Российского государственного университета нефти и газа (национальный исследовательский университет) имени И. М. Губкина в г. Оренбурге, (д. 20, ул. Юных Ленинцев, 460047, Оренбург, Российская Федерация)

Кандидат исторических наук, доцент. ORCID: 0000-0002-2125-0610. E-mail: olgavk1983@mail.ru

Автор, ответственный за переписку: Кузнецова Ольга Вячеславовна, olgavk1983@mail.ru

Аннотация. Введение. Историографию социальных преобразований 1990-х – начала 2000-х годов в России следует разделить на несколько этапов, итогом каждого из которых становится переход от активной критики и анализа влияния результатов реформ на социальную сферу жизни общества к попыткам исследования методов и направлений изменения социальной политики на федеральном и региональном уровнях. Актуальность проблемы основана на отсутствии комплексного исследования социальных преобразований на Южном Урале в историографии, что и становится целью исследования. **Материалы и методы.** Для реализации поставленной цели использовались сравнительно-исторический и проблемно-хронологический методы, а также применялись принципы объективности, системности и историзма, позволяющие раскрыть проблему в ее логической фактологической последовательности, с опорой на документальные источники. Были привлечены архивные фонды региона Южного Урала и Федеральных архивов (архивный отдел администрации г. Челябинска (Ф. 2 – Администрация г. Челябинска), Государственный архив РФ (Ф. 10026 – Верховный Совет РСФСР), Государственный архив Оренбургской области (Ф. 1014 – Оренбургский областной Совет народных депутатов), Объединенный государственный архив Челябинской области (Ф. Р-2740 – Челябинский областной Совет народных депутатов), Российский государственный архив социально-политической истории (Ф. 661 – Демократическая партия России; Ф. 664 – Аграрная партия России), Центральный государственный исторический архив республики Башкортостан (Ф. 1684 – Министерство труда и занятости населения Республики Башкортостан; Ф. Р-169 – Министерство социальной защиты населения Респу-

блики Башкортостан), Центр документации Новейшей истории Оренбургской области (Ф. 371 – Оренбургский областной комитет КПСС; Ф. 8016 – Оренбургский обком профсоюза работников электростанций и электротехнической промышленности; Ф. 8038 – Оренбургский областной совет профессиональных союзов). Кроме того, анализировались Программы и проекты социальных преобразований в регионе. **Анализ.** В статье анализируются основные тенденции изменения социальной политики в связи с переходом к рыночной экономике. Динамика рассматривается на примере регионов Южного Урала (Оренбургской, Челябинской областей и Башкирии). Выявляются причины перехода от всеобщей социальной помощи к адресной. На примере демографических изменений (соотношения рождаемости и смертности), падения промышленного производства, понижения уровня жизни населения в начале реализации рыночных реформ определяется круг мер, принятых на региональном и федеральном уровне для снятия социальной напряженности в обществе: открытие фондов, создание службы социальной помощи, подготовка кадров.

Результаты. В статье сделаны выводы о главной причине провала многих социальных преобразований – нехватке финансового обеспечения новой социальной политики. В условиях нарастающего экономического кризиса и увеличения числа населения, находящегося за чертой бедности, попытка государства перенаправить в регионы решение финансирования и оказания социальной поддержки отдельным слоям не дало эффективных результатов. Попытка перехода к адресной помощи и создание региональных фондов социальной поддержки населения позволила несколько снизить социальную напряженность в стране, но не решила всех социальных проблем общества, создав дихотомию

проблемы: постоянное увеличение числа бедных и одновременное сокращение или нестабильное финансирование проведения социальной политики.

Ключевые слова: переход к рыночной экономике в постсоветское время, формирование адресного подхода социальной помощи, падение уровня жизни населения, бедность, незащищенные слои населения

Для цитирования: Барышникова Н. В., Кузнецова О. В. Социальная политика начала 1990-х годов в условиях экономических реформ: направления и способы решения (Южный Урал) // Гуманитарные и юридические исследования. 2023. Т. 10 (2). С. 185–197. DOI: 10.37493/2409-1030.2023.2.1

Original article

SOCIAL POLICY OF THE EARLY 1990S IN THE CONDITIONS OF ECONOMIC REFORM: DIRECTIONS AND WAYS OF SOLUTION (SOUTHERN URAL)

Natalya V. Baryshnikova¹

Olga V. Kuznetsova²

- 1 Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. Orenburg branch (26, Kuracha st., 460007, Orenburg, Russian Federation)
Cand. Sci. (History)
ORCID: 0009-0009-5001-7939. E-mail: baryshnikova.7878@mail.ru
- 2 Russian State University of Oil and Gas (National Research University) named after I.M. Gubkin (the Orenburg branch) (20, Yunikh Lenintsev St., 460047, Orenburg, Russian Federation)
Cand. Sci. (History), Associate Professor
ORCID: 0000-0002-2125-0610. E-mail: olgavk1983@mail.ru
Corresponding author: Olga V. Kuznetsova, olgavk1983@mail.ru

Abstract. Introduction. The historiography of social transformations in the 1990s and early 2000s in Russia should be divided into several stages. The result of each is the transition from active criticism and analysis of the impact of reforms on the social sphere of society to attempts to study methods and directions for changing social policy at federal and regional levels. The relevance of the problem is based on the lack of a comprehensive study of social transformations in the Southern Urals, which is the purpose of the study. **Materials and Methods.** To achieve this goal, comparative-historical and problem-chronological methods were used, as well as the principles of objectivity, consistency and historicism were applied, allowing to reveal the problem in its logical factual sequence, based on documentary sources. The archival funds of the Southern Urals region and the Federal Archives were involved (archival department of the administration of Chelyabinsk (F. 2 – Administration of the city of Chelyabinsk), State Archive of the Russian Federation (F. 10026 – Supreme Soviet of the RSFSR), State Archive of the Orenburg Region (F. 1014 – Orenburg Regional Council of People's Deputies), United State Archive of the Chelyabinsk Region (F. R-2740 – Chelyabinsk Regional Council of People's Deputies), Russian State archive of socio-political history (F. 661 – Democratic Party of Russia; F. 664 – Agrarian Party of Russia), Central State Historical Archive of the Republic of Bashkortostan (F. 1684 – Ministry of Labor and Employment of the Republic of Bashkortostan; F. R-169 – Ministry of Social protection of the population of the Republic of Bashkortostan), Documentation Center of the Modern History of the Orenburg Region (F.371 – Orenburg Regional Committee of the CPSU; F.8016 – Orenburg Regional Committee of the Trade Union of Workers of Power Plants and the Electrical Industry; F.8038 – Orenburg Regional Council of Trade Unions). In addition, programs and projects of social transformations

in the region were analyzed. **Analysis.** The article analyzes the main trends in social policy changes in connection with the transition to market economy. The dynamics is considered on the example of the regions in the Southern Urals (Orenburg, Chelyabinsk regions and Bashkiria). The reasons for the transition from universal to targeted social assistance are revealed. By the example of demographic changes (births and deaths ratio), decrease in industrial production, lowering standard of living at the beginning of market reforms, the range of measures taken at the regional and federal levels to relieve social tension in society is determined: opening funds, creating a social assistance service, training personnel. **Results.** The article draws conclusions about the main reason for the failure of many social transformations – the lack of financial support for the new social policy. In the conditions of the growing economic crisis and the increase in the number of the population below the poverty line, the attempt of the state to delegate the decision on financing and providing selective social support to the regions did not entail effective results. An attempt to switch to targeted assistance and the creation of regional funds for social support of the population made it possible to somewhat reduce social tension in the country. It did not solve all social problems of society, creating a dichotomy of the problem: a constant increase in the number of poor people and a simultaneous reduction or unstable financing of social policy.

Key words: transition to market economies in the post-Soviet period, formation of a targeted approach to social assistance, falling living standards of the population, poverty, vulnerable segments of the population

For citation: Baryshnikova N., Kuznetsova O. Social policy of the early 1990s in the conditions of economic reform: directions and ways of solution (Southern Ural) // Humanities and law research. 2023. V. 10 (2). P. 185–197 (In Russian). DOI: 10.37493/2409-1030.2023.2.1

Введение. Научный интерес к проводимой в стране социальной политике возник практически с первых дней ее внедрения. В первой половине 1990-х годов социологи, политологи, экономисты, историки предприняли попытки анализа начавшихся изменений. Преимущественно публикации начала 1990-х гг. представлены материалами, раскрывающими отдельные аспекты проблемы и их критикой: В. Н. Бобков [10], Давыдов Е. В., Давыдов А. А. [26] и ряд других авторов.

Публикации второй половины 1990-х годов отмечены попыткой обобщения проблемы изменения социальной политики. Значительный вклад в ее разработку внесли труды В. И. Жукова [28], Ф. Э. Бурджалова [11], В. А. Торлопова [58]. Авторы попытались теоретически осмыслить причины изменения социальной политики государства.

Одной из центральных историографических проблем начала 2000-х гг. становится проблема определения понятия «социальная политика». Так Е. В. Виноградова [63] и Л. В. Константинова [30] определяли предназначение социальной политики как особо функционально значимой сферы государственной деятельности, имеющей целенаправленное, организованное регулирование социальных отношений, формирование устойчивой социальной структуры общества.

Для научной литературы начала 2000-х гг. также характерно обращение к вопросам социальной защиты безработных граждан, пенсионеров, инвалидов, детей-сирот (С. А. Кузьмин [32], Т. Я. Четвертин [76], Б. Д. Бреев [12]). Первые крупные работы, обобщающие методы, принципы, направления социальной политики в государстве были предприняты в диссертациях историков Н. П. Крюкова [31], С. Е. Руженцева [51].

На региональном уровне так же можно привести примеры отражения некоторых аспектов изменения социальной политики государства, в том числе на Южном Урале: Н. А. Гартман, С. С. Смирнова [24], осветивших особенности функционирования региональной системы социальной защиты населения на протяжении 1990-х годов в Челябинской области; С. П. Иваненков и И. Е. Сазонов попытались обобщить опыт работы биржи труда для подростков и молодежи в г. Оренбурге; Р. М. Садыков [53] и А. А. Ахмадеев [7].

Таким образом, историографический обзор научной литературы на общероссийском и региональном уровнях свидетельствует о том, что накопленный фактический материал позволяет продолжить комплексное исследование проблемы социальной политики на Южном Урале, определив ее направления и способы решения в 1990-е гг.

Материалы и методы. Исследование основано на принципах объективности, системности, историзма. При изучении проблем осуществления социальной политики в отношении отдель-

ных категорий граждан и динамики ее изменений использованы проблемно-хронологический и сравнительно-исторический методы. Последний позволил выявить особенности становления социальной политики в отношении отдельных категорий граждан на региональном уровне в сравнении с федеральным, а также позволил определить сходство и различия в реализации основных направлений государственной политики в социальной сфере в конкретном регионе.

Источниковую базу исследования составили архивные форды регионального и федерального значения, постановления правительства РФ, программы социальных преобразований регионов Южного Урала (архивный отдел администрации г. Челябинска (Ф. 2 – Администрация г. Челябинска), Государственный архив РФ (Ф. 10026 – Верховный Совет РСФСР), Государственный архив Оренбургской области (Ф. 1014 – Оренбургский областной Совет народных депутатов), Объединенный государственный архив Челябинской области (Ф. Р-2740 – Челябинский областной Совет народных депутатов), Российский государственный архив социально-политической истории (Ф. 661 – Демократическая партия России; Ф. 664 – Аграрная партия России), Центральный государственный исторический архив республики Башкортостан (Ф. 1684 – Министерство труда и занятости населения Республики Башкортостан; Ф. Р-169 – Министерство социальной защиты населения Республики Башкортостан), Центр документации Новейшей истории Оренбургской области (Ф. 371 – Оренбургский областной комитет КПСС; Ф. 8016 – Оренбургский обком профсоюза работников электростанций и электротехнической промышленности; Ф. 8038 – Оренбургский областной совет профессиональных союзов).

Анализ. К началу 1990-х годов планово-распределительная система в СССР исчерпала свои возможности. Эта тенденция выразилась в низкой эффективности плановой экономики, отсутствии действенных стимулов хозяйственной активности, исчерпании экстенсивного способа развития. По разным оценкам к началу 1991 года дефицит бюджета составил 20–30 % ВВП, а внешний долг СССР превысил на тот момент 103,9 млрд долларов [54, с. 8]. Спад производства коснулся фактически всех отраслей народного хозяйства. В результате уменьшилось производство в базовых отраслях промышленности, что привело к острому дефициту продукции сельхоз назначения и товаров пищевой и легкой промышленности.

Таким же стремительным падением объемов производства характеризовалась экономика Южного Урала. По сравнению с 1989 г. к 1991 объем производства в Оренбургской области сократился более чем в 4 раза, дефицит бюджета составил 33 млн рублей [70, л. 26]. Упали продажи товаров, в том числе масла – на 96 %, рыбы –

на 92 %, сахара – на 96,9 %, что спровоцировало введение талонов на товары первой необходимости [70, л. 27]. В результате сокращения поставок мясной и молочной продукции в Челябинскую область из соседних регионов в широком доступе исчезли мясные и молочные изделия [36, л. 1]. С перебоями шла торговля хлебом и хлебобулочными изделиями [38, л. 104]. Практически полностью прекратились поставки сахара из Воронежской, Тамбовской и Курганской областей, что привело к практически полному исчерпанию запасов [14, 37]. Введение нормированного распределения продуктов стало единственным выходом в сложившейся ситуации. Несмотря на это, наблюдалось снижение производства товаров народного потребления: снизились объемы производства холодильников на 15,1 %, и на 48,7 % – стиральных машин. [62, л. 13]

Падение производства товаров широкого потребления и продуктов привело к появлению дефицита денежных средств, что способствовало возникновению задолженности по заработным платам и пенсиям [38, л. 80]. Подобная ситуация наблюдалась в Башкирской союзной республике. Здесь население выражало недовольство отсутствием товаров первой необходимости и введением карточной системы [63, л. 13].

В сложившейся ситуации единственным выходом должна была стать экономическая реформа. В октябре 1991 г. Б. Н. Ельцин выступил на V съезде народных депутатов с речью о необходимости проведения радикальных реформ, основополагающими назвал либерализацию цен и заработной платы, свободу торговли и приватизацию. В январе 1992 г. Правительство Российской Федерации уже приступило к проведению предложенных президентом реформ [49, л. 3].

Радикальная экономическая реформа началась 2 января 1992 г. с либерализации цен. Она предусматривала отказ государства от контроля и регулирования оптовых и розничных цен. В условиях сокращения производственной деятельности и возникшего товарного дефицита это привело к росту цен. В результате (по данным Госкомстата) в феврале 1992 г., цены выросли в 3–3,5 раза, стоимость продуктов питания в 3,8 раза, непродовольственных товаров – в 2,5 раза [22, л. 22]. Все это привело к неконтролируемому росту цен на товары и услуги к концу 1992 года, что обесценило сбережения населения страны в 2,5 раза [42, с. 154].

Реформа предполагала разгосударствление собственности, в том числе – передач в частные руки. Основные задачи и направления предстоящей в стране приватизации определял Закон РСФСР «О приватизации государственных и муниципальных предприятий в РСФСР» и постановление Верховного Совета Российской Федерации «О введении в действие Государственной

программы приватизации государственных и муниципальных предприятий в Российской Федерации на 1992 год». В соответствии с указанными нормативно-правовыми актами на территории Южного Урала начинают разрабатываться программы приватизации [17, л. 30]. Начавшаяся с 1 октября 1992 г. приватизация государственных и муниципальных предприятий проходила без должного правового обеспечения и финансово-экономического анализа [23, л. 101], что повлекло за собой неизбежные сокращения объемов производства по отдельным отраслям хозяйственной деятельности на 30–40 % [17, л. 24].

Стремительное развитие рыночных отношений в РФ проходило в условиях глубокого экономического кризиса. За 9 месяцев 1993 г. спад объемов производства составлял 9,9 %. Задолженность федерального бюджета в 1993 г. только оборонному комплексу превысила 2 триллиона рублей. Из них 700 млрд рублей составлял долг за изготовленную и закупленную продукцию, 300 млрд рублей на осуществление программы по конверсии, 600 млрд рублей не выплачено за зерно, поставленное сельскими тружениками в счет государственных поставок [71, л. 6].

В рамках тех же тенденций развивались рыночные отношения на территории Южного Урала. В 1993 году почти на 20 % сократились объемы производственной деятельности в Оренбургской области [73, л. 10], причем больше всего производство снизилось в топливно-энергетическом комплексе, цветной металлургии, химической и нефтехимической промышленности, машиностроении, промышленном производстве стройматериалов [12, 71]. Почти 20 % промышленных предприятий области оказалось убыточными. А задолженность предприятий промышленности, транспорта, строительства и сельского хозяйства составляла более 4,6 млрд рублей [73, л. 10]. К серьезному спаду ситуация привела и в агропромышленном комплексе Оренбуржья. Почти на 1/3 сократилось производство скота и птицы, на 19 % – молока [73, л. 11].

Почти 30 крупнейших предприятий, составлявших основу экономики региона, приостановили производственную деятельность [38, л. 198]. В Башкортостане каждое четвертое предприятие являлось убыточным [68, л. 18]. Больше всего убытки терпели предприятия угольной и легкой промышленности, что составило соответственно 51 % и 74 % [68, л. 18].

Падение темпов промышленного производства стало причиной массового высвобождения рабочих с предприятий и систематических задержек выплаты заработной платы. Задолженность по заработной плате на ряде предприятий Оренбурга (Оренбургский станкостроительный завод «Коммунар», завод «Сверл», ПО «Долина») составляла 4–5 месяцев. Общая задолженность в Оренбурге

ской области по заработной плате составляла около 11 млрд рублей [71, л. 21]. Подобная ситуация сложилась в Челябинской области и в Башкортостане. Хронические задержки заработной платы стали причиной снижения уровня жизни значительной части населения Южного Урала.

Рост цен на продукты питания и товары повседневного спроса в 1992 г. (в сравнении с ценами 1991 года) в г. Оренбурге составил: говядина, картофель подорожали в 17 раз, хлеб, масло сливочное – в 15 раз [43, с. 71]. Все это заставляло правительство индексировать заработные платы, пенсии и стипендии. Так, в 1992–1993 гг. три раза повышался минимальный размер оплаты труда, четыре раза – пенсии, пособия, стипендии, но эти меры так и не привели к повышению уровня жизни населения [71, л. 21].

К 1992 году за чертой бедности (то есть с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума) находились – 49,7 млн человек, или 33,5 % к общей численности россиян [33, с. 60]. На декабрь 1993 г. прожиточный минимум (верхний порог бедности) определен в 54 тысячи рублей в месяц. Ниже этой границы оказались 30 % населения России. Физиологический минимум или уровень выживания (нижний порог бедности) был установлен в размере 28 тысяч рублей на человека в месяц. За этим порогом бедности находились 7 млн человек (5 % населения) [34, с. 5]. Согласно официальным данным, 20 % самых богатых россиян присваивали 43 % совокупных денежных доходов, 20% самых бедных – только 7 % [73 л. 5]. За период с 1991 по 1994 гг. реальные доходы населения снизились более чем на 40–50 %.

По данным социологических исследований, проводимых в Республике Башкортостан, денежные доходы населения увеличились более чем в 800 раз, в тоже время цены возросли более чем в 1500 раз, что фактически означало снижение доходов населения почти на половину [46]. Доля населения в Республике Башкортостан доходы, которых были ниже уровня прожиточного минимума (уровня бедности), составляла в 1994 г. 51 %, ниже уровня минимального потребительского бюджета (уровня малообеспеченности) – 77 % [67, л. 62]. Снижение реальных доходов привело к заметному сокращению потребления продуктов питания. Так к 1995 г. на 32 % снизилось потребление мяса, на 35 % – молока [52, л. 10].

Следует отметить, что в условиях экономического кризиса в категорию бедных слоев общества попадали не только экономически слабые граждане, но и работающие. По состоянию на 1 января 1995 г. прожиточный минимум для трудоспособного человека составлял 176 тысяч рублей в месяц, тогда как минимальный размер оплаты труда – лишь 20,5 тысяч рублей. По официальным данным Госкомстата к началу 1995 г.

почти каждый четвертый россиянин (34 млн человек) находился за чертой бедности [73, л. 18]. В Оренбургской области к 1995 г. эта цифра составила 1,3 млн человек (это 57 %) имели доходы ниже прожиточного минимума [74, л. 9]. С начала 1995 г. заработная плата в среднем в Оренбургской области возросла на 11%, а платные услуги на 37%, квартплата на 77% [74, л. 9]. В 1995 г. в Челябинской области уровень бедности составил 49 % населения, более 442 тысяч пенсионеров и престарелых граждан относились к категории малообеспеченных [47, с. 7]. Просроченная задолженность по заработной плате на предприятиях Челябинской области к началу 1996 г. составила свыше 411 млрд рублей. В Республике Башкортостан общая сумма просроченных задолженностей в 1996 г. превысила 836 млрд рублей, 3748 предприятий республики испытывали финансовые трудности, заработная плата выдавалась ссуженкой, макаронами [64, л. 14–15].

Представленные данные позволяют сделать вывод, что, реформы для основной массы населения обернулись не новыми возможностями, а социальным бременем. Серьезной социальной проблемой становится увеличение численности бедных, причем в категорию бедных попадали в том числе и работающие граждане. В сложившейся ситуации возникала необходимость решать задачу по снижению масштабов бедности.

Показателем социального неблагополучия в стране являлось дальнейшее снижение уровня жизни значительной части населения и сокращение численности населения в стране. За пять лет, начиная с 1992 г. Население РФ сократилось более чем на 727 тысяч человек [55, с. 30]. Те же тенденции наблюдаются и на Южном Урале. Особенно это видно по показателям рождаемости и смертности населения. Число родившихся в Оренбургской области в 1992 г. (к уровню 1991 г.) снизилось на 3 тысячи человек, число умерших возросло почти на 1 тысячу человек [16, л. 188]. С 1993 г. в Республике Башкортостан в результате превышения смертности над рождаемостью начался процесс депопуляции [17, с. 39]. Только за три года естественная убыль населения составила 17 тысяч человек [68, л. 2]. В Челябинской области процесс депопуляции начался с 1992 года и составил к 1996 году – более 63 тысяч человек [74, с. 58]. Следует отметить, что на всем протяжении исследуемого периода на Южном Урале показатели смертности превышали показатели рождаемости.

Прежде всего, снижение рождаемости определило устойчивое старение населения Южного Урала. Численность пенсионеров в Республике Башкортостан с 1991 по 1995 гг. увеличилась более чем на 138 тысяч человек [61, с. 78]. Аналогичная тенденция наблюдалась в Челябинской и Оренбургской областях, где за этот же период

численность пенсионеров соответственно увеличилась на 136 тысяч и 97 тысяч человек [75, с. 71]. Удельный вес граждан старше трудоспособного возраста в конце 1990-х годов в Республике Башкортостан и Оренбургской области составил – 19,7 %, в Челябинской области – 20,6 % [55, с. 31].

Увеличение в структуре населения граждан старше трудоспособного возраста в Российской Федерации и на Южном Урале приводит к увеличению затрат на пенсионное обеспечение и необходимости развития сети учреждений и структур социального обслуживания пожилых граждан.

Таким образом, развитие экономики Южного Урала в начале 1990-х гг. характеризовалось стремительным падением производственной деятельности. Начавшиеся радикальные реформы усугубили и без того сложную ситуацию в регионе. Экономические трудности повлекли за собой появление негативных социальных последствий: стремительный рост цен на товары и услуги, обесценивание сбережений граждан, высвобождение с производства рабочих, систематические задержки выплаты зарплаты, снижение уровня жизни значительной части населения, появление бедности.

Противоречие данной ситуации выражалось в том, что в условиях кризиса финансовые возможности государства значительно снизились, в то время как количество граждан, нуждающихся в социальной поддержке – возросло. Все это поставило перед правительством новые задачи по формированию новой системы социальной защиты населения. Развитие рыночных отношений сформировало кроме прочего необходимость перехода государственной социальной политики от политики патернализма к созданию условий для самореализации экономически активных граждан.

В ноябре 1991 г. Президент РСФСР Б. Н. Ельцин отмечал, что «...новая задача нашей социальной политики, создание адресной системы социальной помощи наиболее уязвимым слоям населения, детям. Здесь многое предстоит сделать: создать сеть благотворительных столовых, ночных пансионатов, специальных магазинов, механизмов закупок товаров первой необходимости и надежную систему их доведения до каждого человека» [27, с. 4]. В новых социально-экономических условиях предусматривалось формирование механизма социальной защиты нетрудоспособных слоев населения [57, с. 287], в то время как трудоспособные граждане должны были обеспечивать себя сами.

К концу 1993 г. Правительством Российской Федерации подготовлен пакет документов, в котором излагались основные направления активной социальной политики, предусматривающие регулирование доходов и занятости населения, поддержку предпринимательства, малого и среднего бизнеса, развитие социального партнерства [64, с. 3].

В «Проекте (макете) основных направлений социальной политики Российской Федерации на 1994 год» подчеркивалось, что «Правительство исходило из того, что эффективная и взвешенная социальная политика является необходимым условием продолжения реформ. Недостаточный учет социальных факторов может привести к резкому обострению общественно-политической ситуации и, в конечном итоге, к срыву реформ» [48, с. 3]. Однако это не означало прямого перехода от декларирования к реальным действиям со стороны Правительства

Таким образом, экономические трудности в стране, дефицит средств обусловили новую концепцию социальной политики – дифференцированный, адресный подход в определении степени нуждаемости и оказании помощи.

Смена концепции государственной социальной политики выразилось также в переименовании в январе 1992 г. Министерства социального обеспечения Российской Федерации в Министерство социальной защиты населения Российской Федерации. Соответственно службы социального обеспечения – в службу социальной защиты населения. В Оренбургской и Челябинской областях это произошло практически вслед за основным переименованием ведомств. В августе 1993 г. это произошло в Республике Башкортостан [40, с. 325].

Характерной тенденцией данного исторического этапа развития России являлся начавшийся с конца 1980-х гг. процесс децентрализации власти [40, с. 87]. Указом Президента РФ «О дополнительных мерах по социальной поддержке населения в 1992 году» субъектам федерации предоставлялись разнообразные рычаги власти в решении социально-экономических проблем и право самостоятельно определять формы организации социальной поддержки малообеспеченных групп населения [60]. С учетом местных особенностей и возможностей власть должна была разработать и реализовать собственные социальные программы, находить возможности повышения минимальных гарантий, устанавливаемых на федеральном уровне [45, с. 22].

Первоочередной задачей региональных властей стала необходимость создания структуры местных органов социальной защиты отдельных слоев населения (пенсионеров, инвалидов, детей-инвалидов, детей-сирот, детей, оставшиеся без попечения родителей), а также определение порядка и условий индексации доходов населения [18, л. 15]. Региональная социальная политика предусматривала социальную защиту прежде всего нуждающимся слоям населения [19, л. 25].

В этих условиях на территории Российской Федерации предусматривалось создание Фондов социальной поддержки населения: [22, л. 20] федеральный фонд – на уровне России, территориальные – на уровне субъектов Федерации, му-

ниципальные – в городах и районах страны [77, с. 32]. В их задачи входило оказание социальной поддержки малоимущим и социально слабым слоям населения. Фонды финансировались из следующих источников: бюджетные средства, 10–25 % доходов от приватизации, добровольные отчисления предприятий, учреждений, организаций, частных лиц, общественных и религиозных организаций, гуманитарной помощи [3, л. 59].

Средства, выделяемые из территориальных фондов в первую очередь, направлялись на решение острых социальных проблем [9, л. 102; 66, л. 4]. Так, в Оренбургской области в 1992 г. из фонда социальной поддержки населения было выделено 500 млн. рублей, часть средств использована на организацию бесплатного питания для 60 тысяч одиноких престарелых и инвалидов, 300 млн рублей – на компенсационные выплаты малоимущим гражданам. В 1994 г. в фонд из различных источников поступило 196 млн рублей, что позволило оказать помощь 49 тысячам пожилых граждан [71, л. 71].

Из фонда социальной поддержки населения Челябинской области на первоочередные меры социальной поддержки малоимущим в 1992 г. было выделено более 262 млн. рублей, из них 8 млн рублей на приобретение продуктовых наборов, 6 млн. рублей на организацию бесплатного питания, 4 млн. рублей на выплату единовременной компенсации инвалидам и 154 млн рублей дотации на хлебобулочные изделия [1, л. 40].

В 1994 году в Фонд социальной поддержки населения Челябинской области поступило около 10 млрд. рублей, из них более 9 млн рублей из Пенсионного фонда, 25,0 млн рублей из Федерального фонда, 2,4 млн рублей из областного бюджета, 35,5 млн рублей из внебюджетных средств. Фактические расходы на социальные программы составили 343128,3 тыс. рублей. Фонд плотно работал с Главным управлением социальной защиты населения, с его отделами [2, л. 42]. Но отсутствие у фонда постоянных источников поступления средств не позволяло финансировать в полном объеме намеченные мероприятия социальной поддержки малоимущих [2, л. 42].

За счет добровольных взносов предприятий, организаций, колхозов, средств благотворительных мероприятий, поступивших в фонд социальной поддержки Республики Башкортостан, в 1992 году обеспечены бесплатными обедами около 56 тыс. остро нуждающихся граждан, более 278 тыс. оказана натуральная помощь [35, с. 483]. Выделенные из республиканского фонда 10 млн. рублей были использованы для организации службы срочной социальной помощи малоимущим гражданам [41, с. 33].

Таким образом, формирование фондов социальной поддержки на Южном Урале являлось вынужденной мерой, ответной реакцией на воз-

никшие социальные проблемы, направленной на снижение социальной напряженности. Оказывая экстренную, разовую помощь социально уязвимым слоям населения фонды выступали важным инструментом социальной защиты граждан, оказавшихся в трудной жизненной ситуации.

Хроническая нехватка средств в местных бюджетах стала причиной сокращения расходов на социальные нужды [72, л. 68]. При этом на субъекты федерации перекладывалось бремя финансирования многих отраслей социальной сферы [18, л. 14].

В условиях экономического кризиса и дефицита средств не представлялось возможности обеспечить социальные гарантии всем слоям населения. В 1992 году в Оренбургской области более 800 тысяч человек (36,5 %) имели доходы ниже прожиточного минимума [20, л. 106]. Недостаток финансовых возможностей бюджета области приводил к ограничению круга лиц, которым оказывалась социальная поддержка. К категории малоимущих в Оренбургской области относились граждане, доходы которых были ниже уровня минимальной заработной платы (393 руб. 30 копеек), их численность составила более 75 тысяч человек. Этой категории производилась доплата до уровня минимальной заработной платы. В 1992 г. в Оренбургской области принято постановление «О мерах по социальной защите малоимущих слоев населения», которое предусматривало выделение средств на финансирование программы социальной поддержки малоимущих слоев населения [27, л. 101–102]. Однако потребности превышали возможности финансового обеспечения. По подсчетам в 1992 году потребность составила 158842 тысяч рублей, по проекту программных положений предусматривалось 100540 тысяч рублей, из областного бюджета смогли выделить лишь 86316 тысяч рублей [20, л. 41]. Отсутствие необходимых средств приводило к тому, что многие социальные проблемы оставались нерешенными.

Такое же сложное социально-экономическое положение в Челябинской области в начале 1990-х годов потребовало незамедлительных мер, направленных на снижение социальной напряженности. Принятое в январе 1992 г. постановление Главы администрации Челябинской области «Об организационных мерах по социальной защите малоимущих слоев населения», определило основные направления социальной политики [37, л. 124]. В это время в Челябинской области более 220 тысяч человек нуждались в постоянной социальной помощи [1, л. 39], из них категорию малоимущих составили 139 тысяч человек [1, л. 39]. Во исполнение распоряжения Главы администрации области в 88 магазинах г. Челябинска организована продажа хлеба малоимущим слоям населения по карточкам. Дотация производилась из фонда социальной поддержки населения области, резервного

фонда городского Совета из расчета 150 рублей в месяц [4, л. 145, 147, 150]. В г. Челябинске постановлением Главы администрации малоимущим гражданам, одиноким пенсионерам и инвалидам, получающим пенсии в минимальных размерах, была установлена в 1993 г. дотация на хлеб в сумме 500 рублей [6, л. 16]. В областном центре в 1993 г. работало 9 столовых, в которых ежедневно обеспечивались бесплатными обедами 4 тысячи одиноких пенсионеров и инвалидов, доходы которых ниже минимальной пенсии [6, л. 160], составлявшей с учетом районного коэффициента 2587 рублей [5, л. 41]. В сложившейся ситуации возникала потребность расширения сети территориальных центров социального обслуживания.

В целях усиления социальной политики в условиях перехода к рыночным отношениям Советом Министров Республики Башкортостан разработана «Программа социальной защиты населения Республики Башкортостан на 1992 год [41, с. 32–34]. Программа предусматривала обеспечение необходимого уровня насущных потребностей в питании, медицинских и коммунальных услугах, в том числе определялись городские и районные предприятия общественного питания, где нуждающиеся могли бесплатно питаться по талонам, также малоимущим гражданам оказывалась натуральная помощь. Всего за счет средств республиканского и местных бюджетов на мероприятия по оказанию социальной помощи направлено около 16 млрд. рублей [34, с. 4]. На реализацию социальных мероприятий бюджетной системы республики в 1993 г. направлено около 200 млрд рублей, большая доля этих расходов возмещала разницу в ценах на отдельные виды товаров и услуг, реализуемых всему населению [39, с. 405].

Таким образом, переход к рыночным отношениям стал причиной снижения уровня жизни значительной части населения. Ограниченные финансовые возможности государства не позволяли оказывать помощь всем слоям общества и были сориентированы на наиболее нуждающихся. В большинстве случаев предпринятые меры были направлены на борьбу с нищетой и предотвращением социальных потрясений. В то же время проводимые мероприятия заложили основы для дальнейшего развития системы социальной защиты населения, основой которого станет адресный подход в определении степени нужды и предоставлении помощи.

Открытие многопрофильных центров на Южно-Уральском регионе стало способом выявления нуждавшихся граждан и оказание им адресной социальной поддержки. С этого момента в социальной политике государства появляется новое направление в системе социальной защиты населения. Среди лиц, нуждавшихся в поддержке, первоочередное право принадлежало: одиноким пенсионерам, неспособным к самообслужи-

ванию, инвалидам I и II групп, семьям с детьми инвалидами, детям-сиротам, лицам, попавшим в сложную жизненную ситуацию. Были определены конкретные критерии предоставления помощи: доход ниже прожиточного минимума, отсутствие средств к существованию, одиночество и неспособность к самообслуживанию.

Первые центры социального обслуживания на Южном Урале появились в Челябинской области [1, л. 46]. В начале 1992 г. действовало 30 центров социальной помощи, в состав которых входило 120 отделений социальной помощи на дому.

Учитывая сложившуюся ситуацию, Управлением социальной защиты Челябинской области менее чем за шесть месяцев во всех 51 районах и городах созданы центры социального обслуживания. При них функционировало 42 отделения срочной социальной помощи, 192 отделения социального обслуживания на дому, обслуживавшие 27,3 тыс. престарелых и инвалидов, 13 отделений дневного пребывания, где находилось около 4 тыс. человек. Различные услуги оказаны более 752 тысячам нуждавшимся гражданам [55, с. 24, 84]. В случае необходимости в структуре центров организовывались благотворительные столовые, магазины, парикмахерские, швейные мастерские.

В Оренбургской области создание центров социального обслуживания начинается с августа 1993 г. Главой администрации области подписано распоряжение «О центрах социального обслуживания» [44], определившее порядок и условия открытия центров на территории Оренбургской области. В 1994 г. образовано 7 территориальных центров, включавших в себя 200 отделений социальной помощи на дому, 29 отделений срочной службы. На протяжении второй половины 1990-х гг. Управление социальной защиты увеличивает число центров социального обслуживания до 48. Произошло расширение структуры системы социальной защиты области, включавшая в себя 245 отделений социальной помощи на дому, обслуживавшей более 19,2 тыс. престарелых и инвалидов, 31 отделений специализированной помощи на дому, обслуживавших более 1,3 тыс. человек, 50 отделений срочной помощи, 12 отделений дневного пребывания [29, с. 2].

Иная ситуация наблюдалась в Республике Башкортостан. При факте увеличения нуждающихся на протяжении 1990-х годов открыто только 6 центров [49, л. 100]. В то же время произошло увеличение численности одиноких престарелых граждан и инвалидов, большинство из которых проживали в сельской местности, приводило к необходимости увеличения числа отделений социального обслуживания на дому [56, с. 268, 265].

Одновременно с формированием новой системы социальной защиты населения шел процесс профессионализации работников социальной

сферы. В 1990-е гг. на Южном Урале начинается подготовка специалистов для работы в социальной сфере, открываются соответствующие специальности в Челябинском государственном университетом, Магнитогорским государственным университетом [2, л. 61]. В Республике Башкортостан подготовка специалистов для работы в социальной сфере осуществлялась Башкирским государственным университетом, Башкирским государственным университетом Федерального агентства по здравоохранению и социальному развитию, Уфимской государственной академией экономики и сервиса. В Оренбургской области в государственном педагогическом университете открыта специальность «социальный педагог», также в Оренбургском аграрном университете, Оренбургском институте экономики и культуры, Уральской академии государственной службы открыта специальность «социальная работа».

Результаты. Таким образом по итогам проведенного исследования следует сделать следующие выводы:

- В условиях экономических реформ начала 1990-х гг., общего падения производства, падения уровня жизни населения, высокой инфляции, увеличения числа безработных, государство предприняло попытку выработать новые методы социальной политики: переход от всеобщих социальных гарантий к адресной помощи наиболее незащищенным слоям населения. Но как показала практика

важнейшая причина провала многих социальных преобразований стала нехватка финансового обеспечения новой политики.

- На фоне разрастающегося экономического кризиса в стране и увеличения числа населения, находящегося за порогом бедности, государство сделало попытку поиска финансовых источников средств в регионах (в частности, были созданы территориальные фонды социальной поддержки), которая как показывает предложенный выше материал стал вынужденной мерой и не решил полноценно поставленные задачи оказания адресной помощи гражданам, оказавшихся в сложной жизненной ситуации.
- Ежегодно разрабатывались и реализовывались программы социальной защиты населения, предусматривающие меры социальной поддержки незащищенным слоям населения.
- Новым направлением в системе социальной защиты населения Южного Урала стало создание многопрофильных центров социального обслуживания. Их открытие продиктовано объективными причинами, с одной стороны, сокращением финансовых возможностей, с другой стороны, увеличением числа малообеспеченных категорий граждан, нуждающихся в социальной защите. Основой деятельностью центров социального обслуживания являлся дифференцированный подход в определении степени нуждаемости и соответственно адресности предоставления помощи.

Литература

1. Архив Главного управления социальной защиты населения Челябинской области (далее – АГУСЗНЧО) Оп. 18. Д. 986.
2. АГУСЗНЧО. Оп. 18. Д. 1208.
3. Архивный отдел администрации г. Челябинска (далее – АОАЧ). Ф. 2. Оп. 1. Д. 6.
4. АОАЧ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 12.
5. АОАЧ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 30.
6. АОАЧ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 40.
7. Ахмадеев А. А. Бедность: «социальный портрет» явления // Экономика и управление: научно-практический журнал Академии наук Республики Башкортостан. 2000. № 4. С. 78–83.
8. Барышникова Н. В., Кузнецова О. В. Изменение социальной политике на Южном Урале: историографический аспект // Современные тенденции развития науки и мирового сообщества в эпоху цифровизации. Сборник материалов XI Международной научно-практической конференции. М.: «Алеф», 2023. С. 418–423.
9. Барышникова Н.В., Кузнецова О.В. Современная историография социальной политики конца XX века на Южном Урале // Вызовы современности и стратегии развития общества в условиях новой реальности. Сб. Материалов XIV Международной научно-практической конференции, М.: «Алеф», 2023. С. 179–184.
10. Бобков В.Н. Уровень жизни населения России в период реформ: Оценка, измерение, пути стабилизации // Свободная мысль. 1993. № 16. С. 26–35.
11. Бурджалов Ф. Э. Современная социальная политика: между планом и рынком: монография. М.: Гардарики, 1996. 272 с.
12. Бреев Б. Д. Безработица в современной России: монография М.: Наука, 2005. 271 с.
13. Виноградова Е. В. Социальная политика: исторический, теоретический, практический аспекты // Экономические и социальные проблемы России: Социальная политика и социальные реформы в России (2000–2003 гг.). М.: Наука, 2004. С. 6–52.
14. Галин Р. А. Население Республики Башкортостан: тенденции и особенности развития на пороге нового тысячелетия: монография Уфа: РИО БАГСУ, 1998. 354 с.
15. Государственный архив Оренбургской области (далее – ГАОО). Ф. 1014. Оп. 4. Д. 2522.
16. ГАОО. Ф. 1014. Оп. 4. Д. 2545.
17. ГАОО. Ф. 1014. Оп. 7. Д. 2538.
18. ГАОО. Ф. 1014. Оп. 8. Д. 620.
19. ГАОО. Ф. 1014. Оп. 8. Д. 628.

20. ГАОО. Ф. Р-1014. Оп. 8. Д. 626.
21. Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ) Ф. 10026. Оп. 1. Д. 739.
22. ГАРФ. Ф. 10026. Оп. 1. Д. 1724.
23. ГАРФ. Ф. 10026. Оп. 3. Д. 111.
24. Гартман Н. А., Смирнов С. С. Становление и развитие системы социальной защиты населения в Челябинской области. Челябинск: Изд-во Челяб. гос. ун-та. 2000. С. 117–120.
25. Гельман В. Я. Региональная власть в современной России: институты, режимы и практики // ПОЛИС. 1998. № 1. С. 87–105.
26. Давыдов Е. В., Давыдов А. А. Измерение качества жизни. М.: Ин-т социологии РАН, 1993. 52 с.
27. Ельцин Б. Н. Мы переходим наконец к новому экономическому курсу // Экономика и жизнь. 1991. № 45. С. 98–105.
28. Жуков В. И. Потенциал человека: индекс социального развития россиян: монография М.: Изд-во РГСУ, 1995. 228 с.
29. Информационно-аналитические материалы к расширенной коллегии главного управления социальной защиты населения администрации Оренбургской области 26-27 февраля 1998 года. Оренбург: Пресса, 1998. 27 с.
30. Константинова Л. В. Социальная политика: штрихи к социологической концепции // Социологические исследования. 2005. № 2. С. 36–43.
31. Крюков Н. П. Исторический опыт социальной поддержки населения России и его использование в 90-е годы XX века (на материалах Нижнего Поволжья): автореф. дис... канд. ист. наук. Саратов, 2003. 44 с.
32. Кузьмин С. А. Занятость: стратегия России: монография М.: УРСС, 2001. 304 с.
33. Куликова С. Н. Социальная политика: неоднозначное прошлое и трудное настоящее // Экономические и социальные проблемы России: Социальная политика и социальные реформы в России (2000-2003 гг.). М.: РАН, 2004. С. 12–54.
34. Лившиц А. Социальные проблемы: ситуация после выборов // Человек и труд. 1994. № 1. С. 3–18.
35. О дополнительных мерах по обеспечению социальной защиты нетрудоспособного населения Республики Башкортостан на 1993 год: постановление президиума Верховного совета и Совета министров Республики Башкортостан, от 9 апреля 1993 г., № 127 // Ведомости Государственного собрания, Президента и кабинета министров Республики Башкортостан. 1993. № 7. С. 2–3.
36. Объединенный государственный архив Челябинской области (далее – ОГАЧО). Ф. Р-274. Оп. 10. Д. 3820.
37. ОГАЧО. Ф. Р-274. Оп. 10. Д. 3830.
38. О комплексной Программе социальной поддержки населения на 1994 год: постановление кабинета министров Республики Башкортостан от 25 февраля 1994 г., № 66 // Ведомости Верховного совета и Правительства Республики Башкортостан. 1994. № 5. С. 3–4.
39. О Министерстве социальной защиты населения Республики Башкортостан: Указ Президиума Верховного совета Республики Башкортостан № 6-2/383, 25 августа 1993 г. // Ведомости Верховного совета и Правительства Республики Башкортостан. 1993. № 11. С. 2–4.
40. О программе социальной защиты населения Республики Башкортостан на 1992 год: постановление президиума Верховного совета и Совета министров Республики Башкортостан, от 30 марта 1992 г., № 80 // Ведомости Верховного совета и Правительства Республики Башкортостан. 1992. № 1. С. 3–4.
41. О программе социальной поддержки населения Республики Башкортостан на 2001 год: постановление кабинета министров Республики Башкортостан от 9 апреля 2001 г., № 68 // Ведомости государственного собрания, Президента и кабинета министров Республики Башкортостан. 2001. № 8. С. 5–7.
42. О программе социальной поддержки населения Республики Башкортостан на 2002 год: постановление кабинета министров Республики Башкортостан от 11 ноября 2002 г., № 70 // Ведомости государственного собрания, Президента и кабинета министров Республики Башкортостан. 2002. № 7. 4–6.
43. О центрах социального обслуживания: распоряжение Главы администрации Оренбургской области от 31 августа 1993 г., № 647-р. 12 с.
44. Понизов В. Приоритеты социальной политики определены // Человек и труд. 1996. № 5. С. 37–43.
45. Постановление «Об областной программе «Основные направления социальной поддержки населения Оренбургской области на 1998 год»: постановление законодательного собрания Оренбургской области от 29 декабря 1997 г., № 234 // Бюллетень Законодательного собрания оренбургской области. 1997. 29 декабря. С. 25–28.
46. Постановление Правительства РФ «О программе социальных реформ в РФ на период 1996-2000 гг.», № 222, 26 февраля 1997 г. // Собрание законодательства РФ. 1997. № 10. С. 61–65.
47. Программа действий органов социальной защиты населения области на 2001 год. Оренбург: б.и., 2000. 12 с.
48. Российский государственный архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ). Ф. 661. Оп. 1. Д. 107.
49. РГАСПИ. Ф. 661. Оп. 1. Д. 199.
50. РГАСПИ. Ф. 664. Оп. 1. Д. 26.
51. Руженцев С.Е. Развитие социально-политических отношений в Российской Федерации в 90-е гг. XX века: автореф. дис... канд. ист. наук. Курск, 2003. 28 с.
52. Рябикин С.П. Новейшая история (1991-1997): монография. СПб: Издательский Дом «Нева», 1997. 255 с.
53. Садыков Р. М. Социальная защита сельского населения: монография. М.: Изд-во МГОУ, 2005. 160 с.
54. Социальная защита населения Челябинской области. Информационно-аналитический бюллетень за 2000 год. Челябинск: Челябинблкомстат, 2001. 52 с.
55. Социальное положение и уровень жизни населения России: стат. сб. М.: Госкомстат России, 2000. 502 с.
56. Социальная политика в России: сб. документов. М.: Республика, 1992. 286 с.
57. Социальная цена реформ: результаты социологических исследований // Советская Башкирия. 1995. 16 мая. С. 5–6.
58. Торлопов В. А. Социальное государство в России: идеалы, реалии, перспективы: монография. СПб.: Изд-во РПТУ им. А. И. Герцена. 1999. 362 с.
59. Труд и социальная защита населения в цифрах и фактах в 2001 году. Уфа: Росстат, 2002. 167 с.
60. Урал на рубеже веков: проблемы и прогнозы социально-экономического развития. М.: Экономика, 1998. 462 с.

61. Уровень жизни населения Республики Башкортостан: стат. сб. Уфа: Росстат, 2003. 136 с.
62. Центральный государственный архив общественных отношений Республики Башкортостан (далее – ЦГАООРБ). Ф. П-122. Оп. 230. Д. 219.
63. ЦГАООРБ. Ф. 8897. Оп. 4. Д. 3207.
64. Центральный государственный исторический архив Республики Башкортостан (далее – ЦГИАРБ). Ф. Р-169. Оп. 4. Д. 1702.
65. ЦГИАРБ. Ф. Р-169. Оп. 4. Д. 1757.
66. ЦГИАРБ. Ф. Р-1684. Оп. 2. Д. 446.
67. ЦГИАРБ. Ф. Р-1684. Оп. 2. Д. 486.
68. ЦГИАРБ. Ф. 1684. Оп. 2. Д. 508.
69. Центр документации новейшей истории Оренбургской области (далее – ЦДНННО). Ф. 371. Оп. 97. Д. 1158.
70. ЦДНННО. Ф. 8016. Оп. 1. Д. 553.
71. ЦДНННО. Ф. 8038. Оп. 7. Д. 7.
72. ЦДНННО. Ф. 8038. Оп. 7. Д. 18.
73. ЦДНННО. Ф. 8038. Оп. 7. Д. 33.
74. Челябинская область: стат. ежегодник. Челябинск: Челябиноблкомстат, 2005. 300 с.
75. Челябинской области – 70 лет: стат. сб. Челябинск: Челябиноблкомстат, 2004. 328 с.
76. Четвертина Т.Я. Становление системы защиты от безработицы в современной России. М.: Наука, 2004. 274 с.
77. Шарин В.И. Фонды социальной защиты: монография. Екатеринбург: Полиграфист, 2001. 237 с.

References

1. Archive of the Chief Directorate of Social Protection of the Chelyabinsk Region. (AGUSZNChO). Inv.18. D.986. (In Russ.).
2. AGUSZNChO. Inv.18. D. 1208. (In Russ.).
3. Archive Department of the Chelyabinsk Administration. (AOACh). F. 2. Inv. 1. D. 6. (In Russ.).
4. AOACh. F. 2. Inv. 1. D. 12. (In Russ.).
5. AOACh. F. 2. Inv. 1. D. 30. (In Russ.).
6. AOACh. F. 2. Inv. 1. D. 40. (In Russ.).
7. Akhmadeev A. A. Poverty: a «social portrait» of the phenomenon. *Ekonomika i upravlenie: nauchno-prakticheskiy zhurnal Akademii nauk Respubliki Bashkortostan* = Economics and Management: scientific and practical journal of the Academy of Sciences of the Republic of Bashkortostan. 2000;4:78–83. (In Russ.).
8. Baryshnikova N. V., Kuznetsova O. V. Changing social policy in the southern Urals: a historiographical aspect. *Sovremennye tendentsii razvitiya nauki i mirovogo soobshchestva v epokhu cifrovizatsii. Sbornik materialov XI mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii* = Modern trends in the development of science and the world community in the era of digitalization. Proceedings of the XI International Scientific-Practical Conference. M.: Alef. 2023. P. 418–423. (In Russ.).
9. Baryshnikova N. V., Kuznetsova O. V. Modern historiography of social policy in the late 20th century in the Southern Urals. *Vyzovy sovremennosti i strategii razvitiya obshchestva v usloviyah novoy real'nosti. Sb. Materialov XIV Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii* = Challenges of Modernity and Strategies of Development of Society in the Conditions of New Reality. Proceedings of the XIV International Scientific and Practical Conference. Moscow: Alef. 2023. P. 179–184. (In Russ.).
10. Bobkov V. N. Living standards of the population of Russia in the period of reforms: Assessment, measurement, ways of stabilization. *Svobodnaya mysl' = Free thought*. 1993;16:26–35. (In Russ.).
11. Burdzhakov F.E. Modern Social Policy: between the plan and the market. Moscow: Gardarika, 1996. 272 p. (In Russ.).
12. Breev B. D. Unemployment in modern Russia. Moscow: Nauka, 2005. 271 p. (In Russ.).
13. Vinogradova E. V. Social policy: historical, theoretical and practical aspects. *Ekonomicheskie i social'nye problemy Rossii: Social'naya politika i social'nye reformy v Rossii (2000– 2003 gg.)* = Economic and Social Problems of Russia: social policy and social reform in Russia (2000–2003). Moscow: Nauka, 2004. P. 6–52. (In Russ.).
14. Galin R. A. The population of the Republic of Bashkortostan: trends and features of development on the threshold of the new millennium. Ufa: RIO BAGSU, 1998. 354 p. (In Russ.).
15. State Archive of the Orenburg Oblast. (GAOO). F. 1014. Op. 4. D. 2522. (In Russ.).
16. GAOO. F. 1014. Inv. 4. D. 2545. (In Russ.).
17. GAOO. F. 1014. Inv. 7. D. 2538. (In Russ.).
18. GAOO. F. 1014. Inv. 8. D. 620. (In Russ.).
19. GAOO. F. 1014. Inv. 8. D. 628. (In Russ.).
20. GAOO. F. R-1014. Inv. 8. D. 626. (In Russ.).
21. State Archive of the Russian Federation. (GARF) F. 10026. Inv. 1. D. 739. (In Russ.).
22. GARF. F. 10026. Inv. 1. D. 1724. (In Russ.).
23. GARF. F. 1026. Inv. 3. D. 111. (In Russ.).
24. Gartman N.A., Smirnov S.C. Formation and development of the social protection system of the population in the Chelyabinsk region. Chelyabinsk: Chelyabinsk state university publ., 2000. P. 117–120 (In Russ.).
25. Gel'man V.Ya. Regional authorities in modern Russia: institutions, regimes and practices. *POLIS*. 1998;(1):87–105. (In Russ.).
26. Davydov E.V., Davydov A.A. Measuring the Quality of Life: RAS. Institute of Sociology. Moscow: SI of RAS, 1993. 52 p. (In Russ.).
27. El'tsin B.N. We are finally coming to a new economic direction. *Ekonomika i zhizn'.* = Economic and life. 1991;(45):98–105. (In Russ.).
28. Zhukov V.I. Human Potential: An Index of the Social Development of Russians. Moscow: RSSU publ., 1995. P. 98–105. (In Russ.).
29. Information and analytical materials for the expanded board of the main department of social protection of the population of the administration of the Orenburg region on February, 1998. Orenburg: Pressa, 1998. 27 p. (In Russ.).

30. Konstantinova L.V. Social policy: some features of the sociological concept. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'* = Social science and modernity. 2005;(2):36–43.
31. Kryukov N.P. Historical experience of social support of the population of Russia and its use in the 90s of the XX century (based on the materials of the Lower Volga region): abstract of thesis. Saratov. 2003. 44 p.
32. Kuzmin S.A. Employment: the strategy of Russia. Moscow: URSS, 2001. 304 p.
33. Kulikova S.N. Social Policy: Ambiguous Past and Difficult Present. Russian Economic and Social Problems: Social Policy and Social Reforms in Russia (2000–2003): collected review in *Ekonomicheskie i social'nye problemy Rossii: Social'naya politika i social'nye reformy v Rossii (2000–2003 gg.)* = Economic and social problems of Russia: social policy and social reforms in Russia (2000–2003). Moscow: RAS, 2004. 50 p. (In Russ.).
34. Livshits A. Social problems: the situation after the elections. 1994;(1):3–18. (In Russ.).
35. On additional measures to ensure social protection of the disabled population of the Republic of Bashkortostan for 1993: Resolution of the Presidium of the Supreme Council and the Council of Ministers of the Republic of Bashkortostan, April 9. 1993. No. 127. *Vedomosti Gosudarstvennogo sobraniya, Prezidenta i kabineta ministrov Respubliki Bashkortostan*. 1993;(7):2–3. (In Russ.).
36. Unified State Archives of Chelyabinsk Oblast. (OGACHO). F. R-274. Inv. 10. D. 3820. (In Russ.).
37. OGACHO. F. R-274. Inv. 10. D. 3830. (In Russ.).
38. On the Comprehensive Program of Social Support for the Population for 1994: Decree of the Cabinet of Ministers of the Republic of Bashkortostan dated February 25, 1994, No. 66. *Vedomosti Verkhovnogo soveta i Pravitel'stva Respubliki Bashkortostan*. = Bulletin of the Supreme Council and Governments of the Republic of Bashkortostan. 1994;(5):3–4. (In Russ.).
39. On Ministry of Social Protection of Population of the Republic of Bashkortostan: Decree of Presidium of Bashkortostan Republic Supreme Sovie. No. 6-2/383, 1993. *Vedomosti Verkhovnogo soveta i Pravitel'stva Respubliki Bashkortostan*. = Bulletin of the Supreme Council and Governments of the Republic of Bashkortostan. 1993;(11):2–4. (In Russ.).
40. On the program of social protection of the population of the Republic of Bashkortostan for 1992: Resolution of the Presidium of the Supreme Council and the Council of Ministers of the Republic of Bashkortostan, March 30, 1992, No. 80. *Vedomosti Verkhovnogo soveta i Pravitel'stva Respubliki Bashkortostan*. = Bulletin of the Supreme Council and Governments of the Republic of Bashkortostan. 1992;(1):3–4. (In Russ.).
41. On the program of social support of population of Republic of Bashkortostan for 2001: decree of Cabinet of Republic of Bashkortostan of 9 April 2001; *Vedomosti gosudarstvennogo sobraniya, Prezidenta i kabineta ministrov Respubliki Bashkortostan* = Bulletin of the Assembly of State Administration, President and Cabinet of Ministers of the Republic of Bashkortostan. 2001;(8):5–7 (In Russ.).
42. On the program of social and population support of Bashkortostan Republic for 2002: decree of the Cabinet of Bashkortostan Republic of 11 November 2002; № 70 // *Vedomosti gosudarstvennogo sobraniya, Prezidenta i kabineta ministrov Respubliki Bashkortostan* = Bulletin of the State Assembly, President and Cabinet of Ministers of the Republic of Bashkortostan. 2002;(7):4–6. (In Russ.).
43. On Centers of Social Services: Order of the Head of the Administration of the Orenburg Oblast of 31 August 1993; (647-r). 12 p. (In Russ.).
44. Ponizov V. Priorities of social policy defined. Man and labor. *Chelovek i trud* = Man and labor. 1996;(5):37–43. (In Russ.).
45. Resolution «On the Oblast Program «Main Directions of Social Support of the Orenburg Oblast Population for 1998»: decree of the state assembly of the Orenburg Oblast from 29 of December 1997; № 234. *Byulleten' Zakonodatel'nogo sobraniya orenburgskoy oblasti* = Bulletin of the Legislative Assembly of the Orenburg Oblast. 1997. 29 of December. 53 p. (In Russ.).
46. Resolution of RF Government «On Program of Social Reforms in RF for Period of 1996–2000. № 222, 26 of February 1997. *Sobraniye zakonodatel'stva RF* = Collection of legislation of the Russian Federation. 1997; (10):102. (In Russ.).
47. Program of Actions of Regional Social Protection Agencies for 2001. Orenburg, 2000. 12 p. (In Russ.).
48. Russian State Archive of Social and Political History. (RGASPI). F. 661. Op. 1. D. 107. (In Russ.).
49. RGASPI. F. 661. Inv. 1. D. 199. (In Russ.).
50. RGASPI. F. 664. Inv. 1. D. 26. (In Russ.).
51. Ruzhentsev S. E. The development of socio-political relations in the Russian Federation in the 90s of the XX century: abstract. diss... candidate of Historical Sciences. Kursk. 2003. 28 p. (In Russ.).
52. Ryabikin S.P. Modern History (1991–1997). Sankt-Peterburg: Neva Publishing House. 1997. 255 p. (In Russ.).
53. Sadykov R.M. Social protection of rural population. Moscow: MSOU publ., 2005. 160 p. (In Russ.).
54. Social Protection of Population of Chelyabinsk Region. Information and Analytical Bulletin for 2000. Chelyabinsk: Chelyaboblkomstat. 2001. 52 p. (In Russ.).
55. Social status and living standards of Russia's population: statistical digest. Moscow: Goskomstat Rossii. 2000. 502 p. (In Russ.).
56. Social Policy in Russia: Collection of Documents. Moscow: Respublika, 1992. 286 p. (In Russ.).
57. Social price of reforms: the results of sociological research. *Sovetskaya Bashkiriya*. 1995. May 16. P. 5–6 (In Russ.).
58. Torlopov VA. The social state in Russia: ideals, realities, prospects. St.Peterburg: RPSU named after A. Gercen, 1999. 362 p. (In Russ.).
59. Labor and Social Protection of the Population in Figures and Facts in 2001. Ufa: Rosstat, 2002. 167 p. (In Russ.).
60. The Urals at the Turn of the Century: Problems and Forecasts of Socio-Economic Development. Moscow: Ekonomika. 1998. 462 p. (In Russ.).
61. Living Standards in the Republic of Bashkortostan. Ufa: Rosstat, 2003. 136 p. (In Russ.).
62. Central State Archive of Public Relations of the Republic of Bashkortostan. (TsGAOORB). F. P-122. Op. 230. D. 219. (In Russ.).
63. TsGAOORB. F. 8897. Inv. 4. D. 3207. (In Russ.).
64. Central State Historical Archive of the Republic of Bashkortostan. (TsGIARB). F. R-169. Inv. 4. D. 1702. (In Russ.).
65. TsGIARB. F. R-169. Inv.4. D.1757. (In Russ.).

66. TsGIARB. F. R-1684. Inv. 2. D. 446. (In Russ.).
67. TsGIARB. F. R-1684. Inv. 2. D. 486. (In Russ.).
68. TsGIARB. F. 1684. Inv. 2. D. 508. (In Russ.).
69. Center for Documentation of New History of Orenburg Oblast. (TsDNIOO). F. 371. Inv. 97. D. 1158. (In Russ.).
70. TsDNIOO. F. 8016. Inv. 1. D. 553. (In Russ.).
71. TsDNIOO. F. 8038. Inv. 7. D. 7. (In Russ.).
72. TsDNIOO. F. 8038. Inv. 7. D. 18. (In Russ.).
73. TsDNIOO. F. 8038. Inv. 7. D. 33. (In Russ.).
74. Chelyabinsk Oblast: yearbook. CHelyabinsk: CHelyaboblkomstat, 2005. 300 p. (In Russ.).
75. Chelyabinsk region – 70 years: CHelyabinsk: CHelyaboblkomstat. 2004. 328 p. (In Russ.).
76. Chetvertina T. Ya. The formation of the system of protection against unemployment in modern Russia. Institute of Economics. Moscow: Nauka, 2004. 274 p. (In Russ.).
77. Sharin V. I. Funds of Social Protection. Ekaterinburg: Poligrafist, 2001. 237 p. (In Russ.).

Научная статья
УДК 94(439: 420)
<https://doi.org/10.37493/2409-1030.2023.2.2>

ЭМИГРАЦИЯ ВЕНГРОВ В ВЕЛИКОБРИТАНИЮ В НАЧАЛЕ XXI В. В КОНТЕКСТЕ МИГРАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ ПРАВИТЕЛЬСТВА В. ОРБАНА

Артем Владимирович Бобешко¹

¹ Пермский институт ФСИН России (д. 125, ул. Карпинского, 614012, Пермь, Российская Федерация)
Преподаватель кафедры государственно-правовых дисциплин
ORCID: 0000-0001-7433-3359. E-mail: artem.bobeshko@yandex.ru

Аннотация. Введение. Сложные процессы, происходящие в Европейском союзе после Брексита и COVID-19, и начало конфликта на Украине в 2022 г. вновь привлекли внимание научного сообщества и общественности к проблемам развития стран Центрально-Восточной Европы. Одной из таких проблем являются миграционные процессы, происходящие в регионе и их экономические, культурные и политические последствия. Правительство В. Орбана проводит осторожную политику в вопросе принятия украинских беженцев. Такие действия имеют как политическую, так и экономическую подоплеку. **Материалы и методы.** В процессе работы над темой автор использовал публикации российских и зарубежных исследователей, посвященные венгерской эмиграции, а также исторические источники, включая статистические материалы, документы, отражающие жизнь венгерской общины в Великобритании и публицистику. При работе над темой использовались теоретико-методологические разработки миграциологии России и зарубежных стран. **Анализ.** В статье поднимается тема эмиграции венгров после экономического кризиса 2008 г. в Великобританию, которая в отличие от других стран Европейского союза, в том числе Германии и Франции проводила либеральную миграционную политику. В статье отмечается, что экономический подъем конца 90-х гг. XX в. – начала XXI в. затормозил эмиграцию венгров в государства ЕС. Поэтому она относилась к разряду «запоздалых миграций». В статье подчеркивается, что основная причина эмиграции венгров в Великобританию и в другие государства Ев-

ропейского союза заключалась в росте безработицы в стране с 2008 г. и падении покупательной способности венгров на родине. Приход к власти правительства В. Орбана не способствовал росту эмиграции венгров, за исключением группы либеральных интеллектуалов. Автор статьи проводит анализ половозрастной, образовательной, региональной специфики венгерской эмиграции в Великобританию. Особое место в статье отводится особенностям жизни венгерской общины в Великобритании, ее стремлению сохранить контакты с родиной и национальную идентичность. В заключении статьи автор рассматривает миграционную политику правительства В. Орбана, направленную на возвращение эмигрантов в страну и снижение потенциальных эмигрантов среди венгров. **Результаты.** Автор приходит к выводу, что действия правительства В. Орбана не нашли поддержки среди большинства венгров, проживающих в Великобритании. Часть эмигрантов вернулась на родину, будучи озабоченной Брекситом и под влиянием распространения эпидемии COVID-19. Основная часть венгров довольна своей жизнью в Великобритании и не рассматривает возможность возвращения в Венгрию.

Ключевые слова: Венгрия, Великобритания, эмиграция, иммигранты, экономический кризис, Вишеградская группа, В. Орбан

Для цитирования: Бобешко А. В. Эмиграция венгров в Великобританию в начале XXI в. в контексте миграционной политики правительства В. Орбана // Гуманитарные и юридические исследования. 2023. Т. 10 (2). С. 198–204. DOI: 10.37493/2409-1030.2023.2.2

Original article

EMIGRATION OF HUNGARIANS TO GREAT BRITAIN AT THE BEGINNING OF THE 21ST CENTURY IN THE CONTEXT OF THE MIGRATION POLICY UNDER THE V. ORBAN GOVERNMENT

Artem V. Bobeshko²

² Perm Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia (125, Karpinsky St., 614012, Perm, Russian Federation)
Lecturer, Department of State and Legal Disciplines
ORCID: 0000-0001-7433-3359. E-mail: artem.bobeshko@yandex.ru

Abstract. Introduction. The complex processes taking place in the European Union after Brexit and COVID-19 as well as the outbreak of conflict in Ukraine in 2022 have once again drawn the attention of the academic community and the public to the development problems of Central and Eastern Europe. One of these problems is

the migration process taking place in the region and their economic, cultural and political consequences. The V. Orban government pursues a cautious policy of accepting Ukrainian refugees. Such actions are both politically and economically motivated. **Materials and Methods.** In the process of working on the topic, the author used

the publications of Russian and foreign researchers on the Hungarian emigration, as well as historical sources, including statistical materials, documents reflecting the life of the Hungarian community in the UK and journalism. When working on the topic, the theoretical and methodological developments of migrationology in Russia and foreign countries were used. **Analysis.** The article raises the issue of emigration of Hungarians after the 2008 economic crisis to Great Britain, which, unlike other European Union countries, including Germany and France, pursued a liberal migration policy. The article points out that the economic recovery of the late 1990s and early 21st century slowed down emigration of Hungarians to the EU states. Therefore, it was classified as "belated migration". The article stresses that the main reason for the emigration of Hungarians to the UK and other European Union states has been the increase in unemployment in the country since 2008 and the falling purchasing power of Hungarians at home. The coming to power of Orbán's government did not contribute to Hungarian emigration, except for a group of liberal intellectuals. The author analyses the gender, educational and regional specifics of

Hungarian emigration to the UK. The article pays special attention to the peculiarities of the life of the Hungarian community in the UK, its desire to maintain contacts with the homeland and its national identity. In the conclusion of the article, the author examines the migration policy of the V. Orbán government aimed at returning emigrants to the country and reducing potential emigration among Hungarians. **Results.** The author concludes that the actions of the Orbán government did not find support among most Hungarians living in Great Britain. Part of the emigrants returned to their home country concerned about Brexit and influenced by the spread of the COVID-19 epidemic. Most Hungarians are happy with their life in the UK and do not consider returning to Hungary.

Key words: Hungary, Great Britain, emigration, immigrants, economic crisis, Visegrad Group, V. Orbán

For citation: Bobeshko A. Emigration of Hungarians to Great Britain at the beginning of the 21st century in the context of the migration policy under the V. Orbán government // Humanities and law research. 2023. V. 10 (2). P. 198–204. (In Russian). DOI: 10.37493/2409-1030.2023.2.2

Введение. Венгрия среди государств Центрально-Восточной Европы занимает уникальное положение. Пережив, тяжелый политический и национальный кризис в 1956 г., страна перешла к строительству относительно мягкого варианта социализма. Режим Я. Кадара стремился поддерживать относительно высокий уровень жизни в сравнении с другими социалистическими государствами. «Гуляшный социализм» являлся визитной карточкой Венгерской народной республики, вызывая восторг и зависть у туристов из СССР и ряда других социалистических государств. Страна одной из первых избавилась от социалистического прошлого, вступив на путь построения демократического государства с рыночной экономикой. В сравнении с другими государствами Центрально-Восточной Европы Венгрия относительно безболезненно отказалась от централизованной экономики.

В своей истории Венгрия пережила несколько крупных волн эмиграции, оставивших глубокую рану в исторической памяти венгров. Первая из них приходится на 1849 г., когда после подавления национально-освободительного движения, многие венгры, включая Л. Кошута, Д. Андраши покинули страну. Вторая волна эмиграции приходится на катастрофические 1918–1920 гг., когда страна потеряла 72 % территории и 64 % населения, более 3 млн. этнических венгров оказалось за пределами страны. Третья волна пришлась на 1944–1945 гг., многие венгры уходили на Запад перед наступлением Красной армии и четвертая волна на 1956 г.

Материалы и методы. Предоставленное исследование выполнено в рамках теоретико-методологических подходов исторической антропологии. Для данного направления в качестве причин эмиграции индивидов выступают их социальные,

гендерные и культурные основы. При изучении миграции первостепенное внимание следует уделять «посылающему сообществу», где формируются факторы, способствующие миграции и отчасти модели интеграции мигрантов в «принимающем сообществе».

Анализ. Венгерская эмиграция в Великобританию имеет давние исторические корни. Многие венгры осели в стране после Второй мировой войны. Во время трагических событий 1956 г. несколько тысяч венгров перебирается в Соединенное Королевство. Падение коммунистического режима открывает возможности для свободного выезда венгров в Европу. В 2001 г. в Великобритании насчитывалось всего 13159 граждан Венгрии. В 2019 г. официально в стране проживало 88,5 тыс. венгров, подавших заявления на получение вида на жительство. По неофициальным данным их насчитывается около 200 тыс. [9]. Всего по данным экспертов в 2013 г. общая численность венгерских мигрантов от 18 лет до 49 лет составила 335 тыс. чел. [8]. До 2006 г. эмиграция венгров в Великобританию находилась на незначительном уровне, уступая не только таким лидерам как Польша, или Литва, но даже Чехии и Словакии. С 2008 г. ситуация начинает меняться радикальным образом. «Запоздавшая» эмиграция венгров к 2011 г. достигает значительных размеров, опережая Чехию и Словакию.

Первоначально венгры не рассматривали эмиграцию из страны как основной способ решения своих проблем, в отличие от поляков. Поэтому в первые годы после вступления в ЕС, большинство потенциальных эмигрантов в Венгрии, стремились решить свои проблемы на родине. Венгрия в начале 2000-х гг. довольно уверенно выглядела на фоне остальных государств региона. В 2003 г. ее ВВП по покупательной способности

уступал только Словении и Чехии. Однако к 2021 г. ее по этому показателю обошли Словакия, Эстония, Польша и Литвы. В 2003 г. по уровню заработной платы Венгрия уступала только Словении, а в 2012 г. уже и Чехии, Эстонии, Словакии.

Однако ситуация начинает коренным образом меняться после экономического спада в 2008 и 2012 гг., который пошатнул уверенность в будущем у многих венгров. В 2008 г. даже ведущие мировые корпорации, имевшие свои предприятия в стране, вынуждены были прибегнуть к массовым увольнениям рабочих. Ситуация углублялась тяжелым кредитным кризисом, с которым столкнулись рядовые граждане страны, бравшие кредиты в швейцарских франках, а после девальвации форинта они потеряли кредитоспособность [1, с. 162–163].

Парламентские выборы 2010 г. также вызвали разочарование у многих венгров. Убедительная победа коалиции «Фидес» поддакнула либеральный электорат и молодежь к рассмотрению варианта трудовой эмиграции или учебы за границей [3]. В результате в 2011 г. 36 % венгров допускало вариант трудоустройства за границей (13 % краткосрочного, 16 % долгосрочного и 7 % переезд за границу на постоянное место жительства). Половина венгров в возрасте до 30 лет планировала эмиграцию за рубеж [15]. Наибольшая часть венгров уезжает в Австрию, Великобританию и Германию. Следует отметить, что Германии традиционно у венгров рассматривалась в качестве более благоприятного варианта для эмиграции. В 2004 г. на момент вступления в ЕС в Германии проживало 54,7 тыс. венгров, то в Великобритании 6 тыс. чел. [13, р. 79–80].

Почти 75 % венгров, выехавших в Великобританию, в качестве причины выделяли проблемы трудоустройства на родине и желание получать достойную заработную плату. Еще 10% приехали в связи с воссоединением семей или к своему партнеру, 7,2 % выехали с целью учебы в Великобритании и 5,1 % решили «испытать счастье» [10, р. 100]. Правда, эксперты и социологические опросы показывают, что большинство венгров принимает решение о выезде в Великобританию под воздействием сразу несколько причин. Среди них доминирует три: плохая экономическая ситуация в Венгрии; низкий уровень качества жизни по сравнению с Великобританией; приход к власти в стране «Фидес».

Экономические причины выезда в Соединенное Королевство преобладают у венгров, не имеющих высшего образования, у жителей провинции и тех, кто впоследствии не собирается возвращаться на родину [10, р. 102]. Фактор получения более привлекательной работы присущ венграм относительно не давно приехавших в Великобританию и имеющих намерение со временем вернуться на родину. Политический фактор

также сказался на выезде тех, кто недавно приехал в Королевство. Большая часть данной группы, либо не намерено возвращаться в Венгрию, либо собирается сделать это по прошествии значительного времени. Возможность сделать в Великобритании хорошую карьеру определяло отъезд женщин, венгров, имеющих высшее образование и жителей Будапешта. Они также не планировали возвращение на родину, по крайней мере, в ближайшей перспективе.

Как уже отмечалось экономический кризис 2008 г. привел к невозможности погашения кредитов значительным числом венгерских граждан. Поэтому жители провинции, не имеющие высшее образование и планирующие через год-два вернуться в Венгрии, выделяли в качестве причин отъезда данное обстоятельство. Фактор кредитной задолженности больше влиял на поведение людей старше 35 лет. Примечательно, что до отъезда в Великобританию 70,1 % венгров имело полную или частичную занятость, еще 13,8 % работало по временным контрактам и 16,1 % являлось студентами и только 9,5% относилось к разряду безработных [10, р. 103].

В 2010 г. общая численность венгерских эмигрантов в Великобритании достигает 36,8 тыс. чел. Из них 5129 чел. въехало в страну до 2004 г., 11065 чел. в 2005–2006 гг., 17154 чел. в 2007–2009 гг. и 8131 чел. в 2010 г. [13, р. 87–88]. В 2011–2012 гг. численность венгров, выезжающих в Великобританию, начинает стремительно увеличиваться, и этот поток становится весомым в общей массе эмигрантов из стран А8 (страны Балтии, Польша, Чехия, Словакия, Венгрия, Словения, вступившие в ЕС в 2004 г.). В 2011 г. в страну въезжает 11,9 тыс. венгров [14]. Всего в этом году по официальной статистике в Великобритании проживало около 52,2 тыс. венгров из 200 тыс. венгров, выехавших из страны в государства ЕС. Правда, венгерские эксперты полагают, что общая численность венгров, проживавших как в Великобритании, так и в других государствах ЕС значительно выше. Из официально зарегистрированных граждан Венгрии 48,3 тыс. чел. поселилось в Англии, 2,9 тыс. чел. в Шотландии и 1 тыс. чел. в Северной Ирландии. Примерно 51 % венгров размещается в Лондоне и юго-восточных графствах страны. Только в британской столице поселилось 17803 венгров. Они в основном поселились в северных районах города, в том числе Бренте, Харинге и Барнете или 28 % от всей численности венгров Лондона [13, р. 88]. Менее популярным являлся северо-восток страны, где поселилось всего 576 чел. В 2020 г. данная численность приблизилась к 90 тыс. чел., получивших вид на жительство [9].

Значительная часть венгров, уезжая из страны, планировала через некоторое время вернуться на родину. Однако по мере их проживания в

Великобритании, их настрой меняется в пользу продолжительного проживания в Соединенном Королевстве. С одной стороны, они не отмечали существенных положительных изменений на родине после 2008–2012 гг. С другой стороны, поддержание контактов со своими родственниками в Венгрии и сохранение живого интереса к событиям, происходящим на родине, вполне компенсировали издержки отъезда из Венгрии в Великобританию [11, р. 14].

Проживание в Великобритании не исключает периодические поездки на родину, в том числе во время каникул и праздников. Венгры при желании посещали страну с краткосрочными визитами, в том числе во время отпуска. Очень популярными являются Рождественские туры в Венгрию. Такое поведение в большей степени присуще мужчинам и людям с высшим образованием и тем, кто рассматривал возможность возвращения на родину в течение 5 лет. Венгры, живущие в Лондоне, чаще оказываются на родине, главным образом в Будапеште. Это связано с транспортной логистикой и стоимостью переезда.

Средний возраст венгров, приехавших в Великобританию из Будапешта 32,7 года из остальной Венгрии 33 года. Венгры, живущие в Лондоне моложе, в сравнении с соотечественниками, проживающими в других частях Соединенного Королевства. В целом по стране 80% венгерских мигрантов попадают в возрастную категорию от 18 до 35 лет. Венгры в Лондоне имеют более высокий уровень образования и социальной мобильности, из них 56,7 % получило высшее образование, в то время как в других регионах страны этот показатель составлял 49,8 % [10, р. 105]. В гендерном отношении 53 % эмигрантов являлись мужчинами и 43 % женщинами.

Во время нахождения в Великобритании ожидания венгров оправдались. Более того, интеграция в местное сообщества открывает новые возможности для эмигрантов и их детей, что еще значительно укрепляет мнение венгров в предпочтительности проживания в Великобритании в сравнении с Венгрией. По мере роста уровня образования венгров, у них нарастают такие настроения. С 2004 г. по 2013 г. число заявлений на поступление в британские университеты от венгров увеличилось в 5 раз.

При переезде в Великобританию многие из венгров имели друзей или родственников, уже проживавших в стране, что ускоряло принятие ими решения об эмиграции. Большинство венгров в целом неплохо знало английский язык. Эмиграцию в США, Новую Зеландию или Канаду венгры, знающие английский язык не рассматривали как предпочтительный вариант, в том числе из-за удаленности этих стран от Венгрии. При этом если в 2011–2012 гг. только 7 % венгров были готовы эмигрировать из страны, то в 2016 г.

этот показатель достиг 10 % [17]. Это были в основном мужчины, безработная молодежь, люди, не имеющие собственного жилья, цыгане.

При приезде в Соединенное Королевство многим из них пригодились образование и профессиональные навыки, полученные на родине. Однако, значительная часть венгров в Королевстве проходит профессиональную переподготовку, чтобы получить больше возможностей для трудоустройства на новом месте и часто не по той специальности, которую они получили у себя на родине. Во время социологических опросов, проводимых с участием венгерских эмигрантов, они часто отмечали недостатки венгерской системы образования, которые мешали их быстрой интеграции в Великобританию. Система образования в Венгрии, как и в большинстве стран Балтии и Центрально-Восточной Европы в большей степени ориентировалась на теоретическое обучение, и в меньшей степени было ориентировано на практику. Поиск работы по специальности, как правило, рассматривался как неблагоприятное дело. Поэтому венгры в начале устраивались на менее квалифицированную работу, постепенно продвигаясь по служебной лестнице или переходя на новую высококвалифицированную работу [11, р. 22].

При подаче резюме на занятие той или иной вакансии британских работодателей практически не интересовал опыт работы эмигрантов у себя на родине. Венгерские эмигранты охотно соглашались на сверхурочные работы за меньшую оплату труда, что служило важной статьей их доходов на первоначальном этапе жизни в Великобритании. Кроме британского опыта важной составной для профессионального продвижения для многих венгров становится совершенствование навыков владения английским языком в результате обучения в специальных школах и непосредственной повседневной практики.

В результате только 10 % венгерских эмигрантов заявили, что после приезда в Великобританию их положение как в материальном, так и в профессиональном плане не изменилось или даже ухудшилось по сравнению с их жизнью в Венгрии. Данное обстоятельство наложило отпечаток на решимость венгров вернуться на родину. В результате 73,1 % респондентов либо вообще не собираются возвращаться на родину или не планируют это делать в ближайшие 5 лет. После года нахождения в Великобритании изъявило желание вернуться в Венгрию 20,8 % эмигрантов и 6,1 % уедут на родину в течение первого года эмиграции [10, р. 103]. Больше склонны к возвращению на родину люди старше 35 лет.

Среди тех, кто приехал в Англию и Уэльс в промежутке между 2004–2007 гг. в стране к 2011 г. осталось 63 % венгерских эмигрантов, то время среди эмигрантов, приехавших в 2007–2010 гг.

всего 45 % [13, р. 88]. Данное обстоятельство объясняется тем, что в условиях экономического кризиса 2008–2009 гг., не все эмигранты смогли трудоустроиться и получить социальные льготы. Более того, по сравнению с предыдущими этапами эмиграции ее новые волны более лабильны и подвижны. Эмигранты легко меняют страну пребывания. К тому же часть эмигрантов могла переехать в Шотландию или Северную Ирландию. В 2010 г. в Венгрии принимается закон, разрешающий с 2011 г. венграм иметь двойное гражданство, что также способствовало их мобильности.

Венгерская община в Великобритании стремится сохранить свою идентичность, в том числе с помощью создания различных национальных организаций. Во всех крупных университетских центрах страны возникают Венгерские студенческие ассоциации, Венгерские городские клубы. В 2014 г. в Лондоне создается Венгерский мото-клуб. Возникают даже венгерские ассоциации любителей животных. В различных городах страны появляются венгерские магазины и рестораны. Развиваются сети, занимающиеся онлайн-торговлей товаров из Венгрии. Возникают школы, где венгерские дети могут изучать родной язык и культуру. Они, как правило, действуют во второй половине дня, чтобы у детей была возможность посещать эти школы после обучения в государственных и муниципальных образовательных заведениях. Во многих городах появляются курсы венгерского языка. В марте 2017 г. в Манчестере прошел фестиваль, посвященный истории и культуре венгерской Трансильвании. Британцы и венгры получили возможность познакомиться с этим пластом венгерской истории [12]. В июне 2018 г. прошел второй такой фестиваль, который посетило более 10 тыс. чел. Он стал знаменательным событием в жизни венгерской общины Манчестера.

После референдума о выходе Великобритании из ЕС наметилась некоторая неопределенность с возможным положением венгерских эмигрантов. Сама венгерская община Соединенного Королевства сохраняла спокойствие. Правительство Венгрии стремилось прояснить ситуацию, проводя консультации с британскими властями. На встрече 11 ноября 2016 г. в Лондоне В. Орбан и Т. Мей подтвердили необходимость сохранения комфортных условий для проживания в Великобритании венгров и британских граждан в Венгрии [5].

Во избежание недоразумений в будущем в 2018–2019 гг. 131120 венгров, проживающих в Соединенном Королевстве, подали заявление на получение статуса на постоянное проживание [16]. Этот факт в очередной раз подчеркивает, что реальное количество граждан, проживающих в королевстве и официально, получивших вид на жительство из стран А8 разительно отличается.

Фактор венгерской эмиграции становится важным аспектом внутривнутриполитической жизни Венгрии. В. Орбан рассматривает ее в качестве

одной из угроз будущему страны. В этом плане политика правительства В. Orbana в Венгрии во многом напоминала действия польских консерваторов. Демографическая ситуация в Венгрии складывается еще хуже, чем в Польше. В 2017 г. страна оказалась в числе стран, где был зафиксирован минимальный уровень рождаемости. С 2010 по 2020 г. население Венгрии сократилось почти на 100 тыс. чел. [2]. По оценкам экспертов к 2050 г. население страны может сократиться с 9,7 млн чел. до 8,3 млн чел. [4].

После падения коммунистического режима и разорения значительной части предприятий, в том числе в промышленности привело к напряженности на рынке труда страны. С 2010-х гг. ситуация в венгерской экономике начинает меняться, и она впервые сталкивается с нехваткой рабочих рук. Данный факт становится одним из препятствий для ее дальнейшего роста. В 2019 г. по самым скромным подсчетам, Венгрии не хватало около 80 тыс. чел. на рынке труда [7]. Частично указанный дефицит можно было компенсировать за счет автоматизации производства, но во многих секторах народного хозяйства, особенно в сфере услуг эту будет сделать трудно или практически невозможно.

Правительство Венгрии дважды предпринимало меры по возвращению эмигрантов. В 2015 г. оно принимает программу с бюджетом в 280 тыс. евро под названием «Давай домой, юноша!». Ее результат оказался весьма плачевным. За год в страну вернулось всего 105 чел. и она быстро сворачивается. В 2016 г. запускается программа «Делай бизнес дома!». Каждому венгру моложе 25 лет по приезду в страну обещали выдать кредит в 3 млн форинтов для создания собственного бизнеса [16]. Однако результаты и этой программы оказались неудовлетворительными. В 2018 г. в страну вернулось около 20 тыс. венгерских эмигрантов, из них 31 % приехал из Австрии, 25% из Германии и 22 % из Великобритании. По сравнению с 2017 г. численность венгров, вернувшихся снизилась, а из Австрии и Великобритании увеличилась. Однако эмиграция из страны с 2014 по 2019 г. увеличилась с 26 тыс. чел. до 36,3 тыс. чел. [6]. Большинство венгров выделяют именно COVID-19 как причину для возвращения, так как политический фон страны не способствует возвращению на родину. К тому же экономика Венгрии испытывает большие проблемы, что не снижает поток эмигрантов.

Новым проявлением политики В. Orbana по стимулированию рождаемости становится борьба с бесплодием через финансирование государством соответствующих клиник, чтобы сделать их услуги доступными рядовым венграм. В 2020–2022 гг. таким образом, правительство планировало увеличить количество родившихся в стране детей на 4 тыс. чел. [2]. Ее эффективность также

вызывает большие сомнения у экспертного сообщества [4]. Необходимо отметить, что политика правительства В. Орбана не находит поддержки среди значительной части венгерских эмигрантов, в том числе, проживающих в Великобритании.

Часть экспертного сообщества не разделяет опасения В. Орбана по поводу эмиграции соотечественников. Они считают, что она позволяет снять напряжение на рынки труда страны, особенно в депрессивных районах Западной и Северо-Восточной Венгрии. Кроме этого, эмигранты перечисляют часть средств на родину. Более того, многие из эмигрантов возвращается в Венгрии, привозя с собой необходимые профессиональные навыки [10, р. 96].

Выходом из ситуации для Венгрии могло стать привлечение иммигрантов из других стран. Однако правительство В. Орбана придерживается курса на проведение политики, направленной на сохранение этнической монолитности страны. В. Орбан стремится убедить зарубежных инвесторов в наличие в стране необходимой рабочей силы для расширения иностранных инвестиций.

Несмотря на всю риторику правительства, в 2018 г. оно удовлетворило 60 тыс. заявлений на получение вида на жительство для трудовой деятельности. В 2019 г. их численность приблизилась к 70 тыс. В этом году в Венгрии было зарегистрировано в качестве иностранных рабочих 43 тыс. граждан Украины, из них большинство составляли этнические венгры, 6,2 тыс. сербов, 2,7 тыс. вьетнамцев и 1,0 тыс. индийцев [7]. Этого явно было недостаточно. В качестве нанимателей выступают крупные зарубежные корпорации и строительные фирмы. Предпочтение отдается гражданам Украины и Сербии, где средняя заработная плата ниже, чем в Венгрии. На Украине она составляет 154 евро, в Сербии 307 евро, а минимальная заработная плата в Венгрии достигает 460 евро [7].

Результаты. Таким образом, венгры, в отличие от своих соседей по Вишеградской группы не спешили с эмиграцией из страны. Венгер-

ская экономика довольно быстро оправилась от сложного процесса либерализации народного хозяйства. В страну приходят иностранные инвестиции, создававшие новые рабочие места. Покупательная способность венгров по меркам Центрально-Восточной Европы оставалась на высоком уровне. Однако, ситуация меняется с 2008 г., когда Венгрия вступила в полосу длительного экономического кризиса, продлившегося до 2012 г. В результате в стране растет безработица и падает покупательная способность населения. Эмиграция для многих жителей страны, особенно молодежи, становится реальным выходом из сложившейся ситуации. Приход к власти В. Орбана несмотря на тревогу среди либеральных кругов страны, практически не сыграл никакой роли в потоке венгерских эмигрантов в Великобританию. Выход Венгрии из кризиса обнажил проблему нехватки рабочих рук в народном хозяйстве страны. Однако венгры, проживающие в Великобритании, предпочли остаться в эмиграции, поскольку уровень жизни в Соединенном Королевстве выше в сравнении с родиной. Правительству В. Орбана приходится решать данную проблему, в том числе за счет привлечения иммигрантов из стран Восточной Европы.

В качестве одного из центров венгерской эмиграции становится Великобритания, прежде всего Англия и Уэльс. Самая многочисленная венгерская община проживает в Лондоне. Первоначально венгры рассматривали эмиграцию как временное явление, но со временем, количество тех, кто хотел бы вернуться на родину, резко сокращается. Около 90 % венгров довольны своей жизнью в Великобритании. Венгры стремятся сохранять тесные контакты со своими родными и друзьями в Венгрии, поддерживая национальную идентичность и в Соединенном Королевстве. Политика В. Орбана по возвращению эмигрантов на родину практически не затронула венгров в Великобритании. Только Брексит и эпидемия COVID-19 заставила незначительную часть эмигрантов вернуться на родину.

Литература

1. Болотов С. Венгрия: испытание мировым кризисом // Вестник Института экономики РАН. 2009. Вып. 2. С. 159–176.
2. Венгрия: прирост населения за счет рождаемости, а не мигрантов (15.01.2020) // URL: <https://ru.euronews.com/2020/01/15/nationalised-fertility-gme> (дата обращения: 15.06.2022).
3. Правые консерваторы победили на парламентских выборах в Венгрии (12.04.2010) // URL: <https://www.dw.com/ru/правые-консерваторы-победили-на-парламентских-выборах-в-венгрии/a-5456289> (дата обращения: 15.06.2022).
4. Doehier A. The 'strategic' reason for Hungary's free fertility plan (17.02.2021) // URL: <https://balkaninsight.com/2020/02/17/the-strategic-reason-for-hungarys-free-fertility-plan/> (дата обращения: 15.06.2022).
5. Hungarian immigrant workers in UK won't be affected by Brexit: Hungarian PM (11.10.2016) // URL: <https://www.reuters.com/article/us-britain-eu-hungary-orban-idUSKBN1360KL> (дата обращения: 15.06.2022).
6. Hungary: Population: demographic situation, languages and religions // URL: https://eacea.ec.europa.eu/national-policies/eurydice/content/population-demographic-situation-languages-and-religions-35_en (дата обращения: 15.06.2022).
7. Inoti E. Hungary's hard line on immigration softened for some (19.12.2019) // URL: <https://balkaninsight.com/2019/12/19/hungarys-hard-line-on-immigration-softened-for-some/> (дата обращения: 15.06.2022).
8. Kapitány B., Rohr A. A Magyarországon Állandó Lakcímmel Rendelkező 18–49 Éves Magyar Állampolgárok Mintegy 7,4 Százaléka Tartózkodik Jelenleg Tartósan Külföldön // <http://www.demografia.hu/index.php/kiadvanyok/korfa> (дата обращения: 15.06.2022).

9. Kaszás F. More Hungarians Live in the UK Than Official Statistics Show (18.02.2021) // URL: <https://hungarytoday.hu/more-hungarians-live-in-the-uk-than-official-statistics-show/> (дата обращения: 15.06.2022).
10. Kováts A., Papp A.Z. Patterns of success amongst Hungarians living in the UK // Szociológiai Szemle, 2016. № 4. P. 95–123.
11. Laczik A. Hungarian Migrants in the UK Labour Market: A Pilot Study on the Former Education of Hungarian Migrants and on Underutilisation of their Skills in the UK. SKOPE Research Paper No. 119. February 2014. 49 p.
12. Manchester to host UK's first Transylvanian Hungarian festival of arts, music and culture (20.03.2017) // URL: <https://ilovemanchester.com/manchester-to-host-uks-first-transylvanian-hungarian-festival-of-arts-music-and-culture> (дата обращения: 15.06.2022).
13. Moreh C. A Decade of Membership: Hungarian Post-Accession Mobility to the United Kingdom // Central and Eastern European Migration Review. 2014. Vol. 3. №. 2. P. 79–104.
14. NINO // URL: www.migrationobservatory.ox.ac.uk/data-and-resources/data-sources-and-limitations/national-insurance-numbers (дата обращения: 15.06.2022).
15. Sik E. Csúcson a migrációt tervezők aránya. (The proportion of migrants planning to leave has reached the highest level.) Budapest: TÁRKI Zrt. // URL: http://www.tarki.hu/hu/news/2012/kitekint/20120523_migracio.html (дата обращения: 15.06.2022).
16. Szekeres E., Ciobanu C. Central Europe's returnees – a mix of the relieved and the reluctant (29.03.2021) // <https://balkaninsight.com/2021/03/29/central-europes-returnees-a-mix-of-the-relieved-and-the-reluctant/> (дата обращения: 15.06.2022).
17. TÁRKI. Migration potential in Hungary 1993–2015. TÁRKI Social Research Institute, Quick Report, April 2015. Available online: URL: http://old.tarki.hu/hu/news/2015/kitekint/20150511_migracio.html (дата обращения: 15.06.2022).

References

1. Bolotov S. Hungary: Tested by the World Crisis. Vestnik Instituta ekonomiki RAN. 2009:2:159-176. (In Russ.).
2. Vengriya: prirost naselenie za schet rozhdaemosti, a ne migrantov (15.01.2020) Available from: <https://ru.euronews.com/2020/01/15/nationalised-fertility-gme> [Accessed 15 June 2022]. (In Russ.).
3. Right-wing conservatives win parliamentary elections in Hungary (12.04.2010) Available from: <https://www.dw.com/ru/npa-вые-консерваторы-победили-на-парламентских-выборах-в-венгрии/a-5456289> [Accessed 15 June 2022]. (In Russ.).
4. Doehier A. The 'strategic' reason foe Hungary's free fertility plan (17.02.2021) // Available from: <https://balkaninsight.com/2020/02/17/the-strategic-reason-for-hungarys-free-fertility-plan/> [Accessed 15 June 2022].
5. Hungary: immigrant workers in UK won't be affected by Brexit: Hungarian PM (11.10.2016) Available from: <https://www.reuters.com/article/us-britain-eu-hungary-orban-idUSKBN1360KL> [Accessed 15 June 2022].
6. Hungary: Population: demographic situation, languages and religions Available from: https://eacea.ec.europa.eu/national-policies/eurydice/content/population-demographic-situation-languages-and-religions-35_en [Accessed 15 June 2022].
7. Inoti E. Hungary's hard line on immigration softened for some (19.12.2019) // Available from: <https://balkaninsight.com/2019/12/19/hungarys-hard-line-on-immigration-softened-for-some/> [Accessed 15 June 2022].
8. Kapitány B., Rohr A. A Magyarországon Állandó Lakcímmel Rendelkező 18–49 Éves Magyar Állampolgárok Mintegy 7,4 Százaléka Tartózkodik Jelenleg Tartósan Külföldön // Available from: <http://www.demografia.hu/index.php/kiadvanyok/korfa> [Accessed 15 June 2022].
9. Kaszás F. More Hungarians Live in the UK Than Official Statistics Show (18.02.2021) Available from: <https://hungarytoday.hu/more-hungarians-live-in-the-uk-than-official-statistics-show/> [Accessed 15 June 2022].
10. Kováts A., Papp A.Z. Patterns of success amongst Hungarians living in the UK Szociológiai Szemle. 2016:4:95–123.
11. Laczik A. Hungarian Migrants in the UK Labour Market: A Pilot Study on the Former Education of Hungarian Migrants and on Underutilisation of their Skills in the UK. SKOPE Research Paper No. 119. February 2014. 49 p.
12. Manchester to host UK's first Transylvanian Hungarian festival of arts, music and culture (20.03.2017) Available from: <https://ilovemanchester.com/manchester-to-host-uks-first-transylvanian-hungarian-festival-of-arts-music-and-culture> [Accessed 15 June 2022].
13. Moreh C. A Decade of Membership: Hungarian Post-Accession Mobility to the United Kingdom. Central and Eastern European Migration Review. 2014. Vol. 3: 2:79–104.
14. NINO Available from: www.migrationobservatory.ox.ac.uk/data-and-resources/data-sources-and-limitations/national-insurance-numbers [Accessed 15 June 2022].
15. Sik E. Csúcson a migrációt tervezők aránya. (The proportion of migrants planning to leave has reached the highest level.) Budapest: TÁRKI Zrt Available from: http://www.tarki.hu/hu/news/2012/kitekint/20120523_migracio.html [Accessed 15 June 2022].
16. Szekeres E., Ciobanu C. Central Europe's returnees – a mix of the relieved and the reluctant (29.03.2021) Available from: <https://balkaninsight.com/2021/03/29/central-europes-returnees-a-mix-of-the-relieved-and-the-reluctant/> [Accessed 15 June 2022].
17. TÁRKI. Migration potential in Hungary 1993–2015. TÁRKI Social Research Institute, Quick Report, April 2015. Available from: URL: http://old.tarki.hu/hu/news/2015/kitekint/20150511_migracio.html [Accessed 15 June 2022].

Научная статья
УДК 94(47).084.8
<https://doi.org/10.37493/2409-1030.2023.2.3>

ТЕХНИЧЕСКОЕ ПЕРЕВООРУЖЕНИЕ СОВЕТСКОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ В 1950-е гг.

Бодрова Елена Владимировна¹
Калинов Вячеслав Викторович²

- 1 МИРЭА – Российский технологический университет» (д. 78, Проспект Вернадского, 119454, Москва, Российская Федерация)
Доктор исторических наук, профессор. ORCID: 0000-0001-7889-3054. E-mail: evbodrova@mail.ru
 - 2 Российский государственный университет нефти и газа (национальный исследовательский университет) имени И.М. Губкина
(д. 65, к. 1, проспект Ленинский, 119991, Москва, Российская Федерация)
Доктор исторических наук, доцент. ORCID: 0000-0002-9709-7720. E-mail: kafedra-i@yandex.ru
- Автор, ответственный за переписку: Калинов Вячеслав Викторович, kafedra-i@yandex.ru**

Аннотация. Введение. Критически значимая в осложняющейся геополитической ситуации необходимость обеспечения технологического суверенитета актуализирует изучение советского опыта промышленной и научно-технической политики. **Материалы и методы.** Острота дискуссий и возможность анализа в настоящее время рассекреченных документов позволяет внести определенность в оценки эффективности экономического курса, избранного советским правительством в 1950-е гг. Базовой для исследования, явилась теория модернизации. **Анализ.** На основе архивных документов доказано, что в послевоенный период СССР в технологическом отношении существенно отставал от ведущих стран Запада, оставалась острой проблема низкого процента внедрений на предприятиях тяжелого машиностроения. В этой ситуации ведущими учеными Академии наук на основе проведенного ими сравнительного анализа технологического развития США и СССР предлагался весьма перспективный план технического перевооружения советской промышленности, в котором основное внимание уделялось автоматизации производства. Необходимым условием академиком представлялась реорганизация промышленности, выпускающей технические средства автоматики и телемеханики, и структур, ею управляющих. Ими предлагалось создать Министерство автоматики и промышленного приборостроения. Планировалось в течение ближайших лет создать заводы-автоматы

и телемеханизированные комплексы в различных отраслях промышленности, актуализировать целый ряд научно-исследовательских проектов и обеспечить массовую подготовку специалистов. **Результаты.** На основе проведенного исследования формулируется вывод о том, что в исследуемый период в СССР создавался мощный научно-технический комплекс, который обеспечивался высококвалифицированными кадрами. Изученные документы не позволяют согласиться с заключениями авторов, о начале кризиса, значительного торможения в 1950-е гг., так как темпы технического перевооружения все еще оставались сравнительно высокими. После тяжелой и кровопролитной войны удалось концентрировать ресурсы на приоритетных направлениях, благодаря чему удалось перевооружить ряд ведущих отраслей промышленности. Однако все еще недостаточными оставались темпы внедрения дистанционного управления и телемеханизации производства. Автоматизацией в значительной части отраслей охватывались единичные процессы.

Ключевые слова: промышленность, техническое перевооружение, автоматизация, научно-техническая политика

Для цитирования: Бодрова Е. В., Калинов В. В. Техническое перевооружение советской промышленности в 1950-е гг. // Гуманитарные и юридические исследования. 2023. Т. 10 (2). С. 205–211. DOI: 10.37493/2409-1030.2023.2.3

Original article

TECHNICAL RE-EQUIPMENT OF SOVIET INDUSTRY IN THE 1950s

Elena V. Bodrova¹
Vyacheslav V. Kalinov²

- 1 MIREA - Russian Technological University (78, Vernadsky Avenue, 119454, Moscow, Russian Federation)
Dr. Sci. (History), Professor ORCID: 0000-0001-7889-3054. E-mail: evbodrova@mail.ru
 - 2 National University of Oil and Gas «Gubkin University» (65, building 1, Leninsky Prospekt, 119991, Moscow, Russian Federation)
Dr. Sci. (History), Docent. ORCID: 0000-0002-9709-7720. E-mail: kafedra-i@yandex.ru
- Corresponding author: Vyacheslav V. Kalinov, kafedra-i@yandex.ru**

Abstract. Introduction. The need to ensure technological sovereignty, which is critically important in the complicated geopolitical situation, actualizes the study of the Soviet experience of industrial and scientific and technical policy. **Materials and Methods.** The acuteness

of the discussions and the possibility of analyzing currently declassified documents makes it possible to bring certainty to the assessment of the effectiveness of the economic course chosen by the Soviet government in the 1950s. The theory of modernization was the basis

for the study. **Analysis.** On the basis of archival documents, it is proved that in the post-war period, the USSR lagged significantly technologically behind the leading Western countries, and the problem of a low percentage of implementations at heavy engineering enterprises remained acute. In this situation, the leading scientists of the Academy of Sciences, based on their comparative analysis of the technological development of the USA and the USSR, proposed a very promising plan for the technical re-equipment of Soviet industry, in which the main attention was paid to the automation of production. A necessary condition for academics was the reorganization of the industry that produces automation and telemechanics equipment, and the structures that manage it. They proposed to create a Ministry of Automation and Industrial Instrumentation. It was planned to create automatic plants and telemechanized complexes in various industries over the next few years, update a number of research projects and provide mass training of specialists. **Results.** Based on the conducted

Введение. Актуальность исследования проблемы определяется критически значимой в настоящее время необходимостью обеспечения технологического суверенитета, формирования эффективной национальной системы. Разработка оптимальной стратегии требует в этой связи использования всего позитивного из исторического опыта, включая опыт послевоенного социально-экономического развития СССР.

Материалы и методы. Базовой в ходе исследования явилась теория модернизации. Во многом геополитический фактор, многоукладность в различных сферах, обусловили и значительную роль государства при осуществлении российской модели модернизации. Многие авторы настаивают на выводе о «внешнем», «запоздалом», «избирательном», «верхушечном», во многом «заимствующим», «фрагментарном» характере преобразований, начиная еще с петровских времен [1, 5, 11].

Однако подчас диаметрально противоположны характеристики особенностей трансформационных процессов, происходящих в России. Согласно В. А. Красильщикову, главная цель российской имперской модели модернизации – обеспечение геополитического статуса, создание мощного военно-производственного комплекса, боеспособной армии, которая оснащена современным вооружением. Имперская модернизация основывалась на заимствовании технических достижений и научных знаний, которые прямо или косвенно относились к военному делу и стимулировали развитие собственных. Этот тип модернизации требовал концентрации огромных масс рабочих рук в стратегических направлениях, вызвал массовую маргинализацию, почти не затрагивал глубинные пласты культуры и повседневной жизни большей части общества [5, с. 25–26]. Часть современных историков придерживается концепции «имперской модернизации» [7, с. 85–135; 19, с. 36–66].

research, the conclusion is formulated that during the period under study, a powerful scientific and technical complex was created in the USSR, which was provided with highly qualified personnel. The studied documents do not allow us to agree with the authors' conclusions about the beginning of the crisis, a significant slowdown in the 1950s, since the pace of technical re-equipment was still relatively high. After the most difficult and bloody war, it was possible to concentrate resources on priority areas, thanks to which it was possible to re-equip a number of leading industries. However, the pace of introduction of remote control and telemechanization of production was still insufficient. Automation in a significant part of industries covered single processes.

Key words: industry, technical re-equipment, automation, scientific and technical policy

For citation: Bodrova E., Kalinov V. Technical re-equipment of Soviet industry in the 1950s // Humanities and law research. 2023. V. 10 (2). P. 205–211. (In Russian). DOI: 10.37493/2409-1030.2023.2.3

Одним из самых дискуссионных вопросов при обсуждении советского периода отечественной истории остается проблема определения эффективности государственной промышленной и научно-технической политики. Нередко исследователи высокие темпы как довоенной, так и послевоенной индустриализации обуславливают массовым использованием западных научно-технических достижений [2, с. 5–6; 3; 22, с. 115]. Не отрицая значительную роль этого фактора, мы все же должны напомнить и о наличии отечественных разработок. Мало кто из авторов отрицает, что перед Великой Отечественной войной в стране за кратчайшие сроки был создан мощный индустриальный и кадровый потенциал, сформировались научные технические школы, имевшие всемирное признание. Была создана централизованная, иерархично выстроенная система учреждений в научной и образовательной сферах с партийно-государственным аппаратом управления, жестко контролирующим их деятельность, определяющим и поддерживающим развитие приоритетных направлений, теоретико-методологические основы исследований, численность и адекватный общенациональным задачам уровень подготовки кадрового потенциала.

Между тем В. В. Кулешов и В. А. Крюков полагают, что советская плановая, чрезмерно централизованная экономика не имела механизмов саморазвития и самосовершенствования, что особенно проявилось в середине 1970-х гг. [6, с. 33–34]. Рассуждая о причинах невозможности дальнейшего существования централизованной советской системы, исследователи называют как внешние вызовы (статус мировой сверхдержавы), так и внутренние: политическое господство коммунистической партии, система централизованного планирования, сохранение тенденций к автаркии [18, с. 113].

С точки зрения А. В. Пыжикова, «марксистская идеология большевиков плюс психология низов – вот та основа, которая определяла век-

тор развития советского государства» [13, с. 159]. Следствием своего рода религиозного фанатизма ученый считает трудовой энтузиазм индустриализации, стахановское движение и т.п. [13, с. 153–165]. Изменение менталитета городского населения и удар по «полубогу», нанесенный Н. С. Хрущевым в 1956 г., фактически подорвал доверие простых людей к власти, которая перестала носить сакральный характер, обусловила неготовность общества жертвовать во имя идеи [13, с. 153–165].

Однако известный экономист Г. И. Ханин характеризовал 1950-е гг. в качестве подлинного расцвета, невероятного экономического роста и ускорения научно-технического прогресса. Он сравнивал страну с крупнейшей корпорацией, сумевшей использовать планирование, перераспределение средства для реализации крупнейших общенациональных проектов, развития образования, науки, здравоохранения. Но советское малоквалифицированное руководство не сумело в дальнейшем оценить рациональные предложения ведущих ученых об улучшении методов руководства экономикой [20, с. 72–94].

А. С. Галушка настаивает на выводе о том, что экономический рост был инерционным, достигнутым благодаря потенциалу сталинской модели. «Хрущевские новации» обусловили тяжелый системный кризис. Власть отказалась от прогрессивных экономических теорий. Были ликвидированы не только МТС, приусадебные хозяйства, но и артели, которые фокусировались на производстве товаров широкого потребления, что обусловило дефицит [4].

Многие авторы указывают на затратность советской экономики, отсутствие стимулов для перехода к инновационному развитию, чрезмерно разросшийся ВПК, всевозрастающую и противоречивую роль нефтегазового фактора.

Часть исследователей дает иную оценку периоду правления Н.С. Хрущева и проведенным им реформам. Они полагают, что такие мероприятия, как создание областных совнархозов, а позже, в 1963 г., выделение 18 экономических районов, формирование региональных советов по координации и планированию работы совнархозов имели очень неплохие перспективы. Но Хрущев был смещен, командно-административная система, по сути, «отторгала» хозяйственный суверенитет районов [1, с. 74].

Таким образом, весьма противоречивые оценки реализуемой в 1950-е гг. государственной промышленной и научно-технической политики и рассекреченные в настоящее время архивные материалы чрезвычайно актуализируют исследование проблемы технического перевооружения в этот период.

Анализ. В послевоенный период в 1947 г., согласно официальным данным, спад промышленного производства был преодолен [12,

с. 57]. Прежний экономический курс, инвестиции, прежде всего, в тяжелую индустрию обеспечили ввод большого количества новых производственных мощностей. Причем производство на новых предприятиях организовывалось по поточному принципу. Однако в технологическом отношении страна явно отставала.

Отчеты, направляемые в ЦК КПСС, созданным январю 1948 г. Государственным комитетом Советом Министров СССР по внедрению передовой техники в народное хозяйство (Гостехникой), подтверждают этот вывод. Так, 8 февраля 1949 г. было принято решение «доложить правительству о невыполнении Министерством машиностроения и приборостроения постановления правительства о выпуске 300 ткацких станков-автоматов конструкции инженера Кананина и о безобразном выполнении этих станков Климовским заводом» [14, л. 56, 90].

Изученные материалы также свидетельствуют о том, что на заседаниях Гостехники неоднократно поднимался вопрос о невыполнении министерствами Постановления Совмина СССР от 14 марта 1947 г. «О решительном улучшении руководства делом изобретательства и открытий в СССР». Например, на одном из заседаний в 1949 г. обсуждалась проблема низкого процента внедрений на предприятиях тяжелого машиностроения. Отмечалось, что за предыдущие 3–4 года в системе министерства было внедрено только 23 изобретения, тогда как в 1947–1948 гг. рост числа авторских заявок, подаваемых по линии изобретений, технических усовершенствований и рационализаторских предложений составил 50 %. Констатировалось отсутствие у Министерства тяжелого машиностроения развернутого плана внедрения важнейших изобретений и технических усовершенствований как за прошедший период (1947–1948 гг.), так и на дальнейшую перспективу. Одновременно исследование показало, что никаких рычагов воздействия на министерства у Гостехники в этой ситуации не было [15, л. 1].

В первой половине 1950-х гг. ускоренными темпами развивалось машиностроение, черная металлургия, нефтяная и электроэнергетическая промышленность, ряд отраслей легкой промышленности. Вторую индустриализацию, как этот период охарактеризовал Г.И. Ханин, отличал интенсивный характер, высокие темпы экономического роста.

Однако руководство Академии наук СССР – академики А. Н. Несмеянов, А. В. Топчиев – вынуждены было констатировать лишь некоторые успехи в автоматизации нефтеперерабатывающей промышленности, энергетики, металлургии, машиностроения. Учеными предлагался план технического перевооружения промышленности, который представляет значительный интерес. Так, в докладной записке «О государственных

мероприятиях по автоматизации производства в СССР» 4 марта 1955 г. содержалось предупреждение: «в целом автоматизация значительно отстает как от наших потребностей и возможностей, так и от США, что снижает производственный и оборонный потенциал СССР» [16, л. 34]. Академики писали о «серьезном беспокойстве», вызванном сравнительным анализом не в пользу СССР. В частности, в США уровень автоматизации в нефтеперерабатывающей, химической промышленности, во многих разделах энергетики, машиностроения был выше, чем в нашей стране. Значительное внимание уделялось полной автоматизации законченных технологических циклов. В ряде химических и других производств США, там, где у нас еще только развертывалась работа по автоматизации (производство серной кислоты, суперфосфатов и т. д.), уже давно работали полностью автоматизированные заводы. В США несравненно разнообразнее оказалось развито производство технических средств автоматики, выпуском которых занимались сотни фирм, строились автоматические линии для изготовления электронного оборудования, используемого при автоматизации производств. Все это, наряду с большим развитием радиотехнической промышленности, обеспечивало высокие темпы автоматизации в гражданской и военной промышленности [16, л. 34–35].

Между тем, обращали внимание академики, большая часть министерств в СССР все еще недооценивали автоматизацию как вид техники, позволяющей перейти к качественно новым формам производства, «видимо, считая ее делом будущего». Министерства не имели перспективных планов автоматизации. Такое невнимание к очень острой проблеме обуславливало попытки ограничиваться простым присоединением автоматической аппаратуры к имеющемуся, часто не приспособленному оборудованию, что давало лишь ограниченный эффект, а иногда и дискредитировало саму идею автоматизации. Производилась автоматическая аппаратура некомплектно, бессистемно и хаотично.

В результате этого автоматизация в отечественной промышленности была представлена, главным образом, единичными, не связанными между собой агрегатами, и почти не охватывала целые производственные комплексы. Хотя такая «частичная автоматизация» окупалась и давала эффект (повышение производительности труда около 10 %), но не обеспечивала качественного изменения характера производства. Руководство АН СССР настаивало: «Необходимым условием коренного увеличения производительности труда является переход от одиночных, не связанных между собой агрегатов, к непрерывным поточным процессам, объединяющим ряд агрегатов при механизации всех вспомогательных операций и автоматическом управлении все комплексом» [16, л. 35].

Переход к автоматическому управлению комплексом обычно повышал производительность труда (в 5 и более раз), резко улучшал качество продукции и коренным образом изменял характер труда человека. Ярким примером стала атомная промышленность, где наблюдалось улучшение условий труда, сохранение кадров благодаря комплексной автоматизации производства. Между тем уровень развития науки и техники в СССР позволял не только развернуть широкую автоматизацию промышленности, но, что гораздо важнее, начать перестройку технологических процессов на базе их полной автоматизации. Предпосылки к этому к середине 1950-х гг. в СССР уже сложились:

- в промышленности уже осуществлялся широкий переход к непрерывным поточным способам производства, являющимся основным условием комплексной автоматизации, было механизировано или могло быть механизировано большинство технологических процессов;
- приборостроительная и радиотехническая промышленность были достаточно развиты для того, чтобы выпускать необходимую аппаратуру автоматики;
- в стране был накоплен достаточный научный багаж и практический опыт в области автоматизации.

Министерствам, с точки зрения авторов записки, следовало изменить «неудовлетворительное положение дел». Проведенная в государственном масштабе автоматизация должна была стать стержневым направлением в дальнейшем развитии промышленности и в ее подъеме на новую, качественно более высокую ступень, подобно тому, как электрификация обеспечила такой подъем на предыдущих этапах [16, л. 36]. В документе был предложен целый комплекс необходимых для достижения цели мероприятий: реорганизация промышленности, выпускающей технические средства автоматики и телемеханики, и структур, ею управляющих. Эта необходимость обосновывалась тем, что отсутствовало ведомство, определяющее техническую политику в развитии аппаратуры и приборов автоматики, отвечающее за нее и обеспечивающее производство этой аппаратуры. В результате производство аппаратуры оказалось распылено по многочисленным производствам – разрабатывались и выпускались приборы для собственных нужд, дублируя друг друга. Это вело к параллелизму, распылению средств между министерствами и ведомствами, растрате научно-технических и исследовательских сил, некомплектности аппаратуры, являлось препятствием к переходу на современное массовое производство технических средств автоматики и к введению необходимой унификации и типизации, повышало стоимость

приборов и их эксплуатацию. В этой связи предлагалось создать Министерство автоматики и промышленного приборостроения, возложив на него производство технических средств автоматики общепромышленного назначения, проектирование автоматических систем, их монтаж и наладку, одновременно сохранив за другими министерствами производство специализированных приборов, проектирование монтаж и наладку специализированных автоматических систем.

Ученые были уверены, что только за счет правильной организации и лучшего использования имевшихся научно-исследовательских и производственных сил разработка и выпуск аппаратуры автоматики могли быть увеличены в 1,5-2 раза при удешевлении приборов. Кроме того, предлагалось в течение ближайших 2-3-х лет создать 10-20 цехов-автоматов или заводов-автоматов и телемеханизированных комплексов в различных отраслях промышленности с тем, чтобы в дальнейшем перенести опыт на широкий круг предприятий. Актуальными и необходимыми для решения этих задач академики называли научно-исследовательские проекты в таких областях, как теория автоматики и телемеханики, создание новых видов аппаратуры автоматики и телемеханики (в частности, электронной), разработки методики проектирования и наладки автоматизированных предприятий. Это требовало, в свою очередь, расширения и укрепления научно-исследовательской базы в министерствах и академиях наук союзной и республиканских, в опытно-конструкторских и проектно-монтажных организациях, работающих в области автоматизации и телемеханики. Необходимым представлялось существенно расширить подготовку кадров в области автоматики и телемеханики, в самое ближайшее время приступить к составлению широкого плана автоматизации по всем основным отраслям промышленности; создать Упрвление по автоматизации Совета Министров СССР, возложив на него руководство подготовкой и осуществлением плана автоматизации, поскольку эти вопросы носили комплексный характер, межведомственный характер [16, л. 37–40]. Результатами должны были стать: увеличившаяся в несколько раз производительность труда, уменьшение капитальных затрат, улучшение качества продукции за счет поддержания оптимальных режимов с помощью автоматического контроля и условий труда, особенно во вредных производствах. Наконец, что представлялось (и справедливо!) особенно важным, должен был укрепиться оборонный потенциал, так как современные виды оружия насыщены автоматикой и не могли работать без нее (реактивная техника, радиолокация, авиация и т. д.). Автоматизация производства должна была укрепить научно-исследовательскую базу и кадры так, как это было

с развитием тракторной промышленности, способствовавшей созданию бронетанковых соединений. Основной вывод, на котором настаивали академики: «Главный эффект от автоматизации будет получен в результате общей перестройки промышленности подобно эффекту от электрификации, которая создала новую энергетическую основу производства и тем самым изменила технологические процессы, машины и способы производства» [Там же, л. 41]. Полагая, что вопрос о полной автоматизации промышленности вполне назрел, а задержка предполагаемых мероприятий по подготовке и осуществлению планов автоматизации затормозит рост и совершенствование отечественной промышленности, академики А. Н. Несмеянов и А. В. Топчиев характеризовали широкую автоматизацию в качестве необходимого этапа в развитии промышленности и оборонного потенциала страны.

Полагая, письмо руководства АН СССР сыграло значительную роль в корректировке экономической стратегии. Рубежными событиями, которые определили новый курс в сфере науки и техники, явились Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 28 мая и Пленум ЦК партии 4–12 июля 1955 г. [9, с. 516]. В документах содержалось настойчивое требование об ускорении технического прогресса, оптимизации организации производства. Техническое совершенствование должно было быть обеспечено электрификацией, комплексной механизацией и автоматизацией [8, с. 74]. Этому предшествовало Всесоюзное совещание работников промышленности, которое состоялось в середине мая 1955 г. На нем было заявлено о быстром развитии науки и техники в мире, тогда как в СССР производительность труда остается низкой [10]. Речь шла, прежде всего, о машиностроении, которое создавало проблемы другим отраслям промышленности: снижался удельный вес высокопроизводительных станков, отставало производство кузнечнопрессового оборудования, медленно внедрялись процессы автоматизации, не соответствовали мировым аналогам технические характеристики выпускаемой продукции [Там же, с. 94].

Однако попытка осуществить намеченные цели форсированными темпами в 1956 г. провалилась, прежде всего, из-за дефицита ресурсов. Г. И. Ханин называет 6-ю пятилетку триумфом и одновременно началом кризиса советской экономики [21, с. 101–105].

Все намеченное на 6-ю пятилетку реализовано не было, что обуславливалось нехваткой ресурсов. Упор по-прежнему делался на преимущественное развитие тяжелой промышленности, количественный рост НИИ, предпочтение отдавалось уже испытанным, приказным формам управления. Передача в результате реформ 1957 г. большей части функций министерств совнархозам

в условиях плановой экономики усложнила работу предприятий, процесс принятия решений и координацию действий, обусловила управленческую неразбериху. Объемы производства обеспечивались в основном за счет строительства многих тысяч предприятий, структурные диспропорции не преодолевались. Все еще недостаточными оставались темпы внедрения дистанционного управления и телемеханизации производства. Автоматизацией в значительной части отраслей охватывались единичные агрегаты и процессы. Одним из значимых факторов являлось строительство крупных заводов с большим количеством вспомогательных цехов, которые не были полностью загружены и экономичны. В СССР мало специализированных предприятий, занятых производством инструмента, номенклатура производства на каждом составляла к середине 1960-х гг. от 50 до 4200 позиций. Это создавало серьезные трудности в механизации и автоматизации производства. В США в это время специализированным производством инструмента занято более 1600 предприятий, в СССР – 39 заводов и 121 специализированный цех. В США машиностроительные фирмы справедливо предпочитали при освоении новых машин заказывать

технологическую оснастку и инструменты специализированным заводам, нежели иметь у себя инструментальные цеха [17, л. 7–23].

Результаты. Таким образом, в СССР, начиная с 1957 г., темпы экономического роста замедлялись. Однако мы бы не стали настаивать на выводе о начале кризиса, значительного торможения, так как темпы технического перевооружения все еще оставались сравнительно высокими. Создавался мощный научно-технический комплекс, который обеспечивался высококвалифицированными кадрами. После тяжелой и кровопролитной войны удалось концентрировать ресурсы на приоритетных направлениях, благодаря чему удалось перевооружить ряд ведущих отраслей промышленности. Вышло на самый высокий технический уровень станкостроение. К середине 1950-х гг. по преимуществу на собственной, отечественной основе развивались ядерная энергетика и ракетостроение, производились авиация, средства связи, радиолокационное оборудование и электронно-вычислительная техника. Причем эта продукция не уступала зарубежным аналогам. Мощно развивалась и фундаментальная наука, без которой подобные отрасли развиваться не могли. Наибольших результатов, несомненно, удалось добиться в оборонной сфере.

Литература

1. Алексеев В. В., Сапоговская Л. В. Исторический опыт промышленной политики в России. (Краткий научно-исторический опыт). Екатеринбург: Академкнига, 2000. 99 с.
2. Алексеев В. В., Литвинов Б. В. Советский атомный проект как феномен мобилизационной экономики // Вестник Российской академии наук. 1998. Т. 68. № 1. С. 3–9.
3. Артемов Е. Т. Научно-техническая политика в советской модели позднеиндустриальной модернизации. М.: РОССПЭН, 2006. 254 с.
4. Галушка А. С., Ниязметов А. К., Окулов М. О. Кристалл роста к русскому экономическому чуду. Москва: Наше завтра, 2021. 360 с.
5. Красильщиков В. А. Вдогонку за прошедшим веком. Развитие России в XX в. с точки зрения мировых цивилизаций. М.: РОССПЭН, 1998. 263 с.
6. Кулешов В. В., Крюков В. А. Проблемы развития Западной Сибири в XX веке - повторение пройденных уроков? // ЭКО. 2000. № 12. С. 16–39. DOI: 1-7652-2000-12-16-39
7. Каспэ С. И. Империя и модернизация. Общая модель и российская специфика. М.: РОССПЭН, 2001. 253 с.
8. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1955–1959 гг.). Т. 7. М.: Политиздат, 1971. 574 с.
9. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Изд. 9-е. Т.8. М.: Политиздат, 1986. 542 с.
10. Материалы Всесоюзного совещания работников промышленности, созванного ЦК КПСС и Советом Министров СССР, 16–18 мая 1955 г.: Стенографический отчет. М.: Госполитиздат, 1955. 171 с.
11. Наумова Н. Ф. Рецедивирующая модернизация в России: беда, вина или ресурс человечества? М.: Эдиториал УРСС, 1999. 174 с.
12. Промышленность и рабочий класс СССР. 1946–1950: Документы и материалы. М.: Наука, 1989. 386 с.
13. Пыжиков А. В. Российская история первой половины XX в.: новые подходы // Историческая наука и образование на рубеже веков. М.: Собрание, 2004. С. 153–165.
14. Российский государственный архив экономики (далее – РГАЭ). Ф. 9480. Оп. 1. Д. 21.
15. РГАЭ. Ф. 9480. Оп.1. Д. 23.
16. Российский государственный архив новейшей истории (далее – РГАНИ). Ф. 5. Оп. 40. Д. 3.
17. РГАНИ. Ф. 5. Оп. 40. Д. 221.
18. Стародубовская И.В., Мау В.А. Великие революции. От Кромвеля до Путина. М.: Вагриус, 2004. 510 с.
19. Хорос В.Г. Восток-Запад-Россия: мировые цивилизации и современность. // Восток-Запад-Россия. Сборник статей к 70-летию Н. А. Симония. М.: Прогресс-Традиция, 2002. С. 36–66.
20. Ханин Г. И. Десятилетие триумфа советской экономики. Годы пятидесятые // Свободная мысль – XXI. 2002. № 5. С. 72–94.
21. Ханин Г. И. Экономическая история России. В 2 т. Т.1. Новосибирск: Новосиб. гос. техн. ун-т, 2008. 516 с.
22. Ханин Г. Советское экономическое чудо: миф или реальность? Статья третья // Свободная мысль – XXI. 2003. № 9. С. 103–125.

References

1. Alekseev V. V., Sapogovskaya LV. Historical experience of industrial policy in Russia. (Brief scientific and historical experience). Yekaterinburg: Akademkniga, 2000. 99 p. (In Russ.).
2. Alekseev V. V., Litvinov B. V. Soviet atomic project as a phenomenon of mobilization economy. Vestnik Rossijskoj akademii nauk = Bulletin of the Russian Academy of Sciences. 1998;68(1):3–9. (In Russ.).
3. Artemov ET. Scientific and technical policy in the Soviet model of late industrial modernization. Moscow: ROSSPEN, 2006. 254 p. (In Russ.).
4. Galushka A. S., Niyazmetov A. K., Okulov MO. Crystal of Growth to the Russian Economic Miracle. Moscow: Our Tomorrow, 2021. 360 p. (In Russ.).
5. Krasilshchikov V. A. In pursuit of the past century. The development of Russia in the XX century from the point of view of world civilizations. Moscow: ROSSPEN, 1998. 263 p. (In Russ.).
6. Kuleshov V. V., Kryukov V. A. Problems of development of Western Siberia in the twentieth century - repetition of lessons learned? EKO. 2000;(12):6-39. DOI:1-7652-2000-12-16-39 (In Russ.).
7. Kaspe S. I. Empire and Modernization. The general model and the Russian specifics. Moscow: ROSSPEN, 2001. 253 p. (In Russ.).
8. The CPSU in resolutions and decisions of congresses, conferences and plenums of the Central Committee (1955-1959). Vol. 7. Moscow: Politizdat, 1971. 574 p. (In Russ.).
9. The CPSU in resolutions and decisions of congresses, conferences and plenums of the Central Committee (1955-1959). Vol. 8. Moscow: Politizdat, 1986. 542 p. (In Russ.).
10. Materials of the All-Union Meeting of Industrial Workers convened by the Central Committee of the CPSU and the Council of Ministers of the USSR, May 16–18, 1955: Verbatim report. Moscow: Gospolitizdat, 1955. 171 p. (In Russ.).
11. Naumova N. F. Recurrent modernization in Russia: trouble, guilt or humanity's resource? Moscow: Editorial URSS, 1999. 174 p. (In Russ.).
12. Industry and the working class of the USSR. 1946–1950: Documents and materials. Moscow: Nauka, 1989. 386 p. (In Russ.).
13. Pyzhikov A. V. Russian history of the first half of the twentieth century: new approaches in historical science and education at the turn of the century. Moscow: Sobranie, 2004; 153–165. (In Russ.).
14. The Russian State Archive of Economics (RGAE). F. 9480. Inv.1. D. 21.
15. RGAE. F. 9480. Inv.1. D. 23.
16. The Russian State Archive of Modern History (RGANI). F. 5. Inv. 40. D.3.
17. RGANI. F. 5. Inv.40. D.221.
18. Starodubovskaya I. V., Mau V. A. Great revolutions. From Cromwell to Putin. Moscow: Vagrius, 2004. 510 p. (In Russ.).
19. Khoros V. G. East-West-Russia: world civilizations and modernity in East-West-Russia. Moscow: Progress-Traditsia, 2002. P. 36–66. (In Russ.).
20. Khanin G. I. Decade of the triumph of the Soviet economy. The Fifties. Svobodnaya mysl' - XXI. 2002;(5):72-94.(In Russ.).
21. Khanin G. I. Economic History of Russia. In 2 Vols. Vol.1. Novosibirsk: NSTU publ., 2008. 516 p. (In Russ.).
22. Khanin G. The Soviet Economic Miracle: Myth or Reality? Article three. Svobodnaya mysl' – XXI. 2003(9):103–125. (In Russ.).

Научная статья
УДК 94(38) : 281.9
<https://doi.org/10.37493/2409-1030.2023.2.4>

ПРОБЛЕМЫ МАКЕДОНСКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ В СОВРЕМЕННОЙ ГРЕЧЕСКОЙ ПОЛИТИКЕ ПАМЯТИ

Максим Валерьевич Кирчанов¹

¹ Воронежский государственный университет (д. 1, Университетская пл., 394000, Воронеж, Российская Федерация)
Доктор исторических наук, доцент. ORCID: 0000-0003-3819-3103. E-mail: maksymkyrchanoff@gmail.com

Аннотация. Введение. Целью статьи является анализ восприятия проблем истории статуса Македонской Православной Церкви в политике памяти современной Греции. **Материалы и методы.** Исследование основано на анализе текстов, формирующий восприятие церковной македонской проблемы в политике памяти Греции. **Анализ.** В статье анализируются восприятие македонской церковной проблематики в современной мемориальной греческой культуре. В статье также показано, что политика памяти, которая формирует и продвигает восприятие истории Македонской Церкви в современном греческом социуме связана одновременно с развитием гражданского и этнического национализма, отягощенного развитыми связями с Православной Церковью. Предполагается, что средства массовой информации и политические элиты современной Греции, как основные агенты исторической политики, активно используют проблемы истории Церкви на территории Македонии для консолидации собственной национальной идентичности и проведения политики памяти, направленной на продвижение нарратива о территориальном единстве и исключительно греческом характере территории Македонии в современной Греции. **Результаты.** Результаты исследования позволяют предположить,

что мемориальная культура современного греческого общества в контекстах восприятия истории Церкви на территории Македонии отличается националистическим характером, а восприятие церковной истории в коллективной памяти Греции развивается в контекстах умеренных мемориальных противоречий с Македонией. Показано, что трансформация точки зрения греческой мемориальной культуры стала следствием консультаций с македонскими элитами и соглашения о смене названия современного македонского государства. Предполагается, что политика Константинопольского Патриархата и урегулирование формального статуса Македонской Церкви существенно снизила уровень мемориальной конфронтации между Скопье и Афинами.

Ключевые слова: Греция, Македония, историческая память, историческая политика, политика памяти, история Церкви, Македонская Православная Церковь – Охридская Архиепископия, мемориальная культура, войны памяти

Для цитирования: Кирчанов М. В. Проблемы Македонской Православной Церкви в современной греческой политике памяти // Гуманитарные и юридические исследования. 2023. Т. 10 (2). С. 212–221. DOI: 10.37493/2409-1030.2023.2.4

Original article

PROBLEMS OF THE MACEDONIAN ORTHODOX CHURCH IN THE MODERN GREEK MEMORIAL POLITICS

Maksym V. Kyrchanoff¹

¹ Voronezh State University (1, Universitetskaya sq., 394000, Voronezh, Russian Federation)
Dr. Sci. (History), Associate Professor. ORCID: 0000-0003-3819-3103. E-mail: maksymkyrchanoff@gmail.com

Abstract. Introduction. The purpose of the article is to analyse the perception of the problems of the history of the status of the Macedonian Orthodox Church in the politics of memory of modern Greece. **Materials and Methods.** The study is based on the analysis of texts that form the perception of the Macedonian church problem in the politics of memory in Greece. **Analysis.** The article analyses the perception of the Macedonian ecclesiastical problems in modern Greek memorial culture. The article also shows that the politics of memory forming the perception of the history of the Macedonian Church in modern Greek society simultaneously depends on the development of civic and ethnic nationalism, burdened by ties with the

Orthodox Church. It is assumed that the mass media and political elites of modern Greece, as the main agents of historical politics, use the problems of the history of the Church in the territory of Macedonia to consolidate their own national identity and conduct a policy of memory aimed at promoting the narrative of territorial unity and the exclusively Greek character of the territory of Macedonia in modern Greece. **Results.** The results of the study suggest that the memorial culture of modern Greek society in contexts of the perception of the history of the Church on the territory of Macedonia is distinguished by a nationalistic character, and the perception of church history in the collective memory of Greece develops in contexts of moderate memorial

contradictions with Macedonia. It is shown that the transformation of the viewpoint of the Greek memorial culture emerged as the result of consultations with the Macedonian elites and an agreement to change the name of the modern Macedonian state. It is assumed that the policy of the Patriarchate of Constantinople and the settlement of the formal status of the Macedonian Church significantly reduced the level of the memorial confrontation between Skopje and Athens.

Введение. К началу XXI в. политика памяти или историческая политика стала одним из универсальных ресурсов, которые используются политическими элитами для консолидации и укрепления собственной власти, а также для легитимации своего положения в контролируемом ими обществе. Исключением из этой универсальной логики применения исторического прошлого политическими правящими элитами не является и современная Греция. Одним из важных компонентов и аспектов развития современной греческой идентичности является православие.

Православие самым тесным образом интегрировано в греческую мемориальную культуру и воспринимается как системный элемент культурного и исторического коллективного опыта. Поэтому попытки других государств региона претендовать на греческое наследие, в том числе – и в церковном плане, приводят к мемориальным конфликтам и «войнам памяти» с другими сообществами Балканского региона. Роль Православия в развитии греческой коллективной памяти и, как следствие, исторической политике не вызывает сомнений. Исторический предшественник Греции – Византия – была центром православия в регионе и благодаря ее внешней религиозной экспансии православие стало основной религией целого ряда государств, включая будущую Македонию, активность греческих проповедников на территории которой привела к развитию альтернативной модели развития славянской культуры, которая была славянской, а не греческой.

Тем не менее, исторически на протяжении XIX в. Греческая Православная Церковь играла значительную роль как в греческом национальном движении, так и в развитии негреческих обществ этого региона, в первую очередь – Болгарии, где были сильны позиции греческого православного духовенства. В результате этой ситуации территория, исторически известная как Македония и населенная славянами, которые в XIX столетии не имели консолидированной идентичности и еще не обладали национальным самосознанием, оказалась сферой исторических, политических и культурных противоречий между Болгарией, Сербией и Грецией.

Поэтому в 1991 г. после обретения Македонией государственной независимости возник мемориальный конфликт культурной и исторической памяти между Македонией и Грецией. Афины бо-

Key words: Greece, Macedonia, historical memory, historical politics, politics of memory, Church history, Macedonian Orthodox Church – Ohrid Archdiocese, memorial culture, wars of memory

For citation: Kyrchanoff M. Problems of the Macedonian Orthodox Church in the modern Greek memorial politics // Humanities and law research. 2023. V. 10 (2). P. 212–221 (In Russian). DOI: 10.37493/2409-1030.2023.2.4

лезненно и настороженно реагировали на появление нового государства, воспринимая попытки Македонии к консолидации собственной государственности и идентичности как претензию на часть территории Греции, так как к тому времени македонские образы стали системной частью греческой идентичности и памяти. В современной греческой мемориальной политике религиозные нарративы играют особую роль. Среди последних уникальное место занимают македонские образы, связанные с мемориальным конфликтом в связи со статусом Македонской Православной Церкви.

Попытки властей СР Македонии создать собственную церковь были предприняты во второй половине 1960-х гг., когда Македония в одностороннем порядке, провозгласила автокефалию. До распада СФРЮ македонский религиозный вопрос не очень волновал Афины. Вместе с тем, распад Югославии и создание независимой Македонии привели к интернационализации Македонского церковного вопроса. Поэтому проблемы истории македонской церкви оказались ареной исторических дискуссий и конкуренции различных форм исторической коллективной памяти стран региона, включая Грецию, Македонию, Болгарию и Сербию.

Цель и задачи статьи. В центре внимания автора в данной статье будут церковные аспекты в политике памяти в современной Греции. Целью статьи является анализ церковного измерения современной греческой мемориальной культуры через призму проблемы статуса Церкви на территории бывшей югославской республики Македонии. В число задач автора входит анализ использования церковной истории как компонента коллективной исторической памяти. Предполагается, что церковная история является важным мобилизационным ресурсом в мемориальных конфликтах. Поэтому автор в статье проанализирует восприятие истории Македонской церкви в развитии и функционировании греческой мемориальной культуры как важного элемента политики идентичности Афин.

Материалы и методы. Исследование основано на принципах использования междисциплинарности как универсального языка современной исторической науки в исследованиях исторической памяти и политики памяти. В основе источникового корпуса лежат публикации греческих

средств массовой информации как основного форматора представлений о прошлом и их кодификации в мемориальную культуру в современном обществе. Анализ текстов, формирующих и составляющих мемориальный канон относительно проблем истории Македонской Православной Церкви, проводился в представленной статье с применением принципов и исследовательских практик, предложенных не только в мемориальных штудиях, но и в рамках интеллектуальной истории и истории идей.

Анализ. Македонская церковная проблема: историко-политический фон. Македонский церковный вопрос – это совокупность противоречий, связанных со статусом Церкви на территории современной Северной Македонии. В 1966 г. верующие Македонии при поддержке властей республики обратились к Сербской Православной Церкви с просьбой представить автокефалию, на что получили отказ. В ответ на это власти инициировали проведение Церковно-народного собора в Охриде в июле 1967 г., что привело к обострению конфликта с СПЦ. 19 июля 1967 года в СР Македония была провозглашена автокефалия [2]. Ответом Белграда стало признание церкви раскольнической. СР Македонии институционализировала МПЦ, создав в 1967 г. семинарию, а в 1977 г. – богословский факультет.

Появление в 1991 г. независимой Македонии привело к интернационализации конфликта. СПЦ, с которой МПЦ, была вынуждена вести диалог, формально стала иностранной. Болгаро-македонские противоречия касались статуса и подчиненности МПЦ, так как до 1944 г. территории Македонии входили в состав Скопле-Велешской и Охридско-Битольской епархий БПЦ. Власти Греции выражали свое несогласие с названием Македонии как государства, а Элладская Церковь не только имела аналогичные претензии, но и указывала на спорность фактически политического механизма, в рамках которого появилась МПЦ. Власти Македонии в 2004 г. приняли «Декларацию в поддержку Македонской Православной церкви», которая предусматривала существование МПЦ как единственной признанной Церкви, что вызвало противодействие со стороны властей Сербии и СПЦ. В 2005 г. Скопье обратилось к патриарху Константинопольскому Варфоломею, пригласив его выступить в качестве посредника в переговорах с СПЦ. В 2009 г. МПЦ изменила свое официальное наименование на «Македонская православная церковь – Охридская архиепископия», подчеркивая права на средневековое наследие. Решение обострило отношения с Сербией, Болгарией и Грецией, что вынудило Скопье пойти на уступки.

В 2017 г. Священный синод МПЦ признал Болгарский экзархат своей «Матерью-Церковью», установив с ней евхаристического общения.

Элладская Православная Церковь выступила против такого сближения, но патриарх Константинопольский Варфоломей заявил о готовности урегулировать статус МПЦ, если та откажется от слова «Македонская» в названии. 17 июня 2018 г. Скопье и Афины подписали Преспанское соглашение об изменении названия страны на «Республика Северная Македония». 9 мая 2022 г. Священный синод Константинопольского патриархата признал Церковь Македонии под названием «Охридская архиепископия». 24 мая и 13 декабря 2022 г. автокефальный статус МПЦ под названием «Охридская архиепископия» признали в Белграде и Софии. Формализация положения Церкви не привела к радикальным изменениям в исторической политике основных участников спора, что указывает на важность, актуальную и необходимость анализа церковного измерения в политике памяти.

Македонские церковные нарративы в греческой политике памяти. Греческие элиты и средства массовой информации, как основные акторы политики памяти, периодически реагировали на македонский церковный вопрос, особенно в тех случаях, если варианты его решения касались греческой исторической и мемориальной культуры. В июне 2018 г. министр иностранных дел Греции Никос Козиас комментировал позицию Элладской Православной Церкви, указав на важность проблемы названия национальной церкви в Македонии, подчеркнув, вместе с тем, что это «касается их как только граждан, но это не их проблема как института», указав, что только правительство Греции legitimately вести переговоры со Скопье относительно изменения названия страны. Кроме этого, Н. Козиас стремился дистанцировать Афины и от решения проблемы Церкви в Македонии, понимая, что политические аспекты названия страны более важны для Греции: «будет ли признана автокефалия или что-либо еще для церкви, это – вопрос Вселенского Патриархата, а не темы Священного Синода Элладской Церкви» [3].

Комментируя противоречия восприятия истории Македонской Церкви в различных национальных памятях региона, греческие участники политики памяти указывали на чрезвычайно высокий, по их мнению, уровень политизации проблемы. Представители академической историографии воспринимают эту проблему иначе. Афанасиос Атанасиадис подчеркивает важность «исторического наследия, особенно на Балканах, где оно шествует рука об руку с формированием национального чувства. Соответственно, национальное чувство предполагает религиозную веру для построения национального единства и, в более широком смысле, исторического выживания, особенно – в случае нации, которая конкурирует с многомерным присутствием соседних истори-

ческих наций» [6], что в полной мере относится к современной Северной Македонии, где историческая память, в том числе – в сфере истории Церкви, вынужденно конкурирует с альтернативными коллективными памятьями.

По мнению акторов политики памяти с греческой стороны, спор о юрисдикции с Сербской Церковью превратил православие в Македонии в «националистическое», ответственность за что некоторыми греческими комментаторами возлагается на «католика Тито» [32]. Поэтому обвинения в причастности иерархов Македонской Церкви к национализму стало общим местом в греческих комментариях [15], чему в значительной степени содействовали высказывания самих македонских иерархов, которые активно использовали и национализм, и мобилизационный потенциал коллективной исторической памяти, апеллируя, в том числе, и к наследию Античной Македонии [35], что традиционно переводит отношения между македонской и греческой коллективными памятьми на уровень мемориального конфликта.

Заявление Митрополита Тимофея, главы Македонской Православной Церкви, сделанное им в 2018 г. о том, что «Македонская Православная Церковь является историческим и юридическим правопреемником Охридской Архиепископии Юстиниана Первого, имеет достоинство Архиепископии и называется Македонской Православной Церковью – Охридской Архиепископией, а в своем общении с другими Церквями – Македонской Православной Церковью», не могло не спровоцировать ответную реакцию греческих активистов исторической политики, которые, отталкиваясь от достижений академической историографии [12], усилиями которой история Македонии стала частью греческого исторического нарратива, обвинили Скопье в присвоении греческого наследия [16].

Подобные обвинения и взаимные претензии оказываются фактически неизбежными в обществах, где «отсутствуют институты, которые могли бы стать форумом для обсуждения болезненных конфликтов» [1, с. 110], в том числе, связанных со статусом церковных организаций. В этом отношении политика памяти в Греции основывает свои выводы на академической историографии, в которой в отношении Македонии не только доминирует этноцентризм, но и характерна значительная степень полемичности, связанная с защитой, как полагают греческие историки [23], национальной памяти. Одной из форм такой реакции стала актуализация исторической памяти в публичных и общественных пространствах греческих городов, на территории которых Комитет по борьбе за эллинистичность Македонии периодически организуют мероприятия, призванные визуализировать именно греческую версию мемориальной культуры [34].

Средства массовой информации Греции, вовлеченные в проведение исторической политики, обеспокоены тем, что нормализация статуса Церкви в Македонии позволит этой стране более активно вмешиваться в вопросы греческой коллективной памяти. По мнению исследователей коллективной памяти, «отношения с историей обычно становятся легче, чем больше мы удаляемся во времени от событий. Положительные воспоминания светлеют, отрицательные – меркнут, старые поколения, которые, возможно, могли бы высказать контраргументы, уходят, но этот процесс постепенной “нормализации” не является неизбежным» [40].

Болезненное восприятие греческим обществом вопросов истории Македонской Церкви свидетельствует о склонности акторов политики памяти активно манипулировать фактами прошлого в современных политических и идеологических реалиях. Анастасиос Вавускос, эксперт и юрист, полагает, что принятие церковными властями в Скопье названия «Охридская Архиепископия» является угрозой для греческой мемориальной культуры и исторической памяти, так как чревато не только македонизацией греческой историей, но и ростом, по его мнению, славянского сепаратизма [9] среди негрекоязычной части современного греческого населения, воспринимаемого, как правило, в качестве «греко-славян» [41], но не отдельной нации. Активисты мемориальной культуры и исторической политики в современной Греции настаивают на необходимости для Афин проявлять «постоянную бдительность греческого государства и дипломатии в отношении не только добросовестного соблюдения Преспанского соглашения, но и политических событий в соседнем государстве» [24], которое воспринимается как страна, покушающаяся на часть наследия, воспринимаемого в Греции как исключительно греческое.

В такой модели исторической политики в отношении истории Македонской Церкви последняя воспринимается как конструкт, аналогичный македонской идентичности, нации и языку. Греческие агенты политики памяти настаивают на том, что Македония – это политический проект, связанный с международным коммунизмом [13] и созданный специально по инициативе внешних кураторов Йосипа Броз Тито [33], который, по мнению греческих активистов политики памяти, создал македонскую государственность в составе СФРЮ исключительно ради отторжения части территории Греции [28]. С другой, греческие акторы политики памяти настаивали на том, что Скопье имеет противоречия в сфере исторической памяти практически со всеми соседями, а самые острые споры разделяют Македонию и Болгарию, так как мемориальное сближение позиций македонской стороны с Афинами и Белградом приведет не просто

к восстановлению легитимного статуса Македонской Церкви среди других православных Церквей, но и «освободит славяноязычное население Северной Македонии от претензий Болгарского экзархата и панславизма» [39].

В рамках такого восприятия утверждение о том, что «в Северной Македонии есть раскольническая православная церковь с возмутительным названием “Македонская православная церковь – Охридская архиепископия”» [36] греческими участниками исторической политики, начиная с 2019 г. воспринималась в качестве временной характеристики ситуации. В этом комментарии греческих средств массовой информации заметна значительная степень их вовлеченности в проведение политики памяти, так как жители Северной Македонии определены не как «μακεδόνες» («македонцы»), но как «σλαβόφωνος πληθυσμός» («slavófonos plithysmós»), то есть «славяноязычное население», что визуализируют идеологические склонности греческих агентов исторической политики использовать ресурс этничности и связанного с ней этнического национализма в мемориальной конфронтации с соседями. Поэтому греческая модель мемориальной культуры основана на восприятии истории и памяти как «арены политической борьбы с внешним и внутренним противником» [4, с. 11].

Если под первым понимается Северная Македония, которая обвиняется в попытке отторгнуть часть греческой истории и интегрировать ее в свою собственную коллективную память, то под вторым подразумевается славянское национальное меньшинство, подозреваемое в готовности поддержать Скопье. В такой ситуации в греческой политике памяти, отягощенной склонностью к амнезии и избирательностью [26] в актуализации тех моментов коллективного опыта, которые должны визуализироваться или которые следует забыть, стали более заметны позиции националистов, один из лидеров которых, Гиоргос Георгиадис, не только подчеркивал, что историческая Охридская Архиепископия «не имеет ничего общего с сербами», но указывал на важность того, что «раскольническая так называемая “македонская” церковь Скопье берет свое старое греческое название», полагая, что в Северной Македонии «греческие и грекоязычные священники теперь будут проповедовать оригинальное Евангелие на греческом языке православным братьям соседней страны, которая мирно станет 14-й областью нашей страны» [39].

Следует признать, что столь радикальная точка зрения в современной греческой политике памяти носит маргинальный характер, а ее основные акторы, политики и средства массовой информации, от подобных заявлений дистанцируются. Например, в 2021 г. Андреас Кацаниотис, заместитель министра иностранных дел по делам репатриа-

ции, осторожно указывал на важность религиозной компоненты в дипломатии, проигнорировав при этом мемориальную конфронтацию с соседями Греции по вопросам исторической памяти и наследия [19]. Сторонники умеренного национализма, так же вовлеченные в проведение исторической политики, указывают одновременно как на опасность урегулирования статуса Македонской Церкви, которая фактически продолжает использовать прилагательное «Македонская» в своем именовании, так и на недальновидность политики Афин, связанной с обеспечением языковых прав меньшинств, так как «признание македонской этнической принадлежности населения ряда регионов Греции потенциально возвращает ситуацию к началу XX века» [31], что чревато, по мнению греческих активистов памяти, сепаратизмом.

В такой ситуации, когда мемориальный канон как в историографии [30], так и в исторической греческой памяти в отношении Македонии основан на убеждении в то, что «македонцы почти на протяжении всего периода античности разделяли исторические судьбы греческого народа... Греческая Македония с древних времен была оплотом Греции против варваров» [8], одновременное использование определений «Македонская» в «Охридская» в названии Церкви на территории Северной Македонии активистами исторической политики воспринимается в числе угроз. Поэтому большинство текстов греческих средств массовой информации, вовлеченных в проведение исторической политики, указывают на недопустимость и незаконность использования определения «Македонская» в названии Церкви соседнего государства [11].

В рамках развития политики памяти «каждое государство для подтверждения своей легитимности использует культурно-исторический подход» [5, р. 558], который в греческом случае отягощен интеграцией в мемориальную культуру религиозного фактора. Вместе с тем, по мере урегулирования статуса Церкви на территории Северной Македонии, греческие средства массовой информации указывали на значительную степень политизации и идеологизации вопроса, который из сферы канонического права и вопросов юрисдикции сместился в направлении мемориального конфликта, так как в обсуждении проблемы были вовлечены македонские, сербские, болгарские и греческие участники, которые были склонны интерпретировать прошлое Македонской Церкви через призму своих собственных мемориальных культур и политик памяти. Например, за два года до урегулирования статуса греческие акторы исторической политики интерпретировали Македонскую Церковь как «автокефальную раскольническую церковь», настаивая на большей правильности ее наименования как «Македонская Православная Церковь – Охридская Архиеписко-

пия», но не как «Охридская Архиепископия». По мнению греческих комментаторов, церковный вопрос с македонской политикой был в значительной степени подвергнут излишней идеологизации, проводниками которой стали «правых националистических “археомакедонцы”» [10], к которым греческие эксперты и предъявляли претензии, видя в их деятельности попытку присвоения части греческой истории.

Политика памяти современной Греции в отношении Македонии и ее церковной истории основана на коллективной уверенности в том, что «употребление скопьями имени “Македония” нелепо, искусственно, украдено. Македония не может быть транснациональной, ее имя, ее история и ее культура принадлежат только Греции» [7]. Несмотря на доминирование в общественном дискурсе этноцентричного подхода к коллективной памяти, признаваемого «главным препятствием для нормализации отношений соседей» [20] в сфере восприятия прошлого, греческие агенты исторической политики вынуждены признавать, что политические противоречия региона стали следствием соразвития и конкуренции различных национальных памятей [21], связанных с одновременной и параллельной институционализацией наций-государств [17].

Умеренная часть общества современной Греции, склонная к диалогу со Скопье, подчеркивает наличие мемориальных противоречий и конфликтов, «уходящих своими корнями в историю бывшей Югославии и будучи сосредоточенными на конкурирующих национальных нарративах» [29]. В ряде случаев в них солидаризируется и Церковь. Например, в 2018 г. пять митрополитов Западной Македонии выступили с открытым письмом, в котором констатировали, что «история Македонии слишком тяжела, чтобы кто-то на нее претендовал» [42], воспроизведя при этом другие идеологемы греческой политики памяти, основанной на восприятии всего македонского через призму исключительно греческой этничности.

Вовлеченность Элладской Церкви в политику памяти свидетельствует о том, что «коллективная память поддерживается только коллективными субъектами, иначе она теряется» [25]. Таким образом, актуализируется такое качество коллективной памяти в регионе Балканского полуострова как транснациональность [37], что фактически ведет к признанию важности общения в режиме диалога [14] и выполнения достигнутых соглашений со Скопье [22]. Вместе с тем, следует признать, что подобная позиция определенной части греческого академического сообщества [38], склонного в отношении как истории, так и коллективной памяти оперировать модернистскими и конструктивистскими подходами, не исключает продолжение мемориальной конфронтации. Сторонники последней склонны оперировать этни-

ческими концептами [18], минимизируя возможности для обсуждения спорных вопросов общего исторического наследия «путем прямого братского диалога с грекоязычными и другими поместными Православными Церквями» [27].

Результаты. Подводя итоги статьи, во внимание следует принимать ряд факторов, которые определяют основные векторы и траектории развития и функционирования македонской церковной проблемы в исторической политике Греции.

Македонские нарративы традиционно играли значительную роль в истории и функционировании современной мемориальной культуры греческого общества. «Македонское» в греческой коллективной памяти практически всегда связывалось с наследием и образами античной Македонии, история и наследие которой воспринимаются в качестве неотъемлемых элементов современной греческой культуры и государственности. В этой ситуации греческие политики, интеллектуалы, националисты и общественные активисты крайне настороженно относились к попыткам соседних государств Балканского региона претендовать и использовать македонское наследие.

Появление в 1991 г. независимой Македонии содействовало мемориальному конфликту между Грецией и Македонией. Если до 1991 г. греческие элиты не обращали внимания на попытки социалистических властей Македонии учредить отдельную Македонскую православную церковь, так как их больше беспокоили амбиции македонских националистов, направленные на интеграцию античного македонского наследия в мемориальный канон той македонской культуры и идентичности, которая развивалась в СР Македонии, где, в отличие от Греции, носила не греческий, а славянский характер, что в корне противоречило мемориальной культуре и доктрине Афин. В этой ситуации появление в 1991 г. независимой Македонии, которая стремилась обеспечить себя полным набором государственных институтов, включая национальную Церковь, привело к тому, что македонский вопрос в греческой политике обрел религиозный статус.

Греческие политики не могли игнорировать мемориальные конфликты, которые разгорелись между Скопье, с одной стороны, и Софией, и Белградом, с другой, относительно статуса Македонской Православной Церкви. На определенном этапе развития македонского церковного мемориального конфликта Афины пытались играть роль посредника между Македонией и ее оппонентами в спорах относительно церковного исторического наследия, связанного с историей православия в регионе. Позднее Афины изменили тактику и стали лоббировать идеи Константинопольского Патриархата в качестве посредника для урегулирования церковного спора, отягощенного

одновременным соразвитием нескольких национальных исторических памятней, между Скопье и его оппонентами, представленными Болгарий и Сербией.

В результате греческая сторона добилась того, что к 2022 г. Македонская Православная Церковь фактически была признана Константинопольским патриархатом, но при этом из названия новой Поместной Церкви, исчезло определение «Македонская», что было символически важно для греческих националистов, так как защита территориального единства Греции и отстаивание исключительно греческого статуса македонского исторического наследия и современной Македонии в составе Греции входила в число системных задач мемориальной политики Афин. Несмотря

на тенденции к снижению интенсивности мемориальных конфронтаций македонский церковный вопрос периодически продолжает актуализироваться активистами исторической политики памяти в публичных общественных пространствах Греции, так как «войны памяти» за символическое обладание историческим наследием и контроль над последним на Балканском полуострове к настоящему моменту не завершены. Таким образом, церковный вопрос, связанный со статусом и наименованием православной церкви на территории Северной Македонии к настоящему времени решен в пользу именно Афин, которые вынудили Скопье отказаться от исторически сложившегося названия страны и скорректировать наименование собственной Церкви.

Литература

1. Астров А. Эстония: политическая борьба за место в истории // Pro et contra. 2009. Май – август. С. 109–124.
2. Јосиф, митрополит Тетовско-гостиварски, Прогласувањето на автокефалноста на Македонската Православна Црква на Третиот Македонски Црковнонароден Собор (Охрид, 17-19 јули 1967) // Огледало. 2017. Бр. 8–9. С. 8–13.
3. Косијас: Грчката црква подобро да не се меша во прашањето за името // Радио Слободна Европа. 2018. Јуни 5. URL: <https://www.slobodnaevropa.mk/a/29271981.html> (дата обращения: 02.02.2023).
4. Миллер А. Россия: власть и история // Pro et contra. 2009. Май – август. С. 6–24.
5. Shnirelman V. Aryans or Proto-Turks? Contested Ancestors in Contemporary Central Asia // Nationalities Papers. 2009. Vol. 37. No. 5. P. 557–587.
6. Αθανασιάδης Α. Νεολογισμοί και καινοφάνειες περί Μακεδόνων και Μακεδονίας στις παρυφές του «Μακεδονικού Εκκλησιαστικού Ζητήματος» // Fragmenta Hellenoslavica. 2019–2020. Vol. 6. P. 49–100.
7. Ανδρεόπουλου Χ. Η εκκλησιαστική πτυχή του Μακεδονικού ζητήματος: ιστορική και νομοκανονική προσέγγιση // Χριστιανική. 2019. Οκτώβριος 23. URL: <https://xristianiki.gr/η-εκκλησιαστική-πτυχή-του-μακεδονικού/> (дата обращения: 02.02.2023).
8. Ασλανίδης Ι. Ιστορική μνημη: οι Ελληνικές ρίζες της Μακεδονίας // Ελληνοαμερικανικό Πρακτορείο Ειδήσεων. 2016. Οκτωβρίου 25. URL: <https://archive.greekamericannewsagency.com/2016/10/25/istoriki-mnimi-makedonia-rizis/> (дата обращения: 02.02.2023).
9. Βαβούσκος Α. Αρχιεπισκοπή Αχρίδος ή Αρχιεπισκοπή Σκοπίων // Romfea. 2022. Ιουνίου 9. URL: <https://www.romfea.gr/katigories/10-aropseis/50561-arxiepiskopi-axridos-i-arxiepiskopi-skopion> (дата обращения: 02.02.2023).
10. Βόρεια Македонија: О Пентарόфски ζητά από το Οικ. Πατριαρχείο να αναγνωρίσει την Ορθόδοξη Εκκλησία της χώρας του // Tribune.gr. 2020. Σεπτεμβρίου 21. URL: <https://www.tribune.gr/religion/news/article/692280/voreia-makedonia-o-pentarofski-zita-apo-to-oik-patriarheio-na-anagnorisei-tin-orthodoxi-ekklisia-tis-choras-toy.html> (дата обращения: 02.02.2023).
11. Βόρεια Македонија: Το Οικουμενικό Πατριαρχείο αναγνωρίζει την εκκλησία της χώρας με την ονομασία «Εκκλησία Αχρίδος» // Prototheme. 2022. Μαΐου 10. URL: <https://www.protothema.gr/world/article/1241400/voreia-makedonia-to-oikoumeniko-patriarheio-anagnorizei-tin-ekklisia-tis-horas-me-tin-onomasia-ekklisia-ahridos/> (дата обращения: 02.02.2023).
12. Βούρης Σ. Πηγές για την ιστορία της Македонија 1889 – 1905: Εκκλησία και κράτος. Αθήνα: Gutenberg, 1999. 335 σ.
13. Δάγκας Α. Κομιντέρν και македонικό ζήτημα. Τα ελληνικά παρασκήνιο, 1924. Θεσσαλονίκη: Τροχαλία, 2008. 294 σ.
14. Δένδιας από Σκόπια: Θα στηρίξουμε την ευρωπαϊκή προοπτική της Βόρειας Македонија // Patris News. 2022. Μαΐου 25. URL: <https://www.patrisnews.com/dendias-apo-skopia-tha-stirixoyme-tin-eyropaiki-prooptiki-tis-voreias-makedonias/> (дата обращения: 02.02.2023).
15. Η σχισματική Εκκλησία στη Βόρεια Македонија προσμένει σε αναγνώριση από το Φανάρι // Tribune.gr. 2019. Μαΐου 16. URL: <https://www.tribune.gr/religion/news/article/578472/i-schismatiki-ekklisia-sti-voreia-makedonia-prosmenei-se-anagnorisi-apo-to-fanari.html> (дата обращения: 02.02.2023).
16. Η σχισματική Εκκλησία των Σκοπίων επιμένει να ονομάζεται «Македонική» // Tribune.gr. 2018. Οκτωβρίου 7. URL: <https://www.tribune.gr/religion/news/article/511454/i-schismatiki-ekklisia-ton-skopion-epimenei-na-onomazetai-makedoniki.html> (дата обращения: 02.02.2023).
17. Ηρακλείδης Α. Το Македонικό Ζήτημα 1878–2018. Από τις εθνικές διεκδικήσεις στις συγκρουσιακές εθνικές ταυτότητες. Αθήνα: Θεμέλιο, 2018. 336 σ.
18. Κατούντα Σ. Κατασκευάζοντας ένα έθνος - Το Македонικό ξανά στο προσκήνιο. Αθήνα: Εκδοτικός Οίκος Α. Α. Λιβάνη, 2022. 416 σ.
19. Κατσανιώτης Α. Υπερπολύτιμο κεφάλαιο ο Απόδημος Ελληνισμός // Ert News. 2021. Δεκεμβρίου 13. URL: <https://www.ertnews.gr/omogeneia/a-katsaniotis-yperpolytimo-kefalaio-o-apodimos-ellinismos/> (дата обращения: 02.02.2023).
20. Λιάκος Α. Κατασκευές ηρώων και πολιτική της μνήμης // Efsyn.gr. Νοεμβρίου 5. URL: https://www.efsyn.gr/stiles/aropseis/170794_kataskeyes-iroon-kai-politiki-tis-mnimis (дата обращения: 02.02.2023).
21. Македонικές ταυτότητες στο χρόνο. Διεπιστημονικές προσεγγίσεις / επιμ. Γ. Στεφανίδης. Αθήνα: Εκδόσεις Πατάκη, 2008. 598 σ.

22. Μαλλιάς Α. Ελλάδα και Βόρεια Μακεδονία. Η αυτοψία της δύσκολης Συμφωνίας των Πρεσπών. Αθήνα: Εκδόσεις Ι. Σιδέρης, 2018. 204 σ.
23. Μάρτης Ν. Η πλαστογράφηση της ιστορίας της Μακεδονίας. Θεσσαλονίκη: Μαλλιάρης Παιδεία, 2007. 312 σ.
24. Μελισσάρης Δ. Το βεβιασμένο βάπτισμα της «μακεδονικής» γλώσσας και η εθνολογική ανακρίβεια εν καιρώ προύρων εκλογών // *Huffington Post*. 2020. Μαΐου 27. URL: https://www.huffingtonpost.gr/entry/to-veviasmeno-vaptisma-tes-makedonikes-ylossas-kai-e-ethnologyke-anakriveia-en-kairo-prooron-ekloyon_gr_5ecb9758c5b610d0c5ecf5ef (дата обращения: 02.02.2023).
25. Μουμτζής Σ. Ιστορική λήθη // *Καθημερινή*. 2022. Νοεμβρίου 19. URL: <https://www.kathimerini.gr/opinion/562144678/istoriki-lithi/> (дата обращения: 02.02.2023).
26. Μπουκάλας Π. Πολιτική μνήμη και μέλλον // *Καθημερινή*. 2005. Φεβρουαρίου 1. URL: <https://www.kathimerini.gr/opinion/697349/politiki-mnimi-kai-mellon/> (дата обращения: 02.02.2023).
27. Μπράτσος Ν. Η Σερβική εκκλησία για την ορθόδοξη εκκλησία στη Βόρεια Μακεδονία // *Ert News*. 2019. Μαΐου 16. URL: <https://www.ertnews.gr/eidiseis/diethni/i-serviki-ekklisia-gia-tin-orthodoxi-ekklisia-sti-voreia-makedonia/> (дата обращения: 02.02.2023).
28. Νεάρχου Π. Οι αυταπάτες της συμφωνίας των Πρεσπών: Η Ελλάδα πρέπει να επιδείξει επιβεβλημένη σύνεση, διορατικότητα και πρόληψη των κινδύνων // *Huffington Post*. 2021. Νοεμβρίου 9. URL: https://www.huffingtonpost.gr/entry/oi-aetapates-tes-semfonias-ton-prespon_gr_618a1c49e4b087e2ef9c33cd (дата обращения: 02.02.2023).
29. Νέες «συγκρούσεις για το παρελθόν» στα Βαλκάνια: Οι δύο βαλκανικές εντάσεις απασχολούν τους τελευταίους μήνες την επικαιρότητα // *Huffington Post*. 2022. Ιανουαρίου 1. URL: https://www.huffingtonpost.gr/entry/nees-seykroeseis-ya-to-parelthon-sta-valkania_gr_61f789cbe4b04f9a12bf2f4c (дата обращения: 02.02.2023).
30. Νικολαΐδης Κ. Ιστορία του ελληνισμού με κέντρον και βάσιν την Μακεδονία. Κατερίνη: Μάτι, 2012. 736 σ.
31. Ντάσιος Ν. Κέντρο Μακεδονικής Γλώσσας στη Φλώρινα; Γιατί είναι ένα κακό προμήνυμα // *Huffington Post*. 2022. Δεκεμβρίου 1. URL: https://www.huffingtonpost.gr/entry/kentro-makedonikes-ylossas-ste-florina-yiati-einai-ena-kako-promenema_gr_638713a9e4b06ef4a549e044 (дата обращения: 02.02.2023).
32. Παναγόπουλος Α. Η εκκλησία της Βόρειας Μακεδονίας και άλλα θέματα // *Huffington Post*. 2022. Ιουνίου 26. URL: https://www.huffingtonpost.gr/entry/e-ekklisia-tes-voreias-makedonias-kai-alla-themata_gr_62a87c8ce4b0cf43c84ea605 (дата обращения: 02.02.2023).
33. Παπαγαρυφάλλου Π. Η Μακεδονία στη μέγγενη της Τρίτης Διεθνούς και του ΚΚΕ 1919 – 1949. Αθήνα: Πελασγός, 2013. 448 σ.
34. Παπαντώνη Α. Δ. Μακεδονία: Συλλαλητήρια για την ονομασία των Σκοπίων // *Ert News*. 2020. Ιουνίου 6. URL: <https://www.ertnews.gr/perifereiakoi-stathmoi/kozani/d-makedonia-syllalithiria-gia-tin-onomasia-ton-skopion-3/> (дата обращения: 02.02.2023).
35. Σκοπιανός σχισματικός Επίσκοπος: Λέει ψέμματα το Πατριαρχείο για την (ψευδο)Εκκλησία μας // *Tribune.gr*. 2018. Ιουνίου 2. URL: <https://www.tribune.gr/religion/news/article/472494/skopianos-schismatikos-episkopos-leei-psemmata-to-patriarcheio-gia-tin-pseydo-ekklisia-mas.html> (дата обращения: 02.02.2023).
36. Στη Βόρεια Μακεδονία η «Μακεδονική» Εκκλησία ελπίζει σε αναγνώριση από το Φανάρι // *Tribune.gr*. 2019. Φεβρουαρίου 22. URL: <https://www.tribune.gr/religion/news/article/554949/sti-voreia-makedonia-i-makedoniki-ekklisia-elpizei-se-anagnorisi-aro-to-fanari.html> (дата обращения: 02.02.2023).
37. Σφέτσας Σ. Οι μεταλλάξεις του Μακεδονικού. Ο μακρύς δρόμος προς τις Πρέσπες. Αθήνα: Εκδόσεις Ι. Σιδέρης, 2018. 256 σ.
38. Ταυτότητες στη Μακεδονία / επιμ. Β. Γούναρης Ι. Μιχαηλίδης, Γ. Αγγελόπουλος. Αθήνα: Εκδόσεις Παπαζήση, 1997. 262 σ.
39. Τέλος η «Μακεδονική Εκκλησία» – Οι σχισματικοί ζήτηνε να αναγνωριστούν ως Αρχιεπισκοπή Αχρίδας // *Tribune.gr*. 2020. Ιανουαρίου 13. URL: <https://www.tribune.gr/religion/news/article/635475/telos-i-makedoniki-ekklisia-oi-schismatikoi-zitane-na-anagnoristoyn-os-archiepiskopi-achridas.html> (дата обращения: 02.02.2023).
40. Φλότσερ Χ. Η πολιτική αλλοιώνει την ιστορική μνήμη // *Καθημερινή*. 2002. Φεβρουαρίου 3. URL: <https://www.kathimerini.gr/society/110262/h-politiki-alloionei-tin-istoriki-mnimi/> (дата обращения: 02.02.2023).
41. Χολέβας Ι. Οι Έλληνες σλαβόφωνοι της Μακεδονίας. Αθήνα: Πελασγός, 1999. 389 σ.
42. Ψηφισμα μητροπολιτών Δυτικής Μακεδονίας // *Orthodoxia*. 2018. Ιανουαρίου 19. URL: <https://orthodoxia.info/news/ierarxes-dyt-makedonias-i-istoria-ti/> (дата обращения: 02.02.2023).

References

1. Astrov A. Estonia: political struggle for a place in history. Pro et contra. 2009. May – August: 109-124. (in Russ.).
2. Josif, The Proclamation of the Autocephaly of the Macedonian Orthodox Church at the Third Macedonian Church-National Council, Ohrid, July 17-19, 1967. Oglelado. 2017, 8–9:8–13. (in Macedonian).
3. Kozias: The Greek Church should not interfere in the name issue. Radio Slobodna Evropa. 2018. June 5. Available from: <https://www.slobodnaevropa.mk/a/29271981.html> [Accessed 02 February 2023] (in Macedonian).
4. Miller A. Russia: power and history. Pro et contra. 2009. May – August: 6–24. (in Russ.).
5. Shnirelman V. Aryans or Proto-Turks? Contested Ancestors in Contemporary Central Asia. Nationalities Papers. 2009;37(5):557–587.
6. Athanasiadis A. Neologisms and innovations about Macedonians and Macedonia on the fringes of the «Macedonian Ecclesiastical Issue». *Fragmenta Hellenoslavica*. 2019–2020;6:49–100. (in Greek).
7. Andreópoulou C. The ecclesiastical aspect of the Macedonian issue: historical and legal approach. *Christianiki*. 2019. October 23. Available from: <https://xristianiki.gr/i-ekklisiastiki-ptychi-tou-makedoniko/> [Accessed 02 February 2023] (in Greek).
8. Aslanidis I. Historical memory: the Greek roots of Macedonia. *Ellinoamerikanikó Praktoreío Eidíseon*. 2016. October 25. URL: <https://archive.greekamericannewsagency.com/2016/10/25/istoriki-mnimi-makedonia-rizes/> [Accessed 02 February 2023] (in Greek).

9. Vavouškos A. Archdiocese of Ahridos or Archdiocese of Skopje. Romfea. 2022. June 9. Available from: <https://www.romfea.gr/katigories/10-apopseis/50561-arxiepiskopi-axridos-i-arxiepiskopi-skopion> [Accessed 02 February 2023] (in Greek).
10. North Macedonia: Pentarovski asks the Patriarchate to recognize the Orthodox Church of his country. Tribune.gr. 2020. September 21. Available from: <https://www.tribune.gr/religion/news/article/692280/voreia-makedonia-o-pentarofski-zita-apo-to-oik-patriarcho-na-anagnorisei-tin-orthodoxi-ekklisia-tis-choras-toy.html> [Accessed 02 February 2023] (in Greek).
11. North Macedonia: The Ecumenical Patriarchate recognizes the church of the country with the name «Ekklesia Ahridos». Protothema. 2022. May 10. Available from: <https://www.protothema.gr/world/article/1241400/voreia-makedonia-to-oikoumeniko-patriarheio-anagnorizei-tin-ekklisia-tis-horas-me-tin-onomasia-ekklisia-ahridos/> [Accessed 02 February 2023] (in Greek).
12. Vouři S. Sources for the history of Macedonia 1889 – 1905: Church and State. Athína: Gutenberg, 1999. 335 p. (in Greek).
13. Dánkas A. Comintern and the Macedonian question. The Greek background, 1924. Thessaloníki: Trochalía, 2008. 294 p. (in Greek).
14. Dendias from Skopje: We will support the European perspective of North Macedonia. Patris News. 2022. May 25. Available from: <https://www.patrisnews.com/dendias-apo-skopia-tha-stirixoyme-tin-eyropaiki-prooptiki-tis-voreias-makedonias/> [Accessed 02 February 2023] (in Greek).
15. The schismatic Church in North Macedonia awaits recognition from the Fanari. Tribune.gr. 2019. May 16. Available from: <https://www.tribune.gr/religion/news/article/578472/i-schismatiki-ekklisia-sti-voreia-makedonia-prosmenei-se-anagnorisi-apo-to-fanari.html> [Accessed 02 February 2023] (in Greek).
16. The schismatic Church of Skopje insists on being called «Macedonian». Tribune.gr. 2018. October 7. Available from: <https://www.tribune.gr/religion/news/article/511454/i-schismatiki-ekklisia-ton-skopion-epimenei-na-onomazetai-makedoniki.html> [Accessed 02 February 2023] (in Greek).
17. Irakleídis A. The Macedonian Question 1878 – 2018. From national claims to conflicting national identities. Athína: Themélio, 2018. 336 p. (in Greek).
18. Katoúnta S. Building a nation - The Macedonian again in the foreground. Athína: Ekdotikós Oíkos A. A. Liváni, 2022. 416 p. (in Greek).
19. Katsaniótis A. Expatriate Hellenism is a precious capital. Ert News. 2021. December 13. Available from: <https://www.ertnews.gr/omogeneia/a-katsaniotis-yperpolytimo-kefalaio-o-apodimos-ellinismos/> [Accessed 02 February 2023] (in Greek).
20. Liákos A. Constructions of heroes and the politics of memory. Efsyn.gr. November 5. Available from: https://www.efsyn.gr/stiles/apopseis/170794_kataskeyes-iroon-kai-politiki-tis-mnimis [Accessed 02 February 2023] (in Greek).
21. Macedonian identities over time. Interdisciplinary approaches / ed. G. Stefanídis. Athína: Ekdóseis Patáki, 2008. 598 p. (in Greek).
22. Malliás A. Greece and North Macedonia. The autopsy of the difficult Prespa Agreement. Athína: Ekdóseis I. Sidéris, 2018. 204 s. (in Greek).
23. Mártis N. The falsification of the history of Macedonia. Thessaloníki: Malliáris Paideía, 2007. 312 s. (in Greek).
24. Melissáris D. The hasty baptism of the «Macedonian» language and the ethnological inaccuracy at the time of early election. Huffington Post. 2020. May 27. Available from: https://www.huffingtonpost.gr/entry/to-veviasmeno-vaptismates-makedonikes-ylossas-kai-e-ethnolyke-anakriveia-en-kairo-prooron-ekloyon_gr_5ecb9758c5b610d0c5ecf5ef [Accessed 02 February 2023] (in Greek).
25. Mourtzis S. Historical oblivion. Kathimerini. 2022. November 19. Available from: <https://www.kathimerini.gr/opinion/562144678/istoriki-lithi/> [Accessed 02 February 2023] (in Greek).
26. Boukálas P. Political memory and future. Kathimerini. 2005. February 1. Available from: <https://www.kathimerini.gr/opinion/697349/politiki-mnimi-kai-mellon/> [Accessed 02 February 2023] (in Greek).
27. Brátzos N. The Serbian Church for the Orthodox Church in North Macedonia. Ert News. 2019. May 16. Available from: <https://www.ertnews.gr/eidiseis/diethni/i-serviki-ekklisia-gia-tin-orthodoxi-ekklisia-sti-voreia-makedonia/> [Accessed 02 February 2023] (in Greek).
28. Neárchou P. The delusions of the Prespa agreement: Greece must demonstrate imperative prudence, foresight and risk prevention. Huffington Post. 2021. November 9. URL: https://www.huffingtonpost.gr/entry/oi-aetapates-tes-semfonias-ton-prespon_gr_618a1c49e4b087e2ef9c33cd [Accessed 02 February 2023] (in Greek).
29. New «conflicts about the past» in the Balkans: The two Balkan tensions have occupied the news in recent months. Huffington Post. 2022. January 1. Available from: https://www.huffingtonpost.gr/entry/nees-seykroeseis-yia-to-parelthonta-va-va-va-gr_61f789cbe4b04f9a12bf2f4c [Accessed 02 February 2023] (in Greek).
30. Nikolaídis K. History of Hellenism, its centres and bases in Macedonia. Kateríni: Máti, 2012. 736 p. (in Greek).
31. Ntásios N. Macedonian Language Center in Florina? Why it's a bad omen. Huffington Post. 2022. December 1. Available from: https://www.huffingtonpost.gr/entry/kentro-makedonikes-ylossas-ste-florina-yiati-einai-ena-kako-promenema_gr_638713a9e4b06ef4a549e044 [Accessed 02 February 2023] (in Greek).
32. Panagópoulos A. The church of North Macedonia and other issues. Huffington Post. 2022. June 26. Available from: https://www.huffingtonpost.gr/entry/e-ekklisia-tes-voreias-makedonias-kai-alla-themata_gr_62a87c8ce4b0cf43c84ea605 [Accessed 02 February 2023] (in Greek).
33. Papagaryfállou P. Macedonia in the grip of the Third International and the KKE 1919 – 1949. Athína: Pelasgós, 2013. 448 p. (in Greek).
34. Papantóni A.D. Macedonia: Campaigns for the naming of Skopje. Ert News. 2020. June 6. Available from: <https://www.ertnews.gr/perifereiakoi-stathmoi/kozani/d-makedonia-syllalitiria-gia-tin-onomasia-ton-skopion-3/> [Accessed 02 February 2023] (in Greek).
35. Schismatic Bishop of Skopje: The Patriarchate is lying about our (pseudo) Church. Tribune.gr. 2018. June 2. Available from: <https://www.tribune.gr/religion/news/article/472494/skopianos-schismatikos-episkopos-leei-psemmata-to-patriarcho-gia-tin-pseydo-ekklisia-mas.html> [Accessed 02 February 2023] (in Greek).

-
36. In North Macedonia, the «Macedonian» Church hopes for recognition from the Fanari. Tribune.gr. 2019. February 22. Available from: <https://www.tribune.gr/religion/news/article/554949/sti-voreia-makedonia-i-makedoniki-ekklisia-elpizei-se-anagorisi-apo-to-fanari.html> [Accessed 02 February 2023] (in Greek).
 37. Sfétas S. The mutations of Macedonian. The long road to Prespes. Athína: Ekdóseis I. Sidéris, 2018. 256 p. (in Greek).
 38. Identities in Macedonia / eds. V. Goúnaris I. Michailídis, G. Angelópoulos. Athína: Ekdóseis Papazísi, 1997. 262 p. (in Greek).
 39. Final of «Macedonian Church» - The schismatics ask to be recognized as the Archdiocese of Achrid. Tribune.gr. 2020. January 13. Available from: <https://www.tribune.gr/religion/news/article/635475/telos-i-makedoniki-ekklisia-oi-schismatikoi-zitane-na-anagoristoun-os-archiepiskopi-achridas.html> [Accessed 02 February 2023] (in Greek).
 40. Fleischer C. Politics alters historical memory. Kathimerini. 2002. February 3. Available from: <https://www.kathimerini.gr/society/110262/h-politiki-alloionei-tin-istoriki-mnimi/> [Accessed 02 February 2023] (in Greek).
 41. Cholévas I. The Greek Slavic speakers of Macedonia. Athína: Pelasgós, 1999. 389 p. (in Greek).
 42. Resolution of the Metropolitans of Western Macedonia. Orthodoxia. 2018. January 19. Available from: <https://orthodoxia.info/news/ierarches-dyt-makedonias-i-istoria-ti/> [Accessed 02 February 2023] (in Greek).

Научная статья
УДК 94 (47).082 : 347.96
<https://doi.org/10.37493/2409-1030.2023.2.5>

АНАТОЛИЙ ФЁДОРОВИЧ КОНИ – РУКОВОДИТЕЛЬ УГОЛОВНО-КАССАЦИОННОГО ДЕПАРТАМЕНТА СЕНАТА

Кодинцев Александр Яковлевич¹

¹ Санкт-Петербургский институт (филиал) Всероссийского государственного университета Юстиции (д. 19 литер А, Васильевский остров, 10-я линия, 199178, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация)
Доктор юридических наук, профессор. ORCID: 0000-0002-2269-6788. E-mail: balsak1@yandex.ru

Аннотация. Введение. С 1885 по 1896 годы Уголовно-Кассационным Департаментом Сената руководил обер-прокурор А.Ф. Кони. Работа посвящена роли Анатолия Фёдоровича Кони в изменении системы судебного управления Российской империи в конце XIX века. Актуальность работы заключается в том, что многие идеи дореволюционного прокурора имеют значение и в наше время. Отдельные предложения по лучшей организации суда выработанные Кони использовались в советское время и позже, вплоть до наших дней. Цель исследования заключается в установлении основных аспектов управленческой деятельности молодого прокурора. Для этого мы определяем основные направления работы должных лиц министерства юстиции в высшем суде империи. **Материалы и методы.** При проведении исследования мы использовали проблемно-хронологический метод. В основе работы лежат ранее не включенные в научный оборот источники. Это обуславливает научную новизну работы. **Анализ.** В результате исследования применяя метод и используя широкий круг источников, мы установили, что административная работа А.Ф. Кони заключалась в выработке локальных нормативных актов, повышающих качество работы подчиненных должностных лиц, также она состояла

в утверждении авторитета судебно-прокурорской власти, что знаменитый юрист с успехом и достигал, в регулярных надзорных проверках подопечных учреждений (тюрем и пр.), общей перестройке делопроизводительной части органов юстиции, выполнении вышестоящих поручений и прочих полномочиях. **Результаты.** Можно сделать вывод, что активный молодой реализатор судебной реформы 1864 года достиг вершины прокурорской карьеры, быстро преодолевая административные ступеньки. Никакие провалы (дело Веры Засулич и пр.) не остановили его продвижение. Его популярность превышала формальное должностное положение. Кони принял активное участие в разработке десятков нормативных актов империи. Приобрел многочисленные связи среди высшей элиты. Показал себя хорошим руководителем.

Ключевые слова: А. Ф. Кони, обер-прокурор, Сенат, Уголовно-Кассационный Департамент, обер-секретарь, судебное управление, мировые судьи

Для цитирования: Кодинцев А. Я. Анатолий Фёдорович Кони – руководитель Уголовно-Кассационного департамента Сената // Гуманитарные и юридические исследования. 2023. Т. 10 (2). С. 222–228. DOI: 10.37493/2409-1030.2023.2.5

Original article

ANATOLY FYDOROVICH KONI – THE HEAD OF THE CRIMINAL-CASSATION DEPARTMENT OF THE SENATE

Alexander Ya. Kodintsev¹

¹ St. Petersburg Institute (branch) of the All-Russian State University of Justice (19A, Vasilievsky island, 10th line, 199178, St. Petersburg, Russian Federation)
Dr. Sci. (Law), Professor. ORCID: 0000-0002-2269-6788. E-mail: balsak1@yandex.ru

Abstract. Introduction. From 1885 to 1896 the Criminal Cassation Department of the Senate was headed by Chief Prosecutor A.F. Koni. The work is devoted to the role of Anatoly Fedorovich Koni in changing the system of judicial administration of the Russian Empire at the end of the 19th century. The relevance of the work lies in the fact that many of the ideas of the pre-revolutionary prosecutor are important in our time. Separate proposals for the best organization of the court developed by Koni were used in Soviet times and later, up to the present day. The purpose of the study is to establish the main aspects of the managerial activity of a young prosecutor. To do this, we determine the main directions of work of the officials of the Ministry of Justice in the highest court of the empire.

Materials and Methods. During the study, we used the problem-chronological method. It is based on sources previously not included in scientific circulation. This determines the scientific novelty of the work. **Analysis.** As a result of the study, applying the method and using a wide range of sources, we found that the administrative work of A.F. Koni consisted in the development of local regulations that improve the quality of work of subordinate officials. It also consisted in asserting the authority of the judicial and prosecutorial authorities, which the famous lawyer successfully achieved, in regular supervisory inspections of ward institutions (prisons, etc.), a general restructuring of office work part of the justice authorities, the execution of higher orders and other powers. **Results.** It can be

concluded that the active young implementer of the judicial reform of 1864 reached the top of the prosecutor's career, quickly overcoming the administrative steps. No failures (the case of Vera Zasulich, etc.) stopped his progress. His popularity exceeded his formal official position. Koni took an active part in the development of dozens of normative acts of the empire, acquired numerous connections among the higher elite and proved to be a good leader.

Введение. Многогранный талант молодого юриста А. Ф. Кони проявлялся в разных, неожиданных для нас сферах. Занимая должности в прокуратуре и суде, он должен был неизбежно заниматься вопросами управления в сфере юстиции. Появился Кони-управленец. Эта сфера его деятельности оказалась совершенно неизвестна исследователям. Мы провели подробное исследование этой стороны карьеры выдающегося юриста. Личность Кони органично вписалась в систему судебного управления империи.

Упоминания об административных трудах юриста содержатся в его работах, опубликованных в начале XX в. и переизданных в 1960-е гг. В них Анатолий Фёдорович перелагал некоторые свои воспоминания из практики управления органами юстиции [5, 6]. Административные усилия Кони упоминались в биографиях советских и российских исследователей: В. И. Смолярчука, С. Высоцкого, В. Н. Сашонко [1, 2, 7, 8, 9].

Однако, в существенной степени, управленческая деятельность Кони в научной литературе не была изучена, архивные материалы по его деятельности рассмотрению не подвергались. Более того, несмотря на наличие сотен работ о Кони ни один исследователь не ставил себе цель рассмотреть административную деятельность знаменитого юриста. Мы считаем, что наша работа позволит частично этот пробел в исторических знаниях закрыть.

Материалы и методы. Исследование построено по проблемно-хронологическому принципу. События рассматриваются во временной последовательности. Основную массу источников составили материалы Государственного архива РФ и Российского государственного исторического архива (фонды Сената и Министерства Юстиции).

Анализ. Упорядочение работы Уголовно-Кассационного Департамента Сената в первые годы руководства А. Ф. Кони.

Самый молодой обер-прокурор империи (41 год) – Кони уже имел к 1885 г. большой опыт административной работы. До этого он возглавлял столичную прокуратуру, окружной суд Санкт-Петербурга, судебную палату Северо-Запада империи, руководил Департаментом Минюста (далее МЮ).

На новом посту обер-прокурор, по поручению министра юстиции, Кони входил в состав бесконечных комиссий, организованных в высших государственных органах империи (в некоторых

Key words: A. F. Koni, chief prosecutor, Senate, Criminal Cassation Department, chief secretary, judicial department, justices of the peace

For citation: Kodintsev A. Anatoly Fyodorovich Koni – the head of the criminal-cassation department of the Senate // Humanities and law research. 2023. V. 10 (2). P. 222–228 (In Russian). DOI: 10.37493/2409-1030.2023.2.5

он состоял с 1870-х гг.). Например, с 1886 г. он входил в состав комиссии при Госсоведе для разбора претензий графа Т. С. Новосельского к МИД и турецкому правительству, комиссии для подготовки к тюремному конгрессу. В 1890 г. входил в состав Международного тюремного конгресса в Петербурге. С 1890 г. был членом Медицинского Совета при МВД (участвовал в составлении нового Врачебного устава). С 1895 г. был членом особой комиссии для пересмотра судебных уставов и особого совещания для обсуждения проекта нового Уголовного Уложения [3, л. 135–136].

Особенность построения Сената (в отличие от нижестоящих судов) была такова, что сенаторы были фактически освобождены от административных полномочий. Большое влияние, но исключительно процессуальное, имел первоприсутствующий в департаменте или общем собрании Сената. Административные полномочия по управлению департаментами возлагались, в основном на обер-прокуроров.

Анатолий Фёдорович, приступив к руководству канцелярией Уголовно-Кассационного Департамента (УКД), в первую очередь, решил оценить качество работы Департамента обзрев делопроизводства канцелярии за 1885 г. Канцелярский служащий К. Балабыкин проверил по поручению Кони в ноябре 1885 г. 1-й стол канцелярии УКД. Товарищи обер-прокурора проверяли следующие подразделения Департамента. Н. Якоби проверил 2 стол (дела по нарушению уставов об акцизах) в ноябре 1885 г. 5 стол проверял В. Желеховский. А. Марков проверил работу 3-го отделения. Работа всех столов была признана положительной [11, л. 1–6].

По итогам проверок Кони решил составить новую обширную инструкцию чинам канцелярии УКД. В марте 1886 г. он дает поручение помощникам выработать документ. Инструкцию писали В. А. Желеховский, К. И. Поскочин, А. Д. Шевич. В ней в соответствии со штатным расписанием канцелярия УКД разделялась на три экспедиции во главе с обер-секретарями. Каждая экспедиция делилась на несколько столов, во главе каждого стоял помощник обер-секретаря. В первую экспедицию входил распорядительный и архивный столы, во вторую департаментский стол и пять столов (по числу отделений УКД), в третью входили стол апелляционных дел и дел первой инстанции, а также регистратура.

Обер-секретарь третьей экспедиции исполнял секретарские обязанности в Особом присутствии Сената (ПС) для суждения дел о государственных преступлениях. При УКД состояло три судебных пристава, канцелярские чиновники, писцы.

Инструкция подробно определяла порядок делопроизводства в каждой экспедиции УКД. Например, подробно описывался порядок прохождения бумаг в регистратуре, столах, архиве. Чиновники канцелярии вели различные реестры, книги. Особую роль выполнял один из помощников обер-секретаря выступающий экзекутором департамента. Он следил за порядком в суде и сохранением мебели, благопристойностью просителей, надзирал за трудовым временем служащих (все должны были являться на работу до 10.30 утра и уходить не раньше 16.00), вел инвентарь имущества и пр. Все канцелярские служащие УКД делились на три категории по размеру содержания. Ежемесячно обер-секретари направляли обер-прокурору различные сведения о работе департамента. В последующие годы Анатолий Фёдорович изменял отдельные пункты Инструкции [12, л. 15–30; 22, л. 180–184].

Инструкция укрепила делопроизводство в канцелярии УКД. Штат канцелярии УКД до 1886 г. включал 3 обер-секретаря, 8 старших и 10 младших помощников и 1 секретаря при обер-прокуроре. Обер-прокурор 2 собрания кассационных департаментов (Неклюдов) договорился с Кони о переводе в общее собрание кассационных департаментов из УКД – 6 сотрудников в 1886 г. Кони просил министра юстиции ввести две должности: старшего и младшего помощников обер-секретаря, а также еще одного обер-секретаря. Должности были введены циркуляром министра в январе 1888 г. [17, л. 1–17].

По поручению обер-прокурора его товарищи и канцелярские служащие периодически проверяли делопроизводство УКД. В декабре 1888 г. Анатолий Фёдорович затеял большую ревизию канцелярии УКД по реализации Инструкции 1886 г. Ее проводил в декабре ближайший друг и соратник – товарищ обер-прокурора Желеховский.

По его данным регистрационный стол оказался единственной частью канцелярии, оказавшейся в безукоризненном состоянии! Результаты работы других органов оказались в худшем положении.

В 1-й Экспедиции канцелярии царил совершенный беспорядок. Архивного стола фактически не было. Заведующий – помощник обер-секретаря Кузьмин заявил, что архивный стол не существовал и он его дела не принимал. Он «думал», что это номинальный стол. Помощник обер-секретаря Бублик заявил, что заведовал столом лишь номинально. Писцов в архивном столе не было. Не оказалось алфавитного реестра архивного стола (по 65 п. инструкции). Дембский (и.о. обер-секретаря) сообщил, что все дела передавались в главный архив Сената.

В распорядительном столе вопреки 37 п. Инструкции в настольный реестр не вносились дела из других столов, исполнение по этим делам делалось в отделенских столах. Выяснить порядок деятельности распорядительного стола можно было только путем просмотра всех отделенских столов, что было невозможно сделать. Несмотря на 2 года с издания инструкции продолжал существовать порядок дел, который инструкция и планировала искоренить. При этом в распорядительный стол из регистратуры поступало мало бумаг, в реестрах царили сплошные нарушения. Не было отметок по делам, не было информации о содержании дела.

Во 2-й Экспедиции реестры велись с нарушением параграфов 24 и 25 Инструкции. Не отмечалось время возвращения дела, не отмечалось, что дело было отложено слушанием, не отмечалась отсылка дел к лицу обер-прокурорского надзора, иногда вообще не было отсылки к кому-либо, не было отметок о докладывающем сенаторе, по ряду дел не было отметок об исполнении или не было означено время исполнения, были карандашные отметки, много мелких ошибок и несуразностей. Часто детали дела были разрознены по всем столам. Ни в одном из столов не велась согласно п.27 Инструкции книга для отметок об отсылке дел сенаторам и прокурорам. Многие дела не докладывались в срок (часто по вине сенаторов). Было много просроченных дел, некоторые с 1887 г. Часто дела приостанавливались с карандашной пометкой о приостановлении. Резолюции, как правило, исполнялись в срок. Желеховский приводил буквально сотни примеров ошибок и неправильного делопроизводства. Столы систематически не исполняли п. 23 Инструкции – не передавали в распорядительный стол не подлежащие рассмотрению в судебном заседании дела. Число таких дел достигало почти 1000 в год! Ни из одного стола 2 экспедиции не поступило в течение 2 лет ни одной ведомости по делам по п. 28 и 29 Инструкции.

В 3 Экспедиции регистратура, напротив, была в блестящем состоянии. Все дела быстро заносили и регистрировали. В апелляционном столе были те же проблемы, отсутствовали многие отметки. Указатель вопросов, разрешенных ПС вообще не существовал (59 п. Инструкции).

Все экспедиции нарушали п.п. 42, 43 и 80 Инструкции. Ни один помощник, уходя в отпуск не сдавал стол в порядке по п.п.42,43 Инструкции. Помощники обер-секретарей являлись на службу в 13.00, иногда в 14.00, рано уходили со службы. Желеховский часто не мог найти ни одного помощника. Экзекутор за 2 года не составил опись имущества (п.70 Инструкции). Подводя итог Желеховский констатировал – инструкция не исполнялась более 2 лет. Обер-секретари – обер-про-

курору об этом не докладывали. По мнению товарища обер-прокурора, не надо было менять Инструкцию, надо было заставить ее исполнять.

Желеховский задался вопросом – в чем была причина упадка служебной дисциплины в канцелярии? По его мнению – сами товарищи обер-прокурора подавали плохой пример. Они не соблюдали очередь при направлении в доклад дела; пересылали нерассмотренные дела от одного к другому (иногда по 3 раза туда-сюда); направляли вопреки закону в судебное заседание дела, подлежащие разрешению в распорядительном заседании причем считали, что они не нарушали ст.916-1 Устава Уголовного судопроизводства (УУС) и заявляли Желеховскому лично, приводя два аргумента, – невозможно оставить в силе неправильный приговор, только потому, что бедный, неграмотный крестьянин не умеет указать в своей жалобе кассационный повод или некоторым сенаторам надо назначать только самые простые и несложные дела (!). На самом деле, первоприсутствующий сам проверял дела и мог сам направить дело в судебное заседание если даже заметил бы неполноту кассации, а по неспособным сенаторам – можно подобрать жалобы на нарушения 159 ст. УУС – невызовом указанных в первый раз в отзыве свидетелей или 142, 143 УУС – незанесением в протокол свидетельских показаний на неправильное применении 169 ст. Устава о наказаниях, на неправильности председательского резюме, не занесённого в протокол, на отказ суда в вызове новых свидетелей, признанных несущественными и т. п. жалоб, разрешение которых едва ли представляло более затруднений, чем разрешение жалоб по существу дела. Товарищ обер-прокурора не мог не влиять деморализующим образом на чины канцелярии. Видя ежедневно, что установленные обер-прокурором правила нарушаются его товарищами безнаказанно, многие чины канцелярии мало-помалу начинали свыкаться с мыслью о необязательности этих правил и об их бесполезности, утрачивали уважение к власти.

Власть обер-прокурора также ослабевала. Ревизор слышал от помощника обер-секретаря на вопрос – «как он нарушает Инструкцию? вопреки воли начальства» – ответ – этого от него требовал товарищ обер-прокурора. Один из помощников обер-секретаря высказал Желеховскому что был бы рад установленному раз и навсегда порядку, пока же канцелярия как между молотом и наковальней, а товарищи обер-прокурора заставляют нарушать инструкцию. Отдельные товарищи обер-прокурора отвечая на запросы ревизора отвечали ему с раздражением, что «им лучше знать».

Подводя итог ревизии Желеховский констатировал: «С тяжелым чувством и, признаюсь, откровенно, крайне неохотно исполнив мой служебный

долг, покорнейше прошу Ваше превосходительство принять уверение в моем совершенном почтении и преданности».

Получив результаты ревизии Кони, запросил множество объяснительных записок от чинов канцелярии и обер-прокуроров. В этих записках объяснялись и оправдывались недостатки и плохое исполнение Инструкции. Дальше Кони ничего не предпринимал, отдав общие указания об устранении недостатков. Повторные проверки, проводившиеся обер-секретарями – Ходневым (октябрь 1893 года), Дембовском (декабрь 1894 г.), товарищами обер-прокурора Д.А. Коптевым (1894 г.), Н. А. Мясоедовым (ноябрь 1896 г.), В. Д. Шидловским (1898 г.) вскрывали те же недостатки, но при этом констатировали, что в целом «все в порядке». Большая ревизия обер-прокурора А.К. фон Резона в начале XX в. выявила те же самые многочисленные мелкие нарушения [16, л. 13–77]. Уже в 1902 г. обер-прокурор УКД, преемник Кони и его ближайший соратник – В.К. Случевский разработал новую Инструкцию на основе Инструкции 1886 г.

Анатолий Фёдорович на посту обер-прокурора распределял категории дел по столам отделений. Например, распределение дела по отделениям УКД с 1.10.1892 г. происходило следующим образом: 1 отделение – вело все дела о нарушении специальных уставов, за исключением лесного и дела, о нарушении 29,63,102–115 ст. Устав о наказаниях налагаемых мировыми судьями или судебными палатами, дела окружных судов Московской Судебной палаты (далее СП); 2 отделение – дела по частным жалобам, дела окружных судов: Киевской, Саратовской и Санкт-Петербургской СП, дела мировых съездов 14 губерний (вразброс) и 6 городских; 3 отделение - дела окружных судов: Казанской, Одесской, Виленской СП, дела мировых съездов 7 губерний и 3 городов, вразброс; 4 отделение – дела из всех судебных палат, кроме специальных дел и дел по частным жалобам, дела окружных судов Харьковской СП, дела по лесному уставу, дела о возобновлении, дела мировых съездов Варшавской СП [13, л. 1].

Динамика рассмотрения уголовных дел в высшей судебной инстанции

Департамент при активном участии Кони и Таганцева (в момент первоприсутствующий УКД) принял в 1880–1890-х гг. множество разъяснений и постановлений о частном преследовании по уголовным преступлениям, о гражданском иске по уголовным делам, об обжаловании приговоров, об апелляционном порядке пересмотра приговоров, о квалификации составов преступлений и пр. [20, л. 129–131].

В 1890 г. в УКД оставались 21 сенатор, первоприсутствующим был Таганцев, с которым Анатолий Фёдорович поддерживал дружеские отношения с 1870-х гг. Обер-прокурору подчинялись

товарищи обер-прокурора, между которыми он распределял поступившие дела. Контролируя подчиненных Кони, писал своим товарищам письма, просил предоставлять ему данные о несогласиях Сената с заключениями прокуроров. В том числе он просил составить ему сводки дел, определял порядок рассмотрения дел на основании действующего законодательства и т. д. [13, л. 6]

Обер-прокурор УКД нес ответственность за ходом рассмотрения дел в своем департаменте. Тем временем объем дел в департаменте накануне прихода Кони рос. Так, в 1881 г. поступило 6816 дел, а в 1884 г. 10643. С приходом Кони количество дел продолжало расти и достигло в 1887 г. 11619 единиц. Соответственно обозначились проблемы департамента. Остаток нерассмотренных дел за указанный период вырос с 1703 до 3240. С помощью напряженной работы сенаторов объемом ежегодно рассмотренных дел вырос с 8668 в 1883 г. до 12093 в 1888 г. Но остатки дел продолжали увеличиваться. Причины такого напряжения заключались в расширении территории охваченной судебной реформой Александра II. В новые департаменты поступали дела, обжалованные в новых судебных округах [20, л. 60–61].

С 1889 г. ситуация стала меняться. Был введен институт земских начальников и началось постепенное уменьшение дел, поступающих из мировой юстиции. Так, количество поступивших обжалованных дел упало к 1894 г. до 7519. Соответственно и остаток нерассмотренных дел к 1 января 1894 г. упал до 1784 дел [20, л. 60–61; 21, л. 131].

Из числа дел, поступивших в 1881 – 1894 гг. было разрешено 132990 дел, в среднем в год 9499. Из них было отменено 22121 приговоров (16,63 %, в том числе 8,4% из общих судебных мест, 19,6 % из мировых). Прокурорские протесты были редки – 1,8 – 2,5 % от всех дел, но 50 % из них завершались отменой приговоров. Из общего числа разрешенных 132990 дел, определениями УКД было разрешено 113225 – 85,13 %, в судебных заседаниях 1165, в распорядительных – 18601. В среднем отделения департамента ежегодно разрешали 8087 дел, присутствия УКД (в судебных заседаниях) – 83 и в распорядительных заседаниях – 1328.

За указанный период поступило 472 апелляционных дел (74 по прокурорским протестам). В год поступали в среднем 34 дела. Из них приговорами ПС было отменено 123 приговора палат – 26 %, утверждено 349. За 14 лет было проведено 107 апелляционных заседаний. В качестве суда 1 инстанции рассмотрено было рассмотрено 9 дел, привлекаемых по ст.ст. 338, 341, 354, 362, 369, 373, 374, 377, 403, 411, 495, 1665 УН (почти все – по должностным преступлениям) [20, л. 48–52].

В 1891–1892 гг. Анатолий Фёдорович временно находился вместе вне прокурорского надзора, оставаясь сенатором в родном департаменте.

Покидая пост обер-прокурора, молодой сенатор испытывал смешанные чувства. В письме к В. А. Арцимовичу он писал 27.06.1891 года из Германии «я встретил свое назначение в смутном настроении души. Жаль очень жаль покидать прокуратуру... больно мне лишиться слова... но что сделано, то сделано...» [4, л. 3–4]. Арцимович, поддерживая Кони стремится подбодрить его: «Вы уже приобрели своими трудами не только большое нравственное влияние, но и громкое имя и снискали себе глубокое в мыслящих сферах уважение» [4, л. 5–6].

Специальная деятельность обер-прокурора

Уголовно-Кассационного Департамента

В 1888 году Анатолий Фёдорович решил навести порядок в огромном массиве актов УКД Сената. С 1867 г. выходили печатные Сборники решений Кассационных Департаментов, но они были выстроены по хронологическому, не предметному признаку. 12.04.1888 г. Кони распорядился провести подготовительные работы по пересмотру и систематизации решений УКД, по вопросам судостроительства и судопроизводства. Поручил он эту трудоемкую работы товарищу обер-прокурора Алексею Маркову. В итоге Маркову предстояло перебрать 12,5 тыс. решений УКД и общего собрания КД по уголовным делам!

Марков активно принялся за работу. Был составлен план работы. Предполагалось:

- 1) изложить все места из решений, в которых было заключено толкование и разъяснение статей УУС и Учреждения судебных установлений.
- 2) составить указание на то, по какому поводу и при каких обстоятельствах было высказано данное положение, были признаны действия правомерными или неправомерными, существенными или несущественными.
- 3) проставить отметку – составлен ли протест или жалоба без последствий или же решение отменено и по нарушению каких статей. Далее – указание статьи, номер решения. Вставлялись вырезки из подлинного печатного текста.

Сначала материал собирали кандидаты на судебные должности с помощью помощников обер-секретарей. К октябрю 1889 г. все решения были просмотрены, выписки составлены. Далее их работа проверялась. К 1 января 1890 г. наиболее тяжелая стадия работы была закончена. С 1 января «люди Маркова» стали обрабатывать и систематизировать 50000 выписок! Группа систематизаторов массово перерабатывала практику по делам мировых судей, в связи с их частичной ликвидацией. Все выписки распределялись по статьям УУС, по отдельным конвертам. Маркову не хватало помощников-кандидатов, и он просил – «дайте еще»!

По работе А. А. Марков уехал в Варшаву и забрал часть конвертов с собой для работы. Обер-секретари продолжали работу в столице. К каждой статье составлялся свой комментарий. Сначала комментарий общий (теоретический), затем казуистическое разъяснение процессуальной нормы. По каждой норме подыскивалось 3 вида нарушений – существенные, несущественные, непоправимые. Систематизаторы прослеживали как изменялась статья. Так работа медленно шла до марта 1892 г. и приостановилась во время временного ухода Кони с поста обер-прокурора [14, л. 1–8]. Впоследствии материалы работы «группы Маркова» были опубликованы в виде сборников решений УКД Сената.

УКД был важнейшим органом, определяющим судебную политику по уголовным делам в империи. Соответственно департамент вместе с обер-прокурором направлял нижестоящим судам множество предписаний об устранении тех или иных нарушений. Например, при разборе актов 1892 и 1893 гг. мы можем обнаружить, что УКД: делал замечание мировым съездам за неисполнение требований УУС и других НПА; поставлял на вид мировым съездам; давал указания в порядке прокурорского надзора; передавал дела в соединенное присутствие Сената; давал предписания судебным палатам и мировым съездам; давал указания окружным судам и прочим (например, только в феврале 1893 г. УКД сделал 14 указаний судам, вынес 4 замечания, 3 предписания и 1 предостережение); передавал дело для дисциплинарного производства мировому судье; делал предостережения и пр. [15].

Стоит отметить, что в состав прокуратуры входил «специальный» прокурор. До 1884 г. надзор за дознанием жандармерии по политическим делам осуществлял товарищ прокурора Санкт-Петербургской СП. Но число дел быстро росло. 24.06.1884 г. ГосСовет утвердил должность временного помощника тов. обер-прокурора УКД Сената по политическим делам. В 1886 г. его полно-

мочия продлили еще на 2 года. Кони предлагал продлевать дальше, до 1891 г. и должность продлевали [18, л. 3–14].

Через два года после возвращения Кони на пост обер-прокурора в УКД возобновился рост поступивших уголовных дел. В 1898 г. количество поступивших дел возросло до 9340. Соответственно возросла нагрузка на сенаторов. Если в 1893 г. в департаменте было рассмотрено 7508 дел, то в 1898 г. уже 9213. Причина заключалась в распространении уставов 1864 г. на окраины империи [10, л. 61–74].

Для сравнения приведем деятельность УКД в первые годы после ухода Анатолия Фёдоровича с поста обер-прокурора. Его сменил друг и соратник – В.К. Случевский. В 1900 г. в УКД оставались 21 сенатор, 11 прокурорских работников, 2 обер-секретаря, 5 старших помощников обер-секретарей, 4 младших помощников обер-секретаря, 1 секретарь при обер-прокуроре, 3 судебных пристава. В 1900 году в УКД поступило 9113 дел, было окончено 9239, оставалось дел 1658 за 1899 г., в конце 1900 г. осталось 1512. Было проведено 84 распорядительных заседаний (2239 дел), 22 судебных заседания (93 дела), в отделениях 143 заседания – 6927 дел [19, л. 40].

Результаты. Подводя итог можно констатировать, что Анатолий Фёдорович показал себя хорошим судебно-прокурорским администратором. Несмотря на нежелание осуществлять руководство он занимался им активно. Причем управление органами юстиции состояло не только в оперативном управлении подчиненными учреждениями и лицами. Кони разработал много локальных нормативных актов, заседал в многочисленных комиссиях. С 1870-х годов он начинает оказывать активное влияние на развитие судебного права и судебного управления в империи, творчески преобразует его. Таланты молодого юриста были оценены, и он успешно продолжал свою карьеру.

Литература

1. Высоцкий С. Кони. ЖЗЛ. М.: Молодая гвардия. М., 1988. 432 с.
2. Высоцкий С. Судья и прокурор. М.: Сигма-пресс, 1994. 431 с.
3. Государственный Архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф.564. Оп.1. Д.1411.
4. ГАРФ. Ф.1815. Оп.1. Д.413.
5. Кони А.Ф. Прокуратура и администрация // На жизненном пути. Т. 1. СПб.: Тип. СПб. т-ва печ. и изд. дела «Труд», 1912. С. 183–217.
6. Кони А. Ф. Гражданские дела // Собрание сочинений. В 8-томах. Т. 1. М.: Юридическая литература, 1968. С.238–239.
7. Смолярчук В. И. Анатолий Федорович Кони (1844 – 1927). М.: Наука, 1981. 214 с.
8. Смолярчук В. И. Анатолий Федорович Кони и его окружение. М.: Юрид. лит., 1990. 400 с.
9. Сашонко В. Н. А. Ф. Кони в Петербурге-Петрограде-Ленинграде. Л.: Лениздат, 1991. 303 с.
10. Российский Государственный Исторический Архив (далее – РГИА). Ф.1354. Оп.7. Д.1307.
11. РГИА. Ф.1363. Оп.8. Д.181.
12. РГИА. Ф.1363. Оп.8. Д.188.
13. РГИА. Ф.1363. Оп.8. Д.189.
14. РГИА. Ф.1363. Оп.8. Д.273.
15. РГИА. Ф.1363. Оп.8. Д.287.
16. РГИА. Ф.1363. Оп.8. Д.297.

17. РГИА. Ф.1405. Оп.88. Д.456.
18. РГИА. Ф.1405. Оп.89. Д.2325.
19. РГИА. Ф.1405. Оп.101. Д.2803.
20. РГИА. Ф.1405. Оп.542. Д.1329.
21. РГИА. Ф.1405. Оп.542. Д.1330.
22. РГИА. Ф.1405. Оп.544. Д.6205.

References

1. Vysotskii S. Koni. Moscow: Molodaya gvardia publ., 1988. 432 p. (In Russ.).
2. Vysotskii S. Judge and prosecutor. Moscow: Sigma-press, 1994. 431 p. (In Russ.).
3. State archive of Russian Federation (GARF). F.564. Inv.1. D.1411.
4. GARF. F.1815. Inv.1. D.413. (In Russ.).
5. Koni A.F. Prosecutor's office and administration in On the life path. Vol.1. St. Petersburg, 1912. p. 183–217. (In Russ.).
6. Koni A.F. Civil Affairs in Collection of works. In 8 Vols. Vol. 1. Moscow: Yuridicheskaya literature publ., 1968. p. 238–239. (In Russ.).
7. Smolyarchuk V.I. Anatoly Fedorovich Koni (1844 – 1927). Moscow: Nauka, 1981. 214 p. (In Russ.).
8. Smolyarchuk V.I. Anatoly Fedorovich Koni and his entourage. Moscow: Yuridicheskaya literature publ., 1990. 400 p. (In Russ.).
9. Sashonko V.N. A.F. Koni in Petersburg-Petrograd-Leningrad. Leningrad: Lenizdat, 1991. 303 p. (In Russ.).
10. Russian state historical archive (RGIA). F.1354. Inv.7. D.1307. (In Russ.).
11. RGIA. F.1363. Inv.8. D.181. (In Russ.).
12. RGIA. F.1363. Inv.8. D.188. (In Russ.).
13. RGIA. F.1363. Inv.8. D.189. (In Russ.).
14. RGIA. F.1363. Inv.8. D.273. (In Russ.).
15. RGIA. F.1363. Inv.8. D.287. (In Russ.).
16. RGIA. F.1363. Inv.8. D.297. (In Russ.).
17. RGIA. F.1405. Inv.88. D.456. (In Russ.).
18. RGIA. F.1405. Inv.89. D.2325. (In Russ.).
19. RGIA. F.1405. Inv.101. D.2803. (In Russ.).
20. RGIA. F.1405. Inv.542. D.1329. (In Russ.).
21. RGIA. F.1405. Inv.542. D.1330. (In Russ.).
22. RGIA. F.1405. Inv.544. D.6205. (In Russ.).

Научная статья
УДК 94(460).06
<https://doi.org/10.37493/2409-1030.2023.2.6>

ВСЕ ДОРОГИ ВЕДУТ В САЛАМАНКУ: ИСПАНСКИЙ ГОРОД В ВОСПРИЯТИИ БРИТАНСКИХ ВОЕННЫХ В 1808–1812 гг.

Татьяна Анатольевна Косых¹

¹ Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (д. 4, ул. Тургенева, 620075, Екатеринбург, Российская Федерация)
Кандидат исторических наук. ORCID: 0000-0003-0848-4196. E-mail: kskhtt@gmail.com

Аннотация. Введение. Конфликт на Пиренейском полуострове 1808–1814 гг., являющийся частью Наполеоновских войн, способствовал активизации кросс-культурных контактов между британскими комбатантами и мирным населением Испании. Одним из мест для такого взаимодействия солдат армии Веллингтона и испанцев стала Саламанка. В центре внимания статьи – реконструкция образа Саламанки и ее жителей в текстах британских участников военных действий на Пиренейском полуострове в 1808–1812 гг. **Материалы и методы.** Исследование построено на анализе писем, дневников и мемуаров британских комбатантов с применением методов имагологии, позволяющих обратиться к особенностям функционирования и интерпретации британских представлений об Испании, Саламанке и жителях Пиренейского полуострова. **Анализ.** В результате проведенного исследования удалось установить, что источники личного происхождения, созданные английскими военными, свидетельствуют о сосуществовании нескольких образов Саламанки. Во-первых, можно выделить романтизированный образ университетского города, ставшего местом действия романа «Жиль Блас». Представление о Саламанке как городе Жиль Бласа является устойчивым клише, встречающимся в текстах британского офицерского состава. Во-вторых, в британских нарративах, посвященных Саламанке,

нередко акцентируется внимание на положительных качествах горожан, доброжелательно настроенных по отношению к британцам и благодарным солдатам армии Веллингтона за освобождение города от французов. **Результаты.** На основании проведенного исследования можно сделать вывод о функционировании нескольких британских образов Испании в целом и Саламанки в частности. Данные образы ситуативны и напрямую зависят от характера установившихся между британцами и местными жителями взаимоотношений, а также особенностей поведения французской армии на захваченной территории.

Ключевые слова: Наполеоновские войны, история Великобритании, история Испании, Саламанка, университет Саламанки, образ «Другого», кросс-культурные контакты

Для цитирования: Косых Т. А. Все дороги ведут в Саламанку: испанский город в восприятии британских военных в 1808–1812 гг. // Гуманитарные и юридические исследования. 2023. Т. 10 (2). С. 229–236. DOI: 10.37493/2409-1030.2023.2.6

Благодарности: исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект № 21-78-00078 «Образы врага и союзника в восприятии британских участников военных кампаний в Западном Средиземноморье и на Пиренеях 1793–1814 гг.»

Original article

ALL ROADS LEAD TO SALAMANCA: BRITISH COMBATANTS' REFLECTION OF A SPANISH CITY IN 1808–1812

Tatiana A. Kosykh¹

¹ The Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin (4, Turgeneva st., 620075, Yekaterinburg, Russian Federation)
Cand. Sci. (History). ORCID: 0000-0003-0848-4196. E-mail: kskhtt@gmail.com

Abstract. Introduction. The conflict in the Iberian Peninsula of 1808–1814, which was a part of the Napoleonic Wars, contributed to the intensification of cross-cultural contacts between British combatants and the civilian population of Spain. Salamanca became one of the places for such interaction between the soldiers of the Wellington army and the Spaniards. The focus of the article is the reconstruction of the image of Salamanca and its inhabitants in the texts of the British participants in the hostilities on the Iberian Peninsula in 1808–1812.

Materials and Methods. The study is based on the

analysis of letters, diaries and memoirs of British combatants using the imagological method, which makes it possible to refer to the features of the functioning and interpretation of British ideas about Spain, Salamanca, and the inhabitants of the Iberian Peninsula. **Analysis.** As a result of the study, it was possible to establish that sources of personal origin created by the British soldiers testify to the coexistence of several images of Salamanca. Firstly, we can stress the romanticized image of the university city that became the scene of the action of the novel Gil Blas. The notion of Salamanca as

the city of Gil Blas is a persistent cliché found in the texts of British officers. Secondly, in British narratives about Salamanca attention is often focused on the positive qualities of the townspeople who are friendly towards the British and grateful soldiers of the Wellington army for liberating the city from the French. **Results.** Based on the study we can conclude that several British images of Spain in general and Salamanca in particular function. These images are situational and directly depend on the nature of the relationship established between the British and local residents as well as the behavior of the French army in the occupied territory.

Введение. «Едва ли найдется место во всей Испании, название которого столь знакомо нашему уху, как Саламанка. Ле Саж в своем замечательном «Жиль Бласе» увековечил город, и мы все чувствуем себя знакомыми со студентами Саламанки» [26, р. 228–229], – так вспоминал о своем пребывании в Саламанке 1812 г. британский офицер Мойл Шерер (1789–1869). Однако поводом для посещения офицером города, ставшего местом действия знаменитого плутовского романа, было вовсе не праздное любопытство путешественника, а военные действия на Пиренейском полуострове – Война за независимость Испании 1808–1814 гг.¹ Шерер, как и многие другие британские военные, надеялся воочию увидеть Испанию, образ которой был изрядно романтизирован в сознании британской читающей публики благодаря художественным произведениям и заметкам путешественников. Однако война внесла свои коррективы в образ испанцев. В связи с этим целью данной статьи является реконструкция образа Саламанки и ее жителей в нарративах британских участников военных действий на Иберийском полуострове в 1808–1812 гг.

Стоит отметить, что в условиях «антропологического поворота» в военной истории обращение к восприятию Испании и испанцев в 1808–1814 гг. с точки зрения британских солдат и офицеров все чаще становится предметом исследований современных историков. К числу таких трудов относятся работы австралийского исследователя Г. Дэйли [11] и британского историка Ч. Исдейла [12]. Кроме того, можно выделить ряд испанских исследований, посвященных истории Саламанки в годы Наполеоновских войн [16, 17, 25]. Актуальность исследования обусловлена значимостью изучения проблемы конструирования образов «своих» и «чужих» в условиях социально-психологического стресса, обусловленного военными действиями. Более того, образ Саламанки в текстах британских военных в годы войны на Пиренейском полуострове не был предметом отдельного исследования.

¹ В современной историографии существует несколько вариантов наименования данного военного конфликта: в англоязычной историографии – «Война на Полуострове» (Peninsular War), во французской – «Испанская война» (La guerre d'Espagne), в испанской – «Война за независимость» (Guerra de la Independencia), «Война против французов» (Guerra del Frances) и др. [1; 12].

Key words: Napoleonic Wars, British History, Spanish History, Peninsular War, Salamanca, University of Salamanca, image of the «Other», cross-cultural contacts

For citation: Kosykh T. All roads lead to Salamanca: British combatants' reflection of a Spanish city in 1808 – 1812 // Humanities and law research. 2023. V. 10 (2). P. 229–236 (In Russian). DOI: 10.37493/2409-1030.2023.2.6

Acknowledgments: The study is sponsored by the Russian Science Foundation, project № 21-78-00078 «Images of Enemy and Ally in Reception of the British Participants of the Military Campaigns in the West Mediterranean and the Pyrenees 1793–1814».

Материалы и методы. Исследование основано на методах имагологии. Подобная имагологическая проблематика требует обращения к нескольким уровням восприятия «другого»: «предобразу», существовавшему в сознании британцев накануне посещения Саламанки; непосредственное столкновение с «Другими» – испанцами и французами – на территории университетского города, отраженное в дневниках и письмах британских комбатантов; общая рефлексия британских военных о Саламанке после оставления города, отраженная в мемуарных произведениях. В качестве источников были использованы британские эго-документы – мемуары капитана Джона Паттерсона из 50-го пехотного полка [3], генерала Томаса Эндрю Блейни [5], офицера 34-го пехотного полка Мойла Шерера [26], манускрипт мемуаров неизвестного солдата из 38-го пехотного полка, хранящийся в Национальном музее армии [22], дневники и письма майора Джона Симмонса из пехотного стрелкового полка [7], лейтенанта Джона Миллса из Колдстримского гвардейского полка [15], разведчика Эдварда Кокса [18], дневник капитана Уильяма Смита из легкого драгунского полка [20], письма капитана Уильяма Брагге из 3-го драгунского полка [24], капитана Уильяма Уорра [28], подполковника Чарльза Бевана [27], рядового Уильяма Уилера из 51-го пехотного полка [21], письмо капитана 52-го пехотного полка Чарльза Кинлоха [8].

Анализ. К началу XIX в. Саламанка являлась одним из ключевых образовательных и религиозных центров Испании, обителью старейшего университета Испании. Даже несмотря на то, что на протяжении большей части XVIII столетия университет переживал не лучшие времена в связи с сохранением влияния Инквизиции на учебные программы [19, р. 610], он продолжал привлекать внимание студентов католического вероисповедания и был известен за пределами Пиренейского полуострова.

Война дважды приводила британских военных в Саламанку: осенью 1808 г., во время изнурительной экспедиции по северо-западной Испании под командованием сэра Джона Мура, и летом 1812 г., в период наступления Веллингтона на территории центральной Испании. К началу XIX в.

британский образ Испании состоял из двух ключевых аспектов: «черной легенды» об испанском деспотизме, ревностном католицизме и жестоких конкистадорах, а также романтического флера таинственной средиземноморской страны, хранящей в себе мавританское наследие и отличающейся южной ленью и «получивилизованностью» в сравнении с «просвещенными» жителями Британских островов или французами. Кроме того, представления об одном из крупнейших университетских центров Испании как месте притяжения испанских студентов и городе Жиль Бласа, безусловно, накладывали отпечаток на восприятие Саламанки британскими офицерами.

Так, британские военные, посетившие Саламанку, неоднократно упоминают ключевые достопримечательности города: собор и университет. В большинстве текстов в отношении собора используются такие характеристики как «великолепный», «прекрасный» и «изящный» [8; 15, р. 160; 20]. Тем не менее, религиозность местных жителей – их «ревностный католицизм» – была одним из главных предубеждений британских комбатантов против испанцев. Истоком этих предрассудков была упомянутая ранее «черная легенда» об Испании как обители Инквизиции и религиозного фанатизма [4, р. 21].

Осуждение людей Церкви встречается в текстах британских офицеров, оказавшихся в Саламанке. В дневниковой записи от 27 июня 1812 г. майор Джордж Симмонс, описывая посещение города, сообщал: «Это место переполнено церквями, мужскими и женскими монастырями и заставляет сочувствовать несчастным людям этой страны, которые отчасти по принуждению, но больше по наставлениям, впитанным ими с ранних лет, обмануты суеверием и фанатизмом. Они считают необходимым для своего вечного спасения помогать в поддержании этих толстобых и лоснящихся негодяев, которые под мнимым видом спасителей душ собираются большими группами, лакомясь богатыми яствами и распивая лучшее вино, и, как хорошо известно, нередко живут во всех видах порока и праздности. Такие люди явно трутни в трудолюбивом улье» [7, р. 236]. Убежденность в том, что испанские монахи и священники являются трутнями, была характерна и для других британских офицеров. Генерал-майор Томас Блейни после наблюдения за католическим духовенством в Андалусии аналогично именовал их «трутнями в улье», которые лежат мертвым грузом на испанском обществе [5, р. 181]. В то же время Мойл Шерер отмечал готовность клира сотрудничать с британцами: часть монахов уступила свои кельи солдатам [26, р. 229]. Впрочем, готовность духовенства пускаться на постой британцев не меняла общего негативного представления солдат Веллингтона, исповедовавших англиканство, о католических монахах и

священниках как «тучных и медлительных, склонных больше спать, есть и пить, чем молиться и помогать армии, борющейся против французов» [11, р. 164].

Большинство британских офицеров уделяли особое внимание упоминанию университета. С одной стороны, это обусловлено романтическим ореолом Саламанки в связи с романом Ле Сажа, с другой – интерес был вызван тем, что сами офицеры являлись выпускниками университетов и желали ознакомиться со студенческой жизнью на Пиренейском полуострове. Капитан Уильям Брагге, обучавшийся ранее в одном из колледжей Оксфорда, писал отцу в июне 1812 г. о том, что Саламанка в «некоторых отношениях превосходит Оксфорд» [24, р. 56]. Офицер отмечал, что здания колледжей Саламанки одни из самых «красивых зданий», что он когда-либо видел, однако из-за «ужасных бесчинств», творимых французами, более двух третей колледжей и монастырей были разрушены [24, р. 57].

Увидеть несколько иную картину университетской жизни ожидал и Мойл Шерер. В мемуарах он вспоминал: улицы «были заполнены пестрой толпой людей, но мы не могли различить в них юных школяров с их академическими привычками; тысячи людей когда-то учились в этом университете. Лишь несколько вместе со старыми профессорами все еще задерживались в опустевших колледжах и их можно было увидеть расхаживающими по просторным проходам элегантного собора. Но война щадит обитель благочестия, а не место учения; многие студенты в самом начале войны повиновались священному призыву своей страны и покидали безмятежные колледжи ради бурной солдатской жизни» [26, р. 229]. В целом, стоит отметить высокую оценку британскими военными университета Саламанки в отличие от португальского университета в Коимбре, студентов которого британцы считали бездельниками, не желающими помогать армии [11, р. 139–140].

Однако для ирландских военных, служивших в составе британской армии, Саламанка оказалась роднее, чем другие города Испании. Чарльз Беван сообщал 14 ноября 1808 г. в письме супруге Мэри о следующем: «За Собором находится Ирландский колледж, колоссальное здание, первоначально построенное иезуитами для их собственного проживания, но после изгнания ордена из Испании этот колледж был подарен королем ирландцам, из которых сейчас есть несколько студентов, и я думаю, что во времена глубокого мира это была одна из главных семинарий католического духовенства Ирландии» [27]. История появления Ирландского колледжа в Саламанке, изложенная майором, не совсем верна: колледж был основан в 1592 г. по решению Филиппа II, позволившего студентам проживать под покровительством иезуитов [23, р. 246], в то время как

гонения на орден иезуитов начались лишь во второй половине XVIII в. Присутствие ирландцев в Саламанке сохранялось и в начале XIX в. вопреки военным действиям.

В мемуарах капитана Джона Паттерсона, участвовавшего осенью 1808 г. в военных действиях на территории Испании под командованием сэра Джона Мура, упомянута встреча ирландского офицера со знакомым: «Лейтенант Хью Берчелл обнаружил здесь старого знакомого из своего родного города в Ирландии в лице испанского священника, который несколько лет назад прибыл сюда, дабы завершить классическое образование. Преподобный, который со временем стал членом здешнего духовенства, познакомил нас со своими братьями по облачению, которые, хотя и отнеслись ко всем с гостеприимством, больше обращали свое внимание на ирландцев, которых они считали хорошими христианами и развлекали со всей теплотой братской привязанности» [3, р. 73–74]. Таким образом, для ирландских солдат и офицеров посещение Саламанки могло стать возможностью встретить своих соотечественников на чужбине.

Впрочем, не только для ирландских комбатантов пребывание в Саламанке было наполнено приятными впечатлениями. В рукописи анонимных мемуаров солдата из 38-го пехотного полка немногословно указывалось, что британские полки осенью 1808 г. останавливались в Саламанке на месяц и «город был весьма славный, хлеб очень хороший и дешевый» [22, р. 5]. Офицеры подробнее описывали свое пребывание в городе. К примеру, капитан Паттерсон так вспоминал о прибытии в Саламанку 25 ноября 1808 г.: «Перейдя реку Тормес по длинному старинному мосту, мы поднялись по улице, ведущей на большую площадь, окна и балконы которой были заполнены восторженными людьми; бесчисленные толпы вокруг нас произносили самые искренние и теплые слова приветствия» [3, р. 71]. Капитан отмечал, что «офицеры наших полков были не менее нас довольны приветливостью и добротой людей, которые старались сделать наше пребывание среди них настолько счастливым, насколько мы могли желать» [3, р. 73].

Но, пожалуй, истинную радость от пребывания в этом испанском городе большинство британских солдат ощутило летом 1812 г. К середине июня под контролем французов оставалось лишь несколько монастырей в Саламанке, которые они превратили в «импровизированную цитадель» [14, р. 392]. В связи с этим вплоть до 22 июля 1812 г., когда французы окончательно были изгнаны с юго-западной части города [14, р. 394], британцы имели возможность общаться с местными жителями, что нашло отражение в нарративах солдат армии Веллингтона. Майор Уильям Уорр с удовольствием писал 17 июня 1812 г.

матери о том, что «испанцы повсюду принимали нас с величайшим радушием и радостью как своих избавителей от угнетающей тирании французов, гораздо больше, чем я когда-либо видел раньше. На этом месте было очень трогательно видеть радость местных жителей. Многие буквально рыдали от счастья, обнимали нас, и мы пожимали руку каждому, кого встречали» [28, р. 259].

Прапорщик Джон Миллс из Колдстримской гвардии в письме к отцу от 18 июня 1812 г. схожим образом описывал вступление британской армии в Саламанку: «Люди рады или делают вид, что рады нас видеть. Монахи машут лилиями в руках и бросают розы; это лучшая часть войны, мы слышали и читали столь много о Саламанке, что это кажется почти классическим местом» [15, р. 160–161]. Саламанка стала той территорией, где испанцы искренне радовались присутствию британских военных, и комбатанты с Британских островов впервые начали писать в дневниках, письмах и мемуарах о повсеместном гостеприимстве испанцев.

Капитан Уильям Брагге аналогично сообщал отцу в письме от 28 июня 1812 г., что «ущерб, который мы нанесли обитателям, кормя наш скот всех видов зеленой пшеницей, не поддается исчислению, но они, кажется, переносят это с величайшим терпением, будучи абсолютно довольными тем, что лорд Веллингтон изгонит французов из Испании» [24, р. 57]. Многие офицеры действительно были поражены подобным обращением к ним испанцев, памятуя о нежелании жителей Испании сотрудничать с ними ранее [2].

Рядовой Уилер, полк которого располагался в полевом лагере вблизи Саламанки, также 24 июня 1812 г. с удовлетворением сообщал об атмосфере, царившей в окрестностях города: «Испанцы организовали для нас хороший рынок, на котором есть все, что наши сердца могут только пожелать, погода прекрасна и каждый день после обеда тысячи людей выезжают из города, чтобы повеселиться с песнями и танцами» в нашем лагере [21, р. 81].

Показателем доброжелательности местных жителей стала организация местной хунтой бала в честь Веллингтона в июне 1812 г. Не все представители испанской аристократии посетили бал, опасаясь, что «французские войска вернутся и накажут их за братание с англичанами на балу» [6, р. 168], однако упоминания бала встречаются в письмах Уильяма Брагге и Джона Миллса. Если Брагге ограничился кратким указанием факта проведения бала [24, р. 60], то Миллс рассказывал о вечере, проведенном 28 июня в компании местных жителей, более детально: «Официальные власти Саламанки, желая засвидетельствовать свое одобрение англичан, устроили бал, на который были приглашены армейские генералы и офицеры гвардейской бригады. Праздник на-

чался в 10 часов, чтобы предоставить испанским дамам время переварить свой ужин. Вальсы, болеро и фанданго танцевали с большим воодушевлением. Мороженое, пирожное, ликеры и всевозможные закуски были разложены в аванзале. В двенадцать я удалился в лагерь. Ничто не смогло сравниться с щедростью, проявленной к нам испанцами во время всего пребывания в Саламанке, столь отличного от того, что было испытано в Бадахосе» [15, р. 168].

Упоминание Миллсом «прохладного» отношения испанцев, проживавших в Бадахосе, к британским военным несколько не удивительно, если учитывать то, каким образом англо-испанская армия повела себя после длительной осады Бадахоса 16 марта – 6 апреля 1812 г. Как отмечает австралийский исследователь Г. Дэйли, «за четырехчасовым штурмом последовало трехдневное разграбление, когда войска Веллингтона не только грабили дома, магазины и церкви, но и нападали, насиловали и убивали испанских гражданских лиц, которых они должны были освободить» [10, р. 1]. Конечно, обстоятельства, при которых британцы заняли Саламанку летом 1812 г., были несколько иными.

Добродушие и гостеприимство жителей Саламанки в отношении их британских союзников отчасти можно объяснить поведением французских военных. Поведение большинства французских комбатантов по отношению к городу и горожанам отличалось не лучшим образом. В первую очередь, с точки зрения британских военных, французы были виновны в разрушении отдельных районов Саламанки. Уильям Уорр сообщал в письме к матери от 17 июня 1812 г., что «этот прекрасный город очень сильно пострадал от врагов, которые разрушили его часть, чтобы построить свою крепость, а вчера сожгли пригород, находившийся рядом с ней. Вчера монстры обстреляли шпиль и снесли очень красивый контрфорс» [28, р. 260–261].

В написанном чуть позднее, 25 июня 1812 г., письме к отцу Уорр более развернуто повествует о прегрешениях французов: «комендант французского форта заслуживал растерзания своим гарнизоном не за упорную оборону форта, что вполне справедливо, а за беспричинное и жестокое варварство, обстрелы города, в результате которых были убиты или ранены несколько человек, за поджог или осквернение прекрасного собора, одного из самых великолепных сооружений Европы, не пользы ради, а просто из любви к озорству» [28, р. 267].

Похожие мысли о поведении французов в Саламанке приходили и к майору Эдварду Чарльзу Коксу, основное занятие которого в годы военного конфликта была разведка. В дневниковой записи от 19 июня он указывал следующее: «Саламанка сильно пострадала от врага. Большинство монастырей в руинах, многие дома, образовавшие эс-

планату форта, разрушены. Мармон даже говорил о том, чтобы снести башню собора, чтобы мы не поставили там батарею, хотя одному Богу известно, откуда у нас там могли быть пушки» [18, р. 183]. Уже 30 июня мнение Кокса о масштабе разрушения города несколько изменилось, он писал: «Радость местных жителей по поводу падения форта была очень велика, конечно, не очень приятно было, когда снаряды каждый час разрывались над головами; однако город мало пострадал, за исключением той части, что находилась в непосредственной близости от форта, здесь французы сожгли немало домов» [18, р. 186]. Более того, в дневниковой записи от 19 июня майор утверждал, что французские офицеры по отдельности вели себя крайне положительно: «Говорят, 300 из них женились здесь. Город, по-видимому, полностью разделен на группировки, четверть сторонников французов ушла вместе с ними» [18, р. 183].

Стоит отметить, что суждения о добропорядочности французских офицеров встречаются достаточно часто в британских нарративах 1808–1814 гг. Вопреки тому, что французы были врагами армии Веллингтона, британские участники военных действий в Испании на протяжении всей кампании нередко сообщали о вежливости и галантности неприятелей – качествах, которые не были свойственны британским союзникам – испанцам. Однако в текстах английских комбатантов, оставивших заметки о посещении Саламанки, подобные положительные характеристики французов практически не упоминаются, что обусловлено характером столкновения между англо-португальской и французской армиями в самой Саламанке и ее окрестностях. Ведение боевых действий в черте города привело к тому, что образ французов отличался негативными характеристиками: они оказываются повинны в разрушении домов и гибели местных жителей.

Возвращаясь к образу испанцев, описанному в британских источниках личного происхождения, стоит отметить представления о герильерос. Вступление армии Веллингтона в Саламанку произошло одновременно с прибытием в этот город отряда герильерос под руководством дона Хулиана Санчеса. Майор Кокс указывал в дневнике, что его «особенно поразило воодушевление некоторых подразделений войска дона Хулиана», отдельные представители которых вновь посетили родной город, который так жаждали увидеть [18, р. 183].

Капитан Уильям Брагге в письме к отцу дал более подробную характеристику партизан. Он утверждал, что герильеросы – это «отвратительно выглядящие ребята, которых Вы никогда не видели. Пехота носит английские одежды, а кавалерия, как всадники, так и люди, полностью вооружены и оснащены тем, что добыли у неприятеля, так что почти невозможно отличить друга

от врага. Сам дон носит плащ как у 16-го драгунского полка с огромной гусарской фуражкой и перевернутым орлом Наполеона. В этом наряде, в сопровождении двух столь же благородных по внешности адъютантов двенадцати улан, труба-ча в алом на сером коне и трех ведомых лошадей я видел, как прославленный вождь вошел в Саламанку под шумные возгласы толпы, которая встретила его со всем уважением» [24, р. 57].

Столь детальное описание капитаном Брагге партизан и их предводителя можно объяснить интересом англичанина, пробудившимся после встречи с такими союзниками. В подавляющем большинстве нарративов британских военных герильерос воспринимались как крайне жестокие люди, неспособные или нежелающие соблюдать «цивилизованные» правила ведения войны, склонные к насилию и зверствам по отношению к французам [11, р. 149]. Британские представления о жестокости и бесчеловечности герильерос имели под собой как реальные основания, когда англичане были свидетелями пыток и убийств французских, но порой оказывались результатом стереотипов из «черной легенды» о жестоких и диких людях, населявших Пиренейский полуостров. Убежденность в том, что испанцы и португальцы благодаря Инквизиции и деятельности конкистадоров «отличались в проведении пыток и живодерстве» [9, р. 249–250], была укоренена в сознании британцев начала XIX в. Несмотря на то, что характеристика, которую Брагге дал партизанам, не включает упоминание их жестокосердия, подчеркивание их неприятного внешнего вида, эклектичности одежды свидетельствует о неприязни британского офицера к испанским партизанским отрядам.

Результаты. Таким образом, обращение к британским нарративам солдат и офицеров, посещавших Саламанку, позволяет выявить несколько аспектов образа этого города и его жителей. Саламанка стала одним из немногих примеров, когда англо-португальская армия была встречена испанцами с воодушевлением. Это обусловлено тем, что армия Веллингтона для жителей Саламанки олицетворяла мир и прекращение огня. Пострадавшие от деятельности французов, оборонявших форт в черте города, горожане видели в британцах освободителей. Сами британские военные были и ранее убеждены в своей освободительной миссии Испании от французской тирании, но лишь летом 1812 г., оказавшись в Саламанке, они впервые видели, что испанцы искренне поддерживают своих союзников. В текстах британских военных, посвященных Саламанке, раскрываются как существовавшие ранее негативные образы католического духовенства, так и новые черты испанцев – их дружелюбие, восторженность от встречи с британцами, готовность воевать бок о бок с союзниками. Однако романтизированный образ Саламанки как города Жиль Бласа оказался для британцев фантомом: университетский центр в условиях боевых действий не был городом безрассудного студенчества. В то же время присутствие ирландского духовенства в Саламанке обуславливало интерес британцев к городу, который казался намного ближе для ирландцев, состоявших в армии Веллингтона. В целом, британские военные были склонны воспринимать Саламанку как один из главных религиозных и культурных центров Испании, жители которого искренне благодарны армии Веллингтона и соответствуют британским представлениям о том, как должны вести себя испанцы по отношению к комбатантам в красных мундирах.

Литература

1. Зозая Монтес М. Война за создание нации? Испанская историография войны на Пиренеях 1808–1814 гг. // Французский ежегодник 2013: «Русская кампания» Наполеона: события, образы, память. М.: ИВИ РАН, 2013. С. 328–339.
2. Косых Т. А. «Неблагодарная Испания»: Галисия и ее жители в 1808–1809 гг. в восприятии британских солдат и офицеров // Запад, Восток и Россия. Вопросы всеобщей истории. Выпуск 25. Историческая антропология: проблемы изучения и преподавания. Екатеринбург: б.и., 2022. С. 18–26.
3. The Adventures of Captain John Patterson, with notices of the Officers, & c. of the 50th, or the Queen's Own Regiment, from 1807 to 1821. L.: T & W. Boone, 1837. 436 p.
4. The Black Legend: Anti-Spanish Attitudes in the Old World and the New / ed. by Ch. Gibson. N.Y.: Random House, 1971. 222 p.
5. Blayney Th. A. T. Narrative of a Forced Journey through Spain and France, as a Prisoner of War, in the Years 1810 to 1814. Vol. I. L.: E. Kerby, 1814. 495 p.
6. Brett-James A. Life in Wellington Army. L.: Allen and Unwin, 1972. 358 p.
7. A British Rifle Man: The Journals and Correspondence of Major George Simmons, Rifle Brigade, During the Peninsular War and the Campaign of Waterloo / ed. by W. Verner. L.: A. & C. Black, 1899. 386 p.
8. Charles Kinloch to Mrs. Isabella Kinloch, his mother. Salamanca, 19 November 1808 // National Records of Scotland. GD453/15.
9. Daly G. "Barbarity more suited to Savages": British Soldiers' views of Spanish and Portuguese violence during the Peninsular War, 1808–1814 // War and Society. 2016. Vol. 35. № 4. P. 249–250.
10. Daly G. Storm and Sack: British Sieges, Violence and the Laws of War in the Napoleonic Era, 1799–1815. Cambridge: Cambridge University Press, 2022. 316 p.
11. Daly G. The British Soldier in the Peninsular War: Encounters with Spain and Portugal, 1808–1814. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2013. 302 p.
12. Duráñez Prados F.Á. No fue Guerra «de la Independencia». Propuesta de modificación de la denominación oficial de la Guerra hispano-francesa desarrollada entre 1808 y 1814 // Iberoamericana. 2008. Vol. 8. № 29. P. 178–183.
13. Esdaile Ch. Peninsular Eyewitnesses: The Experience of War in Spain and Portugal 1808–1813. Barnsley: Pen and Sword, 2008. 304 p.

14. Esdaile Ch. *Peninsular War: The New History*. L.: Penguin Books, 2003. 587 p.
15. *For King and Country: The Letters and Diaries of John Mills, Coldstream Guards, 1811–1814* / ed. by I. Fletcher. Staplehurst: Spellmount, 1995. 297 p.
16. Gómez Rivas L. El Colegio de los Irlandeses en Salamanca hacia 1808. Una nota sobre la correspondencia y otras circunstancias al tiempo de la invasión francesa // *Universidades Hispánicas: Colegios y Conventos Universitarios en la Edad Moderna (II)*. Salamanca: Ediciones Universidad de Salamanca, 2009. P. 273–294.
17. Gutierrez Rodilla B.M. La Guerra de la Independencia en Salamanca: atención a heridos y enfermos // *Salamanca. Revista de Estudios*. 1997. No. 40. P. 307–326.
18. *Intelligence Officer in the Peninsula: Letters and Diaries of Major the Hon Edward Charles Cocks 1786–1812* / ed. by J. V. Page. N.Y.: Hypocrene Books, 1986. 255 p.
19. *International Dictionary of University Histories* / ed. by C. Summerfield and M.E. Devine. L. and N.Y.: Routledge, 1998. 780 p.
20. *Journal of Capt. William Smith, 11th Light Dragoons during the Peninsular War (1808–1814), May 1811, October 1812* // *National Army Museum (далее – NAM)*. 1968–07–52.
21. *The Letters of Private Wheeler, 1809–1828* / ed. by Captain B.H. Liddel Hart. L.: Michael Joseph, 1951. 342 p.
22. Manuscript memoirs of an unidentified soldier of 38th (1st Staffordshire) Regiment of Foot, of his career in the Army 1808–1815 // *NAM*. 1979–12–21–1.
23. Morrissey Th. The Irish Student Diaspora in the Sixteenth Century and the Early Years of the Irish College at Salamanca // *British Catholic History*. 1978. Vol. 14. Iss. 3. P. 242–260.
24. *Peninsular Portrait 1811–1814: The Letters of Captain William Bragge, Third (King's Own) Dragoons* / ed. by S. A. S. Cas-sels. L.: Oxford University Press, 1963. 167 p.
25. Pérez Delgado T.F. Salamanca en la Guerra de la Independencia (1808–1814): teatro bélico y escenario social // *Salamanca en el primer tercio del siglo XIX*. Salamanca: Centro de Estudios Salmantinos, 2013. P. 15–44.
26. Sherer M. *Recollections of the Peninsula*. L.: Longman, Hurst, Rees, Orme, Brown, and Green, 1824. 262 p.
27. Typescript transcripts of letters written by Lt Col Charles Bevan, 1st Bn 4th (or The King's Own) Regiment of Foot, 1804–1811. Letter 19 // *NAM*. 2001–07–1170.
28. Warre W. *Letters from the Peninsula 1808–1812* / ed. by Rev. E. Warre, D.D. C.B. M.V.O. L.: John Murray, 1909. 312 p.

References

1. Zozaya Montes M. A war to create a nation? Spanish historiography of the war in the Pyrenees 1808–1814. in *French Yearbook 2013: Napoleon's «Russian campaign»: events, images, memory*. Moscow: IWH RAS publ., 2013. p. 328–339. (In Russ.).
2. Kosyh TA. “Ungrateful Spain”: Galicia and its inhabitants in 1808–1809. in the perception of British soldiers and officers in West, East and Russia. Questions of world history. Issue 25. *Historical Anthropology: Problems of Study and Teaching*. Ekaterinburg: b.i., 2022. p. 18–26. (In Russ.).
3. *The Adventures of Captain John Patterson, with notices of the Officers, & c. of the 50th, or the Queen's Own Regiment, from 1807 to 1821*. L.: T & W. Boone, 1837. 436 p.
4. *The Black Legend: Anti-Spanish Attitudes in the Old World and the New* / ed. by Ch. Gibson. N.Y.: Random House, 1971. 222 p.
5. Blayney ThAT. *Narrative of a Forced Journey through Spain and France, as a Prisoner of War, in the Years 1810 to 1814*. Vol. I. L.: E. Kerby, 1814. 495 p.
6. Brett-James A. *Life in Wellington Army*. L.: Allen and Unwin, 1972. 358 p.
7. *A British Rifle Man: The Journals and Correspondence of Major George Simmons, Rifle Brigade, During the Peninsular War and the Campaign of Waterloo* / ed. by W. Verner. L.: A. & C. Black, 1899. 386 p.
8. Charles Kinloch to Mrs. Isabella Kinloch, his mother. Salamanca, 19 November 1808 // *National Records of Scotland*. GD453/15.
9. Daly G. “Barbarity more suited to Savages”: British Soldiers' views of Spanish and Portuguese violence during the Peninsular War, 1808–1814 // *War and Society*. 2016; 4(35):249–250.
10. Daly G. *Storm and Sack: British Sieges, Violence and the Laws of War in the Napoleonic Era, 1799–1815*. Cambridge: Cambridge University Press, 2022. 316 p.
11. Daly G. *The British Soldier in the Peninsular War: Encounters with Spain and Portugal, 1808–1814*. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2013. 302 p.
12. Durántez Prados FÁ. No fue Guerra «de la Independencia». Propuesta de modificación de la denominación oficial de la Guerra hispano-francesa desarrollada entre 1808 y 1814 // *Iberoamericana*. 2008;29(8):178–183.
13. Esdaile Ch. *Peninsular Eyewitnesses: The Experience of War in Spain and Portugal 1808–1813*. Barnsley: Pen and Sword, 2008. 304 p.
14. Esdaile Ch. *Peninsular War: The New History*. L.: Penguin Books, 2003. 587 p.
15. *For King and Country: The Letters and Diaries of John Mills, Coldstream Guards, 1811–1814* / ed. by I. Fletcher. Staplehurst: Spellmount, 1995. 297 p.
16. Gómez Rivas L. El Colegio de los Irlandeses en Salamanca hacia 1808. Una nota sobre la correspondencia y otras circunstancias al tiempo de la invasión francesa // *Universidades Hispánicas: Colegios y Conventos Universitarios en la Edad Moderna (II)*. Salamanca: Ediciones Universidad de Salamanca, 2009. p. 273–294.
17. Gutierrez Rodilla BM. La Guerra de la Independencia en Salamanca: atención a heridos y enfermos // *Salamanca. Revista de Estudios*. 1997;40:307–326.
18. *Intelligence Officer in the Peninsula: Letters and Diaries of Major the Hon Edward Charles Cocks 1786–1812* / ed. by J. V. Page. N.Y.: Hypocrene Books, 1986. 255 p.
19. *International Dictionary of University Histories* / ed. by C. Summerfield and M.E. Devine. L. and N.Y.: Routledge, 1998. 780 p.
20. *Journal of Capt. William Smith, 11th Light Dragoons during the Peninsular War (1808–1814), May 1811, October 1812* // *National Army Museum (NAM)*. 1968–07–52.

21. The Letters of Private Wheeler, 1809–1828 / ed. by Captain B.H. Liddel Hart. L.: Michael Joseph, 1951. 342 p.
22. Manuscript memoirs of an unidentified soldier of 38th (1st Staffordshire) Regiment of Foot, of his career in the Army 1808–1815 // NAM. 1979-12-21-1.
23. Morrissey Th. The Irish Student Diaspore in the Sixteenth Century and the Early Years of the Irish College at Salamanca // British Catholic History. 1978;3(14):242–260.
24. Peninsular Portrait 1811–1814: The Letters of Captain William Bragge, Third (King's Own) Dragoons / ed. by S. A. S. Cas-sels. L.: Oxford University Press, 1963. 167 p.
25. Pérez Delgado TF. Salamanca en la Guerra de la Independencia (1808–1814): teatro bélico y escenario social // Salamanca en el primer tercio del siglo XIX. Salamanca: Centro de Estudios Salmantinos, 2013. p. 15–44.
26. Sherer M. Recollections of the Peninsula. L.: Longman, Hurst, Rees, Orme, Brown, and Green, 1824. 262 p.
27. Typescript transcripts of letters written by Lt Col Charles Bevan, 1st Bn 4th (or The King's Own) Regiment of Foot, 1804–1811. Letter 19 // NAM. 2001-07-1170.
28. Warre W. Letters from the Peninsula 1808–1812 / ed. by Rev. E. Warre, D.D. C.B. M.V.O. L.: John Murray, 1909. 312 p.

Научная статья
УДК 94(470.67) : 295
<https://doi.org/10.37493/2409-1030.2023.2.7>

ДЕРБЕНТ В ИСТОРИИ ЗОРОАСТРИЗМА НА КАВКАЗЕ

Кудрявцев Александр Абакарович¹

¹ Северо-Кавказский федеральный университет (д. 1, ул. Пушкина, 355017, Ставрополь, Российская Федерация)
Доктор исторических наук, профессор. ORCID: 0009-0008-5647-4092. E-mail: kaa0210@yandex.ru

Аннотация. Введение. На протяжении многих веков Кавказ выступал своеобразным мостом, по которому шёл интенсивный обмен не только экономическими достижениями, но и идеологией высоко-развитых областей Средиземноморья, Передней и Средней Азии. **Материалы и методы.** Исследование проводилось на основе междисциплинарных подходов и общепринятых исторических методов. Впервые в отечественной и зарубежной историографии проведено исследование, построенное на анализе древних и средневековых греко-римских, армянских, албанских, грузинских и дербентских авторов, материалов персидской эпиграфики и данных археологических раскопок, проведенных автором в Дербенте в 1970 – 1995 гг. **Анализ.** В III–V вв. н.э. Кавказ стал ареной ожесточённого противостояния Рима и сасанидского Ирана за обладание этим очень важным геополитическим регионом, в истории которого особую роль играли кавказские проходы, и важнейший из них Дербентский. К V в. н.э. местная элита и население Армении, Кавказской Албании, Грузии в значительной степени были уже христианизированы и ориентировались на христианскую Византию. Попытки Сасанидов насаждать здесь зороастризм, являвшийся государственной религией Ирана, привели к ряду крупных антииранских восстаний народов Кавказа против

«учения магов», успех которых во многом зависел от ориентации дербентских правителей, контролировавших Дербентский проход – главные «Ворота» Кавказа. Христианские правители Армении, Кавказской Албании, Грузии, возглавлявшие во второй половине V в. н.э. антииранские восстания на Кавказе, сумели распространить свою власть на Дербент и привлекали для борьбы с персами кочевые племена Юго-Восточной Европы и северокавказских горцев. Антисасанидские выступления на Кавказе, под знамёнами борьбы зороастризмом, были самым тесным образом связаны с Дербентом. **Результаты.** Дербент в VI в. превратился не только в мощнейший фортификационный комплекс, но и в развитый раннесредневековый город, с полиэтничным населением, в основном исповедовавшем христианство, тогда как представители персидской знати, гарнизона и администрации были зороастрийцами.

Ключевые слова: Сасанидский Иран, Рим, зороастризм, христианство, конфессии, огнепоклонничество, идеология, политика, противоборство, Дербентские ворота

Для цитирования: Кудрявцев А. А. Дербент в истории зороастризма на Кавказе // Гуманитарные и юридические исследования. 2023. Т. 10 (2). С. 237–243. DOI: 10.37493/2409-1030.2023.2.7

Original article

DERBENT IN THE HISTORY OF ZOROASTRIANISM IN THE CAUCASUS

Alexander A. Kudryavtsev¹

¹ North-Caucasus Federal University (1, Pushkina St., 355017 Stavropol, Russian Federation)
Dr. Sci. (History), Professor. ORCID: 0009-0008-5647-4092. E-mail: kaa0210@yandex.ru

Abstract. Introduction. For many centuries, the Caucasus has acted as a bridge, through which there was an intensive exchange not only of economic achievements, but also of the ideology of the highly developed regions of the Mediterranean, Minor and Central Asia. **Materials and Methods.** The research was conducted on the basis of interdisciplinary approaches and generally accepted historical methods. For the first time in Russian and foreign historiography, a study was conducted based on the analysis of ancient and medieval Greco-Roman, Armenian, Albanian, Georgian and Derbent authors, materials of Persian epigraphy and data from archaeological excavations conducted by the author in Derbent in 1970–1995. **Analysis.** In the III–V centuries AD, the Caucasus became the scene of a fierce confrontation between Rome and Sasanian Iran for the possession of this very important geopolitical region, in the history of which the Caucasian passages played

a special role, and the most important of them was Derbent. By the 5th century A.D., the local elite and the population of Armenia, Caucasian Albania, and Georgia were already largely Christianized and oriented towards Christian Byzantium. The attempts of the Sassanids to plant Zoroastrianism here, which was the state religion of Iran, led to a number of major anti-Iranian uprisings of the peoples of the Caucasus against the «teachings of magicians», the success of which largely depended on the orientation of the Derbent rulers who controlled the Derbent Passage – the main «Gate» of the Caucasus. The Christian rulers of Armenia, Caucasian Albania, and Georgia, who led anti-Iranian uprisings in the Caucasus in the second half of the fifth century A. D., managed to extend their power to Derbent and attracted nomadic tribes of Southeastern Europe and North Caucasian highlanders to fight the Persians. The anti-Sasanian demonstrations in the Caucasus, under the banner of

the struggle against Zoroastrianism, were most closely connected with Derbent. **Results.** Derbent in the VI century turned not only into a powerful fortification complex, but also into a developed early medieval city with a multi-ethnic population, mainly professing Christianity, while representatives of the Persian nobility, garrison and administration were Zoroastrians.

Введение. Дербент вошёл в историю как выдающийся памятник мировой фортификации на Кавказе, который на протяжении многих веков сдерживал мощные объединения кочевых племён Евразии, стремившихся прорваться к высококоразвитым центрам Закавказья, Передней Азии и Средиземноморья. В раннесредневековый период Дербент превратился не только самый значительный оплот мировых держав Ближнего и Среднего востока в их борьбе с кочевыми племенами Юго-Восточной Европы и Предкавказья, но и в крупный кавказский город, важный идеологический центр, куда рано проникли и получили развитие три известных мировых религии: христианство, зороастризм и ислам. Две первые из них стали активно распространяться на Кавказе уже в первой половине первого тысячелетия нашей эры и сыграли большую роль в противостоянии здесь крупнейших мировых держав раннесредневекового мира: сасанидского Ирана и Римской империи.

Материалы и методы. Исследование проводилось на основе междисциплинарных подходов и общепринятых исторических методов: историко-сравнительного, историко-типологического. Впервые в отечественной и зарубежной историографии проведено исследование, построенное на анализе древних и средневековых греко-римских, армянских, албанских, грузинских и дербентских авторов, материалов персидской эпиграфики и данных археологических раскопок, проведенных автором статьи в Дербенте в 1970–1995 гг.

Анализ. Огнепоклонничество, лежащее в основе зороастризма, имеет на Восточном и Северо-Восточном Кавказе глубокие корни и восходит к легендарным пластам древнеиранского и местного эпоса. В них, наряду с сообщениями об основании Дербента в глубокой древности легендарными и историческими героями античной и более древних эпох, упоминаются и огнепоклонники. Местные дербентские предания, зафиксированные в городе И. Березиным в середине XIX в., основание Дербента связывали с древними «огненными людьми», жившими здесь «ещё до сотворения мира» [8, с. 2]. Следы зороастризма усматривали некоторые исследователи в материалах древних курганов, раскопанных в XIX в. в приморской части Дербента, в которых, по их мнению, были выявлены чёткие следы зороастрийского погребального обряда [8, с. 7–8].

Key words: Sasanian Iran, Rome, Zoroastrianism, Christianity, confessions, fire worship, ideology, politics, confrontation, Derbent Gate

For citation: Kudryavtsev A. Derbent in the history of Zoroastrianism in the Caucasus // Humanities and law research. 2023. V. 10 (2). P. 237–243 (In Russian). DOI: 10.37493/2409-1030.2023.2.7

Однако подобная интерпретация материалов раскопок, проведённых в XIX в. без соблюдения элементарных правил археологической методики, выглядит весьма сомнительной, хотя и имеет право на существование.

Средневековая зороастрийская традиция родины Заратуштры считает Мидию, «а в качестве места его проповеди – Бактрию» [4, с. 60]. В «Гатах» – древнейшей части священные книги зороастрийцев «Авесте», пророк Заратуштра предстаёт как фигура реальная, что позволяет большинству исследователей признавать его «исторической личностью» [16, с. 50; 4, с. 59].

При этом, среди специалистов нет единого мнения о времени его жизни: И. М. Дьяконов считает, что это период VIII в. до н.э., а В. В. Струве и В. И. Абаев датируют время деятельности VII в. до н.э. Известный авторитет в изучении истории Ирана М. М. Дьяконов полагал, опираясь на анализ данных, сохранившихся в «Гатах» и материалы археологических раскопок в Иране и Средней Азии, что это «перевод более ранний» [4, с. 59], скорее всего восьмой век до нашей эры.

Сведения о времени жизни Заратуштры и начала его миссионерской деятельности при дворе персидского правителя из династии Кейанидов, имеет особое значение для темы данного исследования, так как древний иранский эпос и местные предания, а также ряд персидских и арабских средневековых авторов называют Кейанидов не только покровителями пророка Заратуштры, но и единодушно считают их основателями древней Дербентской крепости на вершине холма. Так, средневековый автор Хамдаллах Казвини, приписывавший основание древнего Дербента кейанидскому персидскому шаху Лехраспу, сына которого – Гиштаспа, он называет покровителем Заратуштры [4, с. 60]. Этот автор в связи с возведением города сообщает, что называют его «и Дербентом и Филянном, по-тюркски Железные ворота». Построил его Лехрасп Каянидский, а внук его Исфендияр Кишасф Бен Лехрасп окончательно устроил» [8, с. 41].

Среди обширной средневековой литературы, посвящённой деяниям Лихраспа, выделяется бессмертное творение великого персидского поэта Фирдоуси (около 941 – 1026 гг.) «Шах-наме» (Книга о царях). В этой грандиозной историко-поэтической эпопее, содержится описание правления 50 персидских шахов, в том числе и Лехраспа, в царствие которого, согласно данным

«Шах-наме», был основан Дербент и началось распространение древнеиранской религии зороастризма, воспринятой от пророка Заратуштры сыном Лехраспа – шахом Гиштаспом.

Правитель Гиштасп, названный в древнейшей части «Авесты» – «Гатах» Виштаспом, а у Хамдаллаха Казвини – Киштасфом, упоминается и древнегреческим историком Харесом Митиленским, в связи с событиями VIII–VII вв. до н.э., как царь, который, владел «Нижней Мидией» [4, с. 60], а его брат Зариандр, областью лежащей выше Каспийских ворот (древнейшее название Дербентского прохода) до Танаида (Дона). Это позволяет предполагать распространение власти или влияния Гиштаспа и на Дербент [9, с. 25]. В свете этих сообщений, представляется весьма заманчивой попытка связать с именами кейанидских шахов Лехраспа и его сына Гиштаспа не только возведение древнейшей Дербентской крепости на вершине холма, но и начало распространения здесь зороастризма. Однако, ни эти сообщения письменных источников, ни материалы древнего эпоса и легенд, даже не рассматривались исследователями в контексте древнейшей истории Дербента, которая традиционно начиналась со строительной деятельности знаменитого сасанидского царя Хосрова I Аноширвана (531–579 гг.), реке его отца Кавада 1 (488 – 531 гг.).

Археологические исследования в Дербенте, которые, впервые за весь 300-летний период изучение города, были проведены лишь в 1970–1995 гг. автором статьи, выявили совершенно неизвестные ранее древнейшие периоды развития Дербента и отодвинули истоки его истории на целые тысячелетия в глубь веков [11, с. 27–73].

Широкие стационарные раскопки на Дербентском холме позволили, под стенами хорошо сохранившейся сасанидской цитадели., Нарынкала, выявить стены более древней крепости конца VIII – начала VII вв. до н.э., планировка которой совпадала почти полностью с вышележащей крепостью VI в. н.э. [12, с. 55–60]. И хотя место и время возведения Дербентской древней крепости удивительным образом совпали с данными древнеиранского эпоса и средневековых источников (в персидском варианте местной исторической хроники Дербенд-Наме указана даже точная дата основания Дербента – 733 год до нашей эры) [3, с. 236], оказалось, что техника кладки стен, архитектурно-строительные традиции, массовый археологический материал, генетически связаны не с иранской, а с местной этнической средой. Всё это исключает возможность широкого проникновения сюда персидского влияния в древности, а значит и распространение здесь зороастризма в VIII – VII вв. до н.э., что, однако, не исключает существования у местного населения культа поклонения огню.

Религиозные традиции, связанные с культом поклонения огню, лежащие в основе зороастризма, были выявлены нами при археологическом исследовании крупного Дербентского поселения I тыс. до н.э. – I тыс. н.э., примыкавшего с юга к древней Дербентской крепости VIII–VII вв. до н.э. В процессе раскопок здесь удалось обнаружить трёхслойный могильник, функционировавший в раннем железном веке, в античное время и в раннем средневековье [10, с. 125–146]. Самый древний горизонт захоронений представлен погребениями IX–VIII вв. до н.э., носящими следы ритуалов характерных для культа огнепоклонников, хотя весь погребальный инвентарь полностью местного происхождения [10, с. 136–146]. Природные условия нефтеносных районов прикаспийских территорий Восточного и Северо-Восточного Кавказа (современных Азербайджана и Южного Дагестана), изобилующие выходами легко воспламеняющихся месторождений газа, служили благодатной средой для широкого распространения здесь идеологии поклонения огню уже в глубокой древности. Это даже дало основание некоторым исследователям данной проблемы считать Восточный Кавказ (Арран) родиной зороастризма (К. Гельднер, Ф. Юсти, Дж. Дармстетер).

Однако, анализ обширных археологических данных и сведений письменных источников не дают оснований предполагать проникновение в Дербент зороастризма, как религии его населения, ранее периода конца IV – середины V вв. н.э. Сасанидский Иран, являвшийся главным распространителем зороастризма на Кавказе в эпоху раннего средневековья, проник на территорию Дербентского прохода, именуемого в этот период «Каспийскими воротами», «Албанскими воротами», «Воротами Чога» (Чола, Чора), в середине третьего века нашей эры, а точнее, в 258–260 гг. н.э. После разгрома могущественной Парфянской державы в 224 г. н.э. Сасанидами и гибели последнего парфянского царя из династии Аршакидов Артабана V, борьба в отдалённых провинциях Парфии против власти новой персидской династии продолжалась ещё некоторое время. Особенно активно она велась на Южном Кавказе, где в Армении и Кавказской Албании правители, происходившие из династии Аршакидов, оказали серьёзное сопротивление сасанидскому Ирану. В своей борьбе с персами они использовали кочевников Северного Кавказа и Прикаспия, которые были пропущены через Дербентские ворота и разорили богатые провинции Персии «до самого Тисбона» Ктезифона – (столицы Персии).

Но в этот период сасанидский Иран ещё не получил власть над Дербентским проходом, а следовательно, не мог распространять свою идеологию (зороастризм) на эти территории. Но правители Ирана хорошо осознали военно-политическую значимость этих неподвластных Сасанидам территорий и попытались распространить на них свою власть и влияние в последующий период.

Уже следующий царь из династии Сасанидов – Шапур I (242–272 гг.) попытался подчинить себе Восточный Кавказ и территорию Дербентского прохода. О военных акциях здесь и походе Шапура I к Дербентским воротам сообщается в известной Накш-и Рустамской надписи царя Шапура и верховного сасанидского жреца-магупата Ахура Мазды Картира на «Ка'бе Зороастра». Надпись гласит, что «...кони и люди Шапура, царя царей» после побед в Закавказье дошли «до Албанских ворот (Дербента – А.К.), там, где Шапур, царь царей, с конями и людьми, сам... разрушения и пожарища... учинил» [13, с. 87–88].

Военные успехи Шапура в борьбе с Римом в 256, 258–260 гг., обеспечили ему продвижение на Восточном Кавказе и разгром Дербента, о чём свидетельствует надписи Шапура и Картира, а также материалы раскопок автора этой статьи в Дербенте, зафиксировавшие следы сильного пожара и разрушений в культурных слоях города второй половины III в. н.э., которые служат убедительные свидетельствами этого похода [9, с. 67].

Считается, что становление и укрепление зороастризма, как государственной религии в Иране при первых Сасанидах связано с именем верховного жреца (мобеда мобедев) Картира, надпись которого, высеченная на «Ка'бе Зороастра» гласит, что «страну Армению, Грузию, Албанию и Баласаган, вплоть до Албанских ворот, Шапур, царь царей, со своими конями и людьми разграбил, сжёг и опустошил» [16, с. 87, 295]. Место нахождения этой надписи на важнейшем зороастрийском святилище, рядом с надписью Шапура I, характеризует статус Картира. По мнению известного американского исследователя истории Ирана Ричарда Фрая, именно: «Картир должен считаться подлинным основателем зороастрийской государственной церкви при первых Сасанидах» [16, с. 300]. Надо отметить, что Картир яростно боролся со всеми иноверцами, как в самом Иране, так и за его пределами. «Картир особо жестоко расправлялся с иудеями, буддистами, индуистами, назореями (арамееязычные христиане)» [16, с. 302].

Представляется вероятным, что столь же жестоко Шапур и сопровождавшие его в походе зороастрийские маги могли расправиться и с иноверцами Дербента, основная масса обитателей которого, вероятно, была христианами и язычниками, исповедовавшими известные культы, характерные для Кавказской Албании этого периода.

Но несмотря на разгром Дербента и победы в Закавказье, укрепить свою власть и распространить здесь зороастризм сасанидскому Ирану не удалось.

Даже впечатляющая победа Шапура в сражении под Эдессой в 260 г в Месопотамии [11, с. 76–77], над римским императором Валерианом (250–

260 гг.), когда впервые в истории Рима, в плен попал сам император и его ближайшее окружение, не дала Сасанидам реальной власти над всем Южным, и особенно Восточным Кавказом, правители которого продолжали ориентироваться на Рим [11, с. 76–77].

На победные письма Шапура, разосланные им всем правителям Кавказа, ответил лишь более зависимый от персов армянский царь Артавазд, который, однако, не только не восхвалял персидского царя за громкие военные успехи последнего, но даже осмелился поучать грозного Шапура, написав ему: «Я радуюсь твоей славе (пленению Валериана – А.К.), но боюсь, что ты не столько одержал победу, сколько посеял войны» [15, с. 133]. Цари же албанов и иберов вообще «не приняли писем Шапура, а обратились с посланиями к римским вождям, обещая помощь в деле освобождения Валериана из плена» [15, с. 133].

Таким образом, ни данные археологии, ни материалы письменных источников не сообщают об укреплении зороастризма здесь в третьем веке н.э.

Влияние персов на Кавказе значительно возросло в правление Шапура II (309 – 379 гг.), который от дипломатических усилий и политических интриг перешёл к прямым военным действиям против римлян. После ряда успешных сражений, Шапур одержал крупную победу над Римом в 359 году и захватил очень важную крепость Амиду, расположенную на границе Армении и Месопотамии. Участник и очевидец многих событий римско-персидских войн на Кавказе Аммиан Марцеллин писал: «Шапур возгордившись больше прежнего, заявил, что он согласен на мир (с римлянами – А.К.), но условия предложил тяжкие» [4, с. 266]. Рим на них не пошёл, и война продолжилась. Римско-сасанидские противоречия на Кавказе во второй половине четвёртого века совпали с периодом активизации кочевников на Северном Кавказе и их проникновением через Дербентский проход на территорию Закавказья. Шапур II воспользовался трудностями правителей Армении и Кавказской Албании, в связи с усилением угрозы вторжения кочевых племён на территории их государств, и предложил им свою помощь в отражении этих набегов. Упомянув эти события, известный раннесредневековый историк Моисей Каганкатваци писал, что царь Армении Тигран (338–345 гг.), «заключил мир с персами и помогая Шапуху (Шапуру – А.К.), оградил его от нападения северных народов» [6, с. 22].

Представляется вероятным, что этот период Сасаниды могли под предлогом защиты Кавказской Албании и Армении попытаться поставить Дербентский проход под свой контроль, но не путём его захвата, а через влияние на царя Кавказской Албании. Свидетельством подобной политики Шапура II в отношении Дербентских ворот, может служить участие албанского царя на сторо-

не персов в битве под Амидой в 359 г. и почётное место, которое ему было отведено рядом с персидским царём.

И хотя при Шапуре II, начиная с 339 г., в Иране усилились гонения на христиан, персидский царь, очень нуждавшийся в поддержке кавказских правителей в его многолетнем противостоянии с Римом, не пошёл на конфликт с христианской верхушкой Кавказа, насаждая здесь зороастризм, а вносил раскол в правящую кавказскую элиту.

Венцом военных и дипломатических усилий Шапура в Закавказье стал договор между римлянами и персами о разделе Армении, но он произошёл уже после смерти Шапура (379 г.) и гибели римского императора Валента (378 г.), который вынужден был пойти на этот невыгодный для Рима договор, в связи с нашествием на Римскую империю готов и политическим кризисом в правящей верхушке Армении. По этому соглашению большая, восточная часть Армении отошла сасанидскому Ирану, который укрепил свои позиции и в Кавказской Албании, распространив свою реальную власть на Дербентский проход и начав укреплять его.

Активизация военно-политического противостояния сасанидского Ирана и Римской империи на Кавказе и в Месопотамии способствовала усилению внутривосточной и религиозной борьбы в самом Иране и на завоеванных им территориях. Одним из важных аспектов здесь стало гонение на христианство, которое значительно укрепило свои позиции в регионе в первой половине IV в.

Надо отметить, что сасанидские правители нередко использовали христиан и других иноверцев в своей политической и междоусобной борьбе с крупной феодальной знатью и претендентами на царский престол в Иране. Однако, достигнув своих целей, царь обычно легко предавал своих союзников – христиан.

К концу первой половины IV века Шапур II изменил свою политику в отношении христиан Ирана, которую он объяснял очень просто: «Они населяют нашу территорию, а разделяют чувства Кесаря, нашего врага» [4, с. 269].

Проникновение и укрепление христианства в Армении, Кавказской Албании, Грузии и полное неприятие основной частью их населения зороастризма, послужили не менее веской причиной противостояния их правителей сасанидскому Ирану, чем военно-политическое соперничество Римской империи и державы Сасанидов за влияние в этом важном регионе.

После смерти Шапура II в Иране за короткий период сменилось четыре царя и пришедший к власти Ездегерд I (399–420 гг.) столкнулся с мощной оппозицией крепнувших знатных родов и зороастрийского духовенства. В борьбе с феодальной верхушкой Ирана, принявшей жесто-

чий характер, Ездегерд I решил опереться на многочисленных последователей христианства, дав им ряд привилегий и послаблений, отдельные из которых были сделаны даже в ущерб зороастрийскому духовенству и государственному статусу этой религии. При нём в 410 г. состоялся церковный собор в Селевкии, постановивший объединить иранскую и византийскую церковь, но дальнейшее усиление позиций христианства сасанидский царь посчитал опасным и вероятно пошёл на сближение с зороастрийским духовенством, которое, однако, не простило его отступничества.

Надо отметить, что борьба против иноверцев началась в Иране ещё при первых Сасанидах и в христианских сирийских и армянских источниках сообщалось о рвении, с которым уже первый сасанидский царь Арташир (226–242 гг.) возводил храмы огня, в том числе и при завоевании Закавказья.

В правление Шапура I, верховный сасанидский маг Картир создал «воинствующую зороастрийскую ортодоксальность и государственную церковь, прежде всего организацию магов» [16, с. 302], которым принадлежала особая роль в истории сасанидского Ирана и в попытках обратить в зороастризм всё население Армении, Кавказской Албании, Грузии. После смерти Ездегерда I, убитого, скорее всего, иранской знатью, его сын Бахрам V (421–439 гг.) отошёл от политики отца, и вся власть перешла в руки крупной феодальной знати и зороастрийской верхушки. Практически руководство государственными делами было сосредоточено в руках представителя знатного персидского рода Михр-Насре, которого сасанидская литературная традиция рисует ярким защитником зороастризма, а кавказские раннесредневековые источники – злым гонителем христианства. Именно Михр-Насре считают главным вдохновителем войны между христианской Византией и Ираном, после победы, в которой Византии, христианам была обещана свобода вероисповедания, ликвидированная царём позднее, по совету Михр-Насре. При Бахrame V, в 429 г., была ликвидирована царская власть в Армении, управление которой возглавил марзпан.

После смерти Бахрама V (439 г.), вступивший на престол его сын Ездегерд II (439 – 457 гг.) продолжил политику отца, опиравшегося на крупную землевладельческую знать и зороастрийское духовенство. Михр-Насре сохранивший своё привилегированное положение в государстве направил свои усилия на борьбу с христианством на Кавказе. Здесь он видел главную угрозу и зороастризму, и влиянию Сасанидов в регионе, и прежде всего в Армении, которая в этот период выступала одним из важных центров христианизации Кавказа и служила важным военно-политическим и идеологическим оплотом Византии в регионе.

Жёсткая антихристианская политика Михр-Насре и Ездегерда II, пытавшихся, после упразднения царской власти в Армении, расколоть правящую верхушку и заставить её отказаться от христианства, приняв зороастризм, резко обострило обстановку и привела к антииранскому восстанию в стране, к которому примкнули правители Кавказской Албании [15, с. 212–213].

Раннесредневековые источники V–VII вв., общавшие об антииранском восстании поднятым спарапетом Армении Варданом Мамиконяном в 450–451 гг., свидетельствуют, что к этому времени Иран уже полностью контролировал всё Закавказье и Северо-Восточный Кавказ. Дербент в этот период выступает как крупный военно-политический и идеологический центр Сасанидов на Кавказе, правитель которого носил престижный персидский титул «марзпана», свидетельствующий о его высоком положении в бюрократической иерархии сасанидской администрации. Марзпан в сасанидском Иране управлял крупной провинцией и «обозначал правителя пограничной области, очевидно, наделённого и военной властью» [4, с. 288]. Персидский правитель Дербента Себухт, именуемый в источниках «марзпан Чора», обладал столь значительным военным силами, что смог сам с дербентским персидским гарнизоном, без поддержки центрального правительства, отправиться на подавление восстания в Армении и Албании [5, с. 76–77]. Армянский автор V в. Египше сообщал, что в подчинении «марзпана Чора Себухта» находилась «десять тысяч конницы» [5, с. 68], состоявшей, как и везде в персидских войсках, из азатов. До военной реформы Хосрова Аношервана (531–579 гг.) армия Сасанидов состояла из ополчения, главной силой которого являлась тяжёлая конница из «азатов».

В мощных антииранских восстаниях, охвативших в середине – второй половине V в. Кавказ, городу Чога – Дербенту – принадлежала особая роль. Так, спарапет Армении Вардан Мамиконян (г.ж. 388–451), поднявший в 450–451 гг. восстание против персов, насаждавших зороастризм в Армении и Албании, одной из важнейших задач, стоявших перед восставшими, считал захват Чога, выступавшего в то время мощной крепостью на северных границах Ирана. Стараниями Ездегерда II к середине V в. город был превращен в один из главных оплотов Сасанидов на Кавказе, с мощной фортификацией и крупным гарнизоном, который защищал от набегов кочевников северные провинции Ирана. После того, как правитель Чога персидский марзпан Себухт, был разбит Варданом Мамиконяном, последний, захватил город Чога и призвал на помощь восставшим, «открыв Дербентские ворота», воинственных кочевников Северного Кавказа [5, с. 79].

Убедившись, что «Ворота» открыты «гунны тотчас прибыли... и клятвенно по закону неба заключили союз» [12, с. 793]. Однако позднее,

в силу ряда обстоятельств, северокавказские союзники Вардана опоздали к решающей Аварайрской битве между персами и восставшими армянами, что привело к разгрому последних. Поражение и гибель Вардана Мамиконяна, не остановили антииранской борьбы христианского населения Кавказа против насильственного насаждения зороастризма. Смерть сасанидского царя Ездегерда II в 457 г. и начавшаяся междоусобная война за власть между его сыновьями Перозом и Ормиздом III, создали благоприятные условия для начала нового этапа борьбы против персидского налогового гнета и активного насильственного распространения «учения магов».

Воспользовавшись ослаблением власти Сасанидов в результате борьбы за царский престол, албанский царь Ваче II (444–463 гг.) в 459 г. вторично отказался принять зороастризм и поднял восстание против персов. Отказавшись от «учения магов», он даже обратился в христианство свою мать и жену, первая из которых была дочерью персидского царя Ездегерда II и сестрой царя Пероза, а вторая – его племянницей.

Центром своего восстания Ваче II сделал город Чога - Дербент, где имелись мощные укрепления, возведенные здесь Ездегердом II [5, с. 118; 6, с. 88] незадолго до восстания Вардана Мамиконяна, скорее всего около 439–450 гг. [12, с. 119]. Мощная цитадель из сырцового кирпича, характерных для сасанидской архитектуры размеров (42–44 x 42–44 x 11–12 см), и аналогичная ей по материалу северная городская сырцовая стена V века, протянувшаяся от цитадели на вершине Дербентского холма, до моря, полностью перекрыли Дербентский проход и сыграли особую роль в военных успехах восстания Ваче II.

После воцарения на сасанидский престол Пероза (459–484 гг.), Ваче II приказал открыть ворота Чога, т.е. Дербентский проход, и пропустил войска маскутов, которые совместно с албанскими войсками «одиннадцати царей гор» нанесли жестокое поражение персам [7, с. 147].

Попытки Пероза договориться с Ваче II не увенчались успехом, а длительная война Сасанидов с албанами, хотя и принесла большие разрушения и опустошения в Кавказской Албании, не поколебала стойкость христианского населения и царя страны.

Военные неудачи и поражения персов на востоке, пленение, а потом гибель царя Пероза (484 г.) в войне с эфталитами, внутренние противоречия и междоусобицы в Иране после его смерти, способствовали тому, что на некоторое время Сасаниды потеряли свою власть на Восточном и Северо-Восточном Кавказе и контроль над Дербентским проходом. Ослабление Ирана привело к новому восстанию народов Кавказа против персов в 483–484 гг., под руководством иберского царя Вахтанга Горгасала (г.ж. 440–502), в котором восставшие, вновь использовали Дербентский

проход и призвали на помощь себе кочевников Северного Кавказа и Прикаспия. Древнегрузинские источники сообщают, что в правление Вахтанга Горгасала жители Дербента оказывали помощь и пропускали кочевников через «Ворота Дарубанда» [14, с. 89–90].

Раздираемый ожесточенной борьбой за престол братьев Пероза Валарша и Зарера, теснимый на западе северокавказскими гуннами, а на востоке эфталитами, сасанидский Иран потерял контроль над укреплениями Дербента, которыми овладел царь гуннов Амвазук.

Результаты. Вернуть себе власть над Дербентским проходом персы смогли лишь в правление сасанидского царя Кавада I (488–531 гг.),

после смерти Амвазука «родом гунна», который хотел передать «ворота» византийскому императору Анастасию, но тот, не желая войны с персами, отказался.

В правление Кавада и Хосрова I Аноширвана (531–579 гг.), Дербент превратился не только в мощнейший фортификационный комплекс на северных границах сасанидского Ирана, но и в развитый раннесредневековый город, с полиэтничным населением, представленным албанами, сирийцами, греками, которые, как и во многих городах Ирана и Закавказья, исповедовали христианство, тогда как представители персидской знати, гарнизона и администрации были зороастрийцами.

Литература

1. Ат-Табари. История пророков и царей / пер. А.Р. Шихсаидова. Махачкала: Рукописный фонд Института истории, археологии и этнографии Даг. Федерального научного центра РАН, 1971. 104 л.
2. Бартольд В.В. Место прикаспийских областей в истории мусульманского мира. Сочинения. Т. 2. Ч. I. М.: Наука, 1963. 1024 с.
3. Гаджиев В.Г. «Дербенд-наме» Мирзы Хайдар-Визирова // Вопросы истории Дагестана. Вып. 2. Махачкала, 1975. 236 с.
4. Дьяконов М.М. Очерк истории древнего Ирана. М.: Изд-во восточной литературы, 1961. 441 с.
5. Егисшэ. О Вардане и войне армянской / пер. И.А. Орбели. Ереван: Изд-во АН Арм. ССР, 1971. 192 с.
6. «История агван» Моисея Каганкатвацци / пер. К. Патканьяна. СПб.: Типография Императорской Академии Наук, 1861. 374 с.
7. История Дагестана. Т. I. М.: Главная редакция восточной литературы, 1967. 431 с.
8. Козубский Е.И. История города Дербента. Темир-Хан-Шура: «Русская типография» В.М. Сорокина. 1906. 468 с.
9. Кудрявцев А.А. Древний Дербент. М.: Наука, 1982. 171 с.
10. Кудрявцев А.А. Дербентский могильник // Древние культуры Северо-Восточного Кавказа. Махачкала. Типогр. Даг-филиала АН СССР, 1985. С. 125 – 146.
11. Кудрявцев А.А. Пути развития северокавказского города (По материалам Дербента домонгольской поры). Ставрополь: Изд-во Ставропольского Государственного университета. 2003. 351 с.
12. Кудрявцев А.А. Дербент – древнейший город России. Махачкала: Дагестанское книжн. Изд-во, 2021. 381 с.
13. Луконин В.Г. Культура сасанидского Ирана. М.: Наука, 1969. 242 с.
14. Мровели Леонти. Жизнь картлийских царей / пер. и ком. Г.В. Цулая. М.: Наука, 1979. 103 с.
15. Тревер К.В. Очерки по истории и культуре Кавказской Албании. М.- Л.: Изд-во АН СССР, 1959. 391 с.
16. Фрай Ричард. Наследие Ирана. М.: Наука, 1972. 468 с.

References

1. At-Tabari. History of prophets and kings / trans. by A.R. Shikhsaidov. Makhachkala: Manuscript Fund of the Institute of History, Archeology and Ethnography Dag. Federal Scientific Center of RAS publ., 1971. 104 p. (In Russ.).
2. Bartol'd V.V. The place of the Caspian regions in the history of the Muslim world. Works. Vol. 2. Vol. I. Moscow: Nauka, 1963. 1024 p. (In Russ.).
3. Gadzhiev V.G. «Derbend-name» Mirzy` Hajdar-Vizirova in Dagestan historical issues. Issue 2. Makhachkala, 1975. 236 p. (In Russ.).
4. D'yakonov M.M. Essay on the history of ancient Iran. Moscow: Vostochnaya literatura, 1961. 441 p. (In Russ.).
5. Egishe`. About Vardan and the Armenian War / trans. by I.A. Orbeli. Erevan: SA of Arm. publ., 1971. 192 p. (In Russ.).
6. «History of the Agvans» by Moses Kaghankatvatsi / trans. K. Patkan'yan. St. Petersburg: Printing house of the Imperial Academy of Sciences publ., 1861. 374 p. (In Russ.).
7. History of Dagestan. Vol. I. Moscow: Main edition of oriental literature publ., 1967. 431 p. (In Russ.).
8. Kozubskij E.I. History of the city of Derbent. Temir-Xan-Shura: Printing house of Sorokin publ., 1906. 468 p. (In Russ.).
9. Kudryavcev A.A. Ancient Derbent. Moscow: Nauka, 1982. 171 p. (In Russ.).
10. Kudryavcev A.A. Derbent burial ground in Ancient cultures of the North-Eastern Caucasus. Makhachkala: SA of USSR, 1985. p.125-146. (In Russ.).
11. Kudryavcev A.A. Ways of development of the North Caucasian city (According to the materials of Derbent of the pre-Mongol period). Stavropol': SSU publ., 2003. 351 p. (In Russ.).
12. Kudryavcev A.A. Derbent – the oldest city in Russia. Makhachkala: Dagestanskoe knizhnoe izdalestvo, 2021. 381 p. (In Russ.).
13. Lukonin V.G. Culture of Sasanian Iran. Moscow: Nauka, 1969. 242 p. (In Russ.).
14. Mroveli Leonti. Life of Kartli kings / trans. by G.V. Tsulaya. Moscow: Nauka, 1979. 103 p. (In Russ.).
15. Trever K.V. Essays on the history and culture of Caucasian Albania. Moscow – Leningrad: SA of USSR, 1959. 391 p. (In Russ.).
16. Fraj Richard. Iranian heritage. Moscow: Nauka, 1972. 468 p. (In Russ.).

Научная статья
УДК 94(470.62).084.8
<https://doi.org/10.37493/2409-1030.2023.2.8>

ЗАГОТОВИТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПОТРЕБИТЕЛЬСКОЙ КООПЕРАЦИИ КРАСНОДАРСКОГО КРАЯ В УСЛОВИЯХ ВОССТАНОВЛЕНИЯ ХОЗЯЙСТВА (1943–1945 гг.)

Алексей Эрнестович Месропян¹

¹ Армавирский государственный педагогический университет (д. 159, ул. Розы Люксембург, 352901, г. Армавир, Российская Федерация)
Аспирант. ORCID: 0009-0003-3575-6596. E-mail: mesropyan_2013@mail.ru

Аннотация. Введение. Актуальность рассматриваемой в статье проблемы связана с необходимостью творческого использования опыта хозяйственной деятельности потребительской кооперации. Новизна исследования связана с изучением не получившей должного освещения проблемы в исторической литературе. Целью исследования является анализ заготовительной деятельности потребительской кооперации Краснодарского края в годы Великой Отечественной войны. **Материалы и методы.** Исследование основано на принципах объективности, историзма и системного подхода. При подготовке исследования были использованы следующие специально-исторические методы: историко-генетический, историко-сравнительный и статистический. **Анализ.** В годы Великой Отечественной войны значительно повысилось значение заготовительной деятельности потребительской кооперации. В том числе заготовки сельхозпродукции и сырья сыграли важную роль в условиях восстановления хозяйства Краснодарского края в 1943–1945 гг. Несмотря на объективные трудности, потребкооперация Кубани с каждым месяцем наращивала объемы заготовок сельхозпродукции и сырья. Приоритетное значение имели заготовки металлов, что являлось одним из направлений оказания помощи фронту. Основными факторами развития

заготовительной работы стали повышение уровня организации заготовок со стороны руководства райпотребсоюзов и заготконтор, а также напряженный труд работников. Вместе с тем, в ходе проведения заготовок проявились такие недостатки, как ограниченность выделяемых для обмена товаров, отсутствие необходимого количества тары, безответственное отношение ряда руководителей потребительских обществ, хищения материальных ценностей. В конце войны в борьбе с данными негативными явлениями были достигнуты определенные успехи. **Результаты.** По итогам проведенного исследования можно сделать вывод о том, что заготовительная деятельность потребительской кооперации играла важную роль в условиях восстановления хозяйства Краснодарского края.

Ключевые слова: потребительская кооперация, заготовительная деятельность, восстановление хозяйства, Краснодарский край, Великая Отечественная война

Для цитирования: Месропян А.Э. Заготовительная деятельность потребительской кооперации Краснодарского края в условиях восстановления хозяйства (1943 – 1945 гг.) // Гуманитарные и юридические исследования. 2023. Т. 10 (2). С. 244–250. DOI: 10.37493/2409-1030.2023.2.8

Original article

PROCUREMENT ACTIVITY OF CONSUMER COOPERATION IN THE KRASNODAR TERRITORY IN THE CONDITIONS OF ECONOMIC RECOVERY (1943–1945)

Alexey E. Mesropyan¹

¹ Armavir State Pedagogical University (159, Rosa Luxemburg str., 352901, Armavir, Russian Federation)
Postgraduate student. ORCID: 0009-0003-3575-6596. E-mail: mesropyan_2013@mail.ru

Abstract. Introduction. The relevance of the problem considered in the article is connected with the need for creative use of the experience of economic activity of consumer cooperation. The novelty of the research is connected with the study of the problem that has not received proper coverage in the historical literature. The purpose of the study is to analyze the procurement activities of consumer cooperatives of the Krasnodar Territory during the Great Patriotic War. **Materials and methods.** The research is based on the principles of

objectivity, historicism and a systematic approach. The following special historical methods were used in the preparation of the study: historical-genetic, historical-comparative and statistical. **Analysis.** During the Great Patriotic War, the importance of procurement activities of consumer cooperatives has significantly increased. In particular, the procurement of agricultural products and raw materials played an important role in the conditions of the restoration of the economy of the Krasnodar Territory in 1943–1945. Despite the objective difficulties, the Kuban

consumer cooperation has been increasing the volume of agricultural products and raw materials every month. Metal billets were of primary importance as it was one of the areas of assistance to the front. The main factors in the development of procurement work were the increase in the level of procurement organization by the leadership of the district consumer unions and the procurement office, as well as the hard work of employees. At the same time, during the procurement, such shortcomings as the limited availability of goods allocated for exchange, the lack of the necessary amount of containers, the irresponsible attitude of a number of leaders of consumer societies and theft of material values were revealed. At the end of the war,

Введение. Актуальность рассматриваемой в статье проблемы связана с необходимостью творческого использования опыта хозяйственной деятельности потребительской кооперации, в том числе в сфере заготовок сельхозпродукции и сырья. Несмотря на тяжелые условия военного времени, потребкооперация демонстрировала свои преимущества в организации этой работы. На примере потребкооперации Краснодарского края можно выявить основные принципы и результаты ее заготовительной деятельности в годы войны, показать специфику этого направления работы потребительских союзов и обществ в аграрном регионе страны. Историография проблемы представлена небольшим количеством работ, в той или иной степени раскрывающих участие потребкооперации в заготовках сельхозпродукции и сырья в условиях военного времени. Среди них работы А. К. Гагиевой, З. Р. Кочкаровой, И. А. Лысенко и других авторов [1, 15, 16]. Новизна исследования связана с изучением не получившей должного освещения проблемы в исторической литературе. Целью исследования является анализ заготовительной деятельности потребительской кооперации Краснодарского края в годы Великой Отечественной войны.

Материалы и методы. Исследование основано на принципах объективности, историзма и системного подхода. Это позволило учесть существующие точки зрения по вопросам развития советской кооперации, рассмотреть заготовительную деятельность потребительской кооперации в конкретно-исторической обстановке военного времени, а также определить ее место в работе потребительской кооперации. При подготовке исследования были использованы специально-исторические методы. Историко-генетический метод позволил выявить основополагающие принципы организации советской кооперации, и продемонстрировать их влияние на заготовительную деятельность потребительской кооперации в годы войны. Историко-сравнительный метод способствовал сопоставлению содержания и результатов заготовительной деятельности потребительской кооперации Краснодарского края в хронологическом и территориальном разрезе.

certain successes were achieved in the fight against these negative phenomena. **Results.** According to the results of the study, it can be concluded that the procurement activity of consumer cooperatives played an important role in the conditions of economic recovery of the Krasnodar Territory.

Key words: consumer cooperation, procurement activities, restoration of the economy, Krasnodar Territory, the Great Patriotic War

For citation: Mesropyan A. Procurement activity of consumer cooperation in the Krasnodar Territory in the conditions of economic recovery (1943–1945) // Humanities and law research. 2023. V. 10 (2). P. 244–250 (In Russian). DOI: 10.37493/2409-1030.2023.2.8

Статистический метод способствовал определению конкретных результатов заготовительной деятельности потребительской кооперации Краснодарского края в годы войны.

Анализ. В годы Великой Отечественной войны значительно повысилось значение заготовительной деятельности потребительской кооперации. Осуществляя товарообменные операции с колхозниками и другими гражданами, имеющими личные подсобные хозяйства, потребкооперация способствовала использованию дополнительных источников продовольственного снабжения тех групп населения, которые подлежали снабжению с ее стороны. К ним относились проживающие в сельской местности граждане, не входящие в состав колхозов, в том числе учителя, врачи, работники партийно-советских органов, эвакуированное население. Особое внимание уделялось таким льготным контингентам потребителей, как семьи фронтовиков, инвалиды Отечественной войны, воспитанники детских домов.

В условиях военного времени также возросла роль потребкооперации в заготовках различных видов сырья, прежде всего черных и цветных металлов, имеющих оборонное значение и являющихся одним из направлений оказания помощи Красной армии. Большое значение придавалось также заготовкам кожсырья, пушнины и других видов продукции, использующихся затем для производства одежды и обуви, предназначенных как для военнослужащих, так и гражданского населения.

Заготовительная деятельность потребкооперации в годы войны осуществлялась в соответствии с государственными заданиями, которые возлагались на Центросоюз СССР и РСФСР. В свою очередь последний распределял эти задания по отдельным регионам страны, в том числе устанавливал их для системы Краснодарского крайпотребсоюза. В составе Центросоюза действовали различные структурные подразделения, со стороны которых осуществлялись руководство и контроль за ходом заготовок на местах. Так, Центрплодоовощ организовывал заготовку дикорастущего лекарственного сырья, Центросырье – шерсти и кож, Центроутиль – черных и цветных металлов [16, с. 171].

Кроме того, большое значение в работе потребкооперации уделялось децентрализованным заготовкам, т. е. проводимых помимо выполнения государственных заданий. За счет этого потребкооперация могла, кроме использования централизованных фондов, увеличить объемы сельхозпродукции, которая затем реализовывалась в предприятиях торговли и общественного питания, а также применялась в качестве сырья при производстве в системе потребкооперации продуктов питания.

Особое значение заготовки сельскохозяйственной продукции и сырья приобрели в процессе освобождения территории страны от немецко-фашистских захватчиков и восстановления хозяйства. Это объяснялось необходимостью максимального использования всех имеющихся ресурсов в условиях разрушенной экономики в областях, подвергшихся оккупации. К их числу относился Краснодарский край, большая часть территории которого находилась в оккупации с августа 1942 г. по февраль 1943 г., а несколько приморских районов – до октября 1943 г.

Несмотря на значительный ущерб, нанесенный оккупантами потребкооперации Кубани, вскоре после освобождения большинства ее районов она включилась в процесс заготовок. Главное внимание уделялось заготовкам таких видов сельхозпродукции, как зерно, картофель, овощи, яйца, мед, дикорастущие плоды и ягоды. Заготовки мясопродуктов проводились в ограниченных размерах, ввиду крайнего упадка животноводства и птицеводства, и отсутствия как у колхозников, так и у остальных граждан излишков данной продукции [10, л. 23].

По другим видам сельхозпроизводства излишки продукции также были невелики, что ограничивало возможности проведения заготовок. Реализации плановых заданий препятствовали также слабая материально-техническая оснащенность заготовительных баз и отсутствие необходимого количества подготовленных кадров. Вследствие данных причин потребкооперация Краснодарского края не смогла выполнить установленный для нее в 1943 г. план заготовок в 14,6 млн руб., заготовив продукции лишь на 11,5 млн руб. что составило 79,3 % [4, л. 305].

Особенно неудовлетворительными были результаты по заготовке зернопродуктов. К середине декабря 1943 г. выполнение плана должно было составить 60 %, однако реально удалось достигнуть лишь 19,1 %. Были выявлены случаи, когда отдельные председатели райпотребсоюзов искажали статистические данные. Например, председатель Ивановского райпотребсоюза в сводке указал закупку 763 тонн зерна, тогда как на самом деле было закуплено 266 тонн. Ему был объявлен строгий выговор с предупреждением, остальных председателей также обязали

мобилизовать все средства и силы для выполнения плана [6, л. 509]. Неудовлетворительными оказались также результаты заготовок овощей и картофеля.

В целях улучшения условий для заготовительной деятельности были поставлены задачи приведения в должный порядок материально-технической базы, в том числе осуществления ремонта и строительства складских помещений, а также производства различных видов тары. Например, в начале января 1945 г. было принято решение обязать директоров тарных заводов и председателей райпотребсоюзов заготовить на собственных лесосеках бочковую клепку, деревянные обручи, ивовый прут и отремонтировать на собственных предприятиях бочковую и яичную тару, а также корзины. Для решения кадровой проблемы на тарных заводах в порядке бригадного и индивидуального ученичества должны были подготовить 50 бондарей [10, л. 5].

С целью укрепления материальной базы по проведению заготовок яиц в Армавирской, Брюховецкой, Кущевской, Лабинской и Тихорецкой яйцебазах дополнительно были построены 2 яйцесушилки, 2 цементные ямы для известкования яиц и 3 птицекормушки. Кроме того, в станицах Крымской и Старо-Щербиновской создавались новые яйцебазы [10, л. 68]. Такие меры позволили улучшить условия хранения заготовленной продукции и сохранения ее качества.

Одним из средств стимулирования населения к сдаче сельхозпродукции являлась организация встречной торговли. Так, для стимулирования закупки яиц в 1944 г. использовались товары на сумму 8133,7 тыс. руб., все из которых были реализованы заготовительными работниками в ходе товарообмена. Вместе с тем, было недополучено заявленных потребкооперацией чулочных изделий на сумму 419 тыс. руб., кондитерских изделий на 385 тыс. руб., вследствие чего остались неотоваренными квитанции. С целью решения этой проблемы со стороны руководства крайпотребсоюза и райпотребсоюзов были предприняты усилия по изысканию дополнительных резервов получения данных товаров [7, л. 9–10].

Принятые меры способствовали повышению уровня заготовительной деятельности. В 1944 г. потребкооперация Краснодарского края выполнила план на 105,8 %, заготовив продукции на сумму 16530 тыс. руб. [10, л. 171]. В том числе было заготовлено 48400 центнеров зерна, 9377 ящиков яиц и другие виды продукции [5, л. 68]. Так, по данным З. Р. Кочкаровой, «кооператоры Кубани в 1943–1944 гг. заготовили 33650 тонн картофеля, 16910 тонн овощей» [15, с. 60].

Результаты заготовок могли бы быть выше, если бы не убыточная работа ряда райпотребсоюзов и входящих в их состав заготконтор. Например, в Усть-Лабинском райпотребсоюзе заготовки

сельхозпродуктов в 1944 г. были выполнены на 87 % к установленному плану [10, л. 43]. В Кагановическом райпотребсоюзе план по заготовке сельхозпродуктов и сырья в размере 331,3 тыс. руб. был выполнен только на 178,7 тыс. руб. или на 53,2 %. Были практически сорваны заготовки картофеля, а заготовки овощей составили 71,1 % к плану [10, л. 145]. Эти и другие примеры показывают, что выполнение напряженных планов военного времени во многом зависело от ответственного отношения к своим обязанностям руководителей райпотребсоюзов и заготовительных контор.

Крайне плохо обстояло дело с накоплениями собственных средств за счет проведенных заготовок. В 1944 г. их размер составил лишь 15 тыс. руб., тогда как по плану накопления должны были составить 1300 тыс. руб., т. е. почти в 87 раз больше. Причинами такой ситуации являлись задержки реализации товаров заготовок, недостаточное внимание к вопросам ценообразования на эти товары, а также большие издержки заготовительного аппарата, которые превышали на 25 % установленные нормативы. Особенно большими были издержки по заработной плате работников заготовительного аппарата, достигающие 35 % к обороту [10, л. 172].

Несмотря на принимаемые меры, в дальнейшем не удалось добиться ощутимых результатов в проведении децентрализованных заготовок. В 1945 г. в системе потребкооперации Кубани план децентрализованных закупок был выполнен лишь на 70 %, в результате чего их удельный вес снизился по сравнению с предыдущим годом с 14,6 % до 13,8 % [9, л. 86]. Не были выполнены планы заготовок картофеля и яиц, которые составили соответственно 70,8 % и 68 % к установленному плану. Следует отметить, что Кубань в это время являлась одним из основных поставщиков сельхозпродукции в Москву и другие крупные города страны. Однако, отгрузка овощей в Москву была выполнена лишь на 69,1 %, а в Баку на 19,2 %. Со стороны руководителей и работников заготконтор не было должного контроля за качеством заготавливаемой продукции и обеспечением ее сохранности. В результате пищевые отходы яиц, направленных в Москву, составляли 12,8 %, в отдельных ящиках брак яиц достигал 50–70 % [9, л. 87]. В связи с этим, Президиум Центросоюза СССР и РСФСР взял ситуацию о поставках сельхозпродукции в столицу и другие города под строгий контроль и требовал от руководства Краснодарского крайпотребсоюза исправления этой ситуации.

Большое внимание в системе потребкооперации уделялось заготовкам лекарственного сырья, применяемого как в армейской, так и в гражданской медицине. В соответствии с постановлением СНК СССР от 3 марта 1945 г. «О заготовке лекарственно-технического сырья в 1945 г.» и постановления Центросоюза СССР и

РСФСР от 16 марта 1945 г. для системы потребкооперации Краснодарского края был утвержден план заготовок лекарственно-технического сырья в 1945 г. в количестве 5,5 тонны. Было решено, что доведение плана заготовок до каждого сельпо должно было произойти в декадный срок. Через районные исполкомы и сельсоветы к заготовкам привлекались школьники, воспитанники детских домов и колхозники. Райисполкомы и сельсоветы должны были предоставлять транспорт для вывозки лекарственного сырья к станциям железных дорог и пристаням. Далее заготовленное сырье доставлялось на перерабатывающие базы Центроплодовощ [10, л. 333].

Примером повышения уровня организации заготовительной работы могут быть заготовки в 1945 г. пчелиного меда. Точкой отсчета для их начала можно считать решение исполкома Краснодарского крайсовета депутатов трудящихся от 17 мая 1945 г., в соответствии с которым был утвержден план заготовок по контрактации пчелиного меда сбора 1945 года в размере 2495 центнеров. Далее этот план был распределен по районам. Председатели райпотребсоюзов и директора заготконтор были обязаны к 6 июня обеспечить заключение контрактационных договоров с колхозами на пчелиный мед и представить сведения об этом управлению заготовок крайпотребсоюза. Одновременно директора тарной конторы вывозили в районы необходимое количество медовой бочко-тары. Председатели райпотребсоюзов и директора заготконтор должны были обеспечить приемку меда. При этом расходование меда разрешалось только по нарядам крайпотребсоюза и всякая выдача без нарядов рассматривалась как разбазаривание государственных фондов, с привлечением виновных к государственной ответственности [12, л. 231].

В целях оказания помощи самим пчеловодам производственный отдел крайпотребсоюза организовал производство пчеловодческого инвентаря для передачи колхозам и колхозникам, в первую очередь семьям военнослужащих, инвалидам Отечественной войны и пенсионерам. Краснодарский крайисполком способствовал выделению потребкооперации ульев и пчеловодческого инвентаря, изготовляемого предприятиями местной промышленности. Кроме того, потребкооперация организовывала собственную мастерскую для изготовления искусственной вошины, а тарная контора крайпотребсоюза изготавливала для бесперебойной приемки меда 400 штук 50-литровых медовых бочек [13, л. 136].

Ввиду большого спроса населения на винную продукцию и соответственно необходимости увеличения ее производства, повышенное внимание уделялось заготовкам плодово-ягодных соков. В целях выполнения плана по выработке вина в 1945 г. было решено заготовить 300 тонн

плодово-ягодных соков. Этот план распределялся по 14 райпотребсоюзам: Адлерскому, Белореченскому, Тульскому, Апшеронскому и другим. Перед председателями райпотребсоюзов и директорами заготконтор была поставлена задача проверить наличие и состояние прессов, дробилок и другого оборудования, и инвентаря, а также сернистого ангидрида и серы. Председатели райпотребсоюзов заключали договоры на использование лесных массивов для заготовки дикорастущих плодов и ягод. В целях организации заготовок в районы их проведения своевременно завозились товары, стимулирующие заготовителей. Проводилась работа по комплектованию соответствующего количества сборщиков дикорастущих плодов и ягод. Райпотребсоюзам запрещалось самовольно продавать заготовленные соки ввиду того, что они полностью направлялись на винопроизводство [11, л. 112].

Следует отметить, что по многим видам сельхозпродукции потребкооперация Кубани превосходила остальные заготовительные организации, принадлежавшие к государственному сектору экономики. Например, потребкооперация являлась в 1945 г. основным заготовителем лаврового листа в Адлерском и Шапсугском районах, тогда как торгплодоовощтрест осуществлял его заготовки в Сочи, объемы которых были значительно меньше [3, л. 256]. Доля потребкооперации была также велика в заготовках зернопродуктов, картофеля, овощей и других видов сельхозпродукции.

В целом, потребкооперация Кубани внесла весомый вклад в осуществление закупок сельхозпродукции, проводимых в системе советской потребкооперации. Доля этих закупок в масштабах страны в годы войны составляла 1,9 % зерновых и 3,7 % картофеля. В количественном отношении заготовки картофеля составили 178 тыс. тонн, овощей – 83 тыс. тонн, яиц – 1,5 млн штук. Помимо этого, было заготовлено большое количество другой сельхозпродукции [1, с. 24].

Большое значение в деятельности потребкооперации в годы войны имела также заготовка различных видов сырья, которая возобновилась после окончания оккупации большинства районов Краснодарского края. Так, во втором квартале 1943 г. плановые показатели по заготовкам кожсырья были выполнены на 165 %, а по цветному металлу на 84 % [6, л. 100]. Нарастивание объемов заготовок позволило потребкооперации выполнить в 1943 г. план заготовок как черных и цветных металлов, так и шерсти, мехового сырья, пушнины и утиля [8, л. 37].

Вместе с тем, отдельные райпотребсоюзы не справились с выполнением плана заготовки сырья. Например, в Адлеровском райпотребсоюзе результаты заготовок черного металла составили 32,5 % к плану [4, л. 259]. В четвертом квартале 1943 г., несмотря на указание Государственного

Комитета Обороны, такие райпотребсоюзы, как Апшеронский, Армянский, Ивановский, Успенский и другие не отгрузили ни одной тонны черных и цветных металлов. Учитывая, что эти металлы имели большое значение для обороны страны, Президиум Краснодарского крайпотребсоюза 25 января 1944 г. издал постановление «О мероприятиях по усилению заготовки и отгрузки лома черных и цветных металлов в 1944 г.». В соответствии с ним, председатели райпотребсоюзов и директора заготовительных контор должны были немедленно развернуть работу по сбору и отгрузке лома черных и цветных металлов пристанционным пунктам. В целях использования дополнительных резервов при участии профсоюзных организаций практиковались фронтовые декадни и воскресники по сбору лома черных и цветных металлов [4, л. 28–28 об.].

По итогам 1943 г. проявились недостатки в проведении заготовок и других видов сырья. Так, в Адыгейском облпотребсоюзе не был выполнен план по заготовкам пушнины, мехового сырья, кожсырья и шерсти [4, л. 244]. Такая же ситуация была в ряде райпотребсоюзов. Одними из главных причин являлось отсутствие боеприпасов у охотников и достаточного количества стимулирующих этот промысел товаров [4, л. 309]. Этот и другие примеры показывают, что в заготовках сырья потребкооперация сталкивалась с теми же проблемами, что и при заготовке сельхозпродукции, основными из которых были проблемы материально-технического и кадрового обеспечения.

В 1944 г. потребкооперация Кубани расширила масштабы заготовок сырья. В частности, большое внимание стало уделяться сбору различного утиля, который затем использовался в производстве товаров широкого потребления. Так, 21 ноября 1943 г. СНК СССР издал специальное постановление об усилении заготовок старых резиновых изделий, которое было конкретизировано в постановлении Президиума Центросоюза от 29 ноября 1943 г. В соответствии с ним председатели райпотребсоюзов и директора заготовительных контор были обязаны с начала 1944 г. организовать повсеместно через торговую и заготовительную сеть потребкооперации сбор от населения за плату старых резиновых изделий. В целях стимулирования заготовок в распоряжение райпотребсоюзов и заготовительных контор выделялись такие новые резиновые изделия, как грелки, соски, игрушки и другие для организации встречной продажи сдатчикам старой резины в размере 50 % от заготовительной цены. Сборщики, выполнившие месячные планы заготовок старой резины получали от заготовительных контор товары, предусмотренные для стимулирования заготовок, в размере 25 % стоимости, заготовленной сборщиками резины. До 20 % заготовленной старой резиновой обуви должно было направ-

ляться на реставрацию в мастерские местной промышленности и промысловой кооперации для последующего использования в качестве стимулирования заготовок [4, л. 12].

По-прежнему главное внимание уделялось заготовкам черных и цветных металлов, что привело к их существенному росту. За 1944 г. по системе Краснодарского крайпотребсоюза было заготовлено 12475 тонн лома черных металлов и 573, 1 тонн лома цветных металлов [5, л. 68 об.]. В результате план заготовок черных металлов был выполнен на 186,2 %, а цветных металлов на 250 %. Однако, по остальным видам сырья установленные плановые показатели не были выполнены [7, л. 11].

Одной из главных причин такой ситуации было то, что во многих райпотребсоюзах и заготовительных конторах главное внимание уделялось заготовкам черных и цветных металлов, а заготовки остальных видов сырья приобретали второстепенное значение. Так, в Пластуновского райпотребсоюзе в 1944 г. совершенно не занимались заготовкой пушнины и шерсти [11, л. 17]. В Крымском райпотребсоюзе за исключением лома черного металла, планы заготовок остальных видов сырья не были выполнены [11, л. 31].

Еще одной причиной низких результатов заготовок по различным видам сырья являлись хищения и безответственное отношение к материальным ценностям со стороны некоторых руководителей и заготовительных работников. Например, один из товароведов склада Краснодарского крайпотребсоюза в феврале 1945 г. был командирован в Тбилиси за получением кожтоваров в количестве 161259 дециметров, предназначенных для стимулирования заготовок кожсырья. В результате допущенной с его стороны халатности, товар был оставлен на складе Грузинского потребсоюза. В момент погрузки в вагон количество товара не было проверено и при сдаче на склад Краснодарского крайпотребсоюза оказалась недостача в количестве 6613 дециметров. Общая сумма недостачи составила 1584 руб., которую руководство крайпотребсоюза решило взыскать с товароведа, одновременно передав дело прокурору для привлечения виновника к уголовной ответственности [10, л. 214].

Помимо усиления контроля за работой материально-ответственных лиц, партийно-государственные органы и руководство крайпотребсоюза стремились изыскивать дополнительные возможности для успешного проведения заготовок. Так, в соответствии с решением Краснодарского крайисполкома от 2 января 1945 г. «О выполнении плана заготовок и отгрузок живсырья и пушнины за четвертый квартал 1944 г.», крайпотребсоюз был обязан командировать в отстающие районы своих работников, проводить систематические подворные обходы с целью сбора кожсырья, шерсти и пушнины, а также освободить всех охотни-

ков от выполнения других обязанностей и сосредоточить их внимание на добыче пушного зверя [2, л. 19].

Несмотря на принимаемые меры, ситуация с заготовками пушнины не улучшалась. По состоянию на 1 марта 1945 г. она составила 25 % к установленному плану. Ухудшились также показатели и по заготовкам других видов сырья, в том числе по заготовкам металлолома. К этому сроку черных металлов было заготовлено 50 % к плану, а цветных металлов 51 %. В таких отстающих райпотребсоюзах как Ивановский, Кавказский, Павловский, Рязанский, Щербиновский, Пашковский результаты заготовок составили ниже 20 % к плану. Президиум Краснодарского крайпотребсоюза, расценивая такое положение, определил, что тем самым государство не получало продукции на миллионы рублей для Красной Армии и промышленности [10, л. 213].

В целях исправления ситуации было решено подготовить в 1945 г. 543 заготовительных работника. В каждом сельпо вводилась должность колхозного заготовителя. Председателям райпотребсоюзов запрещалось использовать заготовительных работников на других работах, а также увольнять их без согласия крайпотребсоюза. Для ускорения отгрузки заготавливаемой продукции предусматривалось производить вывозку сырья мелкими партиями, используя попутный транспорт и не допускать скопления сырья на складах [10, л. 213].

Больше внимания стало уделяться материальному стимулированию труда заготовителей. Основным приоритетом в этом отношении оставались заготовки черных и цветных металлов. В соответствии с постановлением ГКО от 19 апреля 1943 г. и указаниями Центросоюза от 19 сентября 1944 г. Президиум Краснодарского крайпотребсоюза в августе 1945 г. принял решение о премировании заготовительных работников за перевыполнение плана отгрузки лома черных металлов в апреле, мае и июне 1945 г. Из руководящего состава премии получили директор заготконторы Крымского райпотребсоюза Васильев, председатель Гулькевического райпотребсоюза Пастухов, директор заготконторы Ладожского райпотребсоюза Кулабухов и другие. В распоряжение директоров ряда заготконтор было также выделено от 250 до 400 руб. на премирование отличившихся заготовительных работников [14, л. 72].

Принятые меры способствовали определенному улучшению организации заготовительной работы и выполнению в 1945 г. планов по заготовкам шерсти и резины. Вместе с тем, не были выполнены плановые показатели в заготовках пушнины и кожсырья [9, л. 86–87]. Несмотря на эти недостатки, потребкооперация Кубани в конце войны и после ее окончания демонстрировала положительную динамику результатов заготовительной деятельности.

Результаты. По итогам проведенного исследования можно сделать вывод о том, что заготовительная деятельность потребительской кооперации играла важную роль в условиях восстановления хозяйства Краснодарского края. Благодаря заготовкам сельхозпродукции потребкооперация получала возможность использовать дополнительные источники продовольственного обеспечения своих членов и льготных контингентов потребителей.

Заготовки сырья, в особенности черных и цветных металлов, способствовали укреплению экономики и обороноспособности советского государства, а также увеличению производства товаров широкого потребления. Тем самым потребительская кооперация Краснодарского края внесла весомый вклад в достижение победы и восстановление хозяйства.

Литература

1. Гагиева А.К. Потребительская кооперация СССР и Коми АССР в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. // Духовная жизнь российских региональных сообществ: история, традиции, современность. Сборник статей IV международной научной конференции. Казань: изд-во Казанский государственный архитектурно-строительный университет, 2015. С. 23–28.
2. Государственный архив Краснодарского края (далее – ГАКК). Ф. Р-687. Оп.1. Д.120.
3. ГАКК. Ф. Р-687. Оп.1. Д.124.
4. ГАКК. Ф. Р-1665. Оп. 1. Д. 1.
5. ГАКК. Ф. Р-1665. Оп. 1. Д. 2.
6. ГАКК. Ф. Р-1665. Оп.1. Д.16.
7. ГАКК. Ф. Р-1665. Оп.1. Д.18.
8. ГАКК. Ф. Р-1665. Оп.1. Д.87.
9. ГАКК. Ф. Р-1665. Оп.1. Д.104.
10. ГАКК. Ф. Р-1665. Оп.1. Д.105.
11. ГАКК. Ф. Р-1665. Оп.1. Д.106.
12. ГАКК. Ф. Р-1665. Оп.1. Д.107.
13. ГАКК. Ф. Р-1665. Оп.1. Д.109.
14. ГАКК. Ф. Р-1665. Оп.1. Д.110.
15. Кочкарова З.Р. Из истории деятельности потребительской кооперации в годы Великой Отечественной войны (на материалах Дона, Кубани и Ставрополя) // Научные проблемы гуманитарных исследований. 2009. №4. С. 58–62.
16. Лысенко И.А. Диверсификация экономической деятельности потребительской кооперации в годы Великой Отечественной войны // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. 2014. № 1 (26). С. 170–175.

References

1. Gagieva AK. Consumer cooperation of the USSR and Komi ASSR during the Great Patriotic War of 1941–1945. Spiritual life of Russian regional communities: history, traditions, modernity. Collection of articles of the IV International Scientific Conference. Kazan: Publishing house of Kazan State University of Architecture and Civil Engineering, 2015. pp. 23–28. (In Russ.).
2. State Archive of Krasnodar Krai (GAKK). F.R-687. Inv.1. D.120.
3. GACC. F. R-687. Inv.1. D.124.
4. GAKK. F. R-1665. Inv.1. D. 1.
5. GAKK. F. R-1665. Inv.1. D. 2.
6. GAKK. F. R-1665. Inv.1. D.16.
7. GAKK. F. R-1665. Inv.1. D.18.
8. GAKK. F. R-1665. Inv.1. D.87.
9. GAKK. F. R-1665. Inv.1. D.104.
10. GAKK. F. R-1665. Inv.1. D.105.
11. GAKK. F. R-1665. Inv.1. D.106.
12. GAKK. F. R-1665. Inv.1. D.107.
13. GAKK. F. R-1665. Inv.1. D.109.
14. GAKK. F. R-1665. Inv.1. D.110.
15. Kochkarova Z.R. From the history of consumer cooperation activities during the Great Patriotic War (based on the materials of the Don, Kuban and Stavropol). Nauchnye problemy humanitarnykh issledovaniy = Scientific problems of humanitarian research. 2009;4:58-62. (In Russ.).
16. Lysenko I.A. Diversification of economic activity of consumer cooperation during the Great Patriotic War. Biznes. Obrazovanie. Pravo. Vestnik Volgogradskogo instituta biznesa = Business. Education. Right. Bulletin of the Volgograd Institute of Business. 2014;1(26):170-175. (In Russ.).

Научная статья
УДК 94 (470.6)"18"
<https://doi.org/10.37493/2409-1030.2023.2.9>

ФЕНОМЕН АБРЕЧЕСТВА НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ КАК ФОРМА СОЦИАЛЬНОГО ПРОТЕСТА В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.

Иса Абдурахимович Мутушев¹

¹ Пятигорский государственный университет (д. 9, просп. Калинина, 357532, Пятигорск, Российская Федерация)
Аспирант. ORCID: 0009-0003-4033-067X. E-mail: ud@pgu.ru

Аннотация. Введение. Статья рассматривает особенности абреческого движения на Северном Кавказе во второй половине XIX в., которое интерпретируется как одна из форм социального протеста. Автор ставится под сомнение научная перспектива попыток определить начало абреческой практики в регионе. Вместе с тем разделяется гипотеза о её происхождении и связи с обычаем кровной мести. **Материалы и методы.** Автор показывает, как менялась идеология абречества в зависимости от социально-политической и экономической ситуации в северокавказском крае, а также подчеркивается неоднозначность восприятия местным населением людей, которые стали на путь грабежа. Исследование построено на анализе текстов отечественных и зарубежных кавказоведов и материалов, полученных из архивных фондов ЦГА РСО-А. В качестве приемов историко-политического исследования использовались ретроспективный, иллюстративный и персонально-биографический методы. **Анализ.** Автор статьи обращает внимание на неоднозначность восприятия феномена абречества и отношения к нему со стороны различных социальных слоев населения Северного Кавказа, а также разногласия в его оценке со стороны кавказоведов, занимавших различные социально-политические позиции. В глазах местной кавказской бедноты обреки были защитниками справедливости, тогда как для официальных властей и местных элит – бандитами и преступниками. Приводится оценка абреков российскими революционерами (Е. Эшба, А. Шерипов), которые разделяли идеалы марксистского учения и опре-

деляли абреков борцами с угнетением и защитниками социальных низов общества. Автор рассматривает также образ «благородного разбойника» в фольклоре, где абрек наделяется наиболее почитаемыми со стороны широких слоев общества чертами – щедростью, смелостью, бескорыстием. Однако по большей части реальные абреки далеко не всегда соответствовали тем качествам, которые им приписывались. Нередко произвол грабителей заставлял людей избавляться от них, в том числе помогать официальной власти выслеживать и ликвидировать абреков. **Результаты.** По итогам проведенного исследования можно сделать вывод о том, что в результате кардинального изменения социально-политической, экономической и культурной парадигмы на Северном Кавказе происходят заметные трансформации и в практикуемых протестных формах, применяемых населением, отстаивающим своё право на самобытность. В рассматриваемый исторический период абреки выступали в роли защитников «традиционных ценностей», стремились не допустить внедрения элементов капиталистической модернизации в повседневную жизнь, определенной части горского социума, наименее подготовленного к восприятию происходивших перемен.

Ключевые слова: абрек, власть, администрация, маргинал, грабежи, общество, справедливость

Для цитирования: Мутушев И. А. Феномен абречества на Северном Кавказе как форма социального протеста в конце XIX – начале XX вв. // Гуманитарные и юридические исследования. 2023. Т. 10 (2). С. 251–257. DOI: 10.37493/2409-1030.2023.2.9

Original article

PHENOMENON OF ABRECHESTVO IN THE NORTH CAUCASUS AS A FORM OF SOCIAL PROTEST IN THE LATE 19TH – EARLY 20TH CENTURIES

Isa A. Mutushev¹

¹ Pyatigorsk State University (9, Kalinin avenue, 357532, Pyatigorsk, Russian Federation)
Postgraduate student. ORCID: 0009-0003-4033-067X. E-mail: ud@pgu.ru

Abstract. Introduction. The article examines the features of the abrek movement in the North Caucasus in the second half of the 19th century, which is interpreted as one of the forms of social protest. The author casts doubt on the scientific perspective of attempts to determine the beginning of the abrek practice in the region. At the same time, the hypothesis about its origin and connection with the custom of blood feud is supported. **Materials and Methods.** The author shows how the ideology of abrechestvo changed depending on the socio-political

and economic situation in the North Caucasian region, and emphasizes the ambiguity of the perception by the local population of people who took the path of robbery. The study is based on the analysis of texts by domestic and foreign Caucasian scholars and materials obtained from the archival funds of the Central State Archive of the North Ossetia-Alania. Retrospective, illustrative and personal biographical methods were used as methods of historical and political research. **Analysis.** The author of the article draws attention to the ambiguous perception

of the phenomenon of abrechestvo and the attitude towards it by various social strata of the population of the North Caucasus, as well as the discord in its assessment by Caucasian scholars who occupied various socio-political positions. In the eyes of the poor, the doomed were defenders of justice, while for the official authorities and local elites they were bandits and criminals. Abreks are assessed by Russian revolutionaries (E. Eshba, A. Sheripov), who shared the ideals of Marxist teaching and defined abreks as fighters against oppression and defenders of the social lower classes of society. The author also examines the image of the «noble robber» in folklore, where the abrek is endowed with the most revered traits by the general public - generosity, courage, selflessness. However, for the most part, real abreks did not always correspond to the qualities that were attributed to them. Often, the arbitrariness of the robbers forced people to get rid of them, including helping the official

Введение. После завершения массовых протестных выступлений 20–50-х гг. XIX в. и восстания 1877–1878 гг. имперская власть в регионе столкнулась с новой тактикой своих противников, выражавшейся в индивидуальной борьбе с существующими порядками. Своеобразной «визитной карточкой» региона стали абреки – люди, которые с оружием в руках выступали против официальной власти, а также против тех, с кем они желали свести счёты, но не могли рассчитывать на понимание со стороны местной администрации и правоохранительных органов.

Не следует считать, будто абреки боролись исключительно за политические права и свободы. Эти люди ставили перед собой самые разные задачи, в том числе и связанные с личным обогащением с помощью криминальных методов. Но среди местного населения пользовались любовью и были окружены романтическим ореолом те из них, кто пытался восстановить справедливость в ситуации, когда попирались законы и обычаи, почитаемые обществом. С помощью тактики индивидуального террора местные удалыцы и поддерживавшее их население боролись с неэффективностью существующих властных институтов, заставляя их учитывать интересы тех, кто испытывал трудности с адаптацией к новым, непривычным для себя порядкам, привнесённым империей.

Материалы и методы. Рассматривая феномен кавказского абречества в исследуемый период и определяя его социальную роль и направленность, следует подчеркнуть, что институт абречества сложился ещё до того, как на Кавказ пришла Российская держава [5, с. 8]. Одновременно обращает на себя внимание тот факт, что исследователи данного исторического и социокультурного феномена не могут определиться с отправной точкой его становления. Так, у Ю. М. Ботякова фигурируют события, относящиеся к XVI столетию [5, с. 8], а у Л. С. Гатаговой мы встречаем утверждение, что абречество зародилось уже в раннем Средневековье [7, с. 99] и т. д.

authorities track down and eliminate abreks. **Results.** Based on the results of the study, it can be concluded that as a result of a fundamental change in the socio-political, economic and cultural paradigm in the North Caucasus, there are noticeable transformations in the practiced protest forms used by the population defending their right to identity. In the historical period under review, the abreks acted as defenders of «traditional values», sought to prevent the introduction of elements of capitalist modernization into everyday life, a certain part of the mountain society, the least prepared to accept the changes that were taking place.

Key words: abrek, power, administration, marginal, robberies, society, justice

For citation: Mutushev I. Phenomenon of abrechestvo in the North Caucasus as a form of social protest in the late 19th – early 20th centuries // Humanities and law research. 2023. V. 10 (2). P. 251–257 (In Russian). DOI: 10.37493/2409-1030.2023.2.9

В отличие от своих коллег, В. О. Бобровников «омолаживает» данную практику и относит нижнюю хронологическую границу к 20–50-м гг. XIX в. По его мнению, абречество «как новое социальное явление» сформировалось в годы активного противостояния горцев российской военно-политической экспансии, известной как Кавказская война [4, с. 79]. Но такие утверждения должны опираться на соответствующую аргументацию, основанную на исторических фактах. Однако автор данного подхода таковых не приводит и ограничивается лишь гипотетическими рассуждениями общего характера.

В связи со сложившейся ситуацией вокруг вопроса о времени появления института абречества на Кавказе можно предположить, что выявить нижнюю хронологическую границу этого явления в настоящий момент не представляется возможным по причине разногласий среди исследователей и отсутствия достаточного количества репрезентативных источников. Но что не вызывает сомнения, так это древность подобной практики и её способность мимикрировать в меняющихся обстоятельствах.

Можно также утверждать, что данный социальный феномен выполнял важную общественно-регламентирующую роль, связанную с отстаиванием прав индивида в том случае, когда он подвергался прессингу со стороны враждебно настроенного к нему коллектива. Это позволяло добиваться баланса интересов, хотя и не гарантировало справедливого разрешения конфликта и позитивного финала в противостоянии между отдельным человеком и обществом. Абрек-маргинал, будучи изгоем, чаще всего погибал, но мог успеть нанести серьёзный ущерб своим обидчикам, поэтому стороны старались не доводить конфликт до такого критического состояния, после которого примирение становилось невозможным.

Исследование представленных точек зрения как выше поименованных и всех иных авторов, их различных подходов в определении истории появления института абречества в горах Кавказа

проводился с учетом исторического контекста и метода исторической реконструкции. При помощи метода научного синтеза, двигаясь от конкретного к абстрактному, объединяя многообразие в единство, достигались новые знания.

Анализ. Представляется оправданным подход Л.С. Гатаговой, которая рассматривает абречество в связи с таким древнейшим обычаем, как кровная месть. Именно она чаще всего толкала человека на тропу абречества. Когда российская власть стала искоренять подобную практику и попыталась монополизировать право на насилие, это привело к тому, что «стали ослабевать и нравственные устои внутри сельских обществ, что, в свою очередь, повлекло за собой рост статистики тяжких преступлений» [7, с. 90]. В этой связи желание абреков наказать своих обидчиков казалось людям меньшим злом, чем правовой коллапс, который произошёл в результате действий имперской администрации, стремящейся «цивилизовать» Кавказ.

В качестве главных очагов абречества чаще всего называют Дагестан, Чечню и Ингушетию [21, с. 110]. Но в рассматриваемый период он получил новое идеологическое наполнение и социальное звучание. В этой связи кажется неслучайным то обстоятельство, что именно здесь происходили основные события, связанные с противостоянием части горского мира российской имперской экспансии. Сломав организованное сопротивление против утверждения имперской власти в регионе, могучая северная держава не смогла ликвидировать те обстоятельства, которые порождали массовое недовольство местных народов новыми порядками. Характерная для региона конфликтность, существовавшая задолго до того момента, когда там появились российские властные институты, преобразовалась в атомизированные очаги противостояния, тем более что они всегда были присущи горскому правосознанию, опиравшемуся на традицию.

В глазах современников абреки нередко начинали выглядеть не просто разбойниками-маргиналами, а борцами за поправленную справедливость. Отсюда и поддержка этих «народных мстителей», какую они получали от самых разных слоёв общества. Их жертвами становились чиновники и представители местной социальной верхушки, которые, по мнению абреков, были виновны в несправедливом преследовании и грабеже их соплеменников [8, с. 48–49]. Причём этничность таких людей роли не играла. Они могли ликвидировать и представителей своего народа, если считали их виновными в нанесённых обидах [13, с. 75]. Резонно предположить, что в данном случае мы видим трансформацию обычая кровной мести, которая могла быть адресована отныне не только личному обидчику, но и притеснителю общества в целом.

Нам кажется, что недооценивать потенциал таких методов нельзя. По крайней мере, высокопоставленные царские администраторы утверждали, что «в Терской области, с её разноплеменным и склонным к преступлениям туземным населением, создаются такие условия, при которых усилия администрации направлены главным образом к беспрестанной борьбе с разбоями и грабежами» [15, с. 942]. И дело здесь не в «порочности нравов», а в массовом разочаровании, которое испытывало население в тех социально-экономических перспективах, которые предоставляла ему империя. Предложенные российской стороной механизмы регламентации общественных отношений явно не воспринимались горскими обществами как справедливые и эффективные.

Среди абреков было немало тех, кто являлся профессиональным преступником. Но это не предопределяло того обстоятельства, что грабёж был для них главным мотивирующим фактором и сущностным содержанием подобной практики. Чаще всего исследователи выделяют в качестве доминирующей мотивации в выборе судьбы абрека месть [5, с. 9–14].

Следует отметить позицию по данному вопросу, которую занимали сторонники марксистской идеологии – социал-демократы. Действия абреков вызывали у них восхищение. Так, известный в своё время чеченский революционер Асланбек Шерипов, который занимался переводами народных песен, посвящённых горским удалцам, говорил об абреках следующее: «Несоответствие русского суда и обычного права горцев, преступная администрация Кавказа и общая политика притеснения заставляла многие сильные личности из чеченцев (и вообще из кавказцев) становиться на нелегальное положение, а то и просто изгоняли их из списков порядочного общества» [28, с. 151].

В ответ абреки стремились наносить максимальный и разнообразный вред, который не был персонально ориентирован, а в качестве цели избирал государственную систему. Азартная неприимчивость приводила к тому, что «абреки убивали административных лиц, грабили почту, казначейства и др. правительственные учреждения... А власть ещё пуще налегала на мирное население: штрафы, высылка в Сибирь, виселица и т. д. Власть терроризировала местное население, а абреки терроризировали эту власть...» [28, с. 151].

В сложившихся обстоятельствах того исторического периода изменилась даже семантика понятия «абрек». Это был уже не банальный грабитель (того называли презрительно – «воришка») – это был престижный символ, народный заступник, герой. Рискнём предположить, что воспеваемые персонажи были сродни героям нартского эпоса, в котором ключевой персонаж также совершал деяния во благо народа.

А. Шерипов подметил такую важную черту в народном восприятии данного феномена, как их взаимосвязь с предшествующей эпохой. Он утверждал, что «наиболее отважные и удачливые из абреков так поражали психологию чеченцев, что они считали их продолжателями дела Шамиля и мюридов» [28, с. 152]. И хотя оба эти исторические явления были порождением во многом непохожих социально-экономических и политических реалий, но в данном случае важно другое: в общественном сознании они ассоциировались с носителями справедливости и того порядка, который был близок немалой части горского общества.

В абречестве видели некую мечту о вольном и героическом образе жизни, который традиционно воспевался в фольклоре и на котором были воспитаны все предшествующие поколения. Она манила тех, кто не желал принимать и разделять ценности новых исторических реалий, толкавших горское юношество к созидательному, но лишённому «героических» черт труду. Пожалуй, квинт-эссенцией рассуждений А. Шерипова на эту тему стали следующие его выводы: «Народная энергия не могла быть вся истрачена на земледелие и вообще на добывание куска хлеба. Остатки этой энергии требовали выхода, но условия старого режима не давали этого выхода. Культурное и духовное творчество народа было придавлено и задержано, и тот, кто не мог удовлетвориться плугом и сохой, проводил время в буйных ночных набегах и в братстве с абреками...» [28, с. 153].

Можно согласиться с подобным рассуждением, т.к. социальной опорой абреков в массе своей становились люди, не сумевшие найти себя в сложившейся капиталистической модели развития. Но примечательно, что не раз восторженно отзывавшийся об абреках революционер предпочёл встать на сторону марксистов, увидев в них носителей тех идей, которые должны были принести счастье его соотечественникам [18, с. 9; 14, с. 201].

Близко знавший Шерипова Ефрем Алексеевич Эшба, который занимал пост председателя Сухумского окружного комитета РСДРП (б) отмечал: «А. Шерипов настолько резко отошёл от предрассудков окружавшей его среды, особенно за последний период, когда он стал большевиком и связался с грозненскими рабочими, что был награждён из этой среды кличкой «босняка». Кроме того, ему чужды были какие-либо семейные и родовые (тайповые) уклоны; ведь достаточно только поставить вопрос: «Шерипов – и родовые уклоны», чтобы одна постановка этого вопроса оказалась пустой и бессмысленной...» [29, с. 9–10]. Увлечение абречеством покинуло чеченского революционера вместе с юностью и полученными политическими знаниями и жизненным опытом.

Вторил чеченскому большевику и другой яркий представитель горской интеллектуальной элиты – Ахмед Цаликов. Он отмечал, что «играют в развитии абречества и «отрыжки» прошлой кровавой эпохи многовековой войны с укоренившимися представлениями о молодечестве и условиях экономического и культурно-общественного быта. <...> Естественный отбор выдвигает среди абреков наиболее отважных, и создаются те легендарные кавказские абреки, слава о которых переходит из поколения в поколение» [22, с. 217].

Столь «романтический» взгляд на это сложнейшее социально-политическое и культурное явление сохраняется и в современной литературе. Исследователи пытаются выработать чёткое разграничение уголовной преступности и «благородного» абречества [10, с. 98]. В качестве критерия предлагается рассматривать объекты, для которых предназначались и были потрачены захваченные ценности. «Подлинный» абрек покупал себе только оружие, боеприпасы, продовольствие и необходимую одежду. Оставшиеся деньги уходили на поддержание семей соратников, отбывавших тюремное заключение или каторгу. Могли помочь и просто нуждающимся людям. Утверждается, что абрек не желал проливать кровь своих жертв. Он шёл на это, лишь опасаясь за собственную жизнь, в том случае, если ему оказывалось сопротивление [1, с. 90].

На наш взгляд, такой подход не имеет перспективы. При желании можно найти немало примеров как позитивных действий участников протеста против фактов несправедливости, так и доказательства меркантильной корысти, достойной осуждения. Следует, однако, согласиться с выводом о колебательном нарастании и затухании абреческого движения, которое имело место в северокавказской политической повседневности [10, с. 98].

Так, в Терской области по данным на 1875 г. было зафиксировано лишь 10 случаев, которые можно трактовать как преступления абреков, но затем их число возрастает [23, л. 2 об.]. Спустя четыре года их уже 40, а в 1887 г. – 68 случаев [24, л. 144]. Но все эти цифры меркнут перед статистикой конца столетия, когда в Терской области по официальным данным было уже 567 случаев разбоя абреков (данные на 1894 г.) [10, с. 98].

В исследовании феномена кавказского абречества стоит подчеркнуть его тесную связанность с существовавшими в горах традиционными устоями. Особенно сильное воздействие образ абрека оказывал на молодёжь, которая стремилась проявить себя в некоем героическом деле [3, с. 35]. То, что абрек рискует жизнью в отстаивании своей правоты, может похвастаться богатой добычей и т. п. привлекательные черты, всегда импонировало юношеству, склонному к импульсивным поступкам. О последствиях в этом случае задумывались редко.

Есть немало свидетельств того, как население поддерживало «благородных разбойников», осуждая тех, кто пытался содействовать властям в их поимке. Любопытный документ был выявлен в ЦГА РСФСР-А, он наглядно демонстрирует отношение даже официальных представителей горского самоуправления к тем, кто участвовал в погоне за абреками. Так, старшина селения Экажево обружал ингушей, которые «принимают участие в преследовании» абреков, и нанёс уничижительный «удар одному из них плетью», не скрывая своего сочувствия к укрывшимся в ауле беглецам [25, л. 15]. При этом он прекрасно знал, что они совершили грабёж, но это не изменило его отношения к происходящему.

Никто не рефлексировал относительно того факта, что полученные ценности были изъяты не всегда праведными способами. Большое богатство, согласно существующим морально-нравственным императивам, могло быть нажито далеко не добродетельным путём. В этом случае человек, занимаясь экспроприацией с целью перераспределения в пользу наиболее нуждающихся, становился поборником высшей справедливости.

Потому общество могло вставать на защиту тех, кто содействовал горской традиции. Например, сородичи с оружием в руках старались освободить попавшего в неволю абрека. Они отдавали себе отчёт в том, что подобное выступление неминуемо вызовет репрессии со стороны царской администрации, но это не останавливало тех, кто считал своим долгом прийти на помощь близкому человеку [12, с. 76].

Поддержка изгоя расценивалась как добродетель, а предательство осуждалось даже близкими людьми. Абрек был уверен, что никто не выдаст его русским преследователям. В газете «Кавказ» приводится случай, когда одного из абреков, спрятавшегося в доме местного жителя Сафара, выдал его сын, польстившись на монету. За это разгневанный отец застрелил мальчика, заявив, что «Никогда в роде моём не было изменников, и ты первый запятнал наше имя!». Он запретил жене оплакивать предателя и повелел «лучше молиться за него» в надежде, что Всевышний простит его грех [17, с. 179].

Нередко такая симпатия к абрекам была вызвана обычным страхом перед этими отчаянными и решительными людьми. Разуверившись в эффективности правоохранительной системы, местные жители предпочитали «задабривать» разбойников. Население не только не оказывало властям какого-либо содействия при преследовании разбойничьих шаек, но нередко укрывали их, «... из боязни, что не пойманный член шайки жестоко и безнаказанно отомстит всему населению» [19, с. 627].

Недостаточная эффективность правоохранительных структур провоцировала насилие. Полиция зачастую была вооружена гораздо хуже тех,

кому противостояла. Стоит ли удивляться, что население, «чувствуя свою слабость, невольно становилось на сторону сильного», — писал дореволюционный автор Г. М. Туманов, специально занимавшийся проблемой разбоев на Кавказе [20, с. 19].

Ситуация осложнялась также тем, что значительная часть горского населения не доверяла «русским» судам. В горской обывательской среде сложилось мнение, что выносимые приговоры не соответствуют степени тяжести совершенного проступка, особенно когда традиция их одобряла. Потому ожидавший наказания мог бежать в горы и там найти приют и покровительство [20, с. 30].

У таких предубеждений имелись основания, т. к. даже царские чиновники признавали, что многие преступления «обязаны своим существованием преступности самой администрации», той кадровой неразборчивости, которая делала начальником людей, которые ранее и «близко не допускались к общественным делам» [27, л. 2–3].

Небольшое жалование приводило к тому, что в юридическую службу шли люди, которые не отличались ни служебным рвением, ни профессиональными знаниями, ни крепкими нравственными устоями. Такие чиновники стремились поправить своё экономическое положение за счёт поборов с населения, и неудивительно, что защиту от произвола властей искали у изгоев-абреков [26, л. 4 об.]. Известны случаи, когда представители власти договаривались с криминалом и действовали сообща [21, с. 136].

Осмысливая положение абреков в системе горского общества, подвергавшегося радикальной трансформации, происходившей под воздействием внешних обстоятельств, следует констатировать, что абрек был фигурой отчасти героической и одновременно трагической. Как правило, его ждала гибель, т.к. в своём противостоянии государственным институтам он был обречён. Подобная ситуация не была новой в истории народов Северного Кавказа. Более ранний опыт такого рода состоялся ещё в период монгольского завоевания Кавказа. Абреки не могли рассчитывать на победу, в одиночку сражаясь исключительно ради мести [9, с. 61–62].

Со временем «абрек-идеалист» стал уступать место «абреку-прагматику», для которого разбой стал профессией. Именно такие люди, сколотив капитал, старались найти возможности заслужить прощения у царской администрации, легализовать богатства и остаток жизни провести в комфорте, не опасаясь за собственную жизнь. Они уже не желали возвращаться к крестьянскому труду, да и их прежнее общество отвергало подобных маргиналов [16, с. 143].

Пока абрек помогал поддерживать равенство и социальную справедливость, он был в определенной мере нужен обществу. Такой человек мог рассчитывать на расположение земляков и их

материальную и моральную поддержку. Но если он сам превращался в сильного, возвышающегося над соплеменниками лидера, отношение к нему могло кардинально поменяться.

Начавшаяся революция 1905–1907 гг. вновь актуализировала потребность в абреках. Паралич власти давал шанс местным удайцам продемонстрировать свою полезность обществу, произвести перераспределение материальных ценностей «по справедливости». К этому времени накопилось немало претензий к представителям местных зажиточных слоёв населения, чьё богатство создавалось за счёт отказа от местной традиции и на фоне обнищания немалой части земляков.

По мере восстановления порядка и прекращения революционного коллапса ситуация снова менялась. Правительство не могло допустить соперничества со стороны нелегитимных агентов, покушавшихся влиять на протекание социально-политических процессов в регионе. В этой связи абреки и связанная с ними «преступность, представляется одним из главных тормозов для гражданского развития кавказского населения» [20, с. 1].

Несмотря на серьёзные издержки, царская администрация постепенно избавлялась от абреков, создав легальные способы отстаивать народные интересы. К тому же усилившая свои социальные позиции горская интеллигенция предпочитала действовать в рамках существовавшего правового поля. Абречество при таком развитии социально-политических процессов утрачивало политическое содержание и вновь превращалось в банальное грабительство.

Однако глубинные причины, порождавшие такую форму борьбы, не были окончательно исчерпаны в горском социуме. Как только наступал

системный кризис и государственные институты теряли свою действенность, абреческая практика удивительным образом вновь возрождалась и её масштабы многократно превышали показатели предыдущего периода [11, с. 104–137].

Результаты. По итогам проведенного исследования было выявлено, что в результате кардинального изменения социально-политической, экономической и культурной парадигмы развития, на Северном Кавказе происходят заметные трансформации почти во всех сферах жизни местных народов и, в том числе, в практикуемых там протестных формах, применяемых населением, отстаивающим своё право на самобытность.

К концу XIX столетия социально-политическое противоборство стало носить преимущественно характер индивидуального противостояния человека и власти. Издавна известная практика абречества приобрела политическое звучание. Если ранее под личиной абрека выступал маргинал, в значительной мере порвавший со своим окружением и противопоставлявший себя обществу, то теперь это был человек, отстаивающий интересы того или иного местного социума, претендовавший быть радетелем традиционных способов поддержания порядка и внутриэтнической гармонии.

Долгое время в горском общественном сознании абрек был носителем добродетелей, присущих «старине», готовый с риском для жизни не допускать внедрения в жизнь горского мира привнесённых Россией инородных моделей поведения. Имперская администрация поневоле должна была конкурировать с такими людьми за влияния на умы горцев, и это заставляло учитывать интересы наименее защищённых слоёв общества, весьма болезненно адаптирующихся к происходящим изменениям.

Литература

1. Агиева Л. Т. Абречество как одна из форм социального протеста // Наследие веков. 2020. № 1. С. 88–97.
2. Антология Чечено-Ингушской поэзии. Грозный: Чечено-Ингушское книжное издательство, 1981. 464 с.
3. Бердыев С. К. Чечня и разбойник Зелимхан (Из далёких воспоминаний). Париж, 1932. 63 с.
4. Бобровников В. О. Мусульмане Северного Кавказа: обычаи, право, насилие: очерки по истории и этнографии права Нагорного Дагестана: монография. Москва: Восточная литература, 2002. 368 с.
5. Ботяков Ю. М. Абреки на Кавказе: Социокультурный аспект явления: монография. Санкт-Петербург: Петербургское Востоковедение, 2004. 208 с.
6. Ботяков Ю. М., Бочаров В. В., Гиренко Н. М. и др. Антропология насилия / Ответственные редакторы В. В. Бочаров и В. А. Тишков: монография. Санкт-Петербург: Наука, 2001. 533 с.
7. Гатагова Л. С. Северный Кавказ в эпоху поздней империи: природа насилия. 1860–1917: монография. Москва: Новый хронограф, 2016. 448 с.
8. Гриценко Н. П. Классовая и антиколониальная борьба крестьян Чечено-Ингушетии на рубеже XIX–XX веков: монография. Грозный: Чечено-Ингушское книжное издательство, 1971. 108 с.
9. Гутнов Ф. Х. Средневековая Осетия: монография. Владикавказ: Ир, 1993. 229 с.
10. Джанаев А. К. Народы Терека в российской революции 1905–1907 гг.: монография. Орджоникидзе: Ир, 1988. 312 с.
11. Жуликова Е. Ф. Повстанческое движение на Северном Кавказе в 1920–1925 гг.: монография. Москва: Новый хронограф, 2016. 424 с.
12. Клычников Ю. Ю., Линец С. И. Северокавказский узел: особенности конфликтного потенциала. (Исторические очерки) / Под ред. В. Б. Виноградова: монография. Пятигорск: РИА-КМВ, 2006. 211 с.
13. Козачковский В. Разбои на Кавказе: монография. Владикавказ, 1913. 140 с.
14. Морозова О. М. Цари, казаки, красные командиры... Семь очерков в жанре историко-психологического портрета: монография. Ростов-на-Дону: Издательство ЮНЦ РАН, 2010. 276 с.

15. Пальм Гр. Кавказские губернаторы о Кавказе. (Материалы для истории кавказского мятежа) // Исторический вестник. Историко-литературный журнал. 1910. Т. 121. Сентябрь. С. 934–944.
16. Северный Кавказ в составе Российской империи: монография. Москва: Новое литературное обозрение, 2007. 460 с.
17. Сен-Томас В. де Суд отца // Кавказ. 1846. № 45. С. 177–179.
18. Серов Ф. Нохчи-турпал (чеченские богатыри): монография. Краснодар: Севкавказ, 1927. 31 с.
19. Туманов Г. М. Разбои и саморасправа на Кавказе // Вестник Европы. Декабрь, 1885. Книга 12-я. С. 617–647.
20. Туманов Г. М. Разбои и реформа суда на Кавказе: монография. Санкт-Петербург, 1903. 65 с.
21. Хоружев Ю. В. Абреки на Кавказе: монография. Владикавказ: ИПО СОИГСИ, 2010. 524 с.
22. Цаликов А. Избранное. Владикавказ: Ир, 2002. 544 с.
23. Центральный государственный архив республики Северная Осетия – Алания. Ф. 12. Оп.2. Д. 131.
24. Центральный государственный архив республики Северная Осетия – Алания. Ф. 12. Оп. 3. Д. 308.
25. Центральный государственный архив республики Северная Осетия – Алания. Ф. 30. Оп. 1. Д. 52.
26. Центральный государственный архив республики Северная Осетия – Алания. Ф. 224. Оп. 1. Д. 121.
27. Центральный государственный архив республики Северная Осетия – Алания. Оп. 1. Д. 168.
28. Шерипов А. Статьи и речи. Сборник. Грозный: Чечено-Ингушское издательско-полиграфическое объединение «Книга», 1990. 182 с.
29. Эшба Е. Асланбек Шерипов. (Опыт характеристики личности и деятельности А. Шерипова в связи с народно-революционным движением в Чечне). К десятилетию Октябрьской Революции: монография. Грозный: Издание Отдела Народного Образования Ч.А.О., 1927. 68 с.

References

1. Agieva L. T. Abrechestvo as one of the forms of social protest. Nasledie vekov = Legacy of the Ages. 2020; (1): 88–97. (In Russ.).
2. Anthology of Chechen-Ingush poetry. Groznyj: Chechen-Ingush book publishing house; 1981. 464 p. (In Russ.).
3. Berdyaev S. K. Chechnya and the robber Zelimkhan (From distant memories). Paris; 1932. 63 p. (In Russ.).
4. Bobrovnikov V. O. Muslims of the North Caucasus: custom, law, violence: essays on the history and ethnography of the law of Nagorniy Dagestan. Moscow: Vostochnaya literature; 2002. 368 p. (In Russ.).
5. Botyakov Yu. M. Abreks in the Caucasus: Sociocultural aspect of the phenomenon. St. Petersburg: Peterburgskoe Vostokovedenie; 2004. 208 p. (In Russ.).
6. Botyakov Yu. M., Bocharov V. V., Girenko N. M. and etc. Anthropology of violence / ed. by V.V. Bocharov and V. A. Tishkov. St. Petersburg: Nauka; 2001. 533 p. (In Russ.).
7. Gatagova L. S. North Caucasus in the era of the late empire: the nature of violence. 1860-1917. Moscow: Novyj Hronograf; 2016. 448 p. (In Russ.).
8. Gricenko N. P. Class and anti-colonial struggle of the peasants of Checheno-Ingushetia at the turn of the 19th – 20th centuries. Grozny: Checheno-Ingushskoe knizhnoe izdatelstvo; 1971. 108 p. (In Russ.).
9. Gutnov F. H. Medieval Ossetia. Vladikavkaz: Ir; 1993. 229 p. (In Russ.).
10. Dzhanaev A. K. The peoples of the Terek in the Russian revolution 1905-1907. Ordzhonikidze: Ir; 1988. 312 p. (In Russ.).
11. Zhupikova E. F. Insurgency in the North Caucasus in 1920-1925. Moscow: Novy Hronograf; 2016. 424 p. (In Russ.).
12. Klychnikov Yu. Yu., Linec S.I. The North Caucasian Knot: Features of the Conflict Potential / red. V.B. Vinogradov. Pyatigorsk: RIA-KMV; 2006. 211 p. (In Russ.).
13. Kozachkovskij V. Robberies in the Caucasus. Vladikavkaz; 1913. 140 p. (In Russ.).
14. Morozova O. M. Tsars, Cossacks, Red commanders... Seven essays in the genre of historical and psychological portrait. Rostov-on-Don: SSC RAS Publishing; 2010. 276 p. (In Russ.).
15. Palm Gr. Caucasian governors about the Caucasus. Istoricheskij vestnik = Historical messenger. 1910; (121): 934-944. (In Russ.).
16. North Caucasus as part of the Russian Empire. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie; 2007. 460 p. (In Russ.).
17. Sen-Toma V. Father's judgment. Kavkaz = Caucasus. 1846; (45): 177-179. (In Russ.).
18. Serov F. Nokhchi-turpal (Chechen heroes). Krasnodar: Sevkavkniga; 1927. 31 p. (In Russ.).
19. Tumanov G. M. Robbery and self-reprisal in the Caucasus. Vestnik Evropy = Herald of Europe. 1885; (12): 617-647. (In Russ.).
20. Tumanov G. M. Robbery and Court Reform in the Caucasus. Saint Petersburg; 1903. 65 p. (In Russ.).
21. Horuev Yu. V. Abreks in the Caucasus. Vladikavkaz: NOIHSR; 2010. 524 p. (In Russ.).
22. Calikov A. Selected. Vladikavkaz: Ir; 2002. 544 p. (In Russ.).
23. Central State Archive of the Republic of North Ossetia-Alania (TsGA RSO-A). F. 12. Inv.2. C. 131. (In Russ.).
24. TsGA RSO-A. F. 12. Inv. 3. C. 308. (In Russ.).
25. TsGA RSO-A. F. 30. Inv. 1. C. 52. (In Russ.).
26. TsGA RSO-A. F. 224. Inv. 1. C. 121. (In Russ.).
27. TsGA RSO-A. F. 224. Inv. 1. C. 168. (In Russ.).
28. Sheripov A. Articles and speeches. Collection. Grozny: Kniga; 1990. 182 p. (In Russ.).
29. Eshba E. Aslanbek Sheripov. (The experience of characterizing the personality and activities of A. Sheripov in connection with the people's revolutionary movement in Chechnya). Grozny: Edition of the public education department CAR; 1927. 68 p. (In Russ.).

Научная статья
УДК 94(560): 336
<https://doi.org/10.37493/2409-1030.2023.2.10>

ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ БАНКОВ В ОСМАНСКОЙ ИМПЕРИИ В СЕРЕДИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.

Эльвира Руслановна Халимбекова¹

¹ Дагестанский государственный университет (д. 16, пр-т. Шамиля, 367026, Махачкала, Российская Федерация)
Преподаватель кафедры востоковедения. ORCID: 0009-0006-7603-9317. E-mail: elmira_khalimbekova@mail.ru

Аннотация. Введение. Развитие банков в Османской империи является сложной темой в отечественной и зарубежной историографии. Восточные общества, особенно мусульманские долгое время отрицательно относились к банковской деятельности, считая ее порождением чуждой западной культуры, пользуясь услугами традиционных структур. В представленной статье автор стремится показать развитие банков в стране с 20-30-х гг. XIX в. и до Первой мировой войны. В материале отмечается важная роль банковских домов Галаты, принадлежавших грекам, армянам и евреям в становлении кредитно-финансовой системы в Османской империи. Они обслуживали интересы Порты и осуществляли финансирование внешнеэкономических операций. **Материалы и методы.** Работа имеет междисциплинарный характер, поскольку она выполнена на пересечении истории, истории экономики, экономики, статистики. В процессе работы над темой использовались классические методы исторической науки. **Анализ.** В середине XIX в. банковские дома Галаты оказались в сложной ситуации, тем более в условиях галопирующей инфляции. Османской империи были необходимы современные банки, обладающие значительными ресурсами. В статье подчеркивается, что только иностранные банки могли успешно решить данную задачу, и выделяется ряд этапов развития данного процесса. В 60-70-е гг. XIX в. в стране господствовал британский капитал, с 80-х гг. XIX в. в империю активно проникает французский и германский банковский капитал. К Первой мировой войне более половина банковских активов

страны принадлежало банкам Франции. Автор поднимает сложную проблему развития национальных банков в Османской империи. Большинство из них не выдерживало конкуренцию с зарубежными банками за исключением «Сельскохозяйственного банка», ставшего успешным примером развития современного банка в традиционном обществе, пользовавшегося большим доверием у местного населения, которое формирует новую финансовую культуру. Поэтому оно охотно вкладывает свои сбережения в депозиты.

Результат. В заключении автор приходит к выводу, что, несмотря на достижения в создании современных банков, в стране ощущалась сильная нехватка их отделений и представительств, особенно в отдаленных районах империи. Следовательно, значительная часть населения вынуждена была обращаться за услугами к традиционным банковским домам и ростовщикам, которые в нарушение закона сильно завышали процентные ставки. Османской империи требовалось дальнейшее расширение присутствия иностранных банков и самое главное, создание крупных национальных банков, способных стать флагманами современной экономики в стране.

Ключевые слова: Османская империя, банковская система, кредиты, ростовщики, Галата, уставной капитал

Для цитирования: Халимбекова Э. Р. Особенности развития банков в Османской империи в середине XIX – начале XX вв. // Гуманитарные и юридические исследования. 2023. Т. 10 (2). С. 258–264. DOI: 10.37493/2409-1030.2023.2.10

Original article

FEATURES OF THE DEVELOPMENT OF BANKS IN THE OTTOMAN EMPIRE IN THE MIDDLE OF THE XIX – EARLY XX CENTURIES

Elvira R. Khalimbekova¹

¹ Dagestan State University (16, Shamil Ave., 367026, Makhachkala, Russian Federation)
Lecturer at the Department of Oriental Studies. ORCID: 0009-0006-7603-9317. E-mail: elmira_khalimbekova@mail.ru

Abstract. Introduction. The development of banks in the Ottoman Empire is a complex topic in domestic and foreign historiography. Eastern societies, especially Muslim ones, have long had a negative attitude towards banking activities, considering it an offspring of an alien Western culture, using the services of traditional structures. In this article, the author endeavours to show the development of banks in the country from the 1820s – 1830s to the First World War. The article highlights the important role of the Galata banking houses owned by

Greeks, Armenians and Jews in establishing the credit and financial system in the Ottoman Empire. They served the interests of the Porte and financed foreign economic transactions. **Materials and Methods.** The work has an interdisciplinary character, since it is carried out at the intersection of history, history of economics, economics, and statistics. Classical methods of historical science were used. **Analysis.** In the middle of the 19th century, the banking houses of Galata found themselves in a difficult situation, especially in the context of galloping

inflation. The Ottoman Empire needed modern banks with considerable resources. This article stresses that only foreign banks could successfully carry out this task and highlights a number of stages in the development of the process. The British capital had dominated the country during the 1860-70s, while the French and German banking capital started to gain access to the empire in the 1880s. By World War I, more than half of the country's banking assets belonged to French banks. The author raises a complex problem of the development of national banks in the Ottoman Empire. Most of them could not compete with foreign banks, except for the «Agricultural Bank», which was a successful example of modern bank development in a traditional society that enjoyed great confidence from the local population, who formed a new financial culture. Therefore, it willingly invested its savings in deposits. **Results.** The author concludes that despite

the achievements in establishing modern banks, there was a severe shortage of bank branches and representative offices, especially in the remote parts of the empire. Consequently, a large part of the population had to turn to traditional banking houses and moneylenders, which, contrary to the law, inflated the interest rates. The Ottoman Empire needed further expansion of the presence of foreign banks and, most importantly, the establishment of large national banks capable of becoming the flagships of the modern economy in the country.

Key words: Ottoman Empire, banking system, loans, moneylenders, Galata, share capital

For citation: Khalimbekova E. Features of the development of banks in the Ottoman Empire in the middle of the XIX – early XX centuries // Humanities and law research. 2023. V. 10 (2). P. 258–264 (In Russian). DOI: 10.37493/2409-1030.2023.2.10

Введение. Турецкая республика в настоящее время является одним из самых динамичных в экономическом отношении государств исламского мира. В тоже время, кредитно-финансовая политика Р.Т. Эрдогана вызывает большие нарекания. Она сохраняет некоторую связь с историей Османской империей, где банковская система имела значительную специфику развития, невольно оказывая влияние на современную политику страны. В российской историографии данная проблематика не нашла достойного внимания, что объясняет актуальность данного материала.

Материалы и методы. Статья выполнена с учетом подходов экономической истории. В настоящее время экономическая история, будучи проявлением междисциплинарности, становится важным направлением развития исторической науки. Она дает возможность через призму изучения истории экономических процессов, рассмотреть особенности хозяйственной деятельности обществ, их повседневности, специфики взаимодействия власти и общества, особенностей развития различных цивилизаций, в данном контексте восточных, влияние экономического фактора на историю международных отношений. В экономической истории тесно переплетаются и отражаются особенности политического, правового, культурного, религиозного развития общества

Анализ. Османская империя довольно поздно вступила на путь развития банковской системы. До 1847 г. в ней не было ни одного банка в полном смысле слова, их функции выполняли сарраф, обычные «менялы», производившие обмен денег, их выдачу в долг, проведение операций с векселями. Они в основном являлись евреями, армянами и греками. Сосредоточением сарраф в первой половине XIX в. становится Галата – деловой центр столицы Османской империи. Кроме местных жителей, банкирские дома в Галате создают иностранцы, их попытки создать в первой половине XIX в. современные банки не увенчались успехом.

Крах существовавших в середине XIX в. частных банков, принадлежавших грекам и другим христианам, поданным султана, привел к полной трансформации банковской системы страны. В это время в империи царила финансовая анархия. В Османской империи должны были развиваться мощные финансовые структуры, в первую очередь, действующие в интересах зарубежных заемщиков, инвесторов и обслуживать интересы внешней торговли.

Инициативу по расширению сети банков в свои руки взяли французские и британские инвесторы, охотно вкладывавшие средств в создание банков на территории Османской империи. У Порты имелись свои собственные интересы в создании значимых финансовых структур. Обесценивание бумажных банкнот страны в 30–40-е гг. XIX в. требовало упорядочивания эмиссионной политики и жесткой привязки куруша к курсу британского фунта. Известные в Галате банкиры Ж. Аллеон и Э. Балтаззи, которым Порты поручила стабилизировать курс национальной валюты, после первых успешных операций по стабилизации курса куруша (110 курушей = 1 фунту) получают в 1847 г. разрешение на создание «Константинопольского банка» [12, р. 158]. Однако банк разорился в 1852 г., поскольку он не имел собственного значительного уставного капитала, и после дефолта Порты в связи невозможностью погашения зарубежных кредитов, что обвалила курс национальной валюты. Банк оставил правительству не выполненные финансовые обязательства на 35 млн. курушей [5].

В 1859 г. британские инвесторы создают «Османский банк» с уставным капиталом в 500 тыс. фунтов. Центральный офис банка располагался в Лондоне. На территории Османской империи штаб-квартира банка находилась в Стамбуле, а отделения в Салониках, Смирне и Бейруте [12, р. 133–134]. Банк должен был привлекать зарубежных кредиторов и инвесторов в империю. Банк находился в тесном контакте с Портой, тем самым выступая в роли связующего звена между европейскими финансистами и правительством

Османской империи. Банк также обслуживал операции экспортеров/импортеров в стране. Порты признавала банкноты банка в качестве одной из платежных единиц в стране [7, с. 216].

В 1863 г. консорциум британских (59 % акций или 80 тыс. франков) и французских (37 % акций или 50 тыс. франков) банков получили концессию на 30 лет на создание «Имперского оттоманского банка», фактически выполнявшего функции центрального банка и получившего, по сути, неограниченные полномочия в деле контроля народного хозяйства страны [10, р. 32]. Правительство империи вложило в банк 5 тыс. франков. Порты не хотела завесить от английского капитала, поэтому она охотно привлекала к созданию банка французских инвесторов.

Банк выполнял в империи роль казначейства, так как значительная часть государственных доходов и расходов страны шла через данный банк. За это он получал комиссионные доходы. Он взял под контроль эмиссионную политику в стране, так как только он теперь имел права чеканки монет и выпуска банкнот [10, р. 33]. Из оборота выводились денежные банкноты «кайме», ставшие символом инфляции. Первоначально банк активно сотрудничал с французским банком «Credit Mobilier», в том числе в области кредитования Порты и эмиссии [12, р. 153]. Кроме этого банк занимался кредитованием народного хозяйства страны. Банк освобождался от всех налогов и получал право безвозмездного использования государственных земель для открытия его отделений, кроме Египта. Банк, прежде всего, действовал в интересах зарубежных кредиторов и инвесторов, однако его деятельность на первых порах привела к стабилизации финансовой системы страны.

После дефолта 1875 г. банк и Порты подписывают новое соглашение. В результате с 1875 г. банк в значительной мере контролировал государственный бюджет империи и ее регионов [8, р. 22]. Все облигации государственного долга страны проходили только через него. Он получил полную монополию на эмиссию банкнотов до 1895 г. Концессия неоднократно затем продлевалась. В итоге она должна была завершиться в 1925 г. Данное обстоятельство позволили Великобритании и Франции взять под контроль практически все финансы страны.

Уставной капитал банк увеличивается почти в 4 раза до 250 млн. франков, причем половина суммы обеспечивалась реальными средствами. Важную роль в расширении уставного капитала сыграл «Австро-Оттоманский банк». Банк имел широкую сеть отделений на территории страны, что позволило ему стать ведущим банком Османской империи. К 1911 г. в стране действовало 70 его филиалов. С 1891 г. банк начинает предоставлять еще один вид услуг, создав сберегательные кассы, очень востребованные у населения [5].

В 80-е гг. XIX в. контроль над «Имперским оттоманским банком» перешел к французским инвесторам. Банк не стал по настоящему центром финансовой жизни империи. Его банкноты на золото можно было обменять только в Стамбуле, что создавало большие трудности для клиентов [4, с. 244]. Эффективность деятельности многих отделений банка вызывало серьезные нарекания. В начале XX в. «Имперский оттоманский банк» во многом утрачивает выполнение функции центрального банка, являясь одним из крупнейших финансовых учреждений страны и не более того. Банк выделял кредиты под залог товаров. Следует отметить, что значительная часть банков, особенно иностранных воздерживалось от выдачи кредитов. В тоже время, один банк не мог успешно выполнять кредитно-финансовые операции в рамках всей империи. Поэтому ей требовались новые банковские структуры. К тому же значение банка в финансовой жизни страны снижается с 1910 г., когда провалились переговоры о предоставлении через него внешних займов правительству младотурок. В ответ его лишили права заниматься государственным долгом и ряд других привилегий [5].

В 1870-1871 гг. на финансовом рынке Османской империи происходят значительные изменения. Поражения Франции в войне с Пруссией и переориентация Великобритании на вкладывание капитала в свои колонии приводят в Османскую империю банки Австро-Венгрии и других стран. Следует отметить, что не все банки, в том числе с иностранным участием, имели долгую историю. Они возникали и через некоторое время разорялись. Только немногие из них прочно закрепились в банковской сфере страны. В 1871 г. учреждается «Австро-Оттоманский банк» с капиталом в 2,5 млн фунтов. В его создании принял участие крупнейший банк империи Габсбургов «Кредитаншальт», а также «Англо-Австрийский банк» и «Унион-банк» с участием банкиров Галаты. «Англо-Австрийский банк» и «Унион-банк» в 1872 г., опять же при участии банкиров Галаты создают «Австро-Турецкий банк», с уставным капиталом в 2 млн фунтов [5]. Крах на венской бирже в 1873 г. привел к ликвидации и трансформации этих банков.

В 80-90-е гг. возникают и действуют ранее созданные банки, принадлежащие французам, в том числе «Societe General de l'Empire Ottoman», «Credit Mobilier», «Pereire Brothers» и другие. Крупнейшим из них являлся «Crédit Lyonnais», создавший свое представительство в Стамбуле в 1875 г., его уставной капитал достиг 250 млн франков. Вскоре появляется его филиал в Смирне. Французские инвесторы взяли под контроль большую часть банковского капитала в стране. В частности, «Crédit Lyonnais» открыв представительство в Иерусалиме, взял под свой контроль

всю финансовую жизнь в Палестине, его клиентами являлись Всемирный еврейский конгресс, «Дойче банк», «Немецкий Палестинский банк», «Имперский оттоманский банк», британские компании. Его оборот достигал 11–15 млн франков в год [6, с. 35]. Христианская община Восточного Средиземноморья предпочитала держать свои вклады в отделениях данного банка. В отличие от многих банков «Crédit Lyonnais» не занимался выдачей кредитов. В 1913 г. французские инвесторы открывают последний довоенный «Франко-Азиатский банк».

В 1904 г. в стране начинает действовать «Афинский банк», созданный при участии греческого и французского капитала, с уставным капиталом в 60 млн. драхм. Банк открывает отделения в Стамбуле, Салониках и Смирне. В 1904 г. греческие, французские и германские инвесторы учреждают «Восточный банк» (уставной капитал 25 млн франков) с отделениями в Салониках и Смирне. В 1905 г. в Стамбуле появляется представительство «Wiener Bankverein», принадлежавший австрийскому и отчасти германскому капиталу с уставным капиталом в 130 млн. крон. Банк получил хорошую репутацию в стране. Кроме этого, в 1907 и 1911 гг. в стране начинают действовать два итальянских банка,

Монополия британских и французских банков не продолжалась долго. Укрепление военно-политического сотрудничества Германии и Османской империи не могло не отразиться на их экономических контактах. Германские банки и компании проявляют значительный интерес к народному хозяйству страны и прежде всего к торговле на Ближнем Востоке [2, с. 98–99]. В Берлине понимали, что расширение политического присутствия в стране, невозможно без активного проникновения в ее экономику. В 1888 г. «Дойче банк» открывает представительство в Стамбуле. Его уставной капитал достиг 200 млн марок. Банк в своей деятельности использовал последние технологии, выдавая регулярно кредиты османским купцам, регулярно выплачивая дивиденды вкладчикам в стране. Банк пользовался большой популярностью в Османской империи [5].

«Германский Восточный банк», создается в 1906 г. с уставным капиталом в 15 млн марок, при участии «Дрезденского банка», контролировавшего 37,5 % его акций. В создании банка также принимали участие австрийские инвесторы [5]. Банк создает представительство в Стамбуле. Затем его отделения появляются в Эдирене, Мерсине, Бурсе, Адане, Дедеагаче. С помощью «Германского Восточного банка» «Дрезденский банк» стремился расширить присутствие в Османской империи не только за счет французских банков, но и «Дойче банка». Его капитал к 1911 г. вырос с 16 до 32 млн марок. Кроме этого банк успешно действовал в Египте и Персии.

Другим крупным германским банком являлся «Немецкий Палестинский банк», созданный в 1897 г. с отделениями в Яффе и Иерусалиме, затем их сеть расширяется, в том числе за счет Бейрута, Хайфы и Триполи. Отделение в Яффе получило право выдавать потребительские кредиты для стимулирования потребления германских товаров в регионе. В 1907–1909 гг. его оборот достигал 9 млн франков в год [6, с. 35]. С момента основания и до 1913 г. капитал банка вырос с 5 млн марок до 20 млн марок. Накануне Первой мировой войны шли переговоры о его объединении с «Германским Восточным банком» и стороны были близки к достижению компромисса, но начавшаяся война помешало этом процессу.

Германские банки быстро себя проявили с самой хорошей стороны с точки зрения оперативности и качества работы с клиентами. Они смогли к 1914 г. нарастить германское присутствие в государственном долге Османской империи. Германские банки проявляли гибкость и оперативность в принятии решений и завоевали доверия у жителей Османской империи, поэтому представители разных конфессий охотно открывали в них свои счета.

Россия долгое время не проявляла интереса к банковскому сектору Османской империи. Однако, развитие внешней торговли с ней, особенно после Младотурецкой революции, заставило предпринять в этом направлении серьезные усилия. Без наличия собственных финансовых институтов невозможно было говорить о прочном закреплении позиций России в народном хозяйстве страны. В 1909 г. «Русский для внешней торговли банк» создает отделение в Стамбуле [1, с. 1228]. Уставной капитал банка составил 40 млн руб. С 1911 г. отделение становится прибыльным. Оно не только проводило кредитование внешней торговли России с Османской империей, но и оказывало предпринимателям двух стран консультативную и маркетинговую помощь. Этого начинания явно не было достаточно. Но другие проекты России в данном плане оказались неудачными. В 1911 г. провалилась идея создания «Русско-турецкого коммерческого банка», несмотря на поддержку министерства финансов России. В 1913 г. «Русско-Азиатский банк» после сложных переговоров приобрел «Салоникский банк». В июле 1914 г. были улажены все спорные моменты, связанные со слиянием, в том числе претензии Франции по поводу отделений будущего банка. Но начало войны не позволило реализовать проект на практике. В начале XX в. в Османской империи действовало 15 банков, принадлежавших иностранным инвесторам и отделений европейских банков [3, с. 62].

Местному капиталу было трудно конкурировать на равных с европейцами. К началу XX в. в Османской империи действовал только один

местный «Сельскохозяйственный банк», созданный в 1888 г., его уставной капитал составил 10 млн лир. Формально началом деятельности банка можно считать 1863 г., когда создаются «Отечественные кассы». Он выдавал кредиты только для сельского хозяйства под залог имущества или поручительство влиятельных в регионе людей, финансировал деятельность сельскохозяйственных школ, образцовые хозяйства, выплачивал заработную плату сельскохозяйственным инспекторам и учителям. Значительная часть прибыли банка шла на развитие сельского хозяйства страны [9, р. 349]. Банк удерживал 6 % годовых и еще 1 % за обслуживание. Эти проценты были приемлемы для большинства производителей в стране. Банк принимал и депозиты, выплачивая вкладчикам по 4 % годовых [9, р. 345]. Деятельность банка не раз находилась под угрозой банкротства. Однако правительству удалось наладить эффективную его работу на основе европейского опыта, но при этом оно использовало банк для решения своих проблем. С 1892 по 1908 гг. банк выдал правительству кредиты на 2,9 млн лир., что было в пять раз больше в сравнении с суммой, выделенной на развитие сельского хозяйства [5]. Не раз его доходы служили залогом для получения страной внешних кредитов.

Более перспективным делом являлось открытие банков поданными Османской империи совместно с зарубежными инвесторами. Большую инициативу в создании банков проявляла еврейская община страны. В 1888 г. не без участия иностранного капитала при активном участии еврейской общины Салоник и Стамбула открывается в столице империи еще один османский банк (с оговорками) «Салоникский банк» с уставным капиталом в 880 тыс. фунтов. Больше половины акций банка принадлежало французским отчасти австрийским инвесторам. Для содействия колонизации евреями Палестины и развития ее экономического потенциала в 1902 г. в Лондоне создается «Англо-Палестинский банк» с уставным капиталом в 120 тыс. фунтов. В Османской империи он начинает работу в 1903 г. Основными акционерами банка выступили еврейские колонисты и финансисты при поддержке британского капитала. Его отделения открываются во всех крупных городах Ливана и Палестины. Банк являлся одним из успешных финансовых учреждений Османской империи. В 1908 г. его чистая прибыль составила почти 5 тыс. фунтов [8, с. 36]. С 1912 г. отделение банка в Иерусалиме начинает скупать земли в Палестине для их передачи на льготных условиях евреям-колонистам.

К 1912 г. в Палестине и Ливане «Англо-Палестинский банк» обошел «Немецкий Палестинский банк» и вышел на второе место после «Crédit Lyonnais». Банк одним из немногих начинает поддерживать сберегательные кассы в регионе.

Следует отметить, что сберегательные кассы создаются в стране в 1868 г. с целью поощрения населения к накоплению средств в кассах под гарантии государства.

К 1914 г. 52 сберегательным кассам, насчитывающим 2,3 тыс. членов «Англо-Палестинский банк» выдал 620 тыс. франков в виде краткосрочной ссуды [4, с. 245]. В 1909 г. в Иерусалиме создается «Палестинский коммерческий банк» с уставным капиталом в 50 тыс. фунтов. Он должен был содействовать развитию национальной экономики и кредитовать подданных империи и прежде всего мусульман. Однако его деятельность не была столь успешной. Банк ограничивал свою деятельность только территорией Палестины. Он, как и «Англо-Палестинский банк» выдавал ссуды под залог имущества в рамках строгих законов Османской империи. В 1910 г. ливантинские и турецкие предприниматели создали «Турецкий торгово-промышленный банк» с уставным капиталом 550 тыс. лир. Банк от имени правительства собирал налоги и выдавал кредиты [5].

Младотурецкая революция и политика нового правительства привели к созданию целого ряда национальных банков, его учредителями, как правило, являлись торговцы и землевладельцы, занимавшиеся внешней торговлей. Целью создания данных учреждений являлось содействие выдаче кредитов на проведение торговых операций как в сфере внешней, так и внутренней торговли. К числу таких банков можно отнести, созданные в 1911 г. «Стамбульский банк», «Национальный экономический банк Коньи», в 1913 г. «Адапазарынский Исламский торговый банк», «Караманский национальный банк». В 1914 г. возникают «Банк недвижимости и ссуд», «Национальный банк просвещения», «Азиатский банк» [5]. Часть из них разорилось во время Первой мировой войны.

В среднем банки выдавали кредиты по 8–9 %. Льготные кредиты выдавались под 1–3 %. Ограничения, связанные с предоставлением кредитов под гарантии имущества, несколько тормозили кредитную политику банков. Еще одним тормозом, являлась, утвердившаяся на Ближнем Востоке практика, когда состоятельные люди предпочитали вкладывать деньги в движимое или недвижимое имущество или хранить деньги дома. С конца XIX в. данная тенденция постепенно меняется. Жители Османской империи в крупных городах начинают понимать выгоду вложения средств на депозиты в банки. Во многих регионах страны в условиях отсутствия сберегательных касс, именно банки становятся монополистами в приеме средств населения на депозиты.

Кроме крупных банков в Османской империи действовали банковские конторы, принадлежащие местным жителям. Они являлись старейшей формой организации банковского дела на Ближнем Востоке. В зависимости от экономического

потенциала их количество в городах колебалось от одного и более. Так, в Аллепо к 1913 г. действовало 8 крупных и 25 небольших банковских домов [4, с. 246]. Они выполняли в принципе обычный набор банковских услуг, в том числе кредитование. Данные структуры работают с второразрядными векселями, отклоненными крупными банками и за это они брали высокий процент, далеко превышающий официальный максимум в 9 %. Несмотря на примитивные методы ведения дел, банковские дома действовали очень осторожно и благоразумно. Они старались избегать спекулятивных операций, особенно в сфере внешней торговли, где такого рода явления не были редкостью.

Кроме вышеуказанных структур кредиты населению выдавали и другие учреждения и ростовщики. К ним относились религиозные организации, в частности у евреев, и ростовщики, которые стали настоящей бедой для крестьян, не имеющих возможности взять кредит в банке, зачастую в виду их полного отсутствия в регионе. Ростовщики облагали население кабальными условиями получения кредита. Крестьяне, купцы, испытывавшие временные трудности, горожане вынуждены были им платить от 40 до 85 % годовых. Власти редко наказывали ростовщиков за внедрение кабальных условий кредитования.

Основная часть заемных средств выдавалась в форме векселей и контокоррентных платежей, то есть в форме проведения платежей при отсутствии реальных средств у их проводника. В данном случае кредитором выступал банк или банковский дом. Векселя выдавались, как правило, до 3 месяцев. На больший срок векселя выдавались неохотно и под гарантии товара. Подавляющая часть векселей оплачивалась во время. Однако часть векселей оплачивалась нерегулярно, что создавало определенные проблемы, но жесткая конкуренция между банковскими домами мешала эффективной борьбе с данным явлением. Процент по векселям различался в зависимости от состояния дел и кредитной истории заемщика. Так, банки в Бейруте, в том числе «Имперский оттоманский банк» договорились о предоставлении векселей банковским домам первого разряда под 6,5 %, второго разряда 6,75 %, купцам первого класса 7 % и остальным купцам под 7–8 % [4, с. 247]. В стране существовал курс векселей крупнейших банков и компаний, который периодически менялся в зависимости от состояния дел на рынке.

Рынок ценных бумаг в Османской империи не был развит. Ценные бумаги население, и юридические лица приобретали в небольших объемах.

Самыми известными в стране являлись закладные бумаги (облигации) «Crédit foncier Egyptien». Они продавались номиналом в 250 франков под очень низкий процент (3 %) [4, с. 246–247]. Однако по ним проводились различные розыгрыши, от которых их владельцы могли получить дополнительную прибыль. Несмотря на низкую прибыльность, данные облигации пользовались большим спросом у населения и юридических лиц из-за своей надежности. Поэтому они нередко продавались и перепродавались выше своего номинала. В незначительных объемах в стране также распространялись выигрышные облигации Османской империи и Франции. Неразвитость рынка ценных бумаг привела к отсутствию в стране такого явления как спекуляция ценными бумагами.

Результат. Таким образом, одной из проблем развития современной экономики в Османской империи являлось неимение соответствующей банковской системы. Ее формированию препятствовало несколько обстоятельств. Во-первых, отсутствие четких юридических норм, регулирующих деятельность банков и произвол бюрократии. Во-вторых, нехватка денежных ресурсов, так как население долгое время неохотно вкладывало средств в банковские депозиты. В-третьих, отрицательное отношение значительной части мусульманского населения к банковской деятельности. В-четвертых, жесткая конкуренция со стороны иностранных банков и неэффективность местного банковского менеджмента. В-пятых, невозможность взять кредиты под залог земли.

После младотурецкой революции в стране создается несколько отечественных банков, но большинство из них не смогло закрепиться на рынке банковских услуг Османской империи. Исключением является «Сельскохозяйственный банк», старейший банк страны, доказавший в сложных условиях конкурентной борьбы и непростых взаимоотношений с государством свою эффективность. До Первой мировой войны в Османской империи доминировали иностранные банки. Около 59 % банковских активов страны контролировали французские банки, 22 % банки Германии и 6,5 банки Великобритании. Однако, значительная часть населения страны не могла воспользоваться услугами банков в виду ограниченности их сети представительств и отделений и оно вынуждено было обращаться к ростовщикам и местным банковским домам. В 1913 г. финансовые активы в стране составили 664 млн курушей (2,4 % ВВП), что было неплохим показателем для нее [11, р. 224].

Литература

1. Крючков И. В. Экономические связи России с Анатолийскими вилайетами Османской империи на рубеже XIX–XX вв.: конкуренция и заимствование опыта государств Европы и США // Былые годы. 2019. Т. 53. Ч. 3. С. 221–231.
2. Миллер А. Ф. Краткая история Турции. М.: Госполитиздат, 1948. 304 с.
3. Моисеев С. Р. Денежная система Османской империи // Дайджест-финансы. 2004. № 11. С. 61–63.

4. Руппин А. Современная Сирия и Палестина. Пг.: Кадима, 1919. 376 с.
5. Сертчелик С. Банковский сектор Османской империи в XIX – начале XX вв. Роль и интересы в нем европейских государств и России//Проблемы современной экономики. 2008. №1/ URL: <http://www.m-economy.ru/art.php?nArtId=1848> (дата обращения: 06.01.2023)
6. Шаповалова М. С. Банки Палестины в начале XX в. По донесениям Императорского российского генерального консула консульства в Иерусалиме А.Ф. Круглова // Восточный архив. 2015. № 1. С. 34–38.
7. Юсупов И. И. История учреждения первых банков в Османской империи // Международный научный журнал «Синергия науки». 2017. № 8. С. 207–226.
8. Administration Financiers Banque Impériale Ottomane. 18.02.1875/ Corps de droit ottoman; recueil des codes, lois, règlements, ordonnances et actes les plus importants du droit intérieur, et d'études sur le droit coutumier de l'Empire ottoman. By Young George. V. 5. Oxford: The Clarendon Press, 1906. P. 22–24.
9. Banque agricole, règlement organique. 18.98.1898/ Corps de droit ottoman; recueil des codes, lois, règlements, ordonnances et actes les plus importants du droit intérieur, et d'études sur le droit coutumier de l'Empire ottoman. By Young George. V. 5. Oxford: The Clarendon Press, 1906. P. 342–350.
10. Banque Impériale Ottomane. Convection. 4.02.1863/ Corps de droit ottoman; recueil des codes, lois, règlements, ordonnances et actes les plus importants du droit intérieur, et d'études sur le droit coutumier de l'Empire ottoman. By Young George. V.5. Oxford: The Clarendon Press, 1906. P. 30–36.
11. Eldem V. Osmanlı İmparatorluğu'nun iktisadi şartları hakkında bir tetkik. Ankara: Türk Tarih Kurumu, 1994. P. 224.
12. Osmanlıda Avrupa Finans Kapitali. Cilt I./ Ed.Kazgan H. Ankara: Roma Yayınları, 2005. 211 p.

References

1. Kryuchkov I. V. Economic Relations of Russia with the Anatolian Vilayets of the Ottoman Empire at the Turn of the 19th–20th Centuries: Competition and Borrowing the Experience of the States of Europe and the USA. Bylyye Gody = Bygone Years. 2019; 53(3):221–1231. (In Russ.).
2. Miller A.F. Brief history of Turkey. Moscow: Gospolitizdat, 1948. 304 p. (In Russ.).
3. Moiseev S.R. Monetary system of the Ottoman Empire. Dajdzhest-finansy = Digest Finance. 2004;11:61–63. (In Russ.).
4. Ruppin A. Modern Syria and Palestine. Petrograd: Kadima, 1919. 376 p. (In Russ.).
5. Sertchelik S. The banking sector of the Ottoman Empire in the XIX – early XX centuries. The role and interests of European states and Russia. Available from: <http://www.m-economy.ru/art.php?nArtId=1848> (Accessed 1 June 2023). (In Russ.).
6. Shapovalova M.S. Banks of Palestine at the beginning of the 20th century. According to the reports of the Imperial Russian Consul General of the Consulate in Jerusalem A.F. Kruglova Vostochnyi arkhiv = Eastern archive. 2015;1:34–38. (In Russ.).
7. Yusupov I. I. The history of the establishment of the first banks in the Ottoman Empire Synergy of Science. 2017;8:207–226. (In Russ.).
8. Administration Financiers Banque Impériale Ottomane. 18.02.1875 // Corps de droit ottoman; recueil des codes, lois, règlements, ordonnances et actes les plus importants du droit intérieur, et d'études sur le droit coutumier de l'Empire ottoman. By Young George. V. 5. Oxford: The Clarendon Press, 1906. P. 22–24.
9. Banque agricole, règlement organique. 18.98.1898/ Corps de droit ottoman; recueil des codes, lois, règlements, ordonnances et actes les plus importants du droit intérieur, et d'études sur le droit coutumier de l'Empire ottoman. By Young George. V.5. Oxford: The Clarendon Press, 1906. P. 342–350.
10. Banque Impériale Ottomane. Convection. 4.02.1863/ Corps de droit ottoman; recueil des codes, lois, règlements, ordonnances et actes les plus importants du droit intérieur, et d'études sur le droit coutumier de l'Empire ottoman. By Young George. V. 5. Oxford: The Clarendon Press, 1906. P. 30–36.
11. Eldem V. Osmanlı İmparatorluğu'nun iktisadi şartları hakkında bir tetkik. Ankara: Türk Tarih Kurumu, 1994. P. 224.
12. Osmanlıda Avrupa Finans Kapitali. Cilt I./ Ed.Kazgan H. Ankara: Roma Yayınları, 2005. 211 p.

Научная статья
 УДК 94(41/99) Ирак
<https://doi.org/10.37493/2409-1030.2023.2.11>

АМЕРИКАНСКАЯ ОККУПАЦИЯ ИРАКА И ПРОБЛЕМА ШИИТСКОГО АКТИВИЗМА

Мариам Салман Хамид¹

¹ Саратовский национальный исследовательский государственный университет (д. 83, ул. Астраханская, 410012, Саратов, Российская Федерация)
 Аспирант. ORCID: 0000-0002-5363-0909. E-mail: mariyam22sm@gmail.com

Аннотация. Введение. В статье автор обращается к анализу причин и предпосылок политической активизации борьбы шиитов Ирака за свои права в условиях американской оккупации в период правления Временной коалиционной администрации Пола Бремера. Анализируются основные мероприятия американских оккупационных властей 2003–2004 года по «демократизации» постсаддамовского Ирака в политической, экономической и военной сферах и их результаты, приведшие к росту антиамериканских настроений среди шиитского населения. **Материалы и методы.** Исследование построено на основе анализа источников, состоящих из воспоминаний американского чиновника П. Бремера и иракского политика А. Аллауи, которые позволяют провести сравнительный анализ целей и задач американской оккупационной администрации и их реализацию, с точки зрения шиитской общины Ирака. **Анализ.** Важную часть составляет анализ состояния шиитской общины и борьба за влияние между ведущими политическими лидерами шиитов религиозного толка, отстаивавших разные пути развития постсаддамовского Ирака на примерах деятельности аятолл

Мохаммада Бакира аль-Хакима, Абдул Маджида аль-Хои и муллы Муктады аль-Садра. **Результаты.** Делается вывод о том, что события весной 2004 года с эпицентром в Неджефе стали высшим проявлением активизации шиитской борьбы за свои права в постсаддамовском Ираке. Достигнутый компромисс с Муктадой аль-Садром, не только выводил его в первые ряды влиятельных иракских политиков, но и означало фактический провал первоначальных планов США по демократизации Ирака по западным лекалам. Муктада аль-Садр своими решительными действиями продемонстрировал настрой шиитов на отстаивание места, соответствующего их положению в будущем устройстве Ирака, что неизбежно вело к обострению этно-конфессионального противостояния с другими общинами в лице суннитов и курдов.

Ключевые слова: Ирак, США, антиамериканизм, шииты, Пол Бремер, Мохаммад Бакир аль-Хаким, Абдул Маджид аль-Хои, Муктада аль-Садр

Для цитирования: Хамид М. С. Американская оккупация Ирака и проблема шиитского активизма // Гуманитарные и юридические исследования. 2023. Т. 10(2). С. 265–271. DOI: 10.37493/2409-1030.2023.2.11

Original article

THE AMERICAN OCCUPATION OF IRAQ AND THE PROBLEM OF SHIITE ACTIVISM

Mariam S. Hamid¹

¹ Saratov State University (83 Astrakhanskaya St., Saratov, 410012, Russian Federation)
 Postgraduate student. ORCID: 0000-0002-5363-0909. E-mail: mariyam22sm@gmail.com

Abstract. Introduction. The article analyzes the reasons and prerequisites for the political activation of the struggle of the Shiites of Iraq for their rights under the American occupation during the reign of the Provisional Coalition Administration of Paul Bremer. The article studies the main activities of the American occupation authorities in 2003 and 2004 to «democratize» post-Saddam Iraq in the political, economic and military spheres and their results, which led to an increase in anti-American sentiments among the Shiite population. **Materials and Methods.** The study is based on the analysis of sources consisting of the memoirs of the American official P. Bremer and the Iraqi politician A. Allawi, which allow a comparative analysis of the goals and objectives of the American occupation administration

and their implementation, from the point of view of the Shiite community in Iraq. **Analysis.** An important part is the analysis of the state of the Shiite community and the struggle for influence between the leading political leaders of religious Shiites who defended different ways of development of post-Saddam Iraq on the examples of the activities of Ayatollahs Mohammad Baqir al-Hakim, Abdul Majid al-Khoi and Mullah Muqtada al-Sadr. **Results.** It is concluded that the events in the spring of 2004 with the epicenter in Nejef became the highest manifestation of the intensification of the Shiite struggle for their rights in post-Saddam Iraq. The compromise reached with Muqtada al-Sadr not only brought him to the forefront of influential Iraqi politicians, but also meant

the actual failure of the initial US plans to democratize Iraq according to Western patterns. With his decisive actions, Muqtada al-Sadr demonstrated the attitude of the Shiites to defend a place corresponding to their position in the future structure of Iraq, which inevitably led to an aggravation of ethno-confessional confrontation with other communities such as Sunnis and Kurds.

Введение. 9 апреля 2003 г. мировые информационные агентства распространили эпохальные кадры того, как американский танк, под восторженные крики иракцев, обрушил с постаментов памятник иракскому диктатору в центре Багдада. Этот эпизод стал символом окончания 35-летнего правления партии Баас и лично Саддама Хуссейна [5, p. 242]. Не менее помпезно прошла торжественная церемония на палубе авианосца ВМС США «Авраам Линкольн», когда на фоне баннера «Миссия выполнена!», американский президент Дж. Буш-младший торжественно объявил о победоносном завершении войны в Ираке.

Быстрый разгром иракской армии поставил перед экспертами вопрос о наличии у американской администрации планов по дальнейшим действиям в Ираке и налаживании мирной жизни. Если абстрагироваться от идеи о стремлении заполучить контроль над иракской нефтью, в администрации США серьезным образом подходили к возможности превращения Ирака в «первую арабскую демократию» [3, p. 77], о чем в сентябре 2002 г. заявлял один из главных апологетов иракской кампании Пол Вулфовиц, тогдашний заместитель секретаря обороны США.

Материалы и методы. Проведенный анализ американских внешнеполитических документов в коллективной работе «Конфликты и войны XXI века», позволяет сделать вывод о том, что к числу глобальных приоритетов США относится проблема интеграции развивающихся стран в существующий мировой порядок и их объединения вокруг западных ценностей [2, с. 261]. Столь упрощенный и прямолинейный подход к реформированию Ирака, вызывал критику ряда американских экспертов, утверждавших, как например, Мартин Индик, что американская администрация имеет крайне мало достоверной информации о том, что реально происходит в Ираке [6, p. 211]. Английский исследователь Джон Робертсон еще более критичен, когда говорит о деятельности американской оккупационной администрации в Ираке, что в отличие от британцев, у американцев опыта управления народами Ближнего Востока не было. Они были полностью невежественны в вопросах иракской истории и культуры, предпочитая опираться на рекомендации лояльных, а не независимых, специалистов [11, p. 320].

Анализ. Проблема заключалась в том, что при любом раскладе в создании единого и демократического Ирака, создаваемое государство будет основываться на доминировании в его структу-

Key words: Iraq, USA, anti-Americanism, Shiites, Paul Bremer, Mohammad Baqir al-Hakim, Abdul Majid al-Khoi, Muqtada al-Sadr

For citation: Hamid M. The American occupation of Iraq and the problem of Shiite activism // Humanities and law research. 2023. V. 10 (2). P. 265–271 (In Russian). DOI: 10.37493/2409-1030.2023.2.11

ре шиитского большинства, которое составляет 14 млн человек или 60 % всего населения страны [4, p. 117]. Ситуация осложняется тем фактом, что в этническом плане шииты не однородны, и помимо арабов, составляющие 80 % шиитов Ирака, сюда относятся и курды. Разобщенность шиитской общины позволяло правящему суннитскому меньшинству сохранять шиитов на уровне маргинализированной группы. И хотя шииты и являются интегральной частью иракской государственной структуры, они никогда не были интегрированы в структуры власти, отвечавшие за выработку и принятие важнейших решений. Возможно, это была даже более серьезная проблема, чем курдская, недооценка которой серьезным образом осложняло американской администрации проведение заявленных ими принципов по переустройству постсаддамовского Ирака.

Американский исследователь иракского происхождения, Али Аллауи, утверждает о наличии политических дискуссий представителей американской администрации задолго до анонсированного вторжения в Ирак в 2003 г. с иракской оппозицией. По его словам, в результате были выработаны три возможные концепции будущего страны. Речь шла о концепциях, основанных, соответственно, на идеях коммуитаризма, реформированного исламизма и либеральной демократии [3, p. 72]. Причем численно среди иракской диаспоры преобладали сторонники демократического развития, что не могло не импонировать американской администрации.

Американские власти предпринимали попытки консолидировать и институционализировать иракскую антисаддамовскую оппозицию, проводя поочередно встречи в Лондоне (14 декабря 2002 г.), Салахаддине (Иракский Курдистан, 25 января 2003 г.), Насирии (Ирак, 15 апреля 2003 г.) и Багдаде (28 апреля 2003 г.). От американского Госдепа модераторами выступали Райен Крокер, Залмай Халилзад и глава первой американской оккупационной администрации – Бюро по восстановлению и гуманитарной помощи (ORHA) Джей Гарнер. Американские власти не скрывали своих намерений поставить во главе Ирака, так называемых, иракских демократов, для чего даже были возвращены из эмиграции соответствующие «лидеры» в лице таких политиков как Ахмад Чалайби. Личность во многих отношениях вполне показательная и символическая. Против фигуры Чалайби говорило буквально все, начиная от его личной непопулярности и не популярности возглавляе-

мой им организации – Иракский национальный конгресс (ИНК) – у широких слоев населения до криминального прошлого этого оппозиционера. Известно, что за финансовые махинации Чаляби был приговорен в Иордании к длительному сроку тюремного заключения [1, с. 94].

По итогам встречи в Насирии была принята программа из 13 пунктов, которая должна была лечь в основание преобразований постсаддамовского Ирака. Она ожидаемо призывала к демократии, федерализму и правлению закона. Также требовала роспуска партии Баас. Выступавшие на конференции говорили о будущем Ираке как о процветающей, светской, либеральной стране, с рыночной экономикой, плюралистичной политической системой, основанной на конституционализме, уважении прав человека и женщин [3, р. 101].

Реализовывать программу по подготовке к переходу к демократическому Ираку должна была Временная коалиционная администрация (ВКА) во главе с американским дипломатом и послом Полом Бремером. В период осуществления своих полномочий с 11 мая 2003 г. по 28 июня 2004 г. он смог осуществить целый ряд важных преобразований, кардинально изменивших весь политический и социально-экономический ландшафт страны. Уже в сентябре 2003 г. Бремер был вынужден признать, что в результате вторжения в Ирак, в стране полностью разрушена система государственного управления, военная и гражданская власть [5, р. 243]. Не последнюю роль в этом сыграли и его нововведения.

В-первую очередь следует назвать его приказ от 16 мая 2003 г. о «дебаасификации иракского общества», согласно которому объявлялся роспуск партии Баас с ее 2 млн. членов и люстрация всех членов партии в органах управления страны [9, р. 208]. Не секрет, что в основном «жертвами» дебаасификации оказались сунниты, и, фактически, можно было говорить о «десуннитификации» всей политической и государственной системы Ирака. Во-вторых, 23 мая последовал второй приказ, уже о роспуске иракской армии, а это более 400 000 человек, где основу также составляли сунниты, особенно что касается офицерского корпуса армии и спецслужб [9, р. 209]. В-третьих, в сфере экономики, Бремер пошел по пути разрушения госсектора экономики – по примеру «шоковой терапии» в странах Восточной Европы, пытаясь провести радикальную приватизацию на основе свободного рынка и частного предпринимательства, привлечения иностранных компаний и инвестиций. Были отменены таможенные пошлины на импорт, предприятия стали активно приватизироваться иностранными компаниями. Внутренний рынок был наводнен импортным ширпотребом, но вставал вопрос с покупательской способностью иракцев, которые переживали всплеск безработицы и инфляции. Коммуналь-

ные службы, практически перестали работать, обострились проблемы с обеспечением населения питьевой водой, вывозом бытового мусора и разрушением системы канализации. Все это накладывалось на трудности с обеспечением доступного продовольствия и системы здравоохранения [3, р. 125].

Не менее своеобразно выглядела практика политической системы управления оккупированным Ираком при П. Бремере при котором был создан Временный управляющий совет Ирака (ВУСИ). По мысли Бремера, члены Совета должны были представлять отдельные этно-конфессиональные группы Ирака. И в начале данный шаг приветствовался представителями шиитов и курдов, которые были исключены из политической системы партии Баас, однако, побочным фактором стала институционализация фактического разделения общества по этно-конфессиональному признаку [3, р. 245]. За Бремером сохранялось право вето на любые решения Совета. При этом он опирался на широкую структуру советников, действовавших как администраторы, стоявшие над иракскими служащими. Фактически ВУСИ выполнял функцию «фасада» для ВКА, пользовавшейся всей полнотой власти. Входившие в состав ВУСИ иракские политики, понимая приниженный статус своего совета, даже оправдывались на мировой арене, как это сделал Аднан Пачачи в своем выступлении в сентябре 2003 г. на сессии Генеральной Ассамблеи ООН, заявив, что «Ирак не утратил своего суверенитета. Его суверенитет был приостановлен до тех пор, пока иракским властям не будут возвращены все полномочия» [3, р. 192].

Политика США в лице Пола Бремера и ВКА была направлена на создание негативного образа режима Саддама Хуссейна и партии Баас, что вытекало из проводимой политики «дебаасификации», на деле означавшей фактическую «десуннитификацию». В подрыве доминирующего положения представителей суннитов, США находили поддержку со стороны курдов и шиитов. Однако курды «самоустранились» из процесса политического урегулирования, сконцентрировавшись на вопросах укрепления автономии Иракского Курдистана и расширении подвластной территории за счет установления контроля над смешанными районами, в первую очередь, Киркука и Мосула.

Данная ситуация оставляла американцев, фактически один на один с шиитами, составлявшими, как говорилось выше, большинство населения Ирака. Показательным моментом является численный состав ВУСИ, сформированный усилиями команды П. Бремера. Из девяти человек пятеро были шиитами, и по двое – суннитов и курдов [5, р. 246]. Мало того, из пяти шиитских членов, трое принадлежали к исламистам, что ставило под сомнение надежды американцев по

построению в Ираке светской и демократической республики. Не менее важным моментом был и тот факт, что из девяти членов совета ни один не был настолько влиятельной фигурой, чтобы единолично возглавить создаваемый орган. Поэтому пришлось прибегнуть к системе ротации, когда каждый член совета по одному месяцу председательствовал в ходе заседаний, что не придавало популярности деятельности «детищу» Бремера, в котором пытались доминировать светские политики, типа шиитов Ахмада Чаляби и Айяда Аллауи, суннита Аднана Пачачи. Но как показали уже первые выборы 30 января 2005 г. в переходный парламент – Национальную ассамблею, которая должна была утвердить новую конституцию страны, «проамериканские» силы их проиграли. Так партия А. Аллауи «Иракия» смогла получить только 40 мест из 275. Фактическими победителями стали шиитские исламисты, объединившиеся в «Объединенный иракский альянс» (ОИА) во главе с Абдель Азиз аль-Хакимом и Ибрагимом Джаафари. Шиитский альянс получил 140 мест, и стал ведущей политической силой Национальной ассамблеи. Из-за бойкота выборов со стороны суннитов, второе место ожидаемо получили курдские партии, объединившиеся в «Курдистанский альянс» во главе с Масудом аль-Барзани и Джалалом аль-Талабани [11, р. 324].

Итоги голосования дают ясно понять, что иракцы голосовали исходя из своих этнической и конфессиональной принадлежности. Практически все курды (около 95% из проголосовавших) отдали свои голоса за Курдистанский альянс. Около 75 % шиитов проголосовали за ОИК, и примерно 75 % всех суннитов бойкотировали выборы. В итоге только 17 депутатов ассамблеи оказались суннитами. В связи с чем светский и национальный «Иракский список» А. аль-Аллауи получил только 15 % мест. И данная специфика этноконфессионального принципа голосования подтвердилась на следующих всеобщих выборах [5, р. 249].

Как отметили в своей работе Фаб Марр и Ибрахим аль-Мараши, слабость прозападных политиков, таких как Чаляби или Айяд Аллауи, заключалась в том, что помимо их западного миграционного шлейфа, значительную роль играло и отсутствие за ними лояльных вооруженных группировок, которые имелись у курдов или шиитов. Они могли полагаться только на защиту со стороны оккупационных сил [9, р. 206]. Поэтому не удивительно, что светские политики воспринимались как кресты и марионетки США шиитами Ирака, делавшие ставку, прежде всего на свою конфессиональную принадлежность, а только потом на национальность. И в этом заключалась, одновременно, и сила, и слабость шиитской общины.

Свержение Саддама Хусейна и партии Баас, с воодушевлением было воспринято массами шиитского населения, которое уже традиционно подвергалось преследованиям и дискриминации

со стороны властей, не гнушавшихся и прямого насилия в отношении оппонентов. Поэтому падение режима стало мощным стимулом для политической активизации деятельности шиитских группировок, настаивавших на реформировании политической системы власти в свою пользу. Однако выступив под религиозными знаменами, иракские шииты оказались не способными консолидироваться под руководством общепризнанного лидера. В этом есть следствие специфики шиитской концепции власти, основанной на вере в единственного легитимного лидера в лице сокрытого имама – Мохаммада аль-Махди. Важно отметить, что шииты верят в то, что сокрытый имам не умер, а живет где-то на земле тайно [6, р. 29]. Поэтому действующие священнослужители – улама, выполняли функции наставников, в первую очередь в духовной сфере, для простых верующих. Наиболее авторитетные и уважаемые улама получали титул аятоллы, а наивысшим авторитетом среди аятолл выступал «марджа ат-таглид» (образец для подражания). Причем одновременно могло быть несколько таких мараджаа, что и вносило разобщенность в жизнь шиитской общины – уммы.

В современном Ираке сложилась определенная группа семей, которые традиционно были связаны с институтом марджаа. К таким фамилиям относились семейства аль-Хахим, аль-Хои, аль-Садр, аль-Гитта и аль-Систани [10, р. 127]. Американские оккупационные власти не могли не считаться с присутствием шиитских аятолл, которые, по примеру соседнего Ирана также стали активно участвовать и влиять на политические процессы в своей стране. И факт религиозной общности шиитов Ирака и Ирана являлся дополнительным стимулом для Вашингтона не игнорировать «шиитскую проблему».

Американские власти, в лице ЦРУ, пытались использовать рост шиитского активизма в своих целях, предлагая сотрудничество умеренным аятоллам, не одобрявшим процесс эскалации конфликта после падения саддамовского режима. Наиболее показательным моментом выглядят контакты с аятоллой Абдул Маджидом аль-Хои, сыном очень влиятельного мараджи аятоллы Абуль Касима аль-Хои, умершего в 1992 году под домашним арестом, преследуемый иракскими властями за свои взгляды [12, р. 265]. Это заставило его сына покинуть Ирак и искать прибежища на Западе, выбрав в качестве пристанища Лондон. Там он отдалился от политики и, основав Фонд Хои, занимался вопросами благотворительности. До конца 2002 года Абдул Маджид аль-Хои демонстрировал толерантность к иракским делам, но, когда вторжение стало неизбежным, изменил свой подход. С началом операции, ЦРУ обратилось к нему за содействием в налаживании связей между коалицией и мараджи Неджефа во избежание насилия.

Абдул Маджид аль-Хои вернулся на родину вместе с войсками коалиции, прибыв на американском военном вертолете в Неджеф 3 апреля 2003 года. Его целью была работа с местными аятоллами и верующими по пресечению возможного сопротивления интервентам и столкновений со сторонниками свергнутого режима [9, р. 206]. Он выступил посредником между американцами и местными аятоллами, в частности Али аль-Систани, убеждая их не призывать верующих к сопротивлению. Стремясь объединить всю общину Неджефа, он налаживал контакт со ставленником Саддама на посту покровителя Святой мечети имама Али – киллидаром Хайдаром аль-Руфайи, крайне непопулярной личностью среди верующих, к тому же члену Баас. Позиционируя себя как возможный центр объединения шиитов Неджефа, аль-Хои пренебрежительно относился к возможным союзникам, в частности к мулле Муктаде аль-Садру, молодому и активному политику. В итоге все закончилось для Абдула Маджида аль-Хои очень плохо. 10 апреля на него и его охрану было совершено нападение вооруженной толпы, обвинившей аятоллу в продажности США и симпатиях к свергнутому режиму. Абдул Маджиду аль-Хои было нанесено не менее 30 ножевых ранений, от которых он и скончался [4, р. 134]. Вместе с аятоллой погиб и Хайдар аль-Руфайи. Попытки некоторых исследователей обвинить в случившемся Муктаду аль-Садра, убедительных подтверждений не получили [3, р. 92].

Другой пример, также трагической судьбы, демонстрирует аятолла Мухаммед Бадр аль-Хаким, который в отличие от аятоллы аль-Хои, также был вынужден мигрировать из Ирака под угрозой репрессий со стороны Саддама Хусейна, правда не на Запад, а в Иран. После победы Исламской революции в Иране в 1979 г., многие иракские аятоллы были вынуждены бежать от репрессий Саддама, боявшегося повторения подобной революции у себя в стране. Находясь в Иране, Мухаммед Бадр аль-Хаким стал центром притяжения иракской оппозиции, когда возглавил, созданный в 1982 г. в Тегеране, Высший совет исламской революции Ирака (ВСИРИ), куда вошли около десятка группировок [2, с. 177]. При ВСИРИ в 1983 году было создано и боевое подразделение «Бригада Бадр» при поддержке Ирана из иракских военнопленных, которое сыграло ограниченную роль в нескольких кампаниях, главным образом в Иракском Курдистане [12, р. 238]. Главная цель, преследуемая Ираном созданием ВСИРИ заключалась в стремлении объединить все иракские исламистские группировки для борьбы с саддамовским режимом.

Совпадение общей цели – свержения Саддама, открывало простор для сотрудничества между США и Ираном, где к власти пришли реформисты во главе с президентом М. Хатами. Перед

началом вторжения в Ирак, США установили контакт с аль-Хакимом с согласия Тегерана [3, р. 74]. Аятолла вернулся на родину, 10 мая 2003 г., с разрешения коалиции. Вместе с аль-Хакимом в Ирак вошли и «Бригада Бадр» под командой иранских офицеров из Корпуса стражей исламской революции (КСИР) [7, р. 222].

В Неджефе, аятолле приветствовали десятки тысяч сторонников и последователей. Все его речи призывали к быстрой передаче власти иракцам, прекращению оккупации и созданию конституционного правительства, в котором исламские ценности и заповеди будут соблюдаться. Он говорил о толерантном и справедливом обществе, но явно в исламских, а не демократических или светских терминах. Аятолла готовил для себя уникальную роль политической власти над рядовыми шиитами. Аль-Хаким надеялся реализовать в Ираке иранскую политическую модель «веляят-е факих», когда главой государства выступает мараджи. Учитывая, что большинство населения Ирака – это шииты, следовательно, создаваемое государство будет шиитским по своей сути. И как признал Али Аллауи, аль-Хакиму даже удалось добиться успеха в убеждении своей правоты среди аятолл Неджефа [3, р. 113].

Однако такое развитие событий не устраивало радикальные круги суннитов. 29 августа 2003 г., после пятничной молитвы в мечети имама Али в Неджефе, на выходе из нее аятоллы аль-Хакима, прогремел взрыв, унесший жизни 126 человек [2, с. 188], среди которых был и аятолла. Ответственность за смерть аль-Хакима шииты возлагали на «Аль-Каиду», а также на США.

Насильственная смерть двух влиятельных аятолл, стремившихся направить шиитский активизм в определенное русло, ясно дала понять, что шиитам не дадут ориентироваться и опираться на внешние силы. На этом фоне на политической арене Ирака восходит «звезда» молодого и яркого политика из влиятельного рода аль-Садра – Муктада аль-Садра. Американский исследователь Мэтью Холлинджер отмечает важную черту в движении, возглавленном Муктадой аль-Садром: оно направлено против американцев и любой группы, которую Муктада ас-Садра считает не истинно иракской. Американцев в эту эпоху можно было бы сравнить с баасистами в глазах Муктады и его последователей [8, р. 23]. Утверждалось, что иностранная оккупация Ирака не законна, и что любое сотрудничество с оккупационной властью находится под запретом. С их точки зрения, действия США и их союзников, расценивались как нападение на «землю ислама и мусульман» [7, р. 224]. Это, естественно, было полной неожиданностью для администрации Пола Бремера.

Муктада аль-Садра в 2003 г. был молодым человеком, которому исполнилось всего 30 лет. К тому же он не обладал титулом аятоллы, являясь муллою рангом ниже – ходжат оль-ислам,

что не давало ему религиозного права на издание фетв и выступать в качестве религиозного лидера. Но все это с лихвой компенсировалось личными качествами Муктады аль-Садра, искусно использовавшего ореол мученичества своей семьи, в которой жертвами режима Саддама Хусейна стали отец, дядя и старшие братья. Муктада стал добровольным продолжателем «дела» своей семьи, чем сыскал огромную поддержку у широких масс верующих. Второй важный элемент в политическом успехе аль-Садра стала его опора на действительно широкие народные массы простого народа, которые столкнулись с тяжелыми экономическими трудностями в условиях иностранной оккупации страны. Апеллируя к тому, что в отличие от других, он не покинул страну, а оставался под домашним арестом, давало возможность изображать себя как истинного борца за свободу страны, который не испугался угроз режима. И тот факт, что Муктада аль-Садр готов и далее защищать интересы страны должен был свидетельствовать о факте формирования вооруженных сил, подчинявшихся лично ему. Речь идет о создании «Джейш аль-Махди» (Армии Махди) [9, р. 205].

В начале ни коалиционные силы, ни ВКА во главе с П. Бремером, ни влиятельные улама Неджефа, в лице великого аятоллы Али аль-Систани, не воспринимали Муктаду аль-Садра и его движение как действительно значимую силу, с которой надо считаться и которая может влиять на развитие ситуации в стране. Однако уже скоро они столкнулись с решительными действиями, заставившими пересмотреть их подход к движению садристов.

В октябре 2003 г. в столичном районе Садр-сити, где проживало около 2 млн. шиитов, начались первые столкновения отрядов «Джейш аль-Махди» с коалиционными войсками. 11 октября 2003 г. Муктада ас-Садр объявил, что он сформировал «альтернативное правительство» с министрами, бросив прямой вызов ВУСИ и ВКА. А 14 октября сторонники аль-Садра силой захватили мечеть имама Хоссейна в Кербеле, вытеснив оттуда сторонников аятоллы аль-Систани. Только вмешательство сил коалиции, положило конец столкновениям из-за контроля над мечетью [3, р. 212].

Подлинной силой «Джейш аль-Махди» стала после событий в Неджефе весной 2004 г., когда небольшая группа примерно из 300 ополченцев вступила в неравный бой с американскими войсками. Созданные подразделения новой иракской

полиции под эгидой американской администрации, продемонстрировали свою полную профессиональную непригодность, так как полицейские просто сдавались на милость атаковавших их толпам садристов. Помимо Неджефа, садристы активно действовали также в других шиитских городах южного Ирака, начиная от Эль-Кута и Багдада до Басры и Кербелы. Только 5 мая 2004 г. армия США перешла к активным действиям по разгрому «Джейш аль-Махди» в Неджефе. Оказавшись под подавляющим нажимом авиаударов и действий танков, ас-Садр был вынужден пойти на переговоры с оккупационными властями при посредничестве аятоллы Али ас-Систани. В результате Муктада ас-Садр согласился вывести отряды своей армии из Неджефа и Кербелы, но отказался их распустить и разоружить [9, р. 216].

Результаты. События весны 2004 года с эпицентром в Неджефе стали высшим проявлением активизации шиитской борьбы за свои права в постсаддамовском Ираке. Достигнутый компромисс с Муктадой аль-Садром, не только выводил его в первые ряды влиятельных иракских политиков, но и означало фактический провал первоначальных планов США по демократизации Ирака по западным лекалам. Символично в данном случае то, что окончание «неджефского кризиса» совпало с окончанием периода прямой военной оккупации Ирака, когда 28 июня 2004 г. Пол Бремер покинул свой пост и территорию Ирака, передав власть временному иракскому правительству Айяда Аллауи. В то же время действия садристов продемонстрировали раскол внутри самой шиитской общины, так как никакая другая шиитская группировка не поддержала выступление садристов, предпочитая выступать в качестве молчаливого наблюдателя. Как не парадоксально, в результате действий садристов в Ираке укрепилось влияние соседнего Ирана, который выступал покровителем как ВСИРИ, так и Муктады аль-Садра. Выступая против присутствия в политической жизни Ирака иностранных сил, Муктада аль-Садр номинально являлся представителем иранского великого аятоллы Казима аль-Хаири, через которого и шла основная поддержка. Но главный вывод заключался в том, что Муктада аль-Садр своими решительными действиями продемонстрировал настрой шиитов на отстаивание места, соответствующего их положению в будущем устройстве Ирака, что неизбежно вело к обострению этно-конфессионального противостояния с другими общинами – суннитами и курдами.

Литература

1. Гусейнов В., Денисов А., Савкин Н., Демиденко С. Большой Ближний Восток: стимулы и предварительные итоги демократизации. М.: ОЛМА Медия Групп, 2007. 592 с.
2. Конфликты и войны XXI века (Ближний Восток и Северная Африка). М.: ИВ РАН, 2015. 504 с.
3. Allawi A. The Occupation of Iraq: Winning the War, Losing the Peace. Yale University Press, 2008. 544 p.
4. Anderson L. D. The future of Iraq: dictatorship, democracy, or division. New York: Palgrave Macmillan, 2008. 292 p.
5. Dawisha A. I. Iraq: a political history from independence to occupation. Princeton University Press, 2009. 383 p.

6. Halm H. Shi'a Islam: from religion to revolution. Princeton: Markus Wiener Publishers, 1997. 176 p.
7. Helfont S. Compulsion in Religion: Saddam Hussein, Islam, and the Roots of Insurgencies in Iraq. Oxford University Press, 2018. 305 p.
8. Hollinger M. E. Muqtada al-Sadr: how to demilitarize al-Sadr. Monterey: Naval Postgraduate School, 2009. 69 p.
9. Marr Ph., Al-Marashi I. The Modern History of Iraq. New York: Westview, 2017. 460 p.
10. Nakash Y. The Shi'is of Iraq. Princeton: Princeton University Press, 1994. 331 p.
11. Robertson J. Iraq: a history. London: Oneworld Publications, 2015. 389 p.
12. Tripp Ch. A History of Iraq. Cambridge University Press, 2007. 387 p.

References

1. Guseinov V., Denisov V., Savkin N., Demidenko S. The Greater Middle East: incentives and preliminary results of democratization. Moscow: OLMA Media Grupp, 2007. 592 p. (In Russ.).
2. Conflicts and wars of the XXI century (The Middle East and Northern Africa). Moscow: IV RAN, 2015. 504 s. (In Russ.).
3. Allawi A. The Occupation of Iraq: Winning the War, Losing the Peace. Yale University Press, 2008. 544 p.
4. Anderson L. D. The future of Iraq: dictatorship, democracy, or division. New York: Palgrave Macmillan, 2008. 292 p.
5. Dawisha A. I. Iraq: a political history from independence to occupation. Princeton University Press, 2009. 383 p.
6. Halm H. Shi'a Islam: from religion to revolution. Princeton: Markus Wiener Publishers, 1997. 176 p.
7. Helfont S. Compulsion in Religion: Saddam Hussein, Islam, and the Roots of Insurgencies in Iraq. Oxford University Press, 2018. 305 p.
8. Hollinger M.E. Muqtada al-Sadr: how to demilitarize al-Sadr. Monterey: Naval Postgraduate School, 2009. 69 p.
9. Marr Ph., Al-Marashi I. The Modern History of Iraq. New York: Westview, 2017. 460 p.
10. Nakash Y. The Shi'is of Iraq. Princeton: Princeton University Press, 1994. 331 p.
11. Robertson J. Iraq: a history. London: Oneworld Publications, 2015. 389 p.
12. Tripp Ch. A History of Iraq. Cambridge University Press, 2007. 387 p.

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ LEGAL SCIENCES

Научная статья

УДК 347.451.031.33

<https://doi.org/10.37493/2409-1030.2023.2.12>

К ВОПРОСУ О РЕФОРМИРОВАНИИ ПОТРЕБИТЕЛЬСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Марина Алексеевна Бычко¹
Павел Владимирович Разумов²

1 Северо-Кавказский федеральный университет (д. 1, ул. Пушкина, 355017, Ставрополь, Российская Федерация)
Кандидат юридических наук, доцент. ORCID: 0000-0001-6629-1574. E-mail: marina.bichko@yandex.ru

2 Северо-Кавказский федеральный университет (д. 1, ул. Пушкина, 355017, Ставрополь, Российская Федерация)
Кандидат юридических наук. ORCID: 0000-0003-2454-3600. E-mail: razumov_pavel@bk.ru

Автор, ответственный за переписку: Бычко Марина Алексеевна, marina.bichko@yandex.ru

Аннотация. Введение. Современное потребительское законодательство подвержено влиянию процессов информатизации, санкционного давления, экономических и политических преобразований. Назрела необходимость реформирования потребительского законодательства, исключения из него неэффективных норм. Требуется внедрение новых механизмов реализации прав потребителей, в том числе права на просвещение. **Материалы и методы.** Исследование построено на анализе нормативно-правовых актов, доктринальных подходов и судебной практики в сфере защиты прав потребителей. **Анализ.** Проведенный анализ показал незначительную включенность органов местного самоуправления, общественных организаций, созданных в целях защиты прав потребителей в реализацию права потребителей на просвещение. Неосведомленность потребителей о возможности предъявить ряд требований, предусмотренных действующим законодательством, существенно сужает возможности их защиты. **Результаты.** Авторы приходят к выводам, что потребительское законодательство ожидает кардинальное реформирование, а не точечные изменения, которым оно подвергалось последние годы, вплоть до принятия кодифицированного акта.

Предлагается законодательно закрепить обязанность органов местного самоуправления разрабатывать и реализовывать муниципальные программы по защите прав потребителей с обязательным включением в них просветительских мероприятий. А также активнее привлекать общественные организации по защите прав потребителей и волонтеров к разъяснению потребителям, прежде всего таких прав, должная реализация которых возможна только в случае активного поведения самих потребителей и предъявления ими соответствующих требований к своим контрагентам. Кроме того, в целях усиления степени защищенности современного потребителя авторы предлагают внести изменения п. 2 ст. 20 и п. 1 абз. 4 ст. 21 и п. 4. статьи 24 Закона РФ «О защите прав потребителей».

Ключевые слова: потребитель, защита прав потребителей, потребительское законодательство, реформирование, право потребителей на просвещение, финансовая грамотность, кодификация

Для цитирования: Бычко М. А., Разумов П. В. К вопросу о реформировании потребительского законодательства // Гуманитарные и юридические исследования. 2023. Т. 10 (2). С. 272–278. DOI: 10.37493/2409-1030.2023.2.12.

Original article

ON REFORMING CONSUMER LEGISLATION

Marina A. Bychko¹
Pavel V. Razumov²

1 North-Caucasus Federal University (1, Pushkina St., 355017 Stavropol, Russian Federation)
Cand. Sci. (Legal), Associate Professor. ORCID: 0000-0001-6629-1574. E-mail: marina.bichko@yandex.ru

2 North-Caucasus Federal University (1, Pushkina St., 355017 Stavropol, Russian Federation)
Cand. Sci. (Legal). ORCID: 0000-0003-2454-3600. E-mail: razumov_pavel@bk.ru

Corresponding author: Marina A. Bychko, marina.bichko@yandex.ru

Abstract. Introduction. Modern consumer legislation is influenced by informatization, sanction pressure, economic and political transformations. There is a need

to reform consumer legislation, to exclude ineffective norms from it. The introduction of new mechanisms for the realization of consumer rights, including the right to

education, is required. **Materials and Methods.** The research is based on the analysis of regulatory legal acts, doctrinal approaches and judicial practice in the field of consumer protection. **Analysis.** The conducted analysis showed insignificant involvement of local self-government bodies, public organizations created for the purpose of consumer rights protection in the implementation of the consumer right to education. The lack of awareness of consumers about the possibility of presenting a number of requirements stipulated by the current legislation significantly narrows the possibilities of their protection.

Results. The authors come to the conclusion that consumer legislation is expected to be fundamentally reformed, despite selective changes to which it has been subjected in recent years, up to the adoption of a codified act. It is proposed to legislate the obligation of local self-government bodies to develop and implement municipal consumer protection programs with mandatory inclusion of educational activities

Введение. Современные социально-экономические, политические реалии оказывают существенное влияние на реализацию прав потребителей. Период пандемии коронавирусной инфекции, экономические санкции и принимаемые контрмеры Российской Федерацией наглядно демонстрируют незащищенность рядового потребителя товаров, работ, услуг. Резкий переход торговли товарами повседневного спроса в онлайн среду, прекращение работы на российских рынках ряда зарубежных брендов, имеющиеся проблемы авиасообщения, отмена экскурсионных туров, все эти и другие события, требуют пристального внимания потребителя, не желающего, чтобы его права были нарушены. В результате, современный потребитель вынужден обладать достаточно солидной базой правовых знаний. Несмотря на то, что действующий уже более 30 лет Закон РФ от 07.02.1992 № 2300-1 «О защите прав потребителей» (далее – Закон № 2300-1) рассматривает потребителя в качестве не профессионала, слабой стороны договорных отношений, анализ его норм свидетельствует о высокой значимости знаний действующих норм закона и умений их применять самим потребителем. С одной стороны, это закономерно и обусловлено провозглашенным законом правом потребителя на просвещение, которое реализуется за счет механизмов, закреплённых в статье 3 Закона № 2300-1. Кроме того, закон содержит нормы, предоставляющие потребителю дополнительные гарантии защиты, реализация которых возможна только при условии активных действий самого потребителя, а именно, предъявления соответствующих, закреплённых в Законе № 2300-1 требований. Потребитель должен их знать и уметь грамотно ими воспользоваться, что невозможно без эффективной реализации права потребителя на просвещение.

Материалы и методы. Исследование построено на анализе нормативно-правовых актов, прежде всего Закона РФ от 07.02.1992 № 2300-1

in them. It is also recommended to more actively involve public organizations for the protection of consumer rights and volunteers to explain to consumers the rights, the proper realization of which is possible only in the case of active behavior of consumers themselves and their presentation of relevant requirements to their counterparties. In addition, in order to strengthen the degree of protection of the modern consumer, the authors propose to amend paragraph 2 of Article 20, subparagraph 4 in paragraph 1 of Article 21 and paragraph 4 of Article 24 of the Law of the Russian Federation “On Consumer Protection”.

Key words: consumer, consumer protection, consumer legislation, reform, consumer right to education, financial literacy, codification

For citation: Bychko M., Razumov P. On reforming consumer legislation // Humanities and law research. 2023. V. 10 (2). P. 272–278 (In Russian). DOI: 10.37493/2409-1030.2023.2.12.

«О защите прав потребителей». Изначально, с даты вступления в силу статьи 3 Закона № 2300-1, а именно с 1996 г., когда она была введена Федеральным законом от 09.01.1996 № 2-ФЗ, статья состояла из одного пункта, указывающего на реализацию права на просвещение «посредством включения соответствующих требований в федеральные государственные образовательные стандарты и образовательные программы, а также посредством организации системы информации потребителей об их правах и о необходимых действиях по защите этих прав». Следует отметить, что в этот период велась работа по просвещению потребителей, хоть и не достаточная, что подтверждает сделанный нами анализ в 2012 г., результаты которого были изложены на страницах Ленинградского юридического журнала [2]. Выявить наиболее проблемные вопросы и внести предложения по совершенствованию действующего потребительского законодательства стало возможным в результате обращения к юридической доктрине и в ходе анализа сложившейся судебной и правоприменительной практики.

Анализ. С 2014–2015 гг. начали проводиться масштабные мероприятия, направленные на популяризацию потребительских знаний, организованные Министерством финансов Российской Федерации совместно с Всемирным Банком в рамках реализации проекта «Содействие повышению уровня финансовой грамотности населения и развитию финансового образования в Российской Федерации». Это было обусловлено стремительным ростом объемов потребительского кредитования, который привел к закредитованности значительной части населения. В результате, Распоряжением от 25 сентября 2017 г. № 2039-р была утверждена «Стратегия повышения финансовой грамотности в Российской Федерации на 2017–2023 годы». В ней были определены направления государственной политики в области повышения финансовой грамотности потребителей финансовых услуг. К сожалению, вопросы

защиты прав потребителей ограничивались сферой оказания финансовых услуг, но основы потребительских знаний все равно граждане получали. К этому же периоду относится и утверждение «Стратегии государственной политики Российской Федерации в области защиты прав потребителей на период до 2030 года».

В указанных документах отдельное внимание уделено защите прав потребителей, приобретающих товары, услуги в виртуальном пространстве. Активное проникновение цифровых технологий в потребительскую сферу снова повлекло изменения действующего законодательства. С 1 июля 2021 г. статья 3 Закона № 2300-1 обрела свой второй пункт, появление которого было обусловлено бушевавшей пандемией. Согласно п. 2. ст. 3 Закона № 2300-1 орган государственного надзора (Роспотребнадзор) «осуществляет формирование и ведение открытого и общедоступного государственного информационного ресурса в области защиты прав потребителей, качества и безопасности товаров (работ, услуг) в порядке, установленном Правительством РФ». Исследователи указывают на своевременность появления этой нормы ввиду возрастания значимости просветительской работы с потребителями» [5].

Ресурс был создан, его целью было предоставление оперативной, актуальной и достоверной информации по вопросам защиты прав потребителей, качества и безопасности товаров (работ, услуг), требованиям технических регламентов, а также размещение на нем информационных материалов, региональных нормативных актов, аналитических материалов, информации о надзорных мероприятиях и т. д. Но созданный сервис до сих пор не наполнен достаточным количеством материалов, позволяющим потребителям реализовывать все свои права, провозглашенные законом. Так, например, часть предусмотренных сервисом вкладок пусты (вкладка «видеоматериалы») «Справочника потребителя» содержат 11 вкладок, 10 из которых пусты; вкладка – Государственные доклады о защите прав потребителей до сих пор не содержит Доклад за 2022 год и т. п.).

Проведенный анализ позволяет утверждать, что провозглашенное право на просвещение имеет больше формальное закрепление. Это обусловлено прежде всего тем, что не все население страны находится на этапе обучения, чтобы изучить основы потребительского права, включенные для обязательного изучения в федеральные образовательные стандарты и образовательные программы, как того требуют нормы статьи 3 анализируемого закона. Что касается созданной системы информирования потребителей об их правах и необходимых действиях по их защите, то на наш взгляд, недостаточно на сегодняшний день проводится это информирование.

Это, к сожалению, подтверждается и результатами опросов, проводимых ВЦИОМ: «хорошо знает свои потребительские права каждый пятый россиянин. 69% осведомлены о существовании законов о защите потребительских прав, но лишь в общих чертах представляют их содержание» [3].

В качестве одной из причин, мы видим отсутствие активной включенности в процесс просвещения потребителей органов местного самоуправления и общественных организаций, создаваемых с целью защиты прав потребителей, а также привлеченных в этих целях волонтеров.

В соответствии со ст. 44 Закона № 2300-1 органам местного самоуправления предоставлены права рассматривать обращения потребителей, консультировать их, разрабатывать муниципальные программы по защите прав потребителей. Критический анализ немногочисленных муниципальных программ, доступных к ознакомлению в сети Интернет позволяет констатировать их превентивную направленность на пресечение нарушений прав потребителей. Реализация указанных прав не подкреплена финансово, например, в Муниципальной программе Слободо-Туринского сельского поселения выделено отдельной строкой «финансирование для реализации программы не требуется» [6]. При этом, в программе в качестве задачи заложено повышение правовой грамотности. Для ее решения «предусмотрен комплекс мероприятий по разработке и изданию для потребителей информационных материалов по вопросам защиты прав потребителей, оформлению информационных стендов, проведение конференций по вопросам обеспечения защиты прав потребителей в различных сферах деятельности».

Способности муниципалитета издавать информационные материалы, проводить конференции без финансовой поддержки вызывают неподдельное восхищение.

Мы полагаем, что органы местного самоуправления можно было бы наделить не правом, а вменить в качестве обязанности проводить просветительские мероприятия с указанием доли охвата населения. Разработка муниципальных программ по защите прав потребителей, с указанием конкретных мероприятий тоже должна стать обязанностью, а не правом.

В первую очередь потребители должны максимально широко получать информацию о тех своих правах, реализация которых заведомо обусловлена законодателем активными действиями со стороны самих потребителей, а именно предъявлением потребителями требований, направленных на реализацию их прав. Закон № 2300-1 содержит не одну норму, реализация которой возможна только при условии, что потребители заявят своим контрагентам предусмотренные требования.

Так, анализ судебной и правоприменительной практики свидетельствует, что потребители крайне редко заявляют требования и защищают свои права, провозглашенные статьями 20, 21 и 24 Закона № 2300-1. Безусловно, в отношении товаров ненадлежащего качества потребители регулярно обращаются за защитой как непосредственно к продавцу, так и в судебные органы. Речь идет о предусмотренной в п. 2 ст. 20 и п. 1 абз. 4 ст. 21 Закона № 2300-1 возможности потребителя предъявлять требования о предоставлении ему на время ремонта товаров длительного пользования товар, обладающий этими же потребительскими свойствами, обеспечив доставку такого товара за счет продавца, и аналогичное требование о предоставлении потребителю аналогичного товара длительного пользования, обладающего этими же потребительскими свойствами, если для замены товара ненадлежащего качества продавцу требуется более 7 дней. По закону такие требования контрагент потребителя должен выполнить безвозмездно в 3-дневный срок со дня их предъявления. Законодатель ограничивает эту возможность только относительно небольшой группы товаров, входящих в утвержденный Постановлением Правительства РФ от 31 декабря 2020 г. № 2463 «Перечень товаров длительного пользования, на которые не распространяется требование потребителя о безвозмездном предоставлении ему товара, обладающего этими же основными потребительскими свойствами, на период ремонта или замены такого товара». Речь идет об автомобилях, мебели, газовых и др. товарах. В отношении этих товаров нельзя предъявить требование, закреплённое в п. 2 ст. 20 и п. 1 абз. 4 ст. 21 Закона № 2300-1.

Часто ли российский потребитель, получив некачественную стиральную машинку, холодильник или компьютер предъявляет требование к продавцу о предоставлении ему аналогичного товара, на время ремонта или замены некачественного?! А продавец в свою очередь выполняет это требование в трехдневный, как указал законодатель срок, и осуществляет доставку за свой счет!? Практика показывает, что крайне редко. Потребитель не знает об этом своем праве, а его реализация возможна, только если потребитель предъявит указанное требование. Законодатель не обязал контрагента потребителя выполнять эти действия, если нет требования от потребителя. Закономерно, что продавец умалчивает об этой своей обязанности, предусмотренной законом.

Аналогичная ситуация складывается с применением п. 4. статьи 24 Закона № 2300-1. На практике часты случаи расторжения договора в результате приобретения товара ненадлежащего качества, что предусмотрено статьей 18 Закона № 2300-1. Но при этом законодатель предусмо-

трел особые правила проведения расчетов с потребителем, закрепив их в ст. 24 Закона № 2300-1. Интерес представляет норма, закрепленная в п. 4 ст. 24 Закона № 2300-1, смысл которой сводится к праву потребителя «требовать возмещения разницы между ценой товара, установленной договором и ценой соответствующего товара на момент добровольного удовлетворения такого требования или, если требование добровольно не удовлетворено, на момент вынесения судом решения». Вроде все логично. Разберемся, как это работает на практике. Потребитель купил телефон за 40 000 рублей, оформив покупку договором, получив чек. Через 4 недели потребитель в результате того, что телефон оказался некачественным предъявляет требование о расторжении договора. В связи с экономической нестабильностью, цена на эту модель стала выше – 54000 рублей. По общему правилу расторжение договора влечет возвращение сторон в первоначальное положение – покупатель получает уплаченную за телефон цену, а продавец – телефон. Но Закона № 2300-1, относясь к потребителю как к слабой стороне договорных отношений, предоставляет ему дополнительную гарантию – предъявить требование о возмещении разницы между ценой товара, установленной договором, т. е. 40000 рублей, и ценой на момент удовлетворения требования, т. е. 54000 рублей. Потребитель, в силу п. 4 ст. 24 Закона вправе требовать возратить ему 54000 рублей за телефон, потому что на момент расторжения договора телефон стал стоить эту цену. Но, так же, как и в предыдущем случае, если потребитель не предъявит это требование, то продавец не имеет обязанности производить расчеты при расторжении договора с учетом п. 4 ст. 24 Закона № 2300-1.

Правомерность предъявления такого требования подтверждена примерами судебной практики. Например, определением Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 17 августа 2022 г. по делу № 8Г-13611/2022 88-14135/2022 [7]. 20 июля 2020 г. гражданин Г. приобрел в ООО «ДНС Ритейл» видеокарту стоимостью 39999 руб. Обнаружив в ней недостатки, истец обратился к ответчику с претензией, а в связи с ее неудовлетворением – в суд. Но на момент вынесения решения суда (8 июля 2021), стоимость видеокарты значительно выросла и на основании отчета оценки составляет 108500 руб., в результате чего приобрести такой товар по прежней стоимости не представлялось возможным, кроме того, данный товар был снят с производства. Истец, руководствуясь п. 4. ст. 24 Закона № 2300-1, предъявил требование о выплате ему 108500 р. Суд удовлетворил требования истца и взыскал с ответчика денежные средства за продажу некачественной видеокарты в размере 108500 руб.

Суд апелляционной инстанции не согласился с выводами мирового судьи и отменил решение. Суд кассационной инстанции поддержал решение, принятое мировым судьей, и опираясь на п. 4 ст. 24 Закона № 2300-1 удовлетворил требования истца, взыскав разницу стоимости видеокарты, которая составила 68 501 рублей!!!

Не менее интересно для анализа определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 17 августа 2022 г. по делу N 8Г-12943/2022 [88-14013/2022] [8]. По договору купли-продажи О. Л. Резцов приобрел у ООО «Архлес-сервис» снегоход, 2018 г. выпуска, стоимостью 465 000 руб. В связи с невозможностью использования товара из-за неоднократного устранения его недостатков, 10.04.2021 О. Л. Резцов обратился к ответчику с заявлением об отказе от договора купли-продажи и просил произвести возврат денежных средств. Ответчик известил О. Л. Резцова об удовлетворении требований на сумму стоимости снегохода по состоянию на 23.04.2021 в размере 479 000 руб. Однако истец потребовал у ответчика вернуть разницу между уплаченной суммой и ценой соответствующего товара, в размере 90 000 рублей, так как стоимость снегохода на сайте изготовителя составляет 586 000 руб. Суд отказал в удовлетворении требования истца, исходя из того, что: во-первых, выплаченная ответчиком сумма в размере 479 000 руб. соответствует стоимости аналогичного снегохода, имевшегося в продаже на дату удовлетворения требований потребителя; во-вторых, заявленный истцом снегоход за 586 000 рублей не является аналогичным товаром, поскольку относится к другой модели. Здесь мы видим, что суд справедливо пресек выражение «потребительского экстремизма» со стороны О. Л. Резцова, но при этом в полном объеме выполнил требование п. 4 ст. 24 Закона № 2300-1.

Вышеизложенное позволяет прийти к выводу, что Закон РФ «О защите прав потребителей» содержит нормы, предоставляющие потребителю дополнительные гарантии, но потребитель должен их знать и уметь грамотно ими воспользоваться, что невозможно без эффективной реализации права потребителя на просвещение. Следует вести целенаправленную работу на повышение уровня потребительских знаний, выделив в ней приоритетные направления, прежде всего, охватывая наиболее проблемные вопросы, выявить которые позволяет анализ судебной и правоприменительной практики.

Другим вариантом выхода из сложившейся ситуации видится внесение изменений в анализируемые пункты статей 20, 21 Закона № 2300-1 в части установления обязанности контрагентов потребителя предоставить на период ремонта или замены аналогичного товара, за исключением случаев отказа потребителя, оформленного в

письменном виде. И конечно, внесение изменений в п. 4 статьи 24 Закона № 2300-1, установив обязанность возмещения потребителю разницы между ценой товара, уплаченной по договору и ценой соответствующего товара на момент расторжения договора, если цена на товар выросла. Эти изменения будут коррелировать с общим подходом законодателя к потребителю как более слабой стороне договора, не профессионалу, не наделяя его дополнительными обязанностями знания тонкостей потребительского законодательства, чтобы предъявить «полезные» для себя требования, предусмотренные статьями 20, 21, 24 Закона № 2300-1.

Внесение указанных изменений более предпочтительно так же в силу того, что в ближайшее время потребительское законодательство неизбежно затронет процесс реформирования. В соответствии с пунктом 16 Плана мероприятий по реализации «Стратегии государственной политики Российской Федерации в области защиты прав потребителей на период до 2030 года», утвержденного Распоряжением Правительства РФ № 481-р от 23 марта 2018 г. в ноябре 2023 г. должен быть разработан «новый законодательный акт Российской Федерации (проект федерального закона Кодекса). Это дает основание предположить, что потребительское законодательство стоит на пороге кодификации. О необходимости и своевременности кодификации потребительского законодательства было сделано заявление еще в мае 2019 г. на Петербургском Международном Юридическом Форуме экспертами в сфере защиты прав потребителей. Предложение было аргументировано экономическими изменениями и активно идущими процессами цифровизации потребительской сферы. Неоднократно поднимался вопрос о виде кодификации – будет ли это потребительский кодекс как в некоторых зарубежных правовых системах (Бразилии, Франции), или мы пойдем по более традиционному для России пути создания основ потребительского законодательства, которые включают в себя нормы различных отраслей права, регулирующих потребительские отношения. Нами уже была высказана позиция на этот счет, мы согласны с профессором А.А. Райлян, аргументирующем целесообразность принятия основ потребительского законодательства [1].

На приближающиеся законодательные изменения, указывает размещение Аппаратом Государственной думы Федерального собрания РФ 28 мая 2023 г. на официальном сайте ЕИС в сфере закупок извещения о проведении открытого конкурса в электронной форме № 0173100009623000050 [4], объектом которого выступает оказание услуг по проведению экспертно-аналитических исследований по теме: «Выработка рекомендаций по повышению эффек-

тивности нормативного правового регулирования защиты прав и законных интересов потребителей в условиях экономических санкций».

Техническое задание предполагает необходимость оценки «эффективности нормативных правовых актов в потребительской сфере в период до 2022 г., в том числе в условиях административных ограничений хозяйственной деятельности в связи с пандемией коронавируса в 2020–2021 гг.», а также «в современный период в условиях длительного воздействия экономических санкций». Требуется оценка «роли технического регулирования и стандартизации потребительских товаров и связанных с ними услуг в обеспечении прав потребителей на их безопасность и надлежащее качество в условиях экономических санкций». В качестве самостоятельных разделов предполагаемого исследования стоит проведения анализа влияния экономических санкций и ответных защитных мер (контрмер) Российской Федерации на обеспечение защиты прав потребителей в 2022–2023 гг. и «анализ законодательства государств-членов ЕАЭС в области правового регулирования защиты прав потребителей». На основании проведенного анализа требуется выработать «рекомендации по совершенствованию нормативно-правового регулирования защиты прав и законных интересов потребителей в условиях экономических санкций, определить направления повышения эффективности законодательного обеспечения и правоприменительной практики Российской Федерации и ЕАЭС в области защиты прав и законных интересов потребителей в условиях экономических санкций; разработать предложения по совершенствованию нормативно-правового обеспечения и механизмов практической реализации защиты прав и интересов российских потребителей в условиях введения экономических санкций».

Обращает на себя внимание то, что акцент сделан на регулировании защиты прав и законных интересов российских потребителей промышленных товаров и связанных с ними услуг в условиях экономических санкций. На наш взгляд, исследование представляло бы большую ценность при его дополнении анализом правового регулирования и сложившейся практики в отраслях наиболее пострадавших от санкций (туризм, медицина и т. п.), согласно Постановлению Правительства РФ от 10 марта 2022 г. № 337. Кроме того, желательной видится и проработка вопроса кодификации потребительского законодательства.

Бесспорно, предполагается серьезная, обстоятельная работа, но очень смущают установленные заказчиком сроки – до 18 сентября 2023 г. На всю работу отводится всего лишь 3 месяца, что полагаем, очень мало для проведения экспертно-аналитического исследования. Видится необходимость не только подготовить такое исследование силами научного сообщества, но и провести апробацию, вносимых рекомендаций путем проведения научно-практической конференции, лучше с международным участием представителей государств-членов ЕАЭС, круглых столов и т.п., что, конечно, требует серьезной подготовки и временных затрат.

Результаты. Проведенный анализ позволяет утверждать, что провозглашенное право потребителей на просвещение реализуется не в полной мере; выявлены недостатки в созданной системе информирования потребителей об их правах и необходимых действиях по их защите. Предлагается обязать органы местного самоуправления разрабатывать муниципальные программы по защите прав потребителей в рамках, которых проводить просветительские мероприятия. Вести целенаправленную работу на повышение уровня потребительских знаний, выделив в ней приоритетные направления, охватывая наиболее проблемные вопросы, выявить которые позволяет анализ судебной и правоприменительной практики. Прежде всего, разъяснять потребителям содержание статей 20, 21, 24 Закона № 2300-1, которые предоставляют им дополнительные гарантии в случае их грамотного использования. Или внести в указанные статьи Закона № 2300-1 изменения, в части установления обязанностей контрагентов потребителя предоставить на период ремонта или замены аналогичного товара и возмещения потребителю разницы между ценой товара, уплаченной по договору и ценой соответствующего товара на момент расторжения договора, если цена на товар выросла. Внесение указанных изменений более предпочтительно в силу того, что в ближайшее время потребительское законодательство неизбежно затронет процесс реформирования. Авторы разделяют мнение о необходимости и своевременности проведения кодификации потребительского законодательства и выражают надежду на то, что предстоящие изменения позволят упростить и сделать более понятным для российского потребителя механизм его защиты.

Литература

1. Бычко М.А. Кодификация потребительского законодательства: вызов времени // Актуальные проблемы права, государства и экономики. Сборник статей Всероссийской конференции и межведомственного круглого стола (28 июня 2018–23 сентября 2019 г.). Орёл: ОрЮИ МВД России имени В.В. Лукьянова, 2020. С. 34–36.
2. Бычко М.А. Право потребителей на просвещение: итоги и перспективы // Ленинградский юридический журнал. 2013. № 2 (32). С. 119–124.
3. Все ли российские потребители знают свои права? // MR-7.ru — информационно-новостное онлайн издание Санкт-Петербурга. URL: <https://mr-7.ru/articles/2021/06/30/vse-li-rossiiskie-potrebiteli-znaiut-svoi-prava> (дата обращения: 14.05.2023).

4. Извещение о проведении открытого конкурса в электронной форме от 28.04.2023 № 0173100009623000050 //Единая информационная система в сфере закупок URL: <https://zakupki.gov.ru/epz/order/notice/ok20/view/documents.html?regNumber=0173100009623000050> (дата обращения:14.05.2023).
5. Кусков А. С. Особенности защиты прав потребителей в пандемийный и постпандемийный периоды // Закон. 2021. № 9. С. 60–66.
6. Муниципальная программа «Защита прав потребителя в муниципальном образовании Слободо-Туринское сельское поселение на 2019 – 2021 годы» // Слободо-Туринское сельское поселение. URL: http://st-selpos.ru/zaschita_prav_potrebiteley/munitsipalnaya_programma_zaschita_prav_potrebiteleya_v_munitsipalnom_obrazovanii_slobodo-turinskoe_selskoe_poselenie_na_2019__2021_gody/ (дата обращения:14.05.2023).
7. Определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 17 августа 2022 г. по делу N 8Г-13611/2022 [88-14135/2022] // Судебные решения РФ. URL: <https://судебныерешения.рф/69326179> (дата обращения: 14.05.2023).
8. Определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 17 августа 2022 г. по делу N 8Г-12943/2022 [88-14013/2022]// Судебные решения РФ. URL: <https://судебныерешения.рф/72513940> (дата обращения: 14.05.2023).

References

1. Bychko M. A. Codification of consumer legislation: time challenge. Actual problems of law, state and economy. Collection of articles of the All-Russian Conference and interdepartmental round table (28 June 2018-23 September 2019). Orel: ORYUI of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.V. Lukyanov; 2020. pp. 34-36. (In Russ.).
2. Bychko M. A. Consumer right to education: results and prospects. Leningradskii yuridicheskii zhurnal. 2013;2(32):119-124. (In Russ.).
3. MR-7.ru — information and news online edition of St. Petersburg. Do all Russian consumers know their rights? Available from: <https://mr-7.ru/articles/2021/06/30/vse-li-rossiiskie-potrebiteli-znaiut-svoi-prava> [Accessed 14 May 2023]. (In Russ.).
4. Unified information system in the field of procurement. Notice of the open tender in electronic form dated 04/28/2023 No. 0173100009623000050. Available from: <https://zakupki.gov.ru/epz/order/notice/ok20/view/documents.html?regNumber=0173100009623000050> [Accessed 14 May 2023]. (In Russ.).
5. Kuskov A. S. Features of consumer protection in the pandemic and post-pandemic periods. Zakon. 2021;(9):60-66. (In Russ.).
6. Slobodo is a Turin rural settlement. Municipal program «Consumer rights protection in the municipality of Sloboda-Turin rural settlement for 2019-2021». Available from: http://st-sel-pos.ru/zaschita_prav_potrebiteley/munitsipalnaya_programma_zaschita_prav_potrebiteleya_v_munitsipalnom_obrazovanii_slobodo-turinskoe_selskoe_poselenie_na_2019__2021_gody/ [Accessed 14 May 2023]. (In Russ.).
7. Judicial decisions of the Russian Federation. The ruling of the Eighth Cassation Court of General Jurisdiction of August 17, 2022 in case N 8G-13611/2022[88-14135/2022. Available from: <https://sudebnyeresheniya.rf/69326179> [Accessed 14 May 2023]. (In Russ.).
8. Judicial decisions of the Russian Federation. The ruling of the Third Cassation Court of General Jurisdiction of August 17, 2022 in the case N 8G-12943/2022[88-14013/2022. Available from: <https://sudebnyeresheniya.rf/72513940> [Accessed 14 May 2023]. (In Russ.).

Научная статья

УДК 349.6

<https://doi.org/10.37493/2409-1030.2023.2.13>

ПРОБЛЕМА ДЕЭКОЛОГИЗАЦИИ ПРИРОДООХРАННОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РОССИИ И КАЗАХСТАНА В КОНТЕКСТЕ ФОРМИРОВАНИЯ ЭКОЛОГО-БЕЗОПАСНОГО ПРОСТРАНСТВА ЕАЭС

Элеонора Сергеевна Навасардова¹

Роман Владимирович Нутрихин²

1 Северо-Кавказский федеральный университет (д. 1, ул. Пушкина, 355017, Ставрополь, Российская Федерация)

Доктор юридических наук, профессор. ORCID: 0000-0003-4829-3933. E-mail: navasardova@yandex.ru

2 Северо-Кавказский федеральный университет (д. 1, ул. Пушкина, 355017, Ставрополь, Российская Федерация)

Кандидат юридических наук, доцент. ORCID: 0000-0001-6943-012X. E-mail: nut-roman@yandex.ru

Автор, ответственный за переписку: Навасардова Элеонора Сергеевна, navasardova@yandex.ru

Аннотация. Введение. В статье анализируются правовые нормы России и Казахстана – стран, входящих в Евразийский экономический союз (ЕАЭС).

Материалы и методы. Законодательство этих двух стран ЕАЭС по вопросам охраны окружающей среды и рационального использования природных ресурсов рассмотрено в рамках риск-ориентированного подхода. Особый акцент сделан на законодательстве об особо охраняемых природных территориях, курортах и иных уникальных природных объектах и комплексах. Наряду с действующим национальным правом рассмотрена практика его применения, а также проводимое в настоящее время и возможное в перспективе нормотворчество. **Анализ.** В статье исследованы действующие правовые нормы, способствующие возникновению коррупции, а также выработаны практические рекомендации, направленные на преодоление этой негативной тенденции. Авторы констатируют попытки лоббирования отдельными финансово-экономическими группами своих коммерческих интересов в сфере законотворчества, что на современном этапе ведет к деэкологизации национального законодательства в странах ЕАЭС. Указанная тенденция проиллюстрирована примером новейших изменений законодательства об особо охраняемых природных

территориях в России и Казахстане, а также активными попытками изменить законодательство в сторону либерализации охранительного режима. Выявляются сходные тенденции деэкологизации эколого-природоресурсных правовых норм в двух странах ЕАЭС.

Результаты. Сделаны выводы о том, что изъяны природоохранной политики в постсоветских странах влекут непоследовательность, недостаточность и противоречивость вновь принимаемых норм. Авторы выявляют такие недостатки и указывают их возможные негативные последствия для правоприменения. Предлагаются варианты решения существующих и потенциально возможных проблем в странах ЕАЭС, с попутным рассмотрением возможности рецепции таких решений другими государствами на этапе их экономической интеграции в рамках Союза.

Ключевые слова: особо охраняемые природные территории, Евразийский экономический союз

Для цитирования: Навасардова Э. С., Нутрихин Р.В. Проблема деэкологизации природоохранного законодательства России и Казахстана в контексте формирования эколого-безопасного пространства ЕАЭС // Гуманитарные и юридические исследования. 2023. Т. 10 (2). С. 279–285. DOI: 10.37493/2409-1030.2023.2.13

Original article

THE PROBLEM OF DEECOLOGIZATION OF ENVIRONMENTAL LEGISLATION OF RUSSIA AND KAZAKHSTAN IN THE CONTEXT OF THE FORMATION OF THE EAEU ECOLOGICAL AND SAFE SPACE

Eleonora S. Navasardova¹

Roman V. Nutrikhin²

1 North-Caucasus Federal University (1, Pushkina St., 355017 Stavropol, Russian Federation)

Dr. Sci. (Law), Professor. ORCID: 0000-0003-4829-3933. E-mail: navasardova@yandex.ru

2 North-Caucasus Federal University (1, Pushkina St., 355017 Stavropol, Russian Federation)

Cand. Sc. (Law), Associate Professor. ORCID: 0000-0001-6943-012X. E-mail: nut-roman@yandex.ru

Corresponding author: Eleonora S. Navasardova, navasardova@yandex.ru

Abstract. Introduction. The article analyzes the legal norms of Russia and Kazakhstan – the countries-members of the Eurasian Economic Union (EAEU). **Materials and Methods.** The legislation of these two EAEU countries on environmental protection and rational use of natural resources was considered within the framework of a risk-oriented approach. Special emphasis is placed on legislation on specially protected natural areas, resorts

and other unique natural objects and complexes. Along with the current national law, the practice of its application is considered, as well as the current and possible rule-making in the future. **Analysis.** The article examined the current legal norms that contribute to the emergence of corruption, as well as developed practical recommendations aimed at overcoming this negative trend. The authors state attempts to lobby individual

financial and economic groups for their commercial interests in the field of lawmaking, which at the current stage leads to the de-ecology of national legislation in the EAEU countries. This trend is illustrated by an example of the latest changes in legislation on specially protected natural areas in Russia and Kazakhstan, as well as active attempts to change legislation towards the liberalization of the protection regime. Similar trends in the deecologization of environmental and natural resource legal norms in the two EAEU countries are revealed.

Results. It was concluded that the flaws in environmental policy in the post-Soviet countries entail insufficiency and inconsistency of the newly adopted norms. The authors identify such deficiencies and indicate their possible

negative consequences for law enforcement. Options for solving existing and potentially possible problems in the EAEU countries are proposed, with a concurrent consideration of the possibility of receiving such solutions by other states at the stage of their economic integration within the Union.

Key words: specially protected natural areas, Eurasian Economic Union

For citation: Navasardova E., Nutrikhin R. The problem of deecologization of environmental legislation of Russia and Kazakhstan in the context of the formation of the EAEU ecological and safe space // Humanities and law research. 2023. V. 10 (2). P. 279–285 (In Russian). DOI: 10.37493/2409-1030.2023.2.13

Введение. В последние годы в некоторых странах Евразийского экономического союза (ЕАЭС) наметилась тенденция к дезэкологизации законодательства об охране окружающей среды. По нашему мнению, это стало следствием лоббирования отдельными группами своих бизнес-интересов в области законодательства, следствием чего становится снижение качества правового регулирования данных отношений и, как результат, – вред природе.

Материалы и методы. Настоящее исследование, как и большинство правовых работ такого рода, базируется на анализе норм законодательства и на обобщении взглядов ученых-юристов, так или иначе касающихся рассматриваемой проблематики. При этом авторы используют системный и функционально-правовой методы. Кроме того, правовые нормы, регулирующие режим особо охраняемых природных территорий, рассматриваются как в действующей редакции, так и в их ретроспективе. Соответствующее законодательство анализируется на примере двух стран, входящих в ЕАЭС. В этой связи для настоящей статьи характерны сравнительно-правовой и сравнительно-исторический методы. Последний метод особенно актуален именно для ЕАЭС, поскольку образовавшие его постсоветские государства имеют общую историческую судьбу и общий опыт правового регулирования природоохранных отношений.

Анализ. Ярким примером выявленной тенденции к дезэкологизации природоохранного законодательства является изменение правового режима особо охраняемых природных территорий (далее – ООПТ) в Российской Федерации. Федеральный закон от 28.12.2013 г. № 406-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об особо охраняемых природных территориях» и отдельные законодательные акты Российской Федерации» серьезно сократил перечень ООПТ в стране [6]. Из него были исключены лечебно-оздоровительные местности и курорты под тем предлогом, что их правовой режим регулируется отдельным федеральным законом [5]. Это привело к возникновению серьезных пробелов и противоречий в законодательстве как о курортах, так и

об ООПТ, чем были созданы предпосылки формирования такого коррупциогенного фактора, как неопределенность правового регулирования.

Вслед за тем появилось еще несколько новых законов, серьезно поменявших правовой режим ООПТ. В частности, Федеральный закон от 03.08.2018 г. № 321-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об особо охраняемых природных территориях» и отдельные законодательные акты Российской Федерации» изменил имущественный режим компонентов, составляющих заповедник, в п. 2 ст. 6 Федерального закона от 14.03.1995 г. № 33-ФЗ «Об особо охраняемых природных территориях» (далее – Закон № 33-ФЗ). Новым законом было определено, что, хотя земельные участки и природные ресурсы, расположенные в границах государственных природных заповедников, находятся в федеральной собственности, однако отчуждению из последней не подлежат только земельные участки.

Иными словами, земли заповедников провозглашаются изъятыми из гражданского оборота, а иные заповедные природные ресурсы из оборота не изымаются и даже не ограничиваются в обороте. То есть животный и растительный мир, полезные ископаемые государственных природных заповедников и т.п. потенциально становятся объектами гражданско-правовых сделок. Трудно представить себе ситуацию, в которой следовало бы вовлекать эти заповедные ресурсы в гражданский оборот – пусть даже и в весьма ограниченном объеме. Думается, что все природные ресурсы заповедников, наряду с земельными участками, должны быть полностью исключены из гражданского оборота.

То же самое необходимо сказать и о природных ресурсах национальных парков, которые также больше не изъяты из гражданского оборота в результате изменений, внесенных в п. 2 ст. 12 Закона № 33-ФЗ. Указанные изменения ослабляют ограничения хозяйственной деятельности на территории ООПТ, ведут к расширению ее масштабов, а также создают угрозу возникновения коррупционных проявлений как всякое исключение из правил или узкое допущение в условиях общих ограничений, свойственных режиму ООПТ.

Также в 2018 году из ст. 14 Закона № 33-ФЗ был исключен п. 2, которым предусматривалось обязательное наличие положительного заключения государственной экологической экспертизы для преобразования государственных природных заповедников в национальные парки. Эта законодательная работа шла параллельно с преобразованием четырех российских заповедников (Тебердинский в Карачаево-Черкессии, «Столбы» в Красноярском крае, «Гыданский» в Ямало-Ненецком АО и «Командорский» на Камчатке) в национальные парки. Из изъятия указанного положения из федерального закона следовало, что для коренного преобразования организационной формы четырех российских заповедников (с существенным изменением их правового режима) уже не требовалось проводить государственную экологическую экспертизу, что представляется весьма значительным упущением. Экологическая экспертиза при принятии этого важного решения могла бы помочь оценить все его последствия и потому, в данном случае, ее нельзя было ни упразднить, ни игнорировать.

Однако и из ст. 11 Федерального закона от 23.11.1995 г. № 174-ФЗ «Об экологической экспертизе» был исключен пп. 6.1, ранее относивший к объектам государственной экологической экспертизы материалы, обосновывающие преобразование государственных природных заповедников в национальные парки. Отказ от экологической экспертизы в этом случае стал, на наш взгляд, большой ошибкой. Принятие решений о преобразовании заповедников в национальные парки без проведения государственной экологической экспертизы не являются ни сколько-нибудь обоснованными, ни убедительными для общественности. Не говоря уже об открывающихся в связи с этим возможностях для коррупционных злоупотреблений.

Еще более серьезную трансформацию правовой режим российских ООПТ претерпел в связи с принятием Федерального закона от 30.12.2020 г. № 505-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об особо охраняемых природных территориях» и отдельные законодательные акты Российской Федерации». Этим актом в гражданский оборот были возвращены земельные участки из состава особо охраняемых природных территорий, находящиеся в границах населенных пунктов (за исключением земель государственных природных заповедников). То есть земли даже федеральных ООПТ на территории населенных пунктов могут теперь свободно передаваться в региональную, муниципальную и даже частную собственность. Эти участки из земель ООПТ могут предоставляться гражданам и юридическим лицам для ведения садоводства и огородничества, индивидуального жилищного, гаражного строительства и т.п.

Такое смягчение правового режима земель национальных парков и других ООПТ, которое было обосновано необходимостью обеспечения конституционных прав и законных интересов проживающих там граждан, не подкреплено, однако, никакими «сдерживающими» нормами. Из закона следует, что предоставление рассматриваемых земель в пользование гражданам и юридическим лицам должно осуществляться региональными органами исполнительной власти и органами местного самоуправления. Но совершенно не ясно, под чьим контролем они будут это делать. Думается, что бесконтрольное распоряжение землями на территории национальных парков со стороны, скажем, органов местного самоуправления, учитывая возможные коррупционные и иные негативные факторы, чревато множеством рисков и потому недопустимо.

По нашему мнению, деятельность органов местного самоуправления по предоставлению земель из состава ООПТ на территории населенных пунктов в пользование граждан и юридических лиц должна осуществляться под контролем исполнительных органов государственной власти субъекта Российской Федерации. А соответствующая деятельность региональных властных структур – под контролем уполномоченного Правительством Российской Федерации федерального исполнительного органа (например, Министерства природных ресурсов и экологии РФ). Такая иерархия «сдерживающих» полномочий, на наш взгляд, и должна быть отражена в законодательстве об ООПТ. Эту же схему можно предложить и другим государствам-членам ЕАЭС.

Условием для передачи земель населенного пункта из состава ООПТ в собственность субъекта Российской Федерации или муниципального образования (с последующим предоставлением таких земель в пользование гражданам и юридическим лицам) ныне действующее российское законодательство называет: внесение сведений о границах соответствующего населенного пункта в Единый государственный реестр недвижимости (ЕГРН). Вызывает, однако, некоторые сомнения достаточность такой меры и ее соразмерность произошедшим изменениям. Думается, что для более надежного контроля за использованием земель населенных пунктов, где имеются ООПТ, в ЕГРН должны быть внесены не только сведения о границах поселений, но и информация обо всех территориальных зонах, выделяемых в пределах этих населенных пунктов в соответствии с их градостроительными регламентами. Ведь сами органы местного самоуправления могут произвольно менять границы установленных ими территориальных зон. Если каждое такое изменение будет отражаться в ЕГРН, это обеспечит всесторонний контроль за деятельностью по предоставлению земель в пользование из состава ООПТ. Тем

более что Федеральный закон от 13.07.2015 г. № 218-ФЗ «О государственной регистрации недвижимости» позволяет вносить сведения о границах территориальных зон в ЕГРН (раздел «Рестр границ»).

Таким образом, необходимо констатировать, что за несколько предшествующих лет режим российских ООПТ был в значительной степени смягчен в интересах застройщиков и иных хозяйствующих субъектов. Были вовлечены в гражданский оборот земли ООПТ в границах населенных пунктов. Допущен гражданский оборот иных природных ресурсов уже на территории всех ООПТ без каких-либо исключений. Часть ООПТ была подвергнута преобразованию в иную организационную форму с более мягким правовым режимом. Возможности проведения государственной экологической экспертизы в отношении ООПТ также законодательно сужены. Полномочия органов местного самоуправления (которые в России не входят в систему органов государственной власти) в отношении земель ООПТ, напротив, возросли. На практике все это порождает многочисленные возможности для злоупотреблений и уже неоднократно имевших место в стране коррупционных проявлений.

Та же тенденция, связанные с дезэкологизацией законодательства об ООПТ, проявилась и на уровне субъектов Российской Федерации. В частности, в Ставропольском крае недавно также началась реформа регионального законодательства об ООПТ. Предлагаемые здесь нововведения, связанные с регулированием процедуры ликвидации и реорганизации ООПТ краевого значения, представляются крайне нежелательными и опасными.

Что касается предложений о введении правового регулирования ликвидации региональных ООПТ, то они представляются нам абсолютным и неприемлемым злом. Первые ООПТ в стране появились еще до 1917 года и в советский период их активное создание приобрело систематический характер. Насколько мы знаем, ни одна из ООПТ, образованных за всю историю России в разные периоды ее существования, пока что упразднению не подвергалась. Какие-то объективные предпосылки для этого трудно себе представить (кроме разве что экологической катастрофы, сравнимой с Чернобыльской, в результате которой природная уникальность какой-либо из ООПТ подвергнется скоротечной и необратимой деградации, в виду чего особая эколого-правовая охрана данной территории утратит практический смысл). В законодательстве Российской Федерации возможность упразднения ООПТ не предусмотрена и поэтому процедурно никак не регулируется. Стало быть, и в региональном законодательстве такого быть тоже не должно.

В ходе реформирования природоохранного законодательства на Ставрополье под «реорганизацией» ООПТ предлагается, среди всего прочего, понимать изменение площади и границ ООПТ, а также режима их особой охраны.

Это означает, что в случае принятия соответствующих изменений существование ООПТ в этом российском регионе больше не будет достаточно жестким, бескомпромиссным инструментом охраны уникальных природных сред и компонентов окружающей среды. Если предлагаемые нововведения получат силу регионального закона, то любую из ныне существующих ООПТ краевого значения можно будет сократить путем уменьшения ее площади или ослабить режим ее охраны, разрешая там те виды деятельности, которые ранее не допускались.

Вообще, столь широкая трактовка понятия «реорганизация» представляется неуместной. На более высоком, федеральном уровне – в Законе № 33-ФЗ – понятия «реорганизация ООПТ» вообще не существует. Федеральное законодательство также не предусматривает возможности сокращения площади ООПТ или произвольного ослабления режима их охраны по решению органов исполнительной власти. Законодательство субъектов Российской Федерации по аналогии федеральным должно быть направлено на безусловную охрану ООПТ, а никак не на ослабление их правового режима или сокращение их площади. Само указание на такую возможность в региональном законе крайне опасно, потому что открывает необозримый простор для вполне предсказуемых злоупотреблений и обладает в виду этого большим коррупциогенным потенциалом.

Учитывая, какой повышенный интерес к «неосвоенным» землям региональных ООПТ существует у всякого рода застройщиков, необходимо сделать вывод о высокой степени коррупциогенности предлагаемых изменений. Представляется очевидным, что уменьшение площади или либерализация охранного режима ООПТ может лоббироваться застройщиками, которых не устраивают установленные законом ограничения хозяйственной деятельности для соответствующих территорий с особым режимом использования. Рассматриваемые инициативы, таким образом, чреваты целым рядом опасных рисков, включая экологические и коррупционные.

Для Ставропольского края это вопрос несправедливый, поскольку все имеющиеся на его территории ООПТ, кроме одной (национального парка в г. Кисловодске), имеют региональное значение. Таким образом, речь идет практически обо всех ООПТ в пределах края. Ранее предпринимавшиеся попытки уменьшения площади существующих на Ставрополье ООПТ в интересах застройщиков вызывали большой, крайне негативный общественный резонанс (например, при попытке

уменьшения площади краевого заказника «Русский лес» в районе дачного товарищества «Механизатор»).

Вносимые ныне региональные законодательские инициативы, увы, не предусматривают процедур общественного обсуждения таких важных и потенциально резонансных вопросов. Если перед регионом стоит объективная необходимость корректировки существующих ООПТ в интересах реализации крупных социально-значимых проектов, то порядок реализации соответствующих изменений было бы необходимо прописать несколько иначе. В частности, такие изменения должны рассматриваться как явление исключительного характера, имеющее строгие ограничения – предметно, локально и во времени.

В региональном законе могло бы быть указано, что в соответствии с предложенным порядком территории ООПТ регионального значения, а также режим их охраны могут быть скорректированы в течение года со дня вступления закона в силу для строительства конкретных объектов, с перечислением тех муниципальных образований, на территории которых планируется реализация проекта. При этом в обязательном порядке необходимо предусмотреть процедуру общественного обсуждения в ходе принятия данных решений. Такой правовой алгоритм был бы более понятен и вызывал бы меньше нареканий, чем введение неограниченной ни территориально, ни во времени возможности произвольной «реорганизации ООПТ», которая очевидно снижает эффективность ООПТ как инструмента охраны окружающей среды, а в перспективе и вовсе – сводит его на «нет».

Поскольку федеральное законодательство не допускает реорганизации ООПТ федерального значения (тем более, в форме уменьшения их площади или ослабления режима их охраны), то и в региональном законодательстве, по нашему мнению, подобные нормы недопустимы. Если у органов исполнительной власти в регионах появится возможность произвольно корректировать границы ООПТ и режим их охраны, можно себе представить, как это повлияет на усиление коррумпированности соответствующих природоохранных отношений.

Может, однако, показаться, что описанные проблемы трансформации правового режима ООПТ свойственны исключительно Российской Федерации, но это далеко не так. Со сходными трудностями сталкиваются и другие государства-участники ЕАЭС. Так, в феврале 2021 года казахский Мажилис (парламент) одобрил Закон Республики Казахстан «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам туристской деятельности». Этот нормативный акт также существенным образом меняет установленный ранее в стране правовой режим ООПТ.

Им вводится понятие «приоритетных туристских территорий», на которых планируется стимулирование развития туризма в соответствии с особой государственной программой. Данные «приоритетные туристские территории», однако, образуются уже на давно существующих в Казахстане ООПТ. Это влечет за собой ряд потенциальных проблем в области правоприменения. Например, сферой туризма в стране ведает Министерство культуры и спорта, а охраной ООПТ – Министерство экологии, геологии и природных ресурсов. В условиях неизбежного ведомственного конфликта приоритет будет отдан Минкульту-спорту как отвечающему за перспективное с точки зрения инвестиций туристское направление. Понятно, что при таком положении дел интересы охраны природы могут отойти на второй план и существенно пострадать.

Развитие приоритетных туристских территорий предполагает строительство капитальных объектов инфраструктуры с подведением к ним инженерных сетей. И это при отсутствии в Казахстане специального законодательства о курортах. Их режим в этой стране регулируется отдельными нормами Экологического и Земельного кодексов, а также иными нормативными актами [3-4]. Вместе с тем, в законодательстве Казахстана отсутствует нормативная дефиниция «курорт», хотя само это понятие в национальном законодательстве фигурирует.

Представители экспертного сообщества Республики Казахстан уже неоднократно высказывались за принятие специального закона о лечебно-оздоровительных местностях и курортах. Но пока они получили только закон о развитии туризма на территориях ООПТ и курортов, правовой режим охраны которых определен и обеспечен далеко не в достаточной степени. При этом в Казахстане курорты, как и в России, не входят в перечень ООПТ, и их режим не регулируется Законом Республики Казахстан от 07.07.2006 г. № 175-III «Об особо охраняемых природных территориях».

Земли ООПТ в Казахстане, как и в России, были в свое время полностью или частично изъяты из хозяйственного использования и гражданского оборота в связи с установлением на них особого режима охраны. Однако потом на некоторых ООПТ была разрешена ограниченная хозяйственная деятельность в интересах проживающего там населения, как это было сделано и в России. Общая тенденция, таким образом, налицо.

В недавно принятом казахском законе о приоритетных туристских территориях управление ими, помимо органов исполнительной власти, возлагается на некую «управляющую компанию». Любопытно, что Министерство Российской Федерации по делам Северного Кавказа (до своего упразднения) активно продвигало аналогичную концепцию – частное управление курортами Кавказских Минеральных Вод посредством похжей

«управляющей компании». Возникает ощущение, что казахские и российские авторы данных нормотворческих инициатив черпали свои идеи из одного источника, что, к сожалению, в обеих этих странах ЕАЭС ведет к дезэкологизации законодательства об ООПТ и курортах [2].

В Республике Казахстан, как и в России, и до принятия нового законодательства в данной сфере отмечались многочисленные нарушения установленного режима ООПТ и курортов. «Несмотря на тенденцию повышения интереса к курортам, – пишет казахский ученый Т. Ау, – и постепенного роста их статуса (они стали инвестиционно привлекательны для предпринимателей), существует возможность их ликвидации, что может негативно сказаться на охране окружающей среды региона в целом. Так, например, застройка Щучинско-Боровской курортной зоны ведется с нарушением природоохранного законодательства. Строительство гостиниц, ресторанов, пунктов быстрого питания, мест для парковки, а также индивидуальное жилищное строительство идет в нарушение правил и стандартов, регламентирующих условия охраны природы, недр, атмосферного воздуха» [1].

Исследователь отмечает, что правоприменительная практика в данной области не достигает поставленных целей, в том числе, и по причине недостаточной правовой урегулированности рассматриваемых отношений. Он полагает необходимым принятие в Республике Казахстан специального закона о курортах, где было бы закреплено их правовое понятие и детально определен их правовой режим. Важность этого возрастает в связи с усилением межгосударственной экономической интеграции, которая призвана привлечь в Казахстан еще больше иностранных инвесторов.

«Современный период, – пишет Т. Ау, – характеризуется вложением инвестиций в оздоровительную сферу. Ряд отечественных и зарубежных предпринимателей, как было указано выше, уже сейчас нарушают экологические требования при получении земельных участков, пригодных для строительства курортов, при эксплуатации последних. Республиканское законодательство, к сожалению, не может адекватно ни них отреагировать. В законодательстве Республики Казахстан не установлена ответственность за нарушение режима курортов, что затрудняет привлечение к ответственности в таких случаях нарушителей. Возможно лишь применение статей общего характера» [1].

Результаты. Из сказанного выше видно, насколько страны ЕАЭС нуждаются в развитии своего эколого-природоресурсного законодательства. Оно уже сейчас не стоит на месте, и процесс его трансформации будет продолжаться. При этом очень важно, чтобы его развитие протекало не в русле дезэкологизации, преследуя сиюминутные инвестиционные интересы, а с учетом соблюдения гармоничного баланса между экологическими и экономическими интересами общества.

Почему эти экологические проблемы актуальны сегодня для ЕАЭС? Дело в том, что тесная межгосударственная интеграция на постсоветском пространстве в рамках данного блока предполагает взаимопроникновение инвестиций в крупные строительные и иные коммерческие проекты на территориях государств-участников. Для инвесторов большое значение имеют законодательные ограничения хозяйственной деятельности, принятые в разных государствах. Субъектами экономических отношений такие ограничения могут рассматриваться как нежелательные барьеры для ведения строительства и другой инвестиционной активности. При этом для инвесторов особой привлекательностью обладают именно ООПТ как потенциально значимые с точки зрения развития туризма и иных перспективных направлений.

С одной стороны, связанный с усилением межгосударственной интеграции приток иностранных инвестиций может способствовать развитию экономики. С другой, процесс этот чреват дополнительными экологическими рисками, создающими угрозу для сохранения ООПТ. В данной сфере очень важно соблюсти тот хрупкий правовой баланс, который способен обеспечить динамичный экономический рост без ущерба для охраны окружающей среды и рационального использования природных ресурсов.

В этом контексте и существующее, и создаваемое законодательство государств-членов ЕАЭС должно подвергаться экспертной оценке, исходя из риск-ориентированного подхода. Разумный учет интересов бизнеса необходимо трезво сопоставлять с порождаемыми ими экологическими и иными рисками. Любые предлагаемые нововведения в эколого-природоресурсное законодательство подлежат непременно оценке с точки зрения потенциальных рисков, которыми они чреватые.

Значение такого риск-ориентированного подхода многократно возрастает в условиях экономической интеграции в рамках ЕАЭС и усиливающейся в связи с ней международной инвестиционной деятельностью.

Литература

1. Ау Т. «Курорт» как юридическая категория: проблемы правового регулирования URL: <https://articlekz.com/article/10008> (дата обращения: 20.03.2023).
2. Навасардова Э. С., Чечель Г. И., Нутрихин Р. В. Проблемы правового режима земель лечебно-оздоровительных местностей и курортов // Гуманитарные и юридические исследования. 2019. № 4. С. 186–196.

3. Постановление Правительства Республики Казахстан от 04.02.2005 г. «О некоторых вопросах Щучинско-Боровской курортной зоны» URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/P050000106_ (дата обращения: 20.03.2023).
4. Распоряжение Президента Республики Казахстан от 11.06.2004 г. № 474 «О мерах по сохранению уникальных и редких ландшафтов на территории Республики Казахстан» URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/N040000474_ (дата обращения: 20.03.2023).
5. Федеральный закон от 23.02.1995 г. № 26-ФЗ «О природных лечебных ресурсах, лечебно-оздоровительных местностях и курортах» // СПС «КонсультантПлюс».
6. Федеральный закон от 28.12.2013 г. № 406-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об особо охраняемых природных территориях» и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

References

1. Au T. «Resort» as a legal category: problems of legal regulation Available from: <https://articlekz.com/article/10008> [Accessed 20 March 2023] (In Russ.).
2. Navasardova Je.S., Chechel' G.I., Nutrihin R.V. Problems of the legal regime of lands of health-improving areas and resorts. *Gumanitarnye i ūridičeskie issledovaniâ = Humanities and Law Research*. 2019;4:186-196 (In Russ.).
3. Decree of the Government of the Republic of Kazakhstan of 04.02.2005 «On some issues of the Schuchinsk-Borovsk resort zone» Available from: https://adilet.zan.kz/rus/docs/P050000106_ [Accessed 20 March 2023] (In Russ.).
4. Decree of the President of the Republic of Kazakhstan dated 11.06.2004 No. 474 «On measures to preserve unique and rare landscapes in the territory of the Republic of Kazakhstan» Available from: https://adilet.zan.kz/rus/docs/N040000474_ [Accessed 20 March 2023] (In Russ.).
5. Federal Law of 23.02.1995 No. 26-FZ «On Natural Therapeutic Resources, Health and Recreation Areas and Resorts» // СПС «КонсультантПлюс» (In Russ.).
6. Federal Law No. 406-FZ of 28.12.2013 «On Amendments to the Federal Law» On Specially Protected Natural Areas «and Certain Legislative Acts of the Russian Federation» // СПС «КонсультантПлюс» (In Russ.).

Научная статья
УДК 351/354
<https://doi.org/10.37493/2409-1030.2023.2.14>

О СИСТЕМЕ ДОКУМЕНТОВ СТРАТЕГИЧЕСКОГО ПЛАНИРОВАНИЯ В ОБЛАСТИ ОХРАНЫ ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ И РАЦИОНАЛЬНОГО ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИЯ

Лилия Валерьевна Постульга¹

¹ Северо-Кавказский федеральный университет (д. 1, ул. Пушкина, 355017, Ставрополь, Российская Федерация)
Аспирант. ORCID: 0000-0002-1608-3467. E-mail: postulgalv@mail.ru

Аннотация. Введение. В статье рассматриваются проблемы, присущие системе документов стратегического планирования. **Материалы и методы.** В ходе исследования использованы методы правового анализа, синтеза, обобщения и сравнительно-правовой, которые позволили выработать возможные пути решения исследуемых проблем. **Анализ.** Значительность количества регламентированных законом стратегических актов затрудняет понимание участниками стратегического планирования порядка и значения совершаемых в рамках планового процесса действий и принятия плановых актов. Не принят основной целеполагающий стратегический документ федерального уровня в области социально-экономического развития. Отсутствует взаимосвязка целей и конкретных показателей в плановых актах на разных этапах планирования. Имеет место действие документов, не регламентированных ФЗ от 28.06.2014 № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в РФ», но которые, в свою очередь, становятся основой для разработки стратегических документов по нисходящей

вертикали. Не урегулированы вопросы определения единых сроков планирования. Выявлено отсутствие механизмов реализации плановых актов, ответственности. **Результаты.** На основании проведенного анализа выдвигаются предложения по совершенствованию правового регулирования стратегического планирования, которые позволят выстроить эффективную систему стратегических документов и обеспечить высокую результативность плановой деятельности.

Ключевые слова: стратегическое планирование, государственное планирование, государственные программы, документы стратегического планирования, стратегические документы, стратегические акты, система документов стратегического планирования

Для цитирования: Постульга Л. В. О системе документов стратегического планирования в области охраны окружающей среды и рационального природопользования // Гуманитарные и юридические исследования. 2023. Т. 10 (2). С. 286–292. DOI: 10.37493/2409-1030.2023.2.14

Original article

ON THE SYSTEM OF STRATEGIC PLANNING DOCUMENTS IN THE FIELD OF ENVIRONMENTAL PROTECTION AND RATIONAL USE OF NATURAL RESOURCES

Liliya V. Postulga¹

¹ North-Caucasus Federal University (1, Pushkina St., 355017 Stavropol, Russian Federation)
Postgraduate student. ORCID: 0000-0002-1608-3467. E-mail: postulgalv@mail.ru

Abstract. Introduction. The article discusses the problems of the system of strategic planning documents. **Materials and Methods.** Within the framework of this research, the author analyzed the indicated problems using formal-legal analysis, synthesis, generalization, and comparative-legal methods, which allowed developing possible ways to solve them. **Analysis.** The significance of the number of strategic acts regulated by law makes it difficult for strategic planning participants to understand the order and significance of actions performed within the framework of the planned process and the adoption of planned acts. The main goal-setting strategic document of the federal level in the field of socio-economic development has not been adopted. There is no correlation of goals and specific indicators in the planning acts of both one and different stages of planning. There are documents that are not regulated by the Law on Strategic Planning, but which, in turn, become

the basis for the development of strategic documents on a downward vertical. The issues of defining uniform planning deadlines have not been settled. The absence of mechanisms for the implementation of planned acts and responsibilities has been revealed. **Results.** Based on the analysis, proposals are put forward to improve the legal regulation of strategic planning, which will allow to build an effective system of strategic documents and ensure high efficiency of planned activities.

Key words: strategic planning, state planning, government programs, strategic planning documents, strategic documents, strategic acts, system of strategic planning documents

For citation: Postulga L. On the system of strategic planning documents in the field of environmental protection and rational use of natural resources // Humanities and law research. 2023. V. 10 (2). P. 286–292 (In Russian). DOI: 10.37493/2409-1030.2023.2.14

Введение. ФЗ от 28.06.2014 N 172-ФЗ в последующих редакциях «О стратегическом планировании в РФ» [15] (далее – Закон о стратегическом планировании, Закон) содержит многообразный перечень стратегических актов, однако однозначно определенной системы в этих актах нет, что в значительной степени дезориентирует практику планирования.

Целью настоящей статьи является изучение действующей системы стратегических документов для определения проблем, препятствующих их эффективной реализации, выработка конкретных предложений по совершенствованию указанной системы для обеспечения устойчивого развития и высокой результативности стратегического планирования в области охраны окружающей среды и рационального природопользования и в области социально-экономических отношений в целом.

Материалы и методы. В ходе исследования использованы методы правового анализа, синтеза, обобщения и сравнительно-правовой, которые позволили выработать возможные пути решения исследуемых проблем.

Анализ. Следуя положениям Закона в системе документов планирования можно выделить стратегические акты целеполагания (ежегодные послания Президента РФ Федеральному Собранию РФ, стратегия социально-экономического развития РФ, стратегия национальной безопасности РФ, стратегия научно-технологического развития РФ), в том числе целеполагания по отраслевому и территориальному принципу (отраслевые документы стратегического планирования РФ, стратегия пространственного развития РФ, стратегии социально-экономического развития макрорегионов), прогнозирования (прогнозы), а также планирования и программирования (схемы планирования, планы, программы).

Вместе с тем, анализ практики планирования позволяет выявить существенные несоответствия с вышеописанной системой этих актов. На практике основной целеполагающий плановый документ – Стратегия социально-экономического развития РФ – не принят. Участники стратегического планирования вынуждены руководствоваться отраслевыми целеполагающими документами как основой планирования в той области, в которой они наделены соответствующими полномочиями.

Основным отраслевым целеполагающим документом в области охраны окружающей среды и рационального природопользования является Стратегия экологической безопасности РФ на период до 2025 г. (далее – Стратегия экологической безопасности). Помимо нее действуют и иные акты целеполагания: Основы государственной политики в области экологического развития РФ на период до 2030 г., Экологическая доктрина РФ,

Энергетическая стратегия РФ на период до 2035 г., Доктрина энергетической безопасности РФ, Стратегия сохранения редких и находящихся под угрозой исчезновения видов животных, растений и грибов в Российской Федерации на период до 2030 г., Стратегия развития лесного комплекса РФ до 2030 года, Климатическая доктрина РФ и многие другие. При этом часть из них вообще не предусмотрены Законом в качестве стратегических документов (концепции, доктрины, основы государственной политики). По нашему мнению, остается неясным вопрос о практическом значении и месте таких актов в системе документов стратегического планирования, а также характер их взаимосвязи с другими стратегическими документами (как этапа целеполагания, так и других этапов стратегического планирования).

Обращает на себя внимание количество целеполагающих актов. Правовой анализ показывает, что часть регламентируемых ими стратегических целей дублирует друг друга, что порождает вопрос о целесообразности принятия нескольких актов с одинаковыми стратегическими целями, в то время как другая часть – отличается, что, в свою очередь, порождает вопрос о приоритетизации предусмотренных в них целей и задач, осложняемый несовпадающими сроками их действия. Так, общей для таких целеполагающих стратегических документов в рассматриваемой области как Стратегия экологической безопасности РФ, Основы государственной политики в области экологических отношений РФ на период до 2030 г. (далее – Основы), Экологическая доктрина РФ, является цель по сохранению окружающей среды. При этом в Стратегии экологической безопасности предусмотрено не только ее сохранение, но и восстановление. В Основе просматривается экономическая направленность (приоритетизация) при решении экологических проблем, в то время как, к примеру, Экологическая доктрина РФ во главу угла ставит экологический (не экономический) аспект – сохранение природы ради улучшения ее качества (а не ради увеличения экономического благосостояния). Такая цель как ликвидация накопленного вреда предусмотрена только в Стратегии экологической безопасности.

Подсистема документов этапа прогнозирования представлена такими актами, как прогноз научно-технологического развития РФ, стратегический прогноз РФ, прогнозы социально-экономического развития РФ на долгосрочный и среднесрочный периоды, бюджетный прогноз РФ. По логике построения Закона о стратегическом планировании этап прогнозирования (глава 6 Закона) следует после этапа целеполагания (главы 4 и 5). При этом в соответствии с Законом стратегия социально-экономического развития РФ и отраслевые документы стратегического планирования РФ разрабатываются с учетом прогнозных актов (ч. 3

ст. 16, ч. 1 ст. 19). Некоторые авторы, находя противоречия между расположением этапов стратегического планирования в Законе и вышеуказанными его положениями, предлагают внести в него изменения в части уточнения последовательности разработки документов, при этом считая, что вначале должны разрабатываться документы целеполагания – стратегии [9, с. 83]. За рубежом распространена практика, когда целеполагающие и программные акты разрабатываются на основании прогнозов [4, с. 7–8; 5, с. 20–21]. Эта проблема видимого противоречия решается в Указе Президента РФ об основах государственной политики в области стратегического планирования [12] путем указания на то, что прогнозные документы содержат исходные данные и учитываются при формировании стратегических документов целеполагания (п. 20). По нашему мнению, разработка целеполагающих документов на основе прогнозных данных является наиболее логичной и целесообразной, поскольку сокращает лишний этап уточнения первоначально определенных стратегических целей. Сами цели, определенные в отрыве от объективных прогнозных данных, могут оказаться изначально невыполнимыми. Иное привело бы к нарушению принципа реалистичности целей и показателей.

В целом принятие вышеуказанного Указа Президента РФ было ответом на возникший объективный вопрос взаимоувязки многочисленных стратегических актов, регламентированных Законом о стратегическом планировании. В то же время, к сожалению, он не решил всех имеющихся в правовом регулировании системы стратегических документов проблем. Так, к примеру, он не дает ответа на вопрос о том, как документы одного этапа (к примеру, целеполагания) соотносятся друг с другом.

Следующий этап стратегического планирования – планирование и программирование – характеризуется такими документами, как планы, схемы планирования, программы. В рассматриваемой области к ним относятся Основные направления деятельности Правительства РФ на период до 2024 года (далее – Основные направления), План деятельности Министерства природных ресурсов и экологии РФ на 2019–2024 гг., а также государственные программы «Охрана окружающей среды», «Воспроизводство природных ресурсов» и «Развитие лесного хозяйства». Планово-программные документы должны разрабатываться на основе целеполагающих стратегических актов и конкретизировать их, являясь инструментами их реализации.

Исследуя вопрос содержания стратегических документов рассматриваемого этапа, необходимо отметить, что зачастую их показатели не коррелируют друг с другом. Так, в планы деятельности федеральных органов исполнитель-

ной власти на 2019–2024 гг. включено лишь 26 % показателей государственных программ и 55 % показателей национальных проектов [1]. И наоборот, к примеру, Единым планом по достижению национальных целей развития РФ на период до 2024 г. и на плановый период до 2030 года установлены показатели, характеризующие площадь федеральных особо охраняемых природных территорий, а также численность населения, количество которого улучшится в связи с ликвидацией наиболее опасных объектов накопленного вреда окружающей среде, а в государственной программе «Охрана окружающей среды» данные показатели отсутствуют.

На подзаконном уровне государственным программам отведена значительная роль в процессе интеграции системы национальных целей развития с системой стратегических целей. Механизм достижения национальных целей развития обеспечивается посредством реализации национальных проектов (программ), состоящих из федеральных проектов [9], которые, в свою очередь, одновременно могут входить и в состав государственных программ. К примеру, и национальный проект «Экология», и государственная программа «Охрана окружающей среды» влияют на одну и ту же национальную цель «Комфортная и безопасная среда для жизни». Национальный проект «Экология» состоит из 9 федеральных проектов. Данные федеральные проекты включены в 6 государственных программ. Таким образом происходит интеграция программно-планового и проектного подходов к управлению устойчивым развитием охраной окружающей среды и рационального природопользования, а также стратегических и национальных целей развития в указанной области.

Вместе с тем, Законом система национальных целей не регламентируется. Национальные проекты не названы в нем в качестве стратегических документов, даже сами понятия «национальные цели», «национальные проекты» на законодательном уровне не определены. Поэтому на этапе их исполнения возникают вопросы соотношения стратегических и национальных целей развития, их приоритетности. Учитывая, что закон имеет большую юридическую силу по отношению к указам Президента РФ о национальных целях развития, первоочередное значение должны иметь цели, регламентированные Законом. В то же время, это не соответствовало бы самой сути системы национальных целей, которая и создавалась как система приоритетных целей, требующих повышенного внимания.

Названный указ Президента РФ делает попытку имплементировать систему национальных целей развития в систему стратегического планирования. Так, к документам целеполагания федерального уровня он относит, среди прочих,

документы стратегического планирования социально-экономического развития Российской Федерации, определяющие национальные цели развития, систему долгосрочных приоритетов и задач государственного управления, направленных на обеспечение устойчивого и сбалансированного социально-экономического развития, утверждаемые Президентом РФ и Правительством РФ (п. 21). Вместе с тем, он так же оставляет неурегулированным вопрос о том, в какой приоритетности должны достигаться эти цели. Одновременно необходимо отметить, что на практике национальные цели развития определяются не документами стратегического планирования, а соответствующими указами Президента РФ, которые Законом к таковым не отнесены. О необходимости взаимоувязки национальных целей развития с документами экологического стратегирования уже отмечалось в научной литературе [2, с. 3–8].

Обращает на себя внимание и то, что среди стратегических документов этапа планирования и программирования в рассматриваемом указе Президента РФ, также как и в Законе о стратегическом планировании, не названы целевые программы. При этом в числе документов целеполагания в нем названы документы стратегического планирования социально-экономического развития РФ, определяющие национальные цели развития РФ, а среди документов планирования и программирования – единый план по достижению национальных целей развития РФ и национальные проекты, которые в Законе в качестве стратегических документов не названы.

Необходимо обратить внимание и на проблемы взаимоувязки стратегических документов разных этапов планирования. Так, согласно действующему законодательству Послания, являются основой для разработки, в том числе, Основных направлений деятельности Правительства РФ. Однако в Основные направления изменения не вносились с момента их принятия в 2018 г., хотя Послания являются ежегодными. Также хотя в государственной программе «Охрана окружающей среды» выбор стратегических приоритетов определен такими целеполагающими документами, как Стратегия экологической безопасности, Основы государственной политики РФ в области экологического развития РФ на период до 2030 г., указ Президента РФ о национальных целях развития и др., предусмотренное ею описание стратегических целей развития в указанной области не в полной мере соответствует содержанию вышеуказанных документов (видимо, в том числе, по причине их взаимного несоответствия между собой, примеры которого были нами описаны).

Имеет место и несоответствие целевых индикаторов государственных программ субъектов РФ региональным целеполагающим документам,

а также целевых ориентиров и сроков планирования в целеполагающих документах разных уровней территориального устройства [10, с. 115–116]. Частично это связано и с несовершенством законодательства. К примеру, Закон не выделяет макрорегион в качестве отдельного уровня планирования, но при этом регламентирует разработку макрорегиональных стратегий социально-экономического развития, разместив положения о них в главе, посвященной стратегическим актам, разрабатываемым в рамках целеполагания по отраслевому и территориальному принципу на федеральном уровне. Стратегией пространственного развития РФ утверждено 12 макрорегионов. При этом по данным реестра стратегического планирования в настоящее время действует только две макрорегиональные стратегии: Стратегия социально-экономического развития Дальнего Востока и Байкальского региона до 2025 г. и Стратегия социально-экономического развития Северо-Кавказского федерального округа на период до 2025 г. Думается, стратегические акты макрорегионов вполне могут составлять самостоятельный уровень планирования наряду с федеральным, региональным и муниципальным.

Решение проблемы взаимоувязки стратегических документов усложняется и несовпадающими сроками их действия, правила определения которых в Законе не определены. Несовпадение горизонта планирования можно проследить не только среди плановых документов одного вида (к примеру, Основы государственной политики в области экологического развития РФ рассчитаны на период до 2030 г., Основы государственной политики РФ в Арктике – на период до 2035 г.; Стратегия экологической безопасности РФ – до 2025 г., Стратегия развития лесного комплекса РФ – до 2030 г., Стратегия развития Арктической зоны РФ и обеспечения национальной безопасности – до 2035 г.), но и среди взаимосвязанных документов разных этапов планирования. Так, в соответствии с государственной программой «Воспроизводство и использование природных ресурсов» приоритеты и цели государственной политики в сфере реализации указанной программы определяются Стратегией развития минерально-сырьевой базы РФ, действие которой рассчитано на период до 2035 г. При этом горизонт планирования самой государственной программы рассчитан только до 2030 г. Также Стратегия пространственного развития РФ рассчитана на период до 2025 г. При этом Стратегия социально-экономического развития Северо-Кавказского федерального округа (макрорегиональная стратегия, которая в соответствии с Законом разрабатывается в целях обеспечения согласованности проведения в территориальном и временном отношении мероприятий, предусмотренных указанной федеральной стратегией) разработана на период до 2030 г.

В научной литературе также указывается на противоречие между горизонтами стратегического и бюджетного планирования [16]. Частично такой, на наш взгляд, негативной практике способствуют и нормы Закона, которые не регламентируют четкого срока планирования, а указывают временные диапазоны («более 6 лет», «от 3 до 6 лет», «менее 3 лет»). Имеют место и разрывы между завершением сроков действия одних из них и принятием следующих. Примером могут служить Стратегия-2020, которая утратила силу в 2020 г., а по состоянию на 2023 г. Стратегия-2030 не принята.

В целом, думается, важность стратегического планирования состоит именно в его долгосрочности, что позволяет говорить о стремлении к устойчивому развитию всех областей общественной жизни. Однако, несмотря на положительный опыт зарубежных стран, где реализуется долгосрочное планирование (например, Стратегия развития КНР до 2050 г., «Стратегия-2050» Республики Казахстан и др.), думается, необходимо проводить постепенное и поэтапное совершенствование системы стратегического планирования с учетом собственного опыта, текущего темпа, уровня социально-экономического развития и качества планирования. По нашему мнению, горизонт долгосрочного планирования в РФ должен расширяться постепенно, по мере повышения качества планирования и прогнозирования.

Анализ системы стратегических документов позволяет выявить проблемы и в процедуре их принятия. Так, акты Президента РФ имеют большую юридическую силу, чем акты Правительства РФ. При этом такие основополагающие плановые документы, как концепции, принимаются Правительством РФ (Концепция развития системы особо охраняемых территорий РФ на период до 2020 г., Концепция формирования системы мониторинга, отчетности и проверки объема выбросов парниковых газов в РФ), а ряд стратегий, которые должны разрабатываться на основе концепции, утверждаются Президентом РФ. Указанное, по нашему мнению, объясняется, в частности, недооценкой правовой природы стратегических документов, их чрезмерным количеством, недостатками правового регулирования, наличием пробелов в законодательстве.

К числу наиболее значительных недостатков принимаемых целеполагающих документов относят также отсутствие механизмов их реализации, ответственности, условий для решения формируемых задач [3, с. 24–29].

Результаты. Таким образом, систему документов стратегического планирования нельзя назвать целостной, прозрачной, понятной, согласованной и сбалансированной. Имеет место нарушение принципов единства и целостности, преемственности и непрерывности стратегического планирования, предусмотренных Законом.

Изложенные в рассмотренных целеполагающих документах ориентиры не всегда являются взаимосвязанными и взаимодополняемыми, зачастую отсутствует их увязка с конкретными целевыми показателями и мероприятиями, предусмотренными планово-программными актами. Документы стратегического планирования зачастую дублируют друг друга [7, с. 173–174], причем цели, задачи и показатели дублирующих актов не полностью совпадают. Имеет место действие документов, не регламентированных Законом, но которые, в свою очередь, становятся основой для разработки стратегических документов по нисходящей вертикали.

В качестве решения указанных проблем нам видится совершенствование нормативно-правового регулирования системы стратегического планирования. Необходима регламентация в Законе ключевых понятий – «концепция», «стратегия», «национальные цели развития», «государственная программа», «национальный проект» – и их взаимосвязи. Система национальных целей развития должна быть четко вписана в систему стратегических целей путем регламентации Законом, что обеспечит прозрачность и комплексность планирования.

Эффективность планового процесса, по нашему мнению, требует и сокращения общего количества стратегических документов, регламентированных Законом, с учетом рисков придания им декларативного характера. Видится целесообразным закрепление в Законе конкретных сроков действия (горизонта планирования) стратегических документов каждого этапа планирования и приведение действующих документов к одинаковому горизонту. На практике необходимо обеспечить постепенное расширение горизонта планирования.

Думается, частично проблему взаимоувязки стратегических документов, в том числе по срокам планирования, помогут решить цифровизация и цифровая трансформация указанного процесса (создание цифровой экосистемы) [6].

Обеспечение всех регламентируемых Законом принципов планирования невозможно без принятия главных целеполагающих плановых документов, являющихся основой всей системы стратегического планирования. Основным системообразующим документом целеполагания в области социально-экономических (и в том числе экологических) отношений должна стать Концепция долгосрочного социально-экономического развития РФ, содержащая стратегический образ развития нашего государства и целевые параметры социально-экономического развития. На ее основе должна разрабатываться Стратегия социально-экономического развития РФ, содержащая перечень инструментов и ресурсов, необходимых для достижения обозначенных в Концепции

целей. Их положения должны основываться на системе прогнозов. Конкретизацию Стратегия должна находить в отраслевых стратегиях, а также Стратегии пространственного развития РФ. Положения указанных стратегий должны быть конкретизированы в программных актах (государственных программах) с указанием конкретных мероприятий, ресурсов и сроков выполнения.

Концепции должны утверждаться Президентом РФ, Стратегии – Правительством РФ. Государственные программы должны разрабатываться конкретными министерствами и утверждаться Правительством РФ.

Думается, построение такой четкой системы стратегических документов, не отягощенной их количеством, позволит обеспечить понятность и прозрачность стратегических целей и приоритетов для участников стратегического планирования и повысить эффективность стратегического планирования в целом.

Система стратегических документов регионального и муниципального уровней должна соответствовать федеральной по структуре, видам стратегических актов и горизонтам планирования: региональный и муниципальный уровни планирования должны быть представлены соответственно стратегиями социально-экономического развития региона и муниципального образования, а также региональными и муниципальными государственными программами. Думается, стратегические акты макрорегионов вполне могут составлять самостоятельный уровень планирования наряду с федеральным, региональным и муниципальным.

Необходимо обеспечить преемственность плановых документов и непрерывность процесса планирования, исключив разрывы между окончанием действия одних плановых документов и разработкой документов на последующие периоды.

Литература

1. Бюллетень Счетной Палаты РФ. № 1 (266). 2020. 90 с. URL: <https://audit.gov.ru/upload/iblock/62d/62dcc8a84cd3e28c5a08551477e24bfd.pdf> (дата обращения: 12.12.2022).
2. Выпханова Г. В., Жаворонкова Н. Г. Теоретико-правовые проблемы формирования и реализации документов экологического стратегирования // Экологическое право. 2020. № 3. С. 3–8.
3. Выпханова Г. В., Жаворонкова Н. Г. Государственная экологическая политика и документы стратегического планирования // Экологическое право. 2016. № 3. С. 24–29.
4. Клименко А. В., Королев В. А., Двинских Д. Ю., Рычкова Н. А., Сластухина И. Ю. Актуальный опыт зарубежных стран по развитию государственных систем стратегического планирования (Часть 1). М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2016. 68 с.
5. Клименко А. В., Королев В. А., Двинских Д. Ю., Рычкова Н. А., Сластухина И. Ю. Актуальный опыт зарубежных стран по развитию государственных систем стратегического планирования (Часть 2). М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2016. 40 с.
6. Краснова И. О. Правовая природа и система актов государственной экологической политики // Актуальные проблемы российского права. 2022. № 1. С. 164–177.
7. Кузьмин В. Н. Предложения по совершенствованию нормативного обеспечения стратегического планирования // Вестник Всероссийского научно-исследовательского института механизации животноводства. 2017. № 2 (36). С. 80–84.
8. Постановление Правительства РФ от 31.10.2018 № 1288 «Об организации проектной деятельности в Правительстве РФ». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_310151/ (дата обращения: 14.07.2022).
9. Постульга Л. В. О недостатках правового регулирования государственного программирования как инструмента осуществления плановой политики государства // Гуманитарные и юридические исследования. 2021. № 3. С. 113–119.
10. Постульга Л. В. Правовое обеспечение цифровой трансформации стратегического планирования в области охраны окружающей среды как инструмент повышения его эффективности – Личность, общество, государство в условиях цифровизации: сборник материалов III Международной научно-практической конференции / под ред. Д. А. Смирнова, А. А. Бирюкова. Ставрополь: Изд-во СКФУ, 2022. С. 154–158.
11. Указ Президента РФ от 08.11.2021 № 633 «Об утверждении Основ государственной политики в сфере стратегического планирования в Российской Федерации». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_400057/ (дата обращения: 12.01.2023).
12. Указ Президента РФ от 07.05.2018 № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года». URL: <https://base.garant.ru/71937200/> (дата обращения: 12.01.2023).
13. Указ Президента РФ от 21.07.2020 № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года». URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/45726> (дата обращения: 12.01.2023).
14. Федеральный закон от 28.06.2014 № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_164841/ (дата обращения: 18.01.2023).
15. Чепурнова Н. М., Ищенко А. А. Некоторые аспекты совершенствования административно-правового регулирования стратегического планирования в контексте конституционной реформы в Российской Федерации // Административное право и процесс. 2022. № 1. С. 22–30.
16. Kolesnikova K.V., Postulga L.V., Usckova D.Yu., Miroshnichenko N.V., Labovskaya Yu.V. To the question Of Digital Transformation Of Strategic Planning in the Field of Environmental Protection and Rational Use of Natural Resources in the Russian Federation with Consideration of Integration with the EAEU // Lecture Notes in Networks and Systems. 2022. 368 LNNS. P. 825–831.

References

1. Bulletin of the Accounting Chamber of the RF. 2020. № 1 (266). 90 p. Available from: <https://audit.gov.ru/upload/iblock/62d/62dcc8a84cd3e28c5a08551477e24bfd.pdf> [Accessed: 12 December 2022].
2. Vypkhanova G. V., Zhavoronkova N. G. Theoretical and legal problems of formation and implementation of environmental strategy documents // *Ehkologicheskoe pravo*. 2020;3:3-8. (In Russ.).
3. Vypkhanova G. V., Zhavoronkova N. G. State environmental policy and strategic planning documents // *Ehkologicheskoe pravo*. 2016;3:24–29. (In Russ.).
4. Klimenko A. V., Korolev V. A., Dvinskikh D. YU., Rychkova N. A., Slastikhina I. Yu. Current experience of foreign countries in the development of state systems of strategic planning (Part 1). Moscow: High school of economy publ., 2016. 68 p. (In Russ.).
5. Klimenko A. V., Korolev V. A., Dvinskikh D. Yu., Rychkova N. A., Slastikhina I. Yu. Current experience of foreign countries in the development of state systems of strategic planning (Part 2). Moscow: High school of economy publ., 2016. 40 p. (In Russ.).
6. Krasnova I. O. Legal nature and system of state environmental policy acts // *Aktual'nye problemy rossiiskogo prava*. 2022;1:164–177. (In Russ.).
7. Kuz'min V. N. Proposals for improving the regulatory support of strategic planning // *Vestnik Vserossiiskogo nauchno-issledovatel'skogo instituta mekhanizatsii zhivotnovodstva*. 2017;2:80–84. (In Russ.).
8. Decree of the Government of the Russian Federation No. 1288 dated 31.10.2018 «On the organization of project activities in the Government of the Russian Federation». Available from: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_310151/ [Accessed 14 July 2022].
9. Postulga L. V. On the shortcomings of the legal regulation of state programming as a tool for implementing the planned policy of the state // *Gumanitarnye i yuridicheskie issledovaniya*. 2021;3:113–119. (In Russ.).
10. Postulga L. V. Legal support for the digital transformation of strategic planning in the field of environmental protection as a tool to increase its effectiveness – Personality, society, state in the context of digitalization: collection of materials of the III International Scientific and Practical Conference / ed. by DA. Smirnov, AA. Biryukov. Stavropol': NSFU publ., 2022. P. 154–158. (In Russ.).
11. Decree of the President of the Russian Federation N 633 dated 08.11.2021 «On approval of the Fundamentals of State policy in the field of strategic planning in the Russian Federation». Available from: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_400057/ [Accessed 12 January 2023].
12. Decree of the President of the Russian Federation N 204 dated 07.05.2018 «On national goals and strategic objectives of the development of the Russian Federation for the period up to 2024». Available from: <https://base.garant.ru/71937200/> [Accessed 12 January 2023].
13. Decree of the President of the Russian Federation N 474 dated 21.07.2020 «On national development goals of the Russian Federation for the period up to 2030». Available from: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/45726> [Accessed 12 January 2023].
14. Federal Law No. 172-FZ of 28.06.2014 «On Strategic Planning in the Russian Federation». Available from: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_164841/ [Accessed 18 January 2023].
15. Chepurnova N. M., Ishchenko A. A. Some aspects of improving the administrative and legal regulation of strategic planning in the context of constitutional reform in the Russian Federation // *Administrative law and process*. 2022;1:22-30. (In Russ.).
16. Kolesnikova K. V., Postulga L. V., Uskova D. Yu., Miroshnichenko N. V., Labovskaya Yu. V. On Digital Transformation Of Strategic Planning in the Field of Environmental Protection and Rational Use of Natural Resources in the Russian Federation with Consideration of Integration with the EAEU // *Lecture Notes in Networks and Systems*. 2022;368 LNNS:825–831.

Научная статья

УДК 342.95

<https://doi.org/10.37493/2409-1030.2023.2.15>

ПРАВОВАЯ ПОЛИТИКА В СФЕРЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ КОРМОВ И КОРМОВЫХ ДОБАВОК ДЛЯ ЖИВОТНЫХ

Александр Юрьевич Соколов¹
Олег Анатольевич Лакаев²

1 Саратовский филиал Института государства и права Российской академии наук (д. 135, ул. Чернышевского, 410028, Саратов, Российская Федерация)

Доктор юридических наук, профессор. ORCID: 0000-0003-3350-7775. E-mail: aysockolov@mail.ru

2 Саратовский филиал Института государства и права Российской академии наук (д. 135, ул. Чернышевского, 410028, Саратов, Российская Федерация)

Кандидат юридических наук. ORCID: 0000-0003-1156-3717. E-mail: olegoleg81@mail.ru

Автор, ответственный за переписку: Соколов Александр Юрьевич, aysockolov@mail.ru

Аннотация. Введение. В условиях современной международной действительности, когда Российская Федерация нуждается в развитии отраслей агропромышленного комплекса для укрепления продовольственной независимости от других стран, необходимо сосредоточение усилий государства на обеспечении надлежащей организации сельскохозяйственного производства, включая его соответствие необходимым требованиям, одними из которых являются требования обеспечения безопасности кормов и кормовых добавок для животных. **Материалы и методы.** Проведению исследования способствовало применение общенаучной методологии (системно-структурного, логического, кибернетического методов) и формально-юридического метода. Сформулированные предложения построены на основе изучения научной литературы, в которой рассматривались актуальные вопросы правовой политики, правовой организации агропромышленного комплекса и контрольно-надзорной деятельности, а также аналитических материалов, отражающих современные проблемы обеспечения безопасности кормов и кормовых добавок для сельскохозяйственных животных. **Анализ.** Основными направлениями анализа являются про-

блемы обеспечения безопасности кормов и кормовых добавок для сельскохозяйственных животных путем выявления факторов, препятствующих оптимизации нормативно-правового регулирования в сфере ветеринарии. **Результаты.** Совершенствование нормативно-правового регулирования в сфере обеспечения безопасности кормов и кормовых добавок для животных осложнено несоответствием позиции государства принятым в сфере сельскохозяйственных наук подходам к определению содержания ключевых для обеспечения безопасности рассматриваемой продукции понятий. В связи с этим целесообразна коррекция законодательства о ветеринарии в соответствующей части, исключающая необходимость регистрации премиксов и кормовых концентратов.

Ключевые слова: правовая политика, ветеринария, безопасность кормов и кормовых добавок, сельскохозяйственные животные, правовое регулирование, государственное управление, законодательство

Для цитирования: Соколов А. Ю., Лакаев О. А. Правовая политика в сфере обеспечения безопасности кормов и кормовых добавок для животных // Гуманитарные и юридические исследования. 2023. Т. 10 (2). С. 293–299. DOI: 10.37493/2409-1030.2023.2.15.

Original article

LEGAL POLICY IN THE FIELD OF ENSURING THE SAFETY OF ANIMAL FEED AND FEED ADDITIVES

Aleksandr Yu. Sokolov¹
Oleg A. Lakaev²

1 Saratov Branch of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences (135, Chernyshevsky St., 410028, Saratov, Russian Federation)

Dr. Sci. (Law), Professor. ORCID: 0000-0003-3350-7775. E-mail: aysockolov@mail.ru

2 Saratov Branch of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences (135, Chernyshevsky St., 410028, Saratov, Russian Federation)

Cand. Sci. (Law). ORCID: 0000-0003-1156-3717. E-mail: olegoleg81@mail.ru

Corresponding author: Aleksandr Yu. Sokolov, aysockolov@mail.ru

Abstract. Introduction. In the conditions of modern international reality, when the Russian Federation needs to develop branches of the agro-industrial complex to strengthen food independence from other countries, it is necessary to focus the state's efforts on ensuring proper organization of agricultural production, including

its compliance with the necessary requirements, one of which is the requirements for ensuring the safety of animal feed and feed additives. **Materials and Methods.** The research was facilitated by the use of general scientific methodology (system-structural, logical, cybernetic methods) and the formal legal method. The formulated

proposals are based on the study of scientific literature, which considered topical issues of legal policy, the legal organization of the agro-industrial complex and control and supervisory activities, as well as analytical materials reflecting modern problems of ensuring the safety of feed and feed additives for farm animals. **Analysis.** The main areas of analysis are the problems of ensuring the safety of feed and feed additives for farm animals by identifying factors that hinder the optimization of legal regulation in the field of veterinary medicine. **Results.** The improvement of legal regulation in the field of ensuring the safety of feed and feed additives for animals is complicated by the inconsistency of the state's position with the approaches adopted in the field

Введение. В условиях современной международной действительности, когда Российская Федерация нуждается в развитии отраслей агропромышленного комплекса для укрепления продовольственной независимости от других стран, необходимо сосредоточение усилий государства на обеспечении надлежащей организации сельскохозяйственного производства, включая его соответствие необходимым требованиям, к которым относятся в том числе требования обеспечения безопасности кормов и кормовых добавок для животных. Данная сфера деятельности входит в предмет исследования, прежде всего, сельскохозяйственных наук, изучающих возможности производства биологически активных добавок для ввода в корм сельскохозяйственных животных и обеспечивающих формирование новаторских идей, которые направлены на совершенствование технологий кормления животных. Однако ее осуществление сопряжено с рядом проблем, связанных с установлением отвечающих требованиям сохранения здоровья сельскохозяйственных животных максимально допустимых уровней в растительных кормах вредных веществ и соединений, а также показателей безопасности различных видов кормов и кормовых добавок, в том числе остатков технических производств, консервированных кормов, предназначенных для длительного хранения, нетрадиционных кормов, норм ввода их в рационы кормления животных.

Следует отметить, что возникающие в этой сфере отношения не подвергнуты всеобъемлющей нормативно-правовой регламентации, в то время как Стратегия научно-технологического развития Российской Федерации [19], перечисляя технологические приоритеты, ориентирует на необходимость организации экологически чистого и сельскохозяйственного производства, характеризующегося высокой продуктивностью, развитие номенклатуры качественных и безопасных продовольственных товаров. При этом основой получения безопасных продуктов для питания человека является обеспечение безопасности кормов и кормовых добавок для сельскохозяйственных животных, из которых впоследствии производится продукция животного происхождения, употребляемая в пищу человеком.

of agricultural sciences to determine the content of the concepts key to ensuring the safety of the products in question. In this regard, it is advisable to correct the legislation on veterinary medicine in the relevant part, eliminating the need for registration of premixes and feed concentrates.

Key words: legal policy, veterinary medicine, safety of feed and feed additives, farm animals, legal regulation, public administration, legislation

For citation: Sokolov A., Lakaev O. Legal policy in the field of ensuring the safety of animal feed and feed additives // Humanities and law research. 2023. V. 10 (2). P. 293–299 (In Russian). DOI: 10.37493/2409-1030.2023.2.15

В то же время упомянутая неполнота нормативно-правового регулирования безопасности кормов и кормовых добавок для животных является результатом общего несовершенства правовой политики в данной сфере. Как известно, правовая политика является сложносоставным явлением, предполагающим системную деятельность не только органов публичной власти, но и представителей научно-юридического сообщества, осуществляющих выработку правовых идей [8, с. 13], которые впоследствии реализуются в рамках правотворчества, правоприменения и в правоинтерпретационном измерении. Как правило, категория правовой политики рассматривается в связи с довольно широким кругом сфер деятельности и правоотношений, часто соотносясь с отраслями права (уголовно-правовая, гражданско-правовая, административно-правовая и иные отраслевые виды правовой политики). Однако остаются без внимания узко-ориентированные, но крайне важные сферы жизнедеятельности социума, которые также требуют комплексной работы по выработке правовых идей, обеспечивающих в дальнейшем необходимый уровень развития законодательного и подзаконного регулирования, а также правореализации. Это актуально и для сферы обеспечения безопасности кормов и кормовых добавок для животных.

Состояние научной исследованности рассматриваемой проблемы в юридической литературе оставляет желать лучшего. Учеными-административистами и иными правоведами они не проводятся. Имеется круг исследований более широкого плана – в области правового обеспечения агропромышленного комплекса. В частности, государственный контроль (надзор) в агропромышленном комплексе и правовое положение осуществляющих его субъектов рассмотрены в ряде научных работ [3, с. 80–83; 18, с. 282–289]. Активно разрабатываются общие вопросы государственного управления и административно-правового регулирования в сельском хозяйстве, однако в соответствующих трудах не уделено внимание проблемам правового обеспечения безопасности кормов и кормовых добавок для животных [7, с. 21–26; 16, с. 48–54; 17, с. 136–141].

Важной для исследования вопросов правового обеспечения безопасности кормов и кормовых добавок для животных является проблема дисбаланса ветеринарного законодательства, ключевым аспектом которой является наличие большого количества недостаточно согласованных между собой нормативных правовых актов. По данной тематике имеются соответствующие научные наработки, однако без изложения конкретных проблем, связанных с обеспечением безопасности кормов и кормовых добавок для животных [1, с. 198–204; 2, с. 91–94].

В то же время проблема формирования надлежащего механизма административно-правового регулирования безопасности кормов и кормовых добавок для животных является крайне актуальной, поскольку состояние научной разработанности данной тематики определяет возможность создания необходимой правовой основы сельскохозяйственного производства, отвечающего потребностям населения в полезных и безопасных продуктах питания и связанного с получением сбалансированного рациона кормления животных качественными кормами и безопасной экологически чистой продукцией, способствующей улучшению минерального питания населения.

Материалы и методы. Проведению исследования способствовало применение общенаучной методологии (системно-структурного, логического, кибернетического методов) и формально-юридического метода. Системно-структурный метод задействован для исследования структуры нормативно-правового регулирования в сфере обеспечения безопасности кормов и кормовых добавок для животных, определения места в нем отдельных его элементов. Логический метод востребован для изучения закономерностей становления современной нормативно-правовой основы обеспечения безопасности кормов и кормовых добавок для животных. Кибернетический метод оказался актуален для определения перспектив совершенствования правового регулирования в сфере обеспечения безопасности кормов и кормовых добавок для животных, проектирования и реализации различных задач правовой политики в указанной сфере. Применение формально-юридического метода позволило обеспечить рассмотрение и детальный анализ правового материала в сфере отечественной и наднациональной практики нормативно-правового регулирования обеспечения безопасности кормов и кормовых добавок для животных. Кроме того, сформулированные предложения построены на основе изучения научной литературы, в которой рассматривались актуальные вопросы правовой политики, правовой организации агропромышленного комплекса и контрольно-надзорной деятельности, а также аналитических материалов, отражающих современные проблемы обеспечения безопасности кормов и кормовых добавок для сельскохозяйственных животных.

Анализ. Нормативно-правовой основой обеспечения безопасности кормов и кормовых добавок для животных в настоящее время является Закон РФ от 14 мая 1993 г. № 4979-1 (в ред. от 28 апреля 2023 г.) «О ветеринарии» [4], который содержит ряд правил, направленных на обеспечение данного вида безопасности. В первую очередь, в 2015 г. в данный Закон введена ст. 2.1, систематизирующая требования к федеральному органу государственного управления сельским хозяйством (Министерство сельского хозяйства РФ) по разработке и принятию ветеринарных правил. На сегодняшний день данным органом принято более 60 нормативно-правовых актов, содержащих указанные правила. Особенно данная работа ускорилась в 2020–2022 гг., когда были предприняты меры по наиболее полной реализации положений названной статьи, содержащей в обобщенном виде перечень ветеринарных правил, которые подлежат принятию. Однако до сих пор не разработаны отдельные ветеринарные правила, затрагивающие производство, хранение, перемещение и оборот кормов и кормовых добавок, на необходимость наличия которых прямо указывает законодатель. В целом нормативно-правовое регулирование данных видов деятельности характеризуется фрагментарностью. Например, регламентированы правила перевозки автомобильным транспортом кормов для свиней [12], но если говорить об их производстве как для свиней, так и для других сельскохозяйственных животных, то таких правил нет.

Большое значение в деле обеспечения безопасности кормов и кормовых добавок для животных имеет международное сотрудничество Российской Федерации, осуществляемое как в целом с зарубежными странами, так и на основе участия в региональных международных объединениях. Общие установленные Законом РФ о ветеринарии правила кормления животных ориентируют на необходимость разработки норм, обеспечивающих безвредность кормов и кормовых добавок, на основе требований международных организаций, в которых участвует наше государство. Примечательно, что такие нормы утверждены Минсельхозом России [11] в отношении импорта кормов лишь для кошек и собак. Требования их безвредности для сельскохозяйственных животных, на что в первую очередь рассчитано законодательство о ветеринарии как часть нормативно-правового регулирования агропромышленного комплекса, в настоящее время отсутствуют.

На протяжении длительного времени (с 2010 по 2021 г.) существовала практика заимствования требований по обеспечению безопасности кормов и кормовых добавок для животных на основе имплементации в российскую правовую систему зарубежных правил. Речь идет о применении на территории России Технического регламента

«Требования к безопасности кормов и кормовых добавок», утвержденного Правительством Республики Казахстан от 18 марта 2008 г. № 263 [9]. В силу участия данного государства в таможенном союзе Правительством РФ [10] было принято решение о целесообразности обеспечения единого подхода к обеспечению безопасности кормов и кормовых добавок для животных на основе правил Республики Казахстан, в которых были отражены требования к безопасности кормов и кормовых добавок при их изготовлении, транспортировке, обороте, упаковке и маркировке, требования к безопасности применяемого для их изготовления сырья, а также к безопасности соответствующих производственных объектов. Данные правила применялись для определения соответствия деятельности производителей кормов и кормовых добавок и иных участников соответствующего рынка установленным критериям безопасности в ходе осуществления государственного контроля (надзора), а их нарушители подвергались административной ответственности по ч. 1 ст. 14.43 КоАП РФ [6]. Однако с 1 января 2021 г. ранее имплементированный в российское правовое поле технический регламент Республики Казахстан не подлежит применению, что связано с реализацией идеи так называемой «регуляторной гильотины».

Таким образом, сформировался некий правовой вакуум, который к настоящему времени надлежащими правилами не заполнен. Российское законодательство, в том числе административно-деликтное, предполагает, что соответствующие нормы должны содержаться в документе, имеющем форму технического регламента. Нормотворческая практика показывает, что принятие указанных регламентов обуславливается, прежде всего, принципом регионализации, связанным с участием Российской Федерации в Евразийском экономическом союзе (ранее – в Таможенном союзе), в связи с чем регламенты ЕАЭС (Таможенного союза) имеют межгосударственное значение, будучи обязательными для всех государств-участников данного объединения. Кроме того, часть технических регламентов имеет сугубо внутригосударственное значение, если они утверждаются федеральными законами или правительственными постановлениями. Что касается обеспечения безопасности кормов и кормовых добавок для животных, то здесь необходим технический регламент именно межгосударственного значения, так как взаимодействие в различных отраслях и сферах экономической деятельности, в том числе в агропромышленном комплексе, требует интенсификации интеграционных процессов для применения единых правил при перемещении продукции внутри территории ЕАЭС, ее соответствия общим требованиям безопасности.

Как показала нормотворческая практика, разработка технического регламента по вопросу обеспечения безопасности кормов и кормовых добавок для животных оказалась трудоемким процессом. Его начало было положено в 2011 г. в период существования Таможенного союза подготовкой соответствующего проекта [15], который так и не был принят. С созданием ЕАЭС данная работа была продолжена, и утверждение данного регламента относится к числу приоритетов нормотворческой политики ЕАЭС. К 27 октября 2022 г. был создан его рабочий вариант [14]. Судя по количеству внесенных в него правок и альтернативных позиций, окончание правотворческого процесса в данном направлении далеко от завершения. Здесь сказываются объективные закономерности развития нормативно-правового регулирования в области обеспечения безопасности кормов и кормовых добавок для животных в разных государствах-участниках ЕАЭС, различия в степени готовности к реализации предполагаемых требований с учетом имеющейся технологической базы. Тем не менее необходимо отметить важность этого документа для упорядочения отношений, исходя из потребностей растущего сельскохозяйственного рынка ЕАЭС. Кроме того, неизбежно его влияние на правовую политику Российской Федерации, поскольку потребуются гармонизация российского и наднационального регулирования, в то время как отечественный подход к регламентации отдельных вопросов обеспечения безопасности кормов и кормовых добавок для животных подвергается критике со стороны ассоциаций сельхозпроизводителей.

В Законе РФ о ветеринарии сохранились архаичные положения об отдельных административных процедурах, которые в действительности не осуществляются. Относя регистрационную деятельность в отношении кормов к полномочиям Российской Федерации (ст. 3), законодатель не регламентирует соответствующую процедуру. Кроме того, отсутствует подзаконное нормативно-правовое регулирование регистрации кормов, и в целом в подобной административной процедуре отсутствует необходимость. Если рассматривать корма как имеющую питательную ценность продукцию, подлежащую скормливанию сельскохозяйственным животным, то их номенклатура носит практически неисчерпаемый характер за счет вариативности входящих в ее состав компонентов. В случае реального введения регистрационных процедур усилится административная нагрузка на сельхозпроизводителей, тормозящая процесс производства продукции ввиду необходимости сосредоточения усилий на совершении формальных действий, которые требуют значительных временных затрат. В части производства кормов в настоящее время регистрации подлежат только генно-модифицированные организмы, используемые при их изготовлении, а также содержащие их корма [13].

Иначе обстоит дело с государственной регистрацией кормовых добавок, в отличие от кормов выполняющих различные технологические зоотехнические и иные функции, а также нормализующих обмен веществ в организме животных. Нормативно-правовая регламентация данной административной процедуры за последние два десятилетия претерпела некоторую трансформацию, начиная с подзаконных правил и заканчивая дополнения в 2021 г. Закона РФ о ветеринарии новым разделом III.1, специально посвященным государственной регистрации кормовых добавок. Следует отметить, что существующие в настоящее время правила отражают позицию, прежде всего, государства, которая была сформирована с учетом сложившихся в ходе практической деятельности Федеральной службы по ветеринарному и фитосанитарному надзору (Россельхознадзор) представлений относительно значения, целей, содержания регистрационных процедур и в особенности подлежащих регистрации объектов в данной сфере. Однако при осуществлении законодательного регулирования должен обеспечиваться баланс интересов государства и тех субъектов, на которых рассчитаны принимаемые правила. В действительности же в сфере обеспечения безопасности кормов и кормовых добавок такой баланс в полной мере не обеспечивается. Уже давно в сообществе производителей данной продукции поднимается вопрос об избыточности мер административного воздействия в части рассматриваемой регистрации, которая с принятием указанной поправки в Закон РФ о ветеринарии вышла на законодательный уровень. Дело в том, что законодатель прямо указывает на необходимость государственной регистрации уже зарегистрированных ранее кормовых добавок, но с новым количественным или качественным составом действующих веществ либо с новым качественным составом вспомогательных веществ (ч. 1 ст. 11.1). Речь идет о таких используемых в специальной сельскохозяйственной литературе понятиях, как премиксы, амидо-витаминно-минеральные концентраты и белково-витаминно-минеральные концентраты, подпадающие под рассматриваемую законодательную формулировку. Вместе с тем производители добавок по индивидуальным заявкам животноводческих предприятий ежегодно выпускают несколько тысяч рецептов данных премиксов и концентратов с переменным составом. В некоммерческой организации «Национальный кормовой союз» отмечают, что в случае осуществления в полном объеме государственной регистрации указанной продукции в виде новых кормовых добавок, то это может нанести ущерб отрасли животноводства и кормопроизводству. Регистрация премиксов и концентратов с переменным составом способна привести к снижению эффективности государственного управления в данной сфере ввиду невозможности своевременной ре-

акции государства на потребности предприятий животноводства в обеспечении их кормовыми добавками, необоснованного увеличения их затрат, сокращения номенклатуры данной продукции и снижения объемов производства [5].

Недостаточная проработка данного вопроса на уровне российского законодательства, обусловленная позицией органов государственного управления в сфере ветеринарии, является одним из факторов замедления разработки и принятия технического регламента ЕАЭС по вопросу безопасности кормов и кормовых добавок для животных. Разработанный в ответственной за подготовку данного регламента Республике Казахстан проект содержит терминологию, не характерную для законодательства Российской Федерации о ветеринарии (премиксы и кормовые концентраты). Если судить по внесенным в него правам со стороны разных государств-участников ЕАЭС, то их однородная позиция далека от формирования. В то же время данный проект предполагает отход от практики рассмотрения премиксов в качестве кормовых добавок и их декларирование так же, как и кормов.

Результаты. Правовая политика в сфере обеспечения безопасности кормов и кормовых добавок для животных является сложным явлением, находящимся в существенной зависимости от сельскохозяйственной политики государства. Совершенствование нормативно-правового регулирования в данной сфере осложнено несоответствием позиции государства принятым в сфере сельскохозяйственных наук подходам к определению содержания ключевых для обеспечения безопасности рассматриваемой продукции понятий – «корма», «кормовые добавки», «премиксы», «концентраты». Этим определяется и разбалансированность интересов государства и производителей сельскохозяйственной продукции, поскольку текущее состояние законодательства осложняет деятельность последних ввиду неоправданности задеирования административных процедур, связанных с регистрацией ранее уже зарегистрированных кормовых добавок. С учетом изложенного представляется целесообразным коррекция законодательства о ветеринарии в соответствующей части, исключающая необходимость регистрации премиксов и кормовых концентратов. Следует также иметь в виду, что от правовой политики Российской Федерации в данной сфере во многом зависит и состояние наднационального регулирования, наличие которого в области обеспечения безопасности кормов и кормовых добавок для животных могло бы дать толчок к развитию рынка кормов и кормовых добавок для сельскохозяйственных животных и общему подъему животноводческой отрасли в государствах-участниках ЕАЭС. Соответствующий технический регламент требуется и собственно Российской Федерации, поскольку отсутствие с 2021 г. внутригосударственных

правил обеспечения безопасности кормов и кормовых добавок для животных не способствует обеспечению законности и государственной дисциплины в сфере производства и оборота данной

продукции, поскольку делает беспредметным осуществление контрольно-надзорной и административно-юрисдикционной деятельности в рассматриваемой сфере.

Литература

1. Батова В. Н. Дисбаланс ветеринарного законодательства: вопросы теории и практики // Правовая политика и правовая жизнь. 2020. № 2. С. 198–204.
2. Воронин Б. А., Донник И. М. Правовое регулирование ветеринарной деятельности: состояние, актуальные задачи // Аграрный вестник Урала. 2015. № 1 (131). С. 91–94.
3. Донник И. М., Воронин Б. А., Тухбатов И. А. Государственная контрольно-надзорная деятельность в сельском хозяйстве // Аграрный вестник Урала. 2015. № 4 (134). С. 80–83.
4. Закон РФ от 14 мая 1993 г. № 4979-1 «О ветеринарии» // Ведомости Совета народных депутатов и Верховного Совета Российской Федерации. 1993. № 24. Ст. 857.
5. Как сделать кормовой рынок цивилизованным. URL: <https://soyaneews.info/interview/217397/> (дата обращения: 14.05.2023).
6. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 1.
7. Козлова О. И. Перспективы развития административно-правового регулирования агропромышленного комплекса в Российской Федерации // Право и практика. 2017. № 2. С. 21–26.
8. Панченко В. Ю., Петров А. А., Деменишин А. В. Правовая политика: базовый курс: учебное пособие. М.: РИОР: ИНФРА-М, 2019. 54 с.
9. Постановление Правительства Республики Казахстан от 18 марта 2008 г. № 263 «Об утверждении Технического регламента «Требования к безопасности кормов и кормовых добавок»» // Собрание актов Президента Республики Казахстан и Правительства Республики Казахстан. 2007. № 15. Ст. 138.
10. Постановление Правительства РФ от 9 марта 2010 г. № 132 «Об обязательных требованиях в отношении отдельных видов продукции и связанных с требованиями к ней процессов проектирования (включая изыскания), производства, строительства, монтажа, наладки, эксплуатации, хранения, перевозки, реализации и утилизации, содержащихся в технических регламентах Республики Казахстан, являющейся государством – участником таможенного союза» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2010. № 11. Ст. 1221.
11. Приказ Минсельхоза России от 11 марта 2003 г. № 381 «Об утверждении Ветеринарно-санитарных требований при импорте в Российскую Федерацию кормов для кошек и собак» // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. 2003. № 16.
12. Приказ Минсельхоза России от 6 июля 2017 г. № 329 «Об утверждении ветеринарных правил перемещения (перевозки) автомобильным транспортом свиней и кормов для них» // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 03.08.2017.
13. Приказ Минсельхоза России от 26 июля 2017 г. № 366 «Об утверждении Административного регламента Федеральной службы по ветеринарному и фитосанитарному надзору по предоставлению государственной услуги по государственной регистрации генно-инженерно-модифицированных организмов, используемых для производства кормов и кормовых добавок для животных, генно-инженерно-модифицированных организмов, используемых для производства лекарственных средств для ветеринарного применения, а также кормов и кормовых добавок для животных, полученных с применением генно-инженерно-модифицированных организмов или содержащих такие организмы» // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 24.08.2017.
14. Проект Технического регламента ЕАЭС «О безопасности кормов и кормовых добавок» // Официальный сайт некоммерческой организации «Союз комбикормщиков». URL: <http://souzkombykorm.ru/content/tehnikeskij-reglament-evraziyskogo-ekonomicheskogo-soyuza-o-bezopasnosti-kormov-i-0> (дата обращения: 13.05.2023).
15. Проект Технического регламента Таможенного союза «О безопасности кормов и кормовых добавок» // Официальный сайт Евразийской экономической комиссии. URL: <http://www.eurasiancommission.org/ru/act/tehnreg/deptexreg/tr/Pages/beporKormov.aspx> (дата обращения: 13.05.2023).
16. Труфанов М. Е. Современная специфика государственно-властного воздействия на развитие сельского хозяйства // Право и практика. 2011. № 2. С. 48–54.
17. Увайдов М. И. К вопросу о содержании административно-правового регулирования в агропромышленном комплексе // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2021. № 6 (143). С. 136–141.
18. Увайдов М. И. Субъекты государственного контроля (надзора) в агропромышленном комплексе // Правовая политика и правовая жизнь. 2022. № 1. С. 282–289.
19. Указ Президента Российской Федерации от 1 декабря 2016 г. № 642 «О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2016. № 49. Ст. 6887.

References

1. Batova VN. Imbalance of veterinary legislation: issues of theory and practice. Pravovaya politika i pravovaya zhizn' = Legal policy and legal life. 2020;(2):198–204. (In Russ.).
2. Voronin BA, Donnik IM. Legal regulation of veterinary activity: state, actual tasks. Agrarnyi vestnik Urala = Agrarian Bulletin of the Urals. 2015; 1(131):91–94. (In Russ.).
3. Donnik IM, Voronin BA, Trekhbratov IA. State control and supervisory activity in agriculture. Agrarnyi vestnik Urala = Agrarian Bulletin of the Urals. 2015; 4(134):80–83. (In Russ.).

4. Law of the Russian Federation of May 14, 1993 No. 4979-1 «On veterinary medicine». Vedomosti of the Council of People's Deputies and the Supreme Council of the Russian Federation. 1993. No. 24. Art. 857. (In Russ.).
5. How to make the feed market civilized. Available from: <https://soyaneews.info/interview/217397/> [Accessed 14 May 2023]. (In Russ.).
6. The Code of the Russian Federation on Administrative Offenses of December 30, 2001 No. 195-FZ. Collection of Legislation of the Russian Federation. 2002. No. 1 (Part 1). Art. 1.
7. Kozlova OI. Prospects for the development of administrative and legal regulation of the agro-industrial complex in the Russian Federation. *Pravo i praktika = Law and practice*. 2017;(2):21-26. (In Russ.).
8. Panchenko VYu, Petrov AA, Demenishin AV. Legal policy: basic course. Moscow: RIOR: INFRA-M; 2019. 54 p. (In Russ.).
9. Resolution of the Government of the Republic of Kazakhstan dated March 18, 2008 No. 263 «On approval of the Technical Regulations «Requirements for the safety of feed and feed additives»». Collection of acts of the President of the Republic of Kazakhstan and the Government of the Republic of Kazakhstan. 2007. No. 15. Art. 138. (In Russ.).
10. Resolution of the Government of the Russian Federation No. 132 of March 9, 2010 «On mandatory requirements for Certain Types of Products and Related Design Processes (including Surveys), Production, Construction, Installation, Commissioning, Operation, Storage, Transportation, Sale and Disposal contained in the technical regulations of the Republic of Kazakhstan, which is a member State of the Customs Union». Collection of legislation of the Russian Federation. 2010. No. 11. Art. 1221. (In Russ.).
11. Order of the Ministry of Agriculture of the Russian Federation No. 381 dated March 11, 2003 «On approval of Veterinary and sanitary requirements for the import of cat and dog food to the Russian Federation». Bulletin of normative acts of Federal executive authorities. 2003. No. 16. (In Russ.).
12. Order of the Ministry of Agriculture of the Russian Federation No. 329 dated July 6, 2017 «On approval of veterinary rules for the movement (transportation) of pigs and feed for them by road». Official Internet portal of legal information <http://www.pravo.gov.ru>, 03.08.2017. (In Russ.).
13. Order of the Ministry of Agriculture of Russia dated July 26, 2017 No. 366 «On Approval of the Administrative Regulations of the Federal Service for Veterinary and Phytosanitary Supervision on the Provision of State Services for the State Registration of Genetically Engineered Modified Organisms Used for the Production of Animal Feed and Feed Additives, Genetically Engineered Modified Organisms Used for the Production of Medicines for Veterinary Use, as Well as Feed and Feed Additives for animals obtained with the use of genetically engineered modified organisms or containing such organisms». Official Internet portal of legal information <http://www.pravo.gov.ru>, 24.08.2017. (In Russ.).
14. Draft Technical Regulations of the EAEU «On the safety of feed and feed additives». Official website of the non-profit organization «Union of feeders». Available from: <http://souzkombikorm.ru/content/tehnicheskiy-reglament-evraziyskogo-ekonomicheskogo-soyuza-o-bezopasnosti-kormov-i-0> [Accessed 13 May 2023]. (In Russ.).
15. Draft Technical Regulations of the Customs Union «On the safety of feed and feed additives». Official website of the Eurasian Economic Commission. Available from: <http://www.eurasiancommission.org/ru/act/teknreg/deptexreg/tr/Pages/bezopKormov.aspx> [Accessed 13 May 2023]. (In Russ.).
16. Trufanov ME. Modern specifics of state-power influence on the development of agriculture. *Pravo i praktika = Law and practice*. 2011;(2):48–54. (In Russ.).
17. Uvaïdov MI. On the issue of the content of administrative and legal regulation in the agro-industrial complex. *Vestnik Saratovskoi gosudarstvennoi yuridicheskoi akademii = Bulletin of the Saratov State Law Academy*. 2021;6(143):136–141. (In Russ.).
18. Uvaïdov MI. Subjects of state control (supervision) in the agro-industrial complex. *Pravovaya politika i pravovaya zhizn' = Legal policy and legal life*. 2022;(1):282–289. (In Russ.).
19. Decree of the President of the Russian Federation No. 642 of December 1, 2016 «On the Strategy of scientific and technological development of the Russian Federation». Collection of Legislation of the Russian Federation. 2016. No. 49. Art. 6887.

Научная статья

УДК 342.94

<https://doi.org/10.37493/2409-1030.2023.2.16>

СИСТЕМА ПРИНЦИПОВ ДИСЦИПЛИНАРНОГО ПРОИЗВОДСТВА ПО ДЕЛАМ О КОРРУПЦИОННЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЯХ НА ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЕ

Сергей Сергеевич Терещук¹

¹ Саратовская государственная юридическая академия (д. 104, ул. Чернышевского Н.Г., 410056, Саратов, Российская Федерация)
Соискатель. ORCID: 0009-0000-8653-4158. E-mail: yusticiya1506@gmail.com

Аннотация. Введение. Статья посвящена исследованию теоретических и практических вопросов построения и функционирования системы принципов дисциплинарного производства по делам о коррупционных правонарушениях. **Материалы и методы.** Исследование построено на основе анализа существующих в науке позиций относительно определения термина «принцип права» и классификации принципов дисциплинарного производства, а также особенностей нормативного закрепления принципов дисциплинарного производства по делам о коррупционных правонарушениях. **Анализ.** Принципы имеют ключевое значение в организации дисциплинарного производства по делам о коррупционных правонарушениях. Однако в законодательстве их регламентации не уделяется достаточного внимания. **Результаты.** Конкретизирована совокупность принципов рассматриваемого административного производства. Доказано наличие у данной совокупности системного характера. Рассмотрена специфика реализации частных принципов – принципа неотвратимости ответственности за совершение дисциплинарного коррупционного правонарушения и принципа необходимости установления вины государственного служащего. Анализ содержания положений норматив-

ных актов позволил сделать вывод о том, что принцип неотвратимости ответственности в настоящее время по большей части является декларативным. В связи с этим, автор констатирует необходимость внесения изменений в законодательные акты, регламентирующие порядок производства, посредством установления обязательности применения взысканий. Проведено разграничение принципа необходимости установления вины государственного служащего и конституционно закрепленного принципа презумпции невиновности. Обоснована необходимость внесения законодательных изменений, направленных на закрепление необходимости обязательного учета вины государственного служащего при рассмотрении дела о дисциплинарном коррупционном правонарушении.

Ключевые слова: дисциплинарное производство, коррупционное правонарушение, государственная служба, презумпция невиновности, принцип права, неотвратимость ответственности, система

Для цитирования: Терещук С. С. Система принципов дисциплинарного производства по делам о коррупционных правонарушениях на государственной службе // Гуманитарные и юридические исследования. 2023. Т. 10 (2). С. 300–306. DOI: 10.37493/2409-1030.2023.2.16

Original article

THE SYSTEM OF PRINCIPLES OF DISCIPLINARY PROCEEDINGS IN CASES OF CORRUPTION OFFENSES IN THE PUBLIC SERVICE

Sergey S. Tereshchuk¹

¹ Saratov State Law Academy (104, Chernyshevsky N.G. st., 410056 Saratov, Russian Federation)
Applicant. ORCID: 0009-0000-8653-4158. E-mail: yusticiya1506@gmail.com

Abstract. Introduction. The article is devoted to the study of theoretical and practical issues of building and functioning of the system of principles of disciplinary proceedings in cases of corruption offenses. **Materials and Methods.** The study is based on the analysis of positions existing in science regarding the definition of the term “principle of law” and the classification of the principles of service-disciplinary proceedings, as well as the features of the normative consolidation of the principles of disciplinary proceedings in cases of corruption offenses. **Analysis.** The principles are of key importance in the organization of disciplinary proceedings in cases of corruption offenses. However, their regulation is not given enough attention in the legislation. **Results.** The set of principles of the considered administrative proceedings is specified. It is proved that this set has a

systemic character. The specifics of the implementation of private principles are considered, namely the principle of the inevitability of responsibility for committing a disciplinary corruption offense and the principle of the need to establish the guilt of a civil servant. An analysis of the content of the provisions of normative acts led to the conclusion that the principle of the inevitability of responsibility is currently mostly declarative. In this regard, the author states the need to amend the legislative acts regulating the procedure for production, by establishing the mandatory application of penalties. A distinction is made between the principle of the need to establish the guilt of a civil servant and the constitutionally enshrined principle of the presumption of innocence. The necessity of introducing legislative changes aimed at fixing the need

for mandatory consideration of the guilt of a civil servant when considering a case on a disciplinary corruption offense is substantiated.

Key words: disciplinary proceedings, corruption offense, public service, presumption of innocence, principle of law, inevitability of responsibility, system

Введение. Принцип представляет собой «основное, исходное положение какой-либо теории, учения; это руководящая идея, основное правило деятельности» [14, с. 400]. Р. фон Иеринг указывал, что «принцип – это та точка, которую ищет законодатель, и пока ему не удалось овладеть ею, он должен описывать ее при помощи казуистических постановлений» [8, с. 63].

Принципы права имеют особое значение в регламентации отношений, складывающихся в рамках административных производств. В правовой науке к принципам административного процесса относят законность, равенство перед законом, справедливость, объективность рассмотрения дела, экономичность (оперативность) процесса [13, с. 42]. Поскольку дисциплинарное производство по делам о коррупционных правонарушениях на государственной службе представляет собой часть административного процесса, следует сделать вывод, что в его рамках находят выражение общие принципы административного процесса, которые наполняются собственным содержанием, обусловленным спецификой рассматриваемых дел. Кроме того, в нем действуют принципы служебно-дисциплинарного производства. Это следует из того, что данное производство представляет собой разновидность служебно-дисциплинарного, поскольку его содержание составляет деятельность по применению к лицам, совершившим дисциплинарный проступок, дисциплинарных взысканий [1, с. 198–199]. Справедливо суждение, что «принципы дисциплинарного производства характеризуют прежде всего динамику, а не статику дисциплинарной ответственности, поскольку лежат в основе процессуальных действий и порядка принятия решений» [12, с. 19].

Материалы и методы. Исследование построено на основе анализа существующих в науке позиций относительно определения термина «принцип права» и классификации принципов служебно-дисциплинарного производства, а также особенностей нормативного закрепления принципов дисциплинарного производства по делам о коррупционных правонарушениях.

Анализ. В юридической науке под принципом права понимается руководящее начало, основное положение, идея, которая представляет собой основу правового регулирования [6, с. 4].

Вместе с тем, следует обратить внимание на то, что принцип права не должен представляться как идея, существующая без нормативного закрепления. Лишь оно придает принципу права

For citation: Tereshchuk S. The system of principles of disciplinary proceedings in cases of corruption offenses in the public service // Humanities and law research. 2023. V. 10 (2). P. 300–306 (In Russian). DOI: 10.37493/2409-1030.2023.2.16.

государственно-властной характер, в результате которого принцип может выполнять функцию регулятора общественных отношений. Поэтому следует поддержать мнение исследователей, считающих, что принципы права должны иметь выражение либо в нормах правовых актов, либо вытекать из их содержания [4, с. 261].

Таким образом, принцип права следует рассматривать в качестве закрепленного в нормах права или вытекающего из их содержания руководящего начала, определяющего специфику нормативного регулирования общественных отношений.

В законодательстве принципы служебно-дисциплинарного производства прямо не закреплены. По мнению Ю.С. Адушкина, системе таких принципов составляют законность, публичность, обеспечение права на защиту, уважение личности, гласность, участие общественности, объективная истина, процессуальная экономия, целесообразность [3, с. 58].

В свою очередь, А. П. Алехин, А. А. Кармолицкий выделяют принципы законности, презумпции невиновности, гласности, объективности и всестороннего исследования доказательств, уважения права и достоинства [5, с. 391].

А. В. Никифоров к числу принципов дисциплинарного производства относит законность, гласность, публичность, объективность и всесторонность, презумпцию невиновности [9, с. 90].

Каплунов А. И. отмечает, что к числу принципов дисциплинарного производства относятся обязательность возбуждения производства; свободу выбора вида взыскания; достаточность доказательств, подтверждающих виновность лица в совершении проступка [2, с. 175].

Рогожкина Е. А. к числу принципов дисциплинарного производства относит законность, равенство перед законом, гласность, объективность и всесторонность, презумпцию невиновности, охрану интересов личности и государства [12, с. 11].

Можно сделать вывод о сходстве взглядов исследователей на совокупность принципов дисциплинарного производства. Однако в рамках дисциплинарного производства по делам о коррупционных правонарушениях на государственной службе находят выражение и собственные, присущие только ему принципы, которые выражают его сущность как самостоятельного и целостного правового явления.

Рассмотрение совокупности выделяемых в теории административного права принципов административного процесса и дисциплинарного

производства, норм права, определяющих порядок привлечения государственных служащих к дисциплинарной ответственности за коррупционные правонарушения, позволяет выделить следующую совокупность принципов рассматриваемого производства:

1. Общие принципы административного процесса:
 - а) принцип законности;
 - б) принцип равенства перед законом;
 - в) принцип охраны интересов личности и государства.
2. Принципы служебно-дисциплинарного производства:
 - а) принцип беспристрастности;
 - б) принцип объективности и всесторонности рассмотрения дела;
 - в) принцип обоснованности дисциплинарного взыскания;
 - г) принцип справедливости;
 - д) принцип свободы выбора вида дисциплинарного взыскания;
 - е) принцип оперативности.
3. Частные принципы дисциплинарного производства по делам о коррупционных правонарушениях на государственной службе:
 - а) принцип неотвратимости ответственности за совершение дисциплинарного коррупционного правонарушения;
 - б) принцип необходимости установления вины государственного служащего.

Требуется отметить, что выделенные принципы неразрывно связаны между собой, что позволяет констатировать наличие их системы. Эффективность принципов может быть достигнута лишь при их совокупном воздействии на правоотношения, складывающиеся в рамках рассмотрения дела. Кроме того, еще одной чертой совокупности принципов является их стабильность, так как они выражают качественное состояние производства. Наконец, совокупность принципов отражает самостоятельность производства, поскольку в своей целостности находит выражение только в его рамках как особого правового института.

Таким образом, их нельзя рассматривать как разрозненные правовые явления. По своей сущности, система принципов дисциплинарного производства по делам о коррупционных правонарушениях на государственной службе представляет собой самостоятельную и обладающую единством целей правового воздействия совокупность основополагающих императивных требований, которые предъявляются к содержанию правоотношений, возникающих в рамках деятельности уполномоченных субъектов дисциплинарной власти по привлечению государственных служащих к ответственности дисциплинарного характера за нарушение законодательства о противодействии коррупции.

Обратимся к рассмотрению принципов дисциплинарного производства по делам о коррупционных правонарушениях на государственной службе.

Принцип законности базируется на положении, закрепленном в статье 15 Конституции Российской Федерации, согласно которому органы государственной власти, органы местного самоуправления, должностные лица, граждане и их объединения обязаны соблюдать Конституцию Российской Федерации и законы. Таким образом, субъекты дисциплинарного производства обязаны строго и неуклонно соблюдать нормы права и руководствоваться ими в своей повседневной служебной деятельности в рамках предоставленных полномочий. Порядок осуществления процессуальных действий в рамках производства строго регламентирован, а компетенция носителей дисциплинарной власти должна осуществляться в установленных правовыми нормами границах.

Материально-правовой элемент принципа проявляется в наличии обязанности субъекта дисциплинарной власти правильно применять правовую норму, регламентирующую конкретное правоотношение. Процессуально-правовой элемент заключается в обязанности соблюдения нормативно установленного порядка привлечения к дисциплинарной ответственности на всех стадиях дисциплинарного производства. При этом все принимаемые решения должны быть законными, обоснованными и мотивированными.

Принцип равенства перед законом тесно связан с принципом законности и также является конституционно закрепленным. В соответствии со статьей 19 Конституции РФ, государство гарантирует равенство прав и свобод человека и гражданина независимо от пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям, а также других обстоятельств. Таким образом, вне зависимости от занимаемого должностного положения государственный служащий привлекается к ответственности при установлении факта наличия в его действиях (бездействии) состава дисциплинарного коррупционного правонарушения.

Принцип охраны интересов личности и государства подразумевает необходимость соблюдения баланса публичных и частных интересов в рамках дисциплинарного производства. В соответствии со статьей 2 Конституции РФ, признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанность государства. Реализация данного принципа в дисциплинарном производстве по делам о коррупционных правонарушениях на государственной службе выражается в том, что для применения взыскания необходимо проведение проверки подразделением кадровой службы соответствующего госу-

дарственного органа по профилактике коррупционных и иных правонарушений. В случае, если доклад о результатах проверки направлялся в комиссию по урегулированию конфликтов интересов, требуется наличие рекомендации указанной комиссии. Применение взыскания на основании доклада подразделения кадровой службы соответствующего государственного органа по профилактике коррупционных и иных правонарушений о совершении коррупционного правонарушения допускается лишь с согласия служащего, при наличии его письменного объяснения и при условии признания им факта совершения коррупционного правонарушения. Указанные ограничения обеспечивают соблюдение прав лица, привлекаемого к дисциплинарной ответственности, его защиту от необоснованного применения взыскания.

Принцип беспристрастности предполагает одинаково уважительное отношение к любому государственному служащему, привлекаемому к ответственности. Кроме того, данный принцип проявляется в том, что в проведении проверки не может участвовать лицо, которое прямо или косвенно заинтересовано в ее результатах. Таким образом, данный принцип имеет своим назначением недопущение субъективизма, предвзятости при рассмотрении и разрешении конкретного дисциплинарного дела.

Принцип объективности и всесторонности рассмотрения дела находит выражение в императивном требовании учета таких обстоятельств, как характер совершенного дисциплинарного коррупционного правонарушения, его тяжесть, соблюдение служащим иных ограничений и запретов, требований о предотвращении или об урегулировании конфликта интересов и исполнение им обязанностей, установленных в целях противодействия коррупции. Кроме того, должны быть учтены предшествующие результаты исполнения служащим своих должностных обязанностей. При этом решение по делу должно быть основано лишь на установленных фактах и доказательствах.

Принцип обоснованности дисциплинарного взыскания означает необходимость принятия решения на основе всех достоверно установленных фактов и с учетом всех обстоятельств, имеющих значение для разрешения дела. Данный принцип находит выражение в правовых нормах, которые закрепляют обстоятельства, подлежащие выяснению при привлечении к дисциплинарной ответственности, доказательства и их оценку, порядок забирательства или проведения проверки.

Принцип справедливости предполагает необходимость соответствия наказания характеру совершенного дисциплинарного коррупционного правонарушения и его тяжести. На соблюдение принципа справедливости направлено нормативное установление широкого перечня взысканий, применяемых за нарушение требований законодательства о противодействии коррупции. К та-

ким взысканиям относятся замечание; выговор; строгий выговор (для государственных служащих, замещающих должности военной службы и государственной службы иных видов); предупреждение о неполном служебном (должностном) соответствии; увольнение с государственной службы в связи с утратой доверия.

Принцип свободы выбора вида дисциплинарного взыскания проявляется в том, что в законодательстве не установлена обязанность субъекта дисциплинарной власти назначать определенный вид взыскания за совершение конкретного дисциплинарного коррупционного правонарушения. Выбор конкретного взыскания должен зависеть от таких обстоятельств, как характер совершенного деяния, его тяжесть, обстоятельства, при которых оно совершено, факт соблюдения или несоблюдения государственным служащим других ограничений и запретов, требований о предотвращении или об урегулировании конфликта интересов и исполнения им обязанностей, установленных в целях противодействия коррупции, а также предшествующих результатов исполнения им своих должностных обязанностей. Однако установлены исключения из данного принципа. Так, при малозначительности дисциплинарного коррупционного правонарушения к гражданскому служащему применяется взыскание в виде замечания, а к сотруднику органов внутренних дел – в виде замечания или выговора. Кроме того, нормативно установлен перечень обстоятельств, когда государственный служащий подлежит увольнению в связи с утратой доверия.

Принцип оперативности заключается в том, что законодательство устанавливает сжатые сроки осуществления процессуальных действий. Обозначенный принцип также воплощается в обязательности соблюдения сроков давности привлечения к дисциплинарной ответственности, поскольку привлечение к любому виду юридической ответственности связано с установлением какого-либо срока с момента совершения и/или обнаружения деяния. Повышенный размер сроков, установленных для привлечения государственных к дисциплинарной ответственности за совершение дисциплинарных коррупционных правонарушений, по сравнению со сроками привлечения к ответственности за совершение дисциплинарных проступков, обусловлен сложностью их выявления ввиду высокой латентности, а также необходимостью соблюдения поэтапной процедуры привлечения к дисциплинарной ответственности за их совершение.

Наконец, к числу специфических, частных принципов рассматриваемого вида процессуальной деятельности, относится принцип неотвратимости ответственности за совершение дисциплинарного коррупционного правонарушения. Данный принцип закреплен в пункте 4 статьи 3 Федерального закона от 25 декабря 2008 г.

№273-ФЗ «О противодействии коррупции» (далее – Закон № 273-ФЗ) [17] и проявляется прежде всего в том, что законодательство не устанавливает возможности освобождения лица от дисциплинарной ответственности в связи с малозначительностью совершенного деяния или в связи с какими-либо иными обстоятельствами.

Однако анализ содержания положений нормативных актов позволяет сделать вывод о том, что принцип неотвратимости ответственности в настоящее время по большей части является декларативным. Указание на существование данного принципа в Законе № 273-ФЗ является недостаточным, поскольку Закон устанавливает лишь общие начала противодействия коррупции. Порядок реализации принципа неотвратимости ответственности, как и иных принципов, должен устанавливаться специальными нормативными актами, регламентирующими порядок рассмотрения дел о дисциплинарных коррупционных правонарушениях.

Так, данный принцип должен реализовываться в необходимости возбуждения дела при наличии информации, свидетельствующей о признаках деяния. Однако требование обязательного возбуждения производства не закреплено в действующих нормативных актах. Данный подход законодателя является нелогичным ввиду того, что он не обеспечивает правовых гарантий соблюдения принципа неотвратимости ответственности.

Еще одним отступлением от принципа неотвратимости ответственности является формулировка статьи 57 Федерального закона от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» (далее – Закон № 79-ФЗ) [16], которая прямо указывает, что за совершение дисциплинарного проступка представитель нанимателя имеет право применить взыскание. Указание на право, а не обязанность назначить дисциплинарное взыскание, прямо противоречит декларируемой Законом № 273-ФЗ необходимости противодействия коррупции.

Таким образом, необходимо изменение данной формулировки в Законе № 79-ФЗ, а также в иных законодательных актах, регламентирующих порядок рассматриваемого производства, посредством указания на необходимость, а не возможность применения взысканий.

Еще одним специфическим принципом рассматриваемого производства является принцип необходимости установления вины государственного служащего, который находит выражение в обязательном доказывании факта виновности государственного служащего в совершении дисциплинарного коррупционного правонарушения. Следует поддержать позицию С.Е. Чаннова, что «привлечение к дисциплинарной ответственности без вины противоречит специфике данного вида юридической ответственности» [18].

Принцип необходимости установления вины государственного служащего в рассматриваемом производстве имеет отличия от конституционно закрепленного принципа презумпции невиновности. Так, в соответствии со статьей 49 Конституции РФ, «обвиняемый не обязан доказывать свою невиновность; неустранимые сомнения в виновности лица толкуются в пользу обвиняемого». Однако государственные служащие обязаны представлять сведения о доходах, расходах, имуществе и обязательствах имущественного характера. По справедливому замечанию А. Л. Юсупова, в этом проявляется отступление от принципа презумпции невиновности, так как «государственный служащий считается заведомо подверженным коррупции и извлекающим неправомерные доходы в результате использования своего служебного положения, пока не докажет, что его доходы и имущество получены законно» [20, с. 26]. Действительно, непредставление служащим сведений о своих доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера, а также о доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера своих супруги (супруга) и несовершеннолетних детей, признается коррупционным правонарушением, влекущим применение взыскания.

Антикоррупционное законодательство в настоящее время не закрепляет необходимости установления степени вины при привлечении к дисциплинарной ответственности.

Однако, если не устанавливать вину государственного служащего, то нелогично использовать термин «правонарушение», поскольку правонарушением в соответствии с общепринятым в законодательстве подходом признается виновное деяние.

В нормах законодательных актов, регламентирующих порядок осуществления рассматриваемого производства, отсутствуют правила доказывания виновности лица, привлекаемого к ответственности. Положение «О проверке достоверности и полноты сведений, представляемых гражданами, претендующими на замещение должностей федеральной государственной службы, и федеральными государственными служащими, и соблюдения федеральными государственными служащими требований к служебному поведению» также не содержит норм об обязательности установления вины государственного служащего [15].

Следствием данной проблемы является существование противоположных позиций судов по вопросу об определении вины в совершении дисциплинарного коррупционного правонарушения. Ряд судебных инстанций констатирует недопустимость применения взыскания без установления вины служащего [11], в то время как иные суды допускают объективное вменение [10].

Вместе с тем, анализ отдельных законодательных норм позволяет сделать вывод о том, что при определении наличия факта дисциплинарного коррупционного правонарушения требуется установление вины государственного служащего. В качестве примера можно привести формулировку статьи 59.2 Закона № 79-ФЗ, в соответствии с которой одним из оснований для увольнения гражданского служащего в связи с утратой доверия является представление им заведомо недостоверных сведений о своих доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера. Таким образом, данное деяние может быть совершено лишь с умышленной формой вины. Несоблюдение государственным служащим требований о предотвращении или об урегулировании конфликта интересов также является по своей сущности умышленным правонарушением.

Кроме того, установление различного рода взысканий – замечание, выговор, предупреждение о неполном должностном соответствии, увольнение в связи с утратой доверия, косвенно свидетельствует о том, что при выборе конкретного взыскания правоприменитель должен установить степень вины государственного служащего.

Следует учитывать, что дисциплинарное коррупционное правонарушение представляет собой разновидность дисциплинарного проступка, состав которого включает в себя виновность лица. Как отмечает С. А. Шушпанов, «для признания деяния дисциплинарным проступком необходимо установить, что оно явилось проявлением воли и разума, а именно, отражением процессов, происходящих в сознании служащего» [19, с. 55–56].

Таким образом, стоит считать обоснованной позицию ученых [7], признающих необходимость обязательного учета вины государственного

служащего при рассмотрении дела о дисциплинарном коррупционном правонарушении. С этой целью часть 2 статьи 59.3 79-ФЗ необходимо изложить в следующей редакции: «При применении взысканий, предусмотренных статьями 59.1 и 59.2 настоящего Федерального закона, учитываются характер совершенного гражданским служащим коррупционного правонарушения, его тяжесть, обстоятельства, при которых оно совершено, вина гражданского служащего в совершении деяния, соблюдение гражданским служащим других ограничений и запретов, требований о предотвращении или об урегулировании конфликта интересов и исполнение им обязанностей, установленных в целях противодействия коррупции, а также предшествующие результаты исполнения им своих должностных обязанностей». Аналогичные изменения необходимо внести в иные законодательные акты, определяющие порядок осуществления рассматриваемого производства.

Результаты. Таким образом, анализ содержания положений нормативных актов позволил сделать вывод о том, что принцип неотвратимости ответственности в настоящее время по большей части является декларативным. В связи с этим, имеется необходимость внесения изменений в законодательные акты, регламентирующие порядок производства, посредством установления обязательности применения взысканий. Кроме того, обоснована необходимость внесения законодательных изменений, направленных на закрепление необходимости обязательного учета вины государственного служащего при рассмотрении дела о дисциплинарном коррупционном правонарушении.

Литература

1. Административное право Российской Федерации: учебник для бакалавров / под ред. А.Ю. Соколова. М.: Юр.Норма, НИЦ ИНФРА-М, 2018. 352 с.
2. Административно-процессуальное право: учебник / под ред. д-ра юрид. наук, проф. А.И. Каплунова. 2-е издание, перераб. и доп. СПб: Изд-во ООО «Р-КОПИ», 2017. 376 с.
3. Адушкин Ю. С. Дисциплинарное производство в СССР / под ред. В.М. Манохина. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1986. 128 с.
4. Алексеев С. С. Общая теория права: в 2 т. Т. 1. М.: Юрид. лит., 1981. 360 с.
5. Алехин А. П., Кармолицкий А.А. Административное право России. М.: Зерцало-М, 2016. 480 с.
6. Байтин М. А. О принципах и функциях права: новые моменты // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2000. № 3 (230). С. 4–16.
7. Добробаба М. Б., Чаннов С. Е. Ответственность государственных служащих за коррупционные правонарушения: проблемы оптимизации модели // Журнал российского права. 2021. Т. 25. № 11. С. 88–101.
8. Иеринг Р. Юридическая техника. М.: Статут, 2008. 231 с.
9. Никифоров А.В. Дисциплинарная ответственность сотрудников органов внутренних дел: дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 1998. 202 с.
10. Решение Куйбышевского районного суда г. Санкт-Петербурга от 9 июля 2020 г. № 2-3883/20192-716/20202-716/2020 (2-3883/2019) по делу № 2- 3883/2019 // СПС «КонсультантПлюс».
11. Решение Ровеньского районного суда Белгородской области от 21 июня 2018 г. № 2-97/20182-97/2018 по делу № 2-97/2018 // СПС «КонсультантПлюс».
12. Рогожкина Е. А. Производство по дисциплинарным делам в органах внутренних дел Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2017. 30 с.
13. Салищева Н. Г. Гражданин и административная юрисдикция в СССР. М.: Наука, 1970. 164 с.
14. Словарь иностранных слов. 10-е изд., стереотип. М.: Рус. яз., 1983. 608 с.

15. Указ Президента РФ от 21 сентября 2009 г. № 1065 «О проверке достоверности и полноты сведений, представляемых гражданами, претендующими на замещение должностей федеральной государственной службы, и федеральными государственными служащими, и соблюдения федеральными государственными служащими требований к служебному поведению» (вместе с «Положением о проверке достоверности и полноты сведений, представляемых гражданами, претендующими на замещение должностей федеральной государственной службы, и федеральными государственными служащими, и соблюдения федеральными государственными служащими требований к служебному поведению») (ред. от 25 апреля 2022 г.) // Собраний законов РФ (далее – СЗ РФ). 2009. № 39, ст. 4588; 2022. № 18, ст. 3053
16. Федеральный закон от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» (ред. от 7 октября 2022 г.) // СЗ РФ. 2004. № 31. Ст. 3215; 2022. № 41. Ст. 6941.
17. Федеральный закон от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» (ред. от 31 июля 2020 г.) // СЗ РФ. 2008. № 52 (ч. 1). Ст. 6228; 2020. № 31 (ч. 1). Ст. 5018.
18. Чаннов С.Е. Дисциплинарное принуждение как средство обеспечения служебных правоотношений: современное состояние и перспективы // Административное право и процесс. 2012. № 7. С. 13–18.
19. Шушпанов С.А. Должностной проступок как основание дисциплинарной ответственности государственного служащего: дис. ...канд. юрид. наук. Саратов, 2002. 155 с.
20. Юсупов А.Л. Дисциплинарная ответственность за нарушения законодательства о противодействии коррупции: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2014. 204 с.

References

1. Administrative law of the Russian Federation: textbook for bachelors / ed. A.Yu. Sokolov. Moscow: Yuridecheskaya Norma, NIC INFRA-M, 2018. 352 p. (In Russ.).
2. Administrative procedural law: textbook / ed. A.I. Kaplunov. 2nd edition, revised. and additional. St. Petersburg: Publishing House of R-KOPI LLC, 2017. 376 p. (In Russ.).
3. Adushkin Yu. S. Disciplinary Proceedings in the USSR / ed. V.M. Manokhin. Saratov: SSU publ., 1986. 128 p. (In Russ.).
4. Alekseev S. S. General theory of law: in 2 vols. Vol. 1. Moscow: Yuridecheskaya literatura, 1981. 360 p. (In Russ.).
5. Alekhin A. P., Karmolitsky A. A. Administrative law of Russia. Moscow: Zertsalo-M, 2016. 480 p. (In Russ.).
6. Bajtin M. A. On the principles and functions of law: new moments. News of higher educational institutions. Jurisprudence=Izvestiya vysshih uchebnyh zavedenij. Pravovedenie. 2000;(3)4-16. (In Russ.).
7. Dobrobaba M. B., Channov S. E. Responsibility of civil servants for corruption offenses: problems of model optimization. Journal of Russian Law = Zhurnal rossijskogo prava. 2021;(11)88-101. (In Russ.).
8. Iering R. Legal technique. Moscow: Statut, 2008. 231 p. (In Russ.).
9. Nikiforov A. V. Disciplinary responsibility of employees of internal affairs bodies: thesis. Omsk, 1998. 202 p. (In Russ.).
10. Decision of the Kuibyshevsky District Court of St. Petersburg dated July 9, 2020 No. 2-3883/2019-716/2020-716/2020 (2-3883/2019) in case No. 2-3883/2019 (Reshenie Kujbyshevskogo rajonnogo suda g. Sankt-Peterburga ot 9 iyulya 2020 g. № 2-3883/2019-716/2020-716/2020 (2-3883/2019) po delu № 2- 3883/2019) // ConsultantPlus. (In Russ.).
11. Decision of the Rovensky District Court of the Belgorod Region dated June 21, 2018 No. 2-97 / 20182-97 / 2018 in case No. 2-97 / 2018 (Reshenie Roven'skogo rajonnogo suda Belgorodskoj oblasti ot 21 iyunya 2018 g. № 2-97/20182-97/2018 po delu № 2-97/2018) ConsultantPlus (In Russ.).
12. Rogozhkina E. A. Proceedings on disciplinary cases in the internal affairs bodies of the Russian Federation: abstract of thesis. Nizhny Novgorod, 2017. 30 p. (In Russ.).
13. Salishcheva N. G. Citizen and administrative jurisdiction in the USSR. Moscow: Nauka, 1970. 164 p. (In Russ.).
14. Dictionary of foreign words. Moscow: Russkii yazik, 1983. 608 p. (In Russ.).
15. Decree of the President of the Russian Federation of September 21, 2009 No. 1065 "On Verification of the Authenticity and Completeness of Information Submitted by Citizens Applying for Positions in the Federal Public Service and Federal Public Servants, and Compliance by Federal Public Servants with the Requirements for Official Conduct" (together with "Regulations on Verification of the Authenticity and Completeness of Information Submitted by Citizens Applying for Positions in the Federal Civil Service and Federal Civil Servants, and Compliance by Federal Civil Servants with the Requirements for Official Conduct" (as amended on April 25, 2022)) (Ukaz Prezidenta RF ot 21 sentyabrya 2009 g. № 1065 «O proverke dostovernosti i polnoty svedenij, predstavlyaemyh grazhdanami, pretenduyushchimi na zameshchenie dolzhnostej federal'noj gosudarstvennoj sluzhby, i federal'nymi gosudarstvennymi sluzhashchimi, i soblyudeniya federal'nymi gosudarstvennymi sluzhashchimi trebovanij k sluzhebnomu povedeniyu» (vmeste s «Polozheniem o proverke dostovernosti i polnoty svedenij, predstavlyaemyh grazhdanami, pretenduyushchimi na zameshchenie dolzhnostej federal'noj gosudarstvennoj sluzhby, i federal'nymi gosudarstvennymi sluzhashchimi, i soblyudeniya federal'nymi gosudarstvennymi sluzhashchimi trebovanij k sluzhebnomu povedeniyu») (red. ot 25 aprelya 2022 g.)) // SZ RF. 2009. No. 39. Art. 4588; 2022. No. 18. Art. 3053 (In Russ.).
16. Federal Law of July 27, 2004 No. 79-FZ "On the State Civil Service of the Russian Federation" (as amended on October 7, 2022) (Federal'nyj zakon ot 27 iyulya 2004 g. № 79-FZ «O gosudarstvennoj grazhdanskoj sluzhbe Rossijskoj Federacii» (red. ot 7 oktyabrya 2022 g.)) // SZ RF. 2004. No. 31. Art. 3215; 2022. No. 41. Art. 6941. (In Russ.).
17. Federal Law of December 25, 2008 No. 273-FZ "On Combating Corruption" (as amended on July 31, 2020) (Federal'nyj zakon ot 25 dekabrya 2008 g. № 273-FZ «O protivodejstvii korrupcii» (red. ot 31 iyulya 2020 g.)) // SZ RF. 2008. No. 52 (Part. 1). Art. 6228; 2020. No. 31 (Part. 1). Art. 5018. (In Russ.).
18. Channov S.E. Disciplinary coercion as a means of ensuring service relations: current state and prospects. Administrative right and process=Administrativnoe pravo i process. 2012;(7)13-18. (In Russ.).
19. Shushpanov S.A. Official misconduct as a basis for disciplinary responsibility of a civil servant: thesis. Saratov, 2002. 155 p. (In Russ.).
20. Yusupov A.L. Disciplinary liability for violations of anti-corruption legislation: abstract of thesis. Saratov, 2014. 204 p. (In Russ.).

Научная статья

УДК 342.92

<https://doi.org/10.37493/2409-1030.2023.2.17>

АДМИНИСТРАТИВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ПРАВОНАРУШЕНИЯ В ОБЛАСТИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ САМОРЕГУЛИРУЕМЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ АРБИТРАЖНЫХ УПРАВЛЯЮЩИХ

Семен Владимирович Фомиченко¹

¹ Саратовская государственная юридическая академия (д. 1, ул. Вольская, 410056, Саратов, Российская Федерация)
Аспирант. ORCID: 0009-0002-9507-9729. E-mail: fomichenko.sam@gmail.com

Аннотация. Введение. Административная ответственность в области деятельности саморегулируемых организаций арбитражных управляющих является развивающимся подинститутом в общей структуре административной ответственности, будучи относительно новым явлением, связанным с развитием саморегулирования в рассматриваемой сфере. Он играет большую роль в обеспечении законности в деятельности данных организаций, способствуя достижению цели предупреждения совершения новых правонарушений в сфере несостоятельности (банкротства) и упорядочивая социальные связи в рассматриваемом сегменте экономической области.

Материалы и методы. В основе исследования лежит применение общенаучной методологии (анализ, синтез, системно-структурный метод, диалектический метод) и формально-юридического метода. Привлечение данных методов позволило выявить недостатки административно-деликтного законодательства, сформулировать предложения, направленные на его совершенствование. Для проведения исследования были использованы материалы судебной практики, нормативные и научно-теоретические источники.

Анализ. Основными направлениями анализа являются правоприменительная практика арбитражных судов по вопросам пересмотра постановлений по делам об административных правонарушениях саморегулируе-

мых организаций арбитражных управляющих, связанных со сроками исполнения ими своих обязанностей и направлением кандидатур арбитражных управляющих в суд. **Результаты.** Позиции арбитражных судов, сложившиеся по вопросам сроков выполнения саморегулируемыми организациями арбитражных управляющих отдельных обязанностей, должны стать ориентиром для правоприменителя, указывая на правильные варианты их исчисления. Совершенствование подинститута административной ответственности саморегулируемых организаций арбитражных управляющих может быть связано с исключением из административно-деликтного законодательства положений, подразумевающих оценку должностными лицами органов исполнительной власти качества осуществления правосудия по арбитражным делам.

Ключевые слова: административная ответственность, административные правонарушения, саморегулируемые организации, арбитражные управляющие, административно-деликтное законодательство, банкротство, арбитражный суд

Для цитирования: Фомиченко С. В. Административная ответственность за правонарушения в области деятельности саморегулируемых организаций арбитражных управляющих // Гуманитарные и юридические исследования. 2023. Т. 10 (2). С. 307–313. DOI: 10.37493/2409-1030.2023.2.17.

Original article

ADMINISTRATIVE RESPONSIBILITY FOR OFFENSES IN THE FIELD OF SELF-REGULATING ORGANIZATIONS OF ARBITRATION MANAGERS

Semen V. Fomichenko¹

¹ Saratov State Law Academy (1, Volskaya St., 410056 Saratov, Russian Federation)
Postgraduate student. ORCID: 0009-0002-9507-9729. E-mail: fomichenko.sam@gmail.com

Abstract. Introduction. Administrative responsibility in the field of self-regulating organizations of arbitration managers is a developing sub-institution in the general structure of administrative responsibility, being a relatively new phenomenon associated with the development of self-regulation in this area. It plays an important role in ensuring the rule of law in the activities of these organizations, contributing to the achievement of the goal of preventing the commission of new offenses in the field of insolvency (bankruptcy) and streamlining social ties in the considered segment of the economic field. **Materials and Methods.** The research is based on the application of general scientific methodology (analysis, synthesis, system-structural

method, dialectical method) and formal legal method. The use of these methods made it possible to identify the shortcomings of administrative and tort legislation, formulate proposals aimed at improving it. Materials of judicial practice, normative and scientific-theoretical sources were used to conduct the study. **Analysis.** The main areas of analysis are the law enforcement practice of arbitration courts on the issues of reviewing rulings on cases of administrative offenses of self-regulating organizations of arbitration managers related to the terms of performance of their duties and the referral of candidates of arbitration managers to the court. **Results.** The positions of arbitration courts that have developed on the issues of the deadlines

for the fulfillment of certain duties by self-regulating organizations of arbitration managers should become a guideline for the law enforcement officer, indicating the correct options for their calculation. The improvement of the pedagogical institute of administrative responsibility of self-regulating organizations of arbitration managers may be associated with the exclusion from the administrative-tort legislation of provisions implying an assessment by officials of executive authorities of the quality of the administration of justice in arbitration cases.

Введение. Административная ответственность в области деятельности саморегулируемых организаций арбитражных управляющих является развивающимся подинститутом в общей структуре административной ответственности, будучи относительно новым явлением, связанным с развитием саморегулирования в рассматриваемой сфере. Апробация норм данного подинститута показала не самый высокий уровень востребованности у правоприменителя соответствующих норм об административной ответственности, что, в первую очередь, связано с небольшим числом саморегулируемых организаций арбитражных управляющих и, следовательно, нечастым их нарушением. Тем не менее он играет большую роль в обеспечении законности в деятельности данных организаций, способствуя достижению цели предупреждения совершения новых правонарушений в сфере несостоятельности (банкротства) и упорядочивая социальные связи в рассматриваемом сегменте экономической области. Малочисленностью саморегулируемых организаций арбитражных управляющих обусловлено также и отсутствие применения ряда норм об административной ответственности, а именно по ч.ч. 3 и 6 ст. 14.52.1 Кодекса РФ об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (в ред. от 28 февраля 2023 г.) [5], что одновременно говорит и о дисциплинированности данных организаций при осуществлении внутреннего контроля и применении к своим членам мер дисциплинарного принуждения.

Материалы и методы. В основе исследования лежит применение общенаучной методологии (анализ, синтез, системно-структурный метод, диалектический метод) и формально-юридического метода. Привлечение данных методов позволило выявить недостатки административно-деликтного законодательства, сформулировать предложения, направленные на его совершенствование. Для проведения исследования были использованы необходимые для этого нормативные источники, материалы судебной практики, показывающие спорные моменты правоприменения, а также дефекты законодательства об административных правонарушениях в рассматриваемой сфере. Кроме того, для обоснования научных идей привлекались научно-теоретические источники, авторами которых являются ученые административисты и представители других отраслевых юридических наук.

Key words: administrative liability, administrative offenses, self-regulating organizations, arbitration managers, administrative and tort legislation, bankruptcy, arbitration court

For citation: Fomichenko S. Administrative responsibility for offenses in the field of self-regulating organizations of arbitration managers // Humanities and law research. 2023. V. 10 (2). P. 307–313 (In Russian). DOI: 10.37493/2409-1030.2023.2.17.

Анализ. Практика применения административной ответственности по ст. 14.52.1 КоАП РФ показывает в основном корректное понимание субъектами административной юрисдикции материальных и процессуальных норм как административно-деликтного законодательства, так и законодательства о несостоятельности (банкротстве). Последнее с учетом развития экономических отношений и укоренения в обществе отношения к банкротству как к неотъемлемой части хозяйственной жизни, способствующей реализации принципа справедливости [4, с. 14], удовлетворению интересов кредиторов и финансовому оздоровлению организаций и граждан, получило в последние годы довольно обстоятельную регламентацию через внесение изменений и дополнений, которыми детально урегулировано правовое положение участников социальных связей в сфере банкротства, включая саморегулируемые организации арбитражных управляющих. За исключением ряда отдельных положений, законодательство о несостоятельности (банкротстве) [18] содержит эффективный и адекватный современному состоянию развития социума набор правовых средств, обеспечивающий достижение баланса интересов государства, бизнес-сообщества и граждан. При этом отмечается его усложнение [1, с. 3], сопровождающееся повышением требований к профессиональным участникам соответствующих правоотношений – арбитражным управляющим и саморегулируемым организациям, членами которых они являются.

Проблемы административно-юрисдикционного правоприменения в данной сфере связаны преимущественно со спорами относительно толкования тех положений законодательства о банкротстве, нарушение которых образует состав административных деликтов. Так, ч. 1 ст. 14.52.1 КоАП РФ ориентирует правоприменителя на выявление в деятельности саморегулируемых организаций арбитражных управляющих фактов несоблюдения сроков и периодичности проведения общих собраний их членов, которые образуют объективную сторону административного правонарушения. Основной вопрос правоприменения в данном случае состоит в способе исчисления сроков. Федеральный законодатель ориентирует на то, что его необходимо созывать не реже, чем один раз в год. Практике деятельности Федеральной службы госу-

дарственной регистрации, кадастра и картографии (Росреестр) известен случай привлечения к административной ответственности за нарушение периодичности собраний в связи с тем, что разрыв между ними составлял порядка одного года и трех месяцев (21 июня 2018 г., 3 сентября 2019 г., 11 декабря 2020 г.). При этом в своих возражениях саморегулируемая организация ссылаясь на соблюдение сроков, которые, согласно ее позиции, должны исчисляться в календарных годах, а по этому признаку каждое собрание было проведено своевременно, то есть ни один из календарных годов не пропущен. Тем не менее позиция арбитражных судов, осуществлявших пересмотр соответствующего постановления, показала ошибочность данного суждения, поскольку законодательство о несостоятельности (банкротстве) не упоминает о календарных годах, а в таком случае необходимо ориентироваться на правила гражданского законодательства об исчислении сроков [10]. Как гласит ч. 1 ст. 192 Гражданского кодекса РФ (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (в ред. от 16 апреля 2022 г.) [3], срок, исчисляемый годами, истекает в соответствующие месяц и число последнего года срока, что требует от саморегулируемой организации при расчете даты проведения каждого последующего собрания ориентироваться на дату проведения предыдущего.

Несколько более сложный вариант правоприменительной ситуации, связанной с исчислением сроков, вытекает из содержания ч. 4 ст. 14.52.1 КоАП РФ, предусматривающей административную ответственность за несоблюдение правил выбора кандидатуры арбитражного управляющего, которые также требуют от саморегулируемой организации арбитражных управляющих ориентироваться на содержащиеся в законодательстве о несостоятельности (банкротстве) сроки. Так, указанная организация должна направить в арбитражный суд, должнику и заявителю сведения о соответствии кандидатуры арбитражного управляющего установленным требованиям в девятидневный срок после получения определения арбитражного суда о принятии заявления о признании должника банкротом. Невыполнение данного правила образует состав административного правонарушения. Органы Росреестра в своей практике ориентировались на то, что данный срок является материальным, что подразумевает его исчисление в календарных днях, тем более что законодатель в Федеральном законе «О несостоятельности (банкротстве)» прямо указывает случаи исчисления сроков в рабочих днях. Соответственно имели место случаи привлечения к административной ответственности, когда саморегулируемая организация, уложившись в рабочие дни, направляла информацию в арбитражный суд с превышением срока, исчисляемого в календарном формате. Однако арбитражными судами в рамках пересмотра постановлений по

делам об административных правонарушениях такая практика была признана незаконной, что обусловлено взаимосвязью арбитражно-процессуального законодательства и законодательства о несостоятельности (банкротстве), положения которых применительно к участию арбитражного суда в процедурах банкротства находятся в неразрывной взаимосвязи, а потому соответствующие сроки не могут в одних случаях (для арбитражных судов) исчисляться в рабочих днях, а в других (для саморегулируемых организаций) – в календарных [7].

В ч. 7 ст. 14.52.1 КоАП РФ предусмотрены две разновидности составов административных правонарушений: 1) представление в арбитражный суд или собранию кредиторов кандидатуры арбитражного управляющего, не соответствующего установленным законодательством о банкротстве требованиям; 2) представление в арбитражный суд недостоверной информации о соответствии кандидатуры арбитражного управляющего требованиям, установленным указанным законодательством. Их наличие в очередной раз актуализирует вопросы о качестве законодательства об административных правонарушениях, системности административно-деликтной политики, уместности введения административной ответственности за совершение тех или иных деяний, на которые регулярно обращают внимание ученые-административисты [2, с. 34–49; 13, с. 4–5; 15, с. 44–51].

Представляется, что данные составы являются примером избыточного законодательного регулирования административной ответственности. Сама по себе постановка перед арбитражным судом вопроса о кандидатуре арбитражного управляющего предполагает, что в результате его рассмотрения арбитражный суд должен прийти к выводу о соответствии или несоответствии кандидатуры установленным законодательством требованиям, в чем, собственно, и состоит смысл задействия арбитражного суда в данной процедуре. Он является независимым арбитром, способным принять объективное решение и утвердить кандидатуру, соответствующую установленным законодательством о банкротстве требованиям и обладающую достаточной независимостью, компетентностью и добросовестностью для проведения процедуры, которая применяется в деле о банкротстве.

Соответственно, вызывает обоснованные сомнения наличие признака общественной вредности у рассматриваемых составов административных правонарушений, поскольку представление в арбитражный суд ненадлежащей кандидатуры не означает автоматического ее утверждения. Этот вопрос является предметом отдельной судебной процедуры в рамках соответствующего вида судопроизводства, и если такая кандидатура все же

была утверждена, основная проблема видится не в том, что саморегулируемая организация арбитражных управляющих представила некорректную информацию, а в компетентности арбитражного суда, утвердившего данную кандидатуру. Дальнейшее корректирующее воздействие на социальные связи в данной сфере должно осуществляться через продолжение задействия арбитражной процессуальной формы без использования потенциала института административной ответственности. Это касается представления кандидатуры арбитражного управляющего не только в арбитражный суд, но и собранию кредиторов, поскольку протокол указанного собрания о выборе кандидатуры арбитражного управляющего не является окончательным документом о её утверждении и требует последующего вынесения арбитражным судом соответствующего акта.

Если обратиться к содержанию требований, предъявляемых к кандидатурам, то они не всегда являются однозначными и бесспорными. Так, наличие высшего образования и отсутствие дисквалификации за совершение административного правонарушения легко устанавливается соответствующими документами. В то же время предусмотренное ч. 2 ст. 20.2 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» требование об отсутствии заинтересованности в отношении кредитора или должника, несмотря на закрепление в ст. 19 данного Закона перечня заинтересованных лиц, не является в должной мере определенным, а выяснение его наличия требует обсуждения и приложения специальных знаний в области юриспруденции судьей арбитражного суда и является существенной научной и прикладной проблемой [6, с. 45–50; 14, с. 381–393; 16, с. 90–96; 17, с. 53–57]. Он может прийти к выводу о недостоверности сведений об отсутствии заинтересованности, в то время как саморегулируемая организация арбитражных управляющих могла исходить из ложно понимаемой достоверности такого рода сведений. Привлечение ее за это к административной ответственности не согласуется с принципом справедливости.

Вытекающей из этого проблемой является несоответствие административно-юрисдикционных полномочий органа исполнительной власти (Росреестр) его роли в обеспечении законности в деятельности саморегулируемых организаций арбитражных управляющих. Должностные лица данного органа уполномочены составлять протоколы и рассматривать дела об административных правонарушениях по ч. 7 ст. 14.52.1 КоАП РФ. Возникает вопрос о способах выявления данного административного правонарушения. Возможности Росреестра по самостоятельному его выявлению ограничены пределами контрольно-надзорных полномочий, поскольку ими не может охватываться деятельность арбитражного

суда, в том числе по утверждению кандидатуры арбитражного управляющего. Теоретически арбитражный суд может направить соответствующие материалы в Росреестр для возбуждения дела об административном правонарушении, поскольку одним из поводов для возбуждения дела является поступление материалов из других государственных органов (п. 2 ч. 1 ст. 28.1 КоАП РФ). Однако правоприменительной практике такие случаи неизвестны.

Фактически дела об административных правонарушениях возбуждаются после утверждения арбитражным судом кандидатуры арбитражного управляющего, поводом к чему становится заявление лица, пострадавшего от ненадлежащего выполнения арбитражным управляющим своих функций, в котором указывается на несоответствие его предъявляемым законом требованиям. В частности, об этом свидетельствует содержание постановления Арбитражного суда Центрального округа от 21 февраля 2023 г. № Ф10-458/2023 по делу № А48-6883/2022 [9], которым были оставлены без изменений акты нижестоящих судебных инстанций и постановление Управления Росреестра по Орловской области о прекращении производства по делу об административном правонарушении. В данном случае заявитель обратился в территориальный орган Росреестра с заявлением о привлечении саморегулируемой организации к административной ответственности по факту представления кандидатуры арбитражного управляющего, имеющего судимость за совершение умышленного преступления. В связи с подачей данного заявления было вынесено определение о возбуждении дела об административном правонарушении и проведении административного расследования, результаты которого показали, что судимость была снята задолго до внесения кандидатуры арбитражного управляющего. В итоге было вынесено постановление о прекращении производства по делу об административном правонарушении. По сути, проведение управлением Росреестра административного расследования в данной ситуации означает оценку деятельности арбитражного суда, которым была утверждена соответствующая кандидатура. Подобного рода оценивание выходит за пределы компетенции органов исполнительной власти. Кроме того, вряд ли можно ожидать в таких случаях выявления управлением Росреестра факта представления кандидатуры арбитражного управляющего, не соответствующего установленным требованиям, поскольку судьи арбитражных судов обладают достаточной компетентностью для выявления подобных фактов и вынесения правосудного решения.

Обозначенное положение означает усиление административной нагрузки на орган исполнительной власти, который вынужден поводить

административное расследование по факту, который ранее был уже установлен арбитражным судом. Таким расследованием данный факт только подтверждается. Возрастает нагрузка и на арбитражные суды, которые вынуждены осуществлять пересмотр вынесенных должностными лицами Росреестра постановлений о прекращении производства по делу при том, что заявитель реализует свое право на последующее обжалование постановления и вынесенных судебных актов в вышестоящие судебные инстанции. Невозможность самостоятельного выявления должностными лицами Росреестра административных правонарушений по ч. 7 ст. 14.52.1 КоАП РФ одновременно означает риск истечения срока давности привлечения к административной ответственности, поскольку практика показывает, что с момента совершения деяния до момента вынесения должностным лицом Росреестра постановления по делу проходит значительный промежуток времени, обусловленный несвоевременным сообщением заявителя о факте его совершения [12]. Интерес заявителя к данному сообщению вызывается исключительно неэффективным исполнением арбитражным управляющим своих функций, приведшим к причинению убытков. Между тем, представление ненадлежащей кандидатуры арбитражного управляющего или недостоверных сведений о ней в арбитражный суд отделяется от момента причинения арбитражным управляющим ущерба организации в рамках процедуры банкротства существенным временным интервалом, перекрывающим срок давности привлечения саморегулируемой организации к административной ответственности, который составляет в данном случае три года со дня совершения административного правонарушения (ч. 1 ст. 4.5 КоАП РФ).

С учетом изложенного представляется целесообразным исключение из ст. 14.52.1 КоАП РФ части 7, поскольку наличие содержащихся в ней составов не вписывается в общую логику законодательного регулирования правоотношений в сфере несостоятельности (банкротства) и фактически подразумевает оценку должностными лицами Росреестра качества осуществления правосудия по арбитражным делам посредством выявления фактов утверждения кандидатуры арбитражного управляющего, которая не удовлетворяет установленным законом требованиям. В связи с этим достаточным для достижения целей административно-правовой охраны правоотношений

в рассматриваемой сфере является наличие состава, предусмотренного ч. 5 ст. 14.52.1 КоАП РФ, в которой установлена административная ответственность за прием в члены саморегулируемой организации арбитражных управляющих лиц, не соответствующих требованиям законодательства о несостоятельности (банкротстве), а также за непринятие мер по исключению таких лиц из данной организации. Если саморегулируемая организация совершает административное правонарушение по ч. 7 ст. 14.52.1 КоАП РФ, это одновременно означает наличие состава административного деликта по ч. 5 указанной статьи, поскольку арбитражный управляющий в нарушение требований закона состоит в данной организации. Ввиду изложенного существующее регулирование административной ответственности (применительно к ч. 7 ст. 14.52.1 КоАП РФ) видится избыточным, что делает целесообразной отмену законодателем соответствующей нормы при сохранении ч. 5 ст. 14.52.1 КоАП РФ, практика применения которой подобных проблем не вызывает [8; 11].

Результаты. Правоприменительная практика Росреестра и арбитражных судов вскрывает ряд спорных вопросов применения административной ответственности по ч.ч. 1 и 4 ст. 14.52.1 КоАП РФ, связанных с нарушениями сроков выполнения саморегулируемыми организациями арбитражных управляющих отдельных обязанностей. Сложившиеся по соответствующим вопросам позиции арбитражных судов должны стать ориентиром для правоприменителя, указывая на правильные варианты исчисления данных сроков, что имеет значение для установления факта совершения административного правонарушения и привлечения виновных лиц к административной ответственности. Совершенствование подинститута административной ответственности саморегулируемых организаций арбитражных управляющих может быть связано с исключением из ст. 14.52.1 КоАП РФ части 7, поскольку наличие содержащихся в ней составов не вписывается в общую логику законодательного регулирования правоотношений в сфере несостоятельности (банкротства) и фактически подразумевает оценку должностными лицами Росреестра качества осуществления правосудия по арбитражным делам посредством выявления фактов утверждения кандидатуры арбитражного управляющего, которая не удовлетворяет установленным законом требованиям.

Литература

1. Гартин Ю. А. Арбитражный управляющий в процедуре банкротства: теоретико-правовые проблемы // Наука. Общество. Государство. 2022. № 3 (39). С. 3–12.
2. Голещихин В. С. Проект новой кодификации административно-деликтного законодательства: проблемы терминологии, дефекты структурирования и другие недостатки // Актуальные проблемы российского права. 2023. Т. 18. № 2 (147). С. 34–49.

3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1994. № 32. Ст. 3301.
4. Институт несостоятельности (банкротства) в правовой системе России и зарубежных стран: теория и практика правоприменения: монография / отв. ред. С.А. Карелина, И.В. Фролов. М.: Юстицинформ, 2020. 360 с.
5. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 1.
6. Никитин Е. О., Лютикова Е. С. Независимость арбитражных управляющих при проведении процедур несостоятельности (банкротства) // Экономическое правосудие на Дальнем Востоке России. 2021. № 4 (23). С. 45–50.
7. Постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 28 марта 2022 г. № Ф03-567/2022 по делу № А73-9631/2021 // Электронное правосудие. URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/a79c71f1-2494-4c8c-bb64-a39deea412d8/541518ad-422e-4773-bad9-c9db00b9b63f/A73-9631-2021_20220328_Postanovlenie_kassacionnoj_instancii.pdf?isAddStamp=True (дата обращения: 11.03.2023).
8. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 7 февраля 2020 г. № Ф05-22131/2019 по делу № А40-12124/2019-33-107 // Электронное правосудие. URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/cb616195-4eba-4715-9da7-b38ea07af1e4/b2f10639-9ff1-46ff-9c00-9f2dbac1973/A40-12124-2019_20200207_Reshenija_i_postanovlenija.pdf?isAddStamp=True (дата обращения: 11.03.2023).
9. Постановление Арбитражного суда Центрального округа от 21 февраля 2023 г. № Ф10-458/2023 по делу № А48-6883/2022 // Электронное правосудие. URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/8d022ee3-17f1-4141-bb76-7fa9adfd2614/4416e632-92a5-4c2a-a3fc-7b57d871d860/A48-6883-2022_20230221_Postanovlenie_kassacii.pdf?isAddStamp=True (дата обращения: 11.03.2023).
10. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 19 мая 2022 г. № 09АП-17226/2022 по делу № А40-291090/2021 // Электронное правосудие. URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/7f87840e-7ee1-45bb-9b56-b4b7dc3fa413/8f97c030-a2a9-4947-a9ff-77a00b405e06/A40-291090-2021_20220519_Postanovlenie_apelljacionnoj_instancii.pdf?isAddStamp=True (дата обращения: 11.03.2023).
11. Решение Арбитражного суда Калининградской области от 11 июня 2021 г. по делу № А21-10724/2020 // Электронное правосудие. URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/2fe22fb3-c485-4b9b-a20f-316ee0edc2ac/af75cfcf-0f53-42ae-bfbf-1aa25c78f653/A21-10724-2020_20210611_Reshenija_i_postanovlenija.pdf?isAddStamp=True (дата обращения: 11.03.2023).
12. Решение Арбитражного суда Орловской области от 5 октября 2022 г. по делу № А48-6883/2022 // Электронное правосудие. URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/8d022ee3-17f1-4141-bb76-7fa9adfd2614/2e63da5d-4ef7-4fa0-8482-47bbc404899e/A48-6883-2022_20221005_Reshenija_i_postanovlenija.pdf?isAddStamp=True (дата обращения: 11.03.2023).
13. Рогачева О. С. Эффективность норм административно-деликтного права: монография. Воронеж: Издательство Воронежского государственного университета, 2011. 356 с.
14. Сасыкин К. Ю. Проблематика заинтересованности арбитражных управляющих в делах о банкротстве. Взгляд кредитора // Актуальные проблемы государства и права. 2022. № 3. С. 381–393.
15. Соколов А. Ю., Лакаев О. А. Критический взгляд на проекты Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях и Процессуального кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях // Административное право и процесс. 2020. № 8. С. 44–51.
16. Тесис Д. Д. Механизмы обеспечения независимости арбитражного управляющего // Вестник арбитражной практики. 2021. № 6. С. 90–96.
17. Улезко А. Когда арбитражный управляющий признается заинтересованным лицом: взгляд судов // Юридическая работа в кредитной организации. 2020. № 1 (63). С. 53–57.
18. Федеральный закон от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 43. Ст. 4190.

References

1. Gartina YuA. Arbitration manager in the bankruptcy procedure: theoretical and legal problems. Nauka. Obshchestvo. Gosudarstvo = The science. Society. State. 2022;3(39):3-12. (In Russ.).
2. Goleshchikhin VS. Draft of a new codification of administrative and tort legislation: terminology problems, structuring defects and other shortcomings. Aktual'nye problemy rossiiskogo prava = Actual problems of Russian law. 2023;2(147):34–49. (In Russ.).
3. The Civil Code of the Russian Federation (part one) of November 30, 1994 No. 51-FZ. Collection of Legislation of the Russian Federation. 1994. No. 32. Art. 3301. (In Russ.).
4. Institute of insolvency (bankruptcy) in the legal system of Russia and foreign countries: theory and practice of law enforcement / ed. SA Karelin, IV Frolov. M.: Yustitsinform; 2020. 360 p. (In Russ.).
5. The Code of the Russian Federation on Administrative Offenses of December 30, 2001 No. 195-FZ. Collection of Legislation of the Russian Federation. 2002. No. 1 (Part 1). Art. 1. (In Russ.).
6. Nikitin EO, Lyutikova ES. Independence of arbitration managers during insolvency (bankruptcy) procedures. Ekonomicheskoe pravosudie na Dal'nem Vostoke Rossii = Economic justice in the Far East of Russia. 2021;4(23):45–50. (In Russ.).
7. Resolution of the Arbitration Court of the Far Eastern District of March 28, 2022 No. F03-567/2022 in case No. A73-9631/2021. Electronic justice. Available from: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/a79c71f1-2494-4c8c-bb64-a39deea412d8/541518ad-422e-4773-bad9-c9db00b9b63f/A73-9631-2021_20220328_Postanovlenie_kassacionnoj_instancii.pdf?isAddStamp=True [Accessed 11 March 2022]. (In Russ.).

8. Resolution of the Arbitration Court of the Moscow District of February 7, 2020 No. F05-22131/2019 in case No. A40-12124/2019-33-107. Electronic justice. Available from: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/cb616195-4eba-4715-9da7-b38ea07af1e4/b2f10639-9ff1-46ff-9c00-9f2dbacb1973/A40-12124-2019_20200207_Reshenija_i_postanovlenija.pdf?isAddStamp=True [Accessed 11 March 2022]. (In Russ.).
9. Resolution of the Arbitration Court of the Central District of February 21, 2023 No. F10-458/2023 in case No. A48-6883/2022. Electronic justice. Available from: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/8d022ee3-17f1-4141-bb76-7fa9adfd2614/4416e632-92a5-4c2a-a3fc-7b57d871d860/A48-6883-2022_20230221_Postanovlenie_kassacii.pdf?isAddStamp=True [Accessed 11 March 2022]. (In Russ.).
10. Resolution of the Ninth Arbitration Court of Appeal dated May 19, 2022 No. 09AP-17226/2022 in case No. A40-291090/2021. Electronic justice. Available from: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/7f87840e-7ee1-45bb-9b56-b4b7dc3fa413/8f97c030-a2a9-4947-a9ff-77a00b405e06/A40-291090-2021_20220519_Postanovlenie_apelljacionnoj_instancii.pdf?isAddStamp=True [Accessed 11 March 2022]. (In Russ.).
11. The decision of the Arbitration Court of the Kaliningrad Region of June 11, 2021 in case No. A21-10724/2020. Electronic justice. Available from: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/2fe22fb3-c485-4b9b-a20f-316ee0edc2ac/af75cfcf-0f53-42ae-bfbf-1aa25c78f653/A21-10724-2020_20210611_Reshenija_i_postanovlenija.pdf?isAddStamp=True [Accessed 11 March 2022]. (In Russ.).
12. The decision of the Arbitration Court of the Orel region of October 5, 2022 in case no. A48-6883/2022. Electronic justice. Available from: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/8d022ee3-17f1-4141-bb76-7fa9adfd2614/2e63da5d-4ef7-4fa0-8482-47bbc404899e/A48-6883-2022_20221005_Reshenija_i_postanovlenija.pdf?isAddStamp=True [Accessed 11 March 2022]. (In Russ.).
13. Rogacheva OS. Effectiveness of the norms of administrative-tort law. Voronezh: Izdatel'stvo Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta; 2011. 356 p. (In Russ.).
14. Sasykin KYu. Problems of interest of arbitration managers in bankruptcy cases. View of the creditor. Aktual'nye problemy gosudarstva i prava = Actual problems of the state and law. 2022;(3):381-393. (In Russ.).
15. Sokolov AYu, Lakaev OA. A critical look at the draft Code of the Russian Federation on Administrative Offenses and the Procedural Code of the Russian Federation on Administrative offenses. Administrativnoe pravo i protsess = Administrative Law and Process. 2020;(8):44-51. (In Russ.).
16. Tesis DD. Mechanisms for ensuring the independence of the arbitration manager. Vestnik arbitrazhnoi praktiki = Bulletin of arbitration practice. 2021;(6):90-96. (In Russ.).
17. Ulezko A. When the arbitration manager is recognized as an interested person: the view of the courts. Yuridicheskaya rabota v kreditnoi organizatsii = Legal work in a credit institution. 2020;1(63):53-57. (In Russ.).
18. Federal Law No. 127-FZ of October 26, 2002 «On insolvency (bankruptcy)». Collection of Legislation of the Russian Federation. 2002. No. 43. Art. 4190. (In Russ.).

Научная статья

УДК 340.0

<https://doi.org/10.37493/2409-1030.2023.2.18>

О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ПРОЦЕССЕ РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВ И СВОБОД ЛИЧНОСТИ

Альберт Ансарович Чомаев¹

¹ Северо-Кавказский федеральный университет (д. 1. ул. Пушкина, 355017, Ставрополь, Российская Федерация)
Ассистент. ORCID: 0000-0002-0528-1310. E-mail: albert.chomaev@mail.ru

Аннотация. Введение. На сегодняшний день современное общество невозможно представить без цифровых технологий. Внедрение таких технологий затронуло также и сферу права, в котором формирующим правовую основу общества стала цифровизация. Актуальность данной темы исследования выражается в необходимости установления основных проблем использования цифровых технологий в процессе реализации прав и свобод личности. **Материалы и методы.** На основе критического анализа положений законодательства и различных точек зрения, сложившихся в общей теории права и отраслевых науках, выявлены проблемы использования цифровых технологий в процессе реализации прав и свобод личности. При написании данной статьи также были применены такие общенаучные методы как: анализ, синтез, метод абстрагирования и моделирование. **Анализ.** Автор выделяет такие проблемы как возможная дискриминация на основе цифровых данных о гражданах, добровольность использования гражданами цифровых технологий при взаимодействии с государством. Раскрывается проблема возможных нарушений прав человека в сети Интернет при использовании цифровых сервисов. Констатируется, что государство должно постоянно развивать технологии, препятствующие нарушению прав граждан в цифровом пространстве. Вопрос цифровой компетентности, навыков необходимых для пользования электронными административными услугами как самими гражданами, так

и государственными служащими, работниками организаций, которые используют в своей деятельности соответствующие технологии является еще одной проблемой, требующей решения. Необходимы новые образовательные технологии и специальности, позволяющие сформировать навыки реализации отдельных прав в сети Интернет. Проблемой теоретического характера является отсутствие в законодательстве единого подхода к определению основных терминов и понятий. Высказывается мнение, что регулирование любых общественных отношений начинается именно с выработки единой понятийной базы. Автор поднимает вопросы отсутствия унифицированности норм в регулировании процедур реализации прав и свобод граждан с использованием цифровых технологий и необходимости принятия Цифрового кодекса РФ. **Результаты.** По итогам проведенного исследования можно сделать вывод о том, что существует глобальная необходимость в регулировании правореализационного процесса путём использования цифровых технологий.

Ключевые слова: цифровизация, информационные технологии, правореализация, права и свободы личности, унификация, электронное управление

Для цитирования: Чомаев А. А. О некоторых проблемах использования цифровых технологий в процессе реализации прав и свобод личности // Гуманитарные и юридические исследования. 2023. Т. 10 (2). С. 314–320. DOI: 10.37493/2409-1030.2023.2.18.

Original article

ON SOME PROBLEMS OF USING DIGITAL TECHNOLOGIES IN THE PROCESS OF REALIZING INDIVIDUAL RIGHTS AND FREEDOMS

Albert A. Chomaev¹

¹ North-Caucasus Federal University (1, Pushkina St., 355017 Stavropol, Russian Federation)
Assistant. ORCID: 0000-0002-0528-1310. E-mail: albert.chomaev@mail.ru

Abstract. Introduction. Today, it is impossible to imagine modern society without digital technologies. The introduction of such technologies has also affected the sphere of law, in which digitalization has become the formative legal basis of society. The relevance of this research topic is expressed in the need to identify the main problems of using digital technologies in the process of realizing individual rights and freedoms. **Materials and Methods.** Based on a critical analysis of the provisions of legislation and various points of view that have developed in the general theory of law and branch sciences, the problems of using digital technologies in the process of realizing

individual rights and freedoms have been identified. When writing this article, such general scientific methods as analysis, synthesis, abstraction method and modeling were also used. **Analysis.** The author highlights such problems as possible discrimination based on digital data about citizens, voluntary use of digital technologies by citizens when interacting with the state. The problem of possible violations of human rights on the Internet when using digital services is revealed. It is indicated that the state must constantly develop technologies that prevent the violation of citizens' rights in the digital space. The issue of digital competence, skills necessary for the use of electronic

administrative services by both citizens themselves and civil servants, employees of organizations that use appropriate technologies in their activities is another problem that needs to be solved. There is a need for new educational technologies and specialties that allow you to form skills for the implementation of individual rights on the Internet. The problem of a theoretical nature is the lack of a unified approach to the definition of basic terms and concepts in the legislation. The opinion is expressed that the regulation of any public relations begins precisely with the development of a single conceptual framework. The author raises the issues of the lack of uniformity of norms in the regulation of procedures for the implementation of citizens' rights

Введение. В современном мире основным фактором, формирующим правовую сферу всего общества, а также правовое поведение человека стала цифровизация. Цифровое, а также научно-технологическое развитие является необходимым условием для успешного развития страны в условиях санкционного давления и ограничения доступа к новым технологиям. Усиливающаяся цифровизация всех сфер деятельности современного человека порождает риски в процессе реализации его прав и свобод. Но внедрение цифровых технологий не может достигаться путём умаления достоинства граждан, снижать уровень гарантированности прав и свобод.

В 1990-е гг. прошлого века под влиянием на тот момент современных цифровых технологий стали образовываться новые направления правоотношений, в центре которых находился Интернет. К сожалению, в тот период еще отсутствовали полноценно сформированные технологии, которые бы предотвращали злоупотребления, в процессе реализации прав самим гражданином, так и позволяющие защитить его права. Но именно в этот период начинается формирование процедур по реализации прав человека с использованием цифровых платформ. Цифровизация активно способствовала развитию сети Интернет и информационно-цифрового пространства правоотношений, которые, естественно, несравнимы с современными цифровыми правоотношениями.

В настоящее время человечество находится на этапе цифрового развития и проходит период адаптации к цифровым технологиям, при этом находясь в вечном поиске регуляции данных процессов. Глобальная цифровизация навязывает личности изменение его интересов и ценностей, принятых устоев, принципов и условий существования. Данные изменения оказывают существенное влияние на и фундаментальные права человека, и, соответственно, их правовое регулирование.

Поэтапно цифровой мир необратимо стал ежедневной частью современного мира, организовав не существовавшие раньше для классического правового понимания объекты правоотношений, как публичных, так и частных. На сегодняшний

and freedoms using digital technologies and the need to adopt the Digital Code of the Russian Federation. **Results.** Based on the results of the conducted research, it can be concluded that there is a global need to regulate the legal realization process through the use of digital technologies.

Key words: digitalization, information technologies, legal realization, individual rights and freedoms, unification, electronic management

For citation: Chomaev A. On some problems of using digital technologies in the process of realizing individual rights and freedoms // Humanities and law research. 2023. V. 10 (2). P. 314–320 (In Russian). DOI: 10.37493/2409-1030.2023.2.18.

день современный мир невозможно представить без цифровых технологий. Это требует их изучения, что и проявляется в научном дискурсе.

Необходимость исследования реализации прав и свобод граждан в условиях цифровизации связана с тем, что действующее законодательство не всегда соответствует сформировавшейся цифровой действительности и реалиям жизни, что выражается в необходимости анализа теоретических конструкций норм права, реализация которых возможна и необходима при помощи новых цифровых технологий. Требуется и корректировка нормативно-правовой базы, которая стремительно устаревает, не успевая за цифровыми потребностями государства и граждан.

Материалы и методы. Исследование основано на общенаучных методах, таких как анализ, синтез, метод абстрагирования, моделирования. Для анализа нормативного регулирования процедур реализации прав человека применялся формально-юридический метод, который позволил выявить сущность предмета исследования явления через призму правовых норм, закрепляющих процесс реализации прав личности и выявить недостатки, имеющиеся в правовом регулировании. Проведён анализ влияния цифровых технологий на реализацию прав и свобод личности, выявлены и проанализированы проблемы, возникающие при реализации прав человека с использованием цифровых технологий, намечены возможные пути их решения.

Анализ. В последние годы появилось множество работ, посвященных теме цифровизации права, с учётом адекватной защиты прав человека. Предлагаются юридические концепции роботизации, поднимаются вопросы нарушений норм права при применении цифровых технологий, проблемы отсутствия в нормативных правовых актах норм, регулирующие те, или иные общественные отношения в сфере цифрового мира, выявляются определенные перспективы и пути решения проблем, связанных с многочисленными нарушениями прав человека в виртуальной среде. Эти вопросы еще несколько лет назад были подняты Э. В. Талапиной [8], В. Д. Зорькиным [3] и рядом других ученых.

О проблемах в процессе реализации прав личности с применением цифровизации многие исследователи пишут и Т. Н. Михеева и И. А. Бояринцева. Авторы обращают внимание на наличие не только существенных преимуществ цифровой экономики, но и ряда связанных с цифровизацией угроз [4, с. 293]. Например, это цифровое неравенство, которое влияет на возможности граждан пользоваться преимуществами электронной коммерции.

Анализ научной литературы показывает отсутствие единого мнения относительно того, учитывают ли общепризнанные права человека новые тенденции в правореализационном процессе, основанном на цифровых технологиях и в какой мере осуществляется полноценная защита цифровых прав личности, которые формировались последние годы.

Основной задачей государства на сегодняшний день является именно защита прав граждан от различных нарушений и посягательств, но для осуществления данных задач, необходимо дополнение к действующему законодательству норм, которые бы позволяли целостно отвечать существующим современным реалиям. Законодательство, касающееся регулирования цифровых прав граждан, нуждается в модернизации и систематизации, приведении его понятийного аппарата в более непротиворечивое и структурированное состояние.

Оценка действующего законодательства и теоретических проблем, позволила нам сформулировать авторскую позицию относительно имеющихся проблем при реализации прав и свобод личности с использованием цифровых технологий.

Первая проблема – это дискриминация граждан. Часто вместо ожидаемой защиты прав, возникает дискриминация на основе цифровых данных о гражданах. Например, известно, что сидящие рядом пассажиры самолёта иногда могут заплатить за идентичные посадочные места цены, которые бы отличались в несколько раз. Цена билета в авиакомпаниях зависит от ряда факторов, таких как: сезон, срок, выкуп билета, наличие мест и т.д. В свою очередь, эпоху цифровизации вносит отрицательную корректировку и в данную деятельность. В эпоху интернет-торговли, цены на билеты могут формироваться от цифровых данных клиента, и прежде всего от оценки его платёжеспособности системой бронирования: более обеспеченным клиентам, с точки зрения профилирования, могут выставить более высокие цены нежели другим потенциальным покупателям. В сфере службы такси присутствуют подобные примеры дискриминации. Так, к примеру, клиент, вызывающий такси с более дорого смартфона, может получить более высокую цену.

Отметим, что власти Китая уже успели обратить внимание на подобную дискриминацию на основе коммерческих профилей и приняли меры по урегу-

лированию. Так, в феврале 2021 г. антимонопольный комитет Госсовета Китая опубликовал некоторые правила, в котором указал, что использование больших данных в ценообразовании представляет собой злоупотребление доминирующим положением компании на рынке. В Шэньчжэне в начале 2021 года разработали и начали публично обсуждать «Положение по использованию цифровых данных в Шэньчжэньской специальной экономической зоне». В данном положении предлагается запретить анализ цифровых данных участников интернет-торговли, а также дифференцированный режим ценообразования для клиентов, в случае условий одинаковой торговли [11, с. 46].

Нарушения данных положений несут за собой огромные штрафы. Мы считаем, что данный подход является целесообразным и в нашей стране, учитывая тот факт, что на данном этапе идёт глобальное формирование и становление цифровых отношений.

Вторая проблема – добровольность использования гражданами цифровых технологий. На сегодняшний день наиболее острыми проблемами следует считать, отсутствие комплексных норм, обеспечивающих добровольность использования гражданами цифровых технологий при взаимодействии с государством, а также объёмный сбор персональных данных в централизованные базы данных федерального уровня.

Распространённым являются факты принуждения к электронной форме государственных и муниципальных услуг, к подписанию соглашений на обработку персональных данных в случаях, когда таковое не требуется для реализации государственных или муниципальных функций. Проявляются серьёзные возражения социума относительно нормативных правовых актов, связанных с безальтернативной цифровизацией в сфере государственного управления в целом и конкретных областях жизнедеятельности в частности.

Третья проблема, вытекающая из предыдущей, это нарушение прав человека в сети Интернет при использовании цифровых сервисов. Из года в год, растёт общий объём преступлений и правонарушений против основополагающих прав и свобод человека, которые совершаются в сфере цифровых технологий. Не соблюдается тайна переписки, телефонных разговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений, нарушаются свобода слова и печати, права авторов и другие конституционные права и свободы.

Систематическое несоблюдение тайны переписки, телефонных разговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений, нарушение свободы слова и печати, прав авторов и других конституционных прав и свобод указывает нам на актуальность данного вопроса, в условиях активного развития цифровых технологий в обществе заключается, прежде всего, в отсутствии целостной

и структурированной концепции правовых мер противодействия постоянным посягательствам на права и свободы личности, в недостаточности законодательного регулирования и общего взгляда на понимание правовых норм в доктрине и правоприменительной практике.

Решение этой проблемы взаимоотношения власти и гражданина в цифровом пространстве является определение возможного ограничения цифровых прав личности. Но при этом в законе должны быть закреплена допустимые пределы контроля информационной среды со стороны правоохранительных служб с целью обеспечения своевременной и эффективной защиты общества от киберпреступлений. Использование интернет-технологий приводит к необходимости решения таких проблем как определение четких механизмов осуществления предварительного согласия на использование и изъятие персональных данных, а также порядка использования персональных данных интеллектуальными комплексами, функционирующими без участия субъектов (юридических или физических лиц). Требуется создание многоуровневой и многообъектной системы защиты персональных данных граждан. В связи с этим, требуется поиск оптимального правового компромисса между возможностью доступа правоохранительных служб к цифровой информации и правам граждан на её конфиденциальность.

Ориентиром могут служить конституционные принципы и нормы. Независимо от того, на каком уровне на сегодняшний день развита цифровая реальность, она должна подпадать под действие Конституции РФ как нормативного акта, который имеет высшую юридическую силу в правовой системе России, также по отношению к положениям, которые регулируют рассматриваемую сферу новых отношений.

Ряд авторов высказывают мысль о том, что государство сталкивается со многими проблемами, такими как недостаток доверия граждан; неосведомленность граждан в электронных сервисах; незащищенность электронных ресурсов от хакерских атак; безответственность, не квалифицированность работников как органов государственного и местного самоуправления, так и сферы обслуживания; недостаточность финансовых и технических ресурсов; государственные web-сайты с опозданием информируют граждан, или информируют не в полном объеме [2, с. 44].

Четвертая проблема, возникающая при реализации прав личности с использованием цифровых технологий это вопрос цифровой компетентности, навыков необходимых для пользования электронными административными услугами, другими электронными сервисами как самими гражданами, так и государственными служащими, работниками организаций, которые используют в своей деятельности соответствующие технологии. Так,

необходимо согласиться с мнением, что на законодательном уровне сейчас в Российской Федерации лишь частично определены такие базовые понятия, как «цифровые навыки» и «цифровые компетенции». Также, на законодательном уровне только лишь начинается процесс по дискурсу относительно разработки национальной стратегии по развитию цифровых навыков [1, с. 102].

Поэтому проблема формирования цифровых навыков является актуальной, поскольку отсутствие у служащих и граждан соответствующих информационных знаний значительно замедляет темпы развития электронных услуг, делает их недоступными для широкого круга пользователей. Причиной возникновения указанной проблемы является недостаточность бюджетного финансирования, что обуславливает отсутствие должного технического обеспечения органов государственной власти, местного самоуправления, которые предоставляют некачественные электронные услуги.

Эта проблема связана с тем, что имеется ряд недостатков, обусловленных нехваткой финансирования сферы внедрения цифровых технологий в реализацию норм публичного права это низкий уровень качества работы базовых электронных реестров; отсутствие приемлемого технического решения для обеспечения функциональной совместимости систем органов государственной власти; ненадлежащее качество электронных услуг для граждан и юридических лиц.

Вместе с тем, особо важное значение, в частности, и начальном этапе внедрения различных электронных публичных сервисов имеет высокий уровень информатизации органов государственной власти и местного самоуправления, качественность программного обеспечения, достоверность информации, поскольку все это влияет на качество услуг, удовлетворенность пользователей и как следствие росту доверия к такому формату публичных услуг.

Согласимся с мнением, что основными проблемами в реализации электронного управления являются проблемы с доступом к Интернету в селах и небольших городах, населенных пунктах, высокая степень бюрократизации системы управления, низкая компьютерная грамотность среди чиновников. Необходимо согласиться с тем, что пока не будет решена проблема с полным покрытием всей территории страны качественным Интернетом, нельзя говорить об успешном развертывании электронного управления [5, с. 466].

Кроме того, проблема существует именно в реализации реформирования обычного правительства в е-правительство, проблема выражена в том, что уже на первых подготовительных этапах необходимо потратить большую сумму бюджетных денег на закупку необходимых технологий и программ, провести обучение среди государственных работников и дать возможность гражданам получить бесплатно необходимые знания.

Еще одной проблемой теоретического характера является отсутствие единого подхода к определению основных терминов и понятий, поскольку, как известно, регулирование любых общественных отношений начинается именно с выработки единой и однозначной понятийной базы. По этому поводу В.Э. Волков отмечает, что в текстах многочисленных нормативно-правовых актов встречаются следующие термины: нейротехнологии и искусственный интеллект, технологии виртуальной и дополненной реальности, технологии распределённого реестра, квантовые технологии, новые производственные технологии, компоненты робототехники и сенсорики, технологии беспроводной связи, однако большинство из приведенных терминов не имеют четких определений, объяснений особенностей применения программно-технических характеристик [1, с. 10]. Поэтому проблема унификации и легитимного толкования некоторых специальных понятий и терминов в сфере использования цифровых технологий в праве требует скорейшего решения. Одной из самых обсуждаемых в научных и других социальных кругах проблем, является проблема безопасности и защиты прав и свобод человека во время использования цифровых технологий в реализацию норм публичного права.

Отметим и то, что важным условием для эффективного внедрения цифровых технологий в сферу реализации различных прав и свобод личности является формирование надлежащей правовой базы. Однако, сейчас необходимо констатировать существование проблемы неупорядоченности законодательства в этой сфере, несогласованности отдельных его положений с международными стандартами. И это еще одна проблема, стоящая на пути эффективного процесса реализации прав граждан с использованием цифровых технологий.

Одной из проблем правового регулирования является неурегулированность некоторых видов правоотношений, возникающих в сети Интернет. В частности, А.В. Сухарева считает, что наиболее весомую группу рисков в сфере развития интернет-технологий составят правовые проблемы, которые будут обусловлены возникновением принципиально нового множества общественных отношений, которые базируются на использовании соответствующих технологий. Это, по мнению ученого, будет связано прежде всего с возникновением и реализацией правоотношений, что будут возникать в процессе использования технологий с элементами искусственного интеллекта; правовыми механизмами регулирования инфраструктурной безопасности, внедрение и использование Интернет-технологий [7, с. 342].

И. В. Понкин и А. И. Редкина высказывают позицию о том, что вопрос интернета уже давно вышел за пределы компьютерных наук и проник почти во

все сферы общественных отношений. Однако, несмотря на интенсивное развитие и прямое влияние на жизнедеятельность людей, эта область научно-технического знания до сих пор недостаточно, а в отдельных вопросах еще совсем, не урегулирована правовыми нормами. Так, по мнению автора, общемировой остается проблема недостаточной регламентации нормативно-правового регулирования особенностей разработки, функционирования и деятельности, интеграции в другие системы и контроля применения технологий искусственного интеллекта [6, с. 91].

В свою очередь, Т. Я. Хабриева и Н. Н. Черногор считают, что инновационность технологий вызывает закономерные вопросы правового регулирования таких правоотношений, потребности изменения и совершенствования механизмов обеспечения прав человека, а также выделения новых, которые также могут выступать объектом защиты [10, с. 97].

Некоторые ученые отмечают, что с точки зрения правового обеспечения, законодательных и нормативно-правовых документов сфера «цифровизации» в России требует существенного аудита, структуризации, доработки согласно существующих потребностей, современных вызовов и задач. Отмечается, что, хотя и разработано около десятка законопроектов, в той или иной степени касающихся сферы «цифровизации», а некоторые из них уже стали законами, однако между ними отсутствует должная согласованность.

Отдельные, часто используемые понятия, остаются неопределенными в законодательстве. Так Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» оперирует термином «информационные отношения» без определения его понимания [9]. Несмотря на то, что закон содержит ряд изменений и дополнений, но законодатель так и не определил данную правовую категорию. Такая понятийная неопределенность, по мнению ученых, вызывает разноплановые трактовки понятия «информационные правоотношения».

Существующий мировой опыт «цифровизации», и главное – жизненная необходимость внедрения изменений, реформ и трансформаций позволяют говорить о возможности разработки и формирования комплексного нормативно-правового подхода к сфере цифровизации – Цифрового кодекса РФ.

Необходимость принятия унифицированного правового акта в сфере цифровизации активно обсуждается в научных и правовых кругах. Высказывается позиция о необходимости создания базового системного кодифицированного нормативно-правового акта, содержащего правовые нормы и институты, которые являются фундаментальной базой для всестороннего развития законодательства в информационной сфере с учетом динами-

ческого процесса становления информационного общества во взаимодействии с другими составляющими правовой системы России. Ученые выражают единство и в том, что на современном историческом этапе в России уже сформировалось информационное право, как комплексная отрасль права, где определяющими являются правоотношения по созданию, фиксации, распространения, поиска, получения, хранению информации с применением различных технологий.

Существует мнение, что стремительное развитие Интернет-отношений обуславливает значительное отставание нормативно-правового регулирования от фактического состояния таких отношений, а многочисленность актов законодательства и разобщенность в них норм – отсутствие унификации терминов, используемых в этой сфере, и определение некоторых из них (в частности, е-бизнеса), наличие коллизий, слабую эффективность правовых механизмов защиты прав потребителей и прочее.

Современное общество живёт в новой цифровой действительности, созданной информационно-техническим прогрессом. Благодаря тому, что цифровые технологии, проникли во многие сферы человеческой деятельности, сегодня идёт речь о создании новой реальности, которая не имеет аналогов и активно влияет на поведение людей. Цифровизация общества, его политической и экономической составляющих, говорит о том, что есть необходимость наполнения национальных правовых систем стандартами, которые изменят алгоритм и процедуры реализации прав человека.

Рассмотренные выше проблемы носят фундаментальный характер, поскольку касаются практически всех сфер использования цифровых технологий в процессе реализации прав личности.

Результаты. Современная цифровая действительность диктует новые требования как к праву, так и к юридической практике, касающихся разработки рациональных инструментов и моделей правового регулирования разных областей общественной жизни. Задача современного законодателя - внести в эту область адекватное и работоспособное правовое поле.

В современных политических и правовых условиях, цифровизация и все существующие цифровые технологии стали неотъемлемой частью

жизни человека. По этой причине возникает необходимость обеспечения качественной защиты прав и свобод человека в мире глобальной цифровизации. Диджитализация политических и социально-экономических аспектов ведёт к появлению новых понятий и феноменов – цифровой личности, цифровой реальности, информационно-цифрового пространства в области правоотношений.

Может сложиться мнение, что цифровой век приносит определённую свободу человечеству, путём расширения горизонтов человеческого воздействия и упрощая возможности общения и взаимодействия. Так, например, благодаря сети интернет расширяется круг взаимодействия человека с окружающим миром, человек имеет определённую свободу общения, имеет доступ к огромному потоку информации во всём мире. При этом не стоит отрицать, что признаки свободы в виртуальном мире являются отчасти мнимыми и несут за собой серьёзную угрозу. С распространением цифровых технологий возникают новые этические и моральные вопросы реализации основных прав человека и проблемы их самозащиты, что часто нарушается в просторах интернета – право на уважение частной жизни, свободы слова, запрета дискриминации, защита прав человека перед бизнесом, защиты уязвимых социальных групп и другие.

Некоторые авторы считают, что цифровые технологии еще не созрели, а следовательно, их неконтролируемое использование может вызвать немало проблем (увеличение расслоения общества на богатых и бедных за счет цифрового неравенства и связанных с этим недостатком возможностей, уничтожение рабочих мест, использование преступниками и «сторонниками старой парадигмы» и т. д.), чисто правительственное вмешательство обычно неэффективно, что свидетельствует о необходимости новых подходов к регулированию отношений в сфере цифровизации, а именно: о необходимости сотрудничества государства с специалистами, с институтами гражданского общества, а также сочетание соответствующих средств саморегулирования (включительно с правилами деловой этики в сети) с государственным регулированием.

Литература

1. Волков В.Э. Цифровое право. Общая часть: учебное пособие. Самара: Издательство Самарского университета, 2022. 111 с.
2. Гайворонская Я.В., Мирошниченко О.И., Мамычев А.Ю. Нескромное обаяние цифровизации // Правовая парадигма. 2019. Т. 18. № 4. С. 40–47.
3. Зорькин В.Д. Право в цифровом мире. Размышление на полях Петербургского международного юридического форума // Российская газета. Столичный выпуск. 2018. 29 мая. № 7578 (115).
4. Михеева Т.Н., Бояринцева И.А. О некоторых понятийных и правовых аспектах цифровизации // Вестник Марийского государственного университета. Сер.: Исторические науки. Юридические науки. 2019. Т. 5. № 3 (19). С. 289–296.
5. Подставкина Е.С., Сударкина Е.С. Электронные государственные услуги: проблемы реализации и перспективы решений // Электронный вестник Ростовского социально-экономического института. 2016. № 2. С. 463–468.

6. Понкин И.В., Редкина А.И. Искусственный интеллект с точки зрения права // Вестник РУДН. Серия: Юридические науки. 2018. № 1. С. 91–101.
7. Сухарева А.В. Цифровизация правоприменения // Молодой ученый. 2020. № 24 (314). С. 340–342.
8. Талапина Э.В. Право и цифровизация: новые вызовы и перспективы // Журнал российского права. 2018. № 2 (254). С. 5–17.
9. Федеральный закон № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» от 27.07.2006 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. № 31 (часть I). Ст. 3448.
10. Хабриева Т.Я., Черногор Н.Н. Право в условиях цифровой реальности // Журнал российского права. 2018. № 1. (253). С. 85–102.
11. Цифровая трансформация и защита прав граждан в цифровом пространстве. Доклад Совета при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека. Москва, 2021. 124 с.

References

1. Volkov V. E. Digital law. General part: tutorial. Samara: Samara University Press, 2022. 111 p. (In Russ)
2. Gaivoronskaya Ya.V., Miroshnichenko O.I., Mamychyev A.Yu. Immodest charm of digitalization. Legal paradigm=Legal paradigm. 2019;18:40-47. (In Russ).
3. Zorkin V.D. Law in the digital world. Reflection on the St. Petersburg International Legal Forum Rossiyskaya Gazeta, Stolichny issue. 2018;7578:115. (In Russ).
4. Mikheeva T. N., Boyarintseva I. A. On some conceptual and legal aspects of digitalization. Vestnik Marijskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Istoricheskie nauki. Juridicheskie nauki =Bulletin of the Mari State University. Ser.: Historical Sciences. Legal sciences. 2019;3 (19):289-296. (In Russ)
5. Podstavkina E.S., Sudarkina E.S. Electronic public services: problems of implementation and prospects of solutions Jelektronnyj vestnik Rostovskogo social'no-jekonomicheskogo institute = Electronic bulletin of the Rostov Socio-Economic Institute. 2016;2:463-468. (In Russ).
6. Ponkin I. V., Redkina A.I. Artificial intelligence from the point of view of law Vestnik RUDN. Serija: Juridicheskie nauki = Bulletin of the RUDN. Series: Legal Sciences. 2018;1:91-101. (In Russ)
7. Sukhareva A. V. Digitalization of law enforcement. Molodoj uchenyj = Young scientist. 2020. №. 24 (314). 340–342 p. (In Russ).
8. Talapina E.V. Law and digitalization: new challenges and prospects. Zhurnal rossijskogo prava = Journal of Russian Law. 2018;2(254):5-17. (In Russ).
9. Federal Law No. 149-FZ «On Information, Information Technologies and Information Protection» of 27.07.2006. Collection of Legislation of the Russian Federation. 2006. No. 31 (part I). Art. 3448. (In Russ).
10. Khabrieva T. Ya., Chernogor N. N. Law in the conditions of digital reality. Zhurnal rossijskogo prava = Journal of Russian Law. 2018;1(253):85 – 102. (In Russ).
11. Digital transformation and protection of citizens' rights in the digital space. Report of the Presidential Council for the Development of Civil Society and Human Rights. Moscow, 2021. 124 p. (In Russ).

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ PHILOLOGICAL SCIENCES

Научная статья
 УДК 811.112.2'36
<https://doi.org/10.37493/2409-1030.2023.2.19>

ТАКСИСНЫЕ ФУНКЦИИ НЕМЕЦКИХ ДЕВЕРБАТИВОВ: ПОТЕНЦИАЛЬНЫЕ И РЕАЛИЗОВАННЫЕ

Ирина Викторовна Архипова¹

¹ Новосибирский государственный педагогический университет (д. 28, ул. Вилуйская, 630126, Новосибирск, Российская Федерация)
 Доктор филологических наук, доцент. ORCID: 0000-0002-0685-335X. E-mail: irarch@yandex.ru

Аннотация. Введение. Современными исследователями девербативы описываются как «дуальные» имена производные различной лексической и деривационной семантики, сохраняющие семантические свойства производящих глаголов. Целью данной работы является исследование такой их глагольной характеристики, как таксисность, т. е. способность актуализировать различные таксисные значения одновременности и разновременности эксплицитованных действий в предикативных конструкциях. **Материалы и методы.** Материалом исследования послужили немецкие высказывания с девербативами, полученные методом направленной выборки из базы данных Лейпцигского корпуса (LC) и Электронного словаря немецкого языка (DWDs). В ходе исследования применялись гипотетико-дедуктивный, индуктивный и описательный метод, включающий приемы наблюдения, сопоставления, обобщения, классификации и интерпретации языковых явлений. **Анализ.** В данной статье рассматриваются немецкие девербативы, характеризующиеся различными таксисными функциями (потенциальными и реализованными). Потенциальные функции девербативов реализуются в определенной таксисной среде (примарно-таксисной или секундарно-таксисной). В качестве прототипических конституентов таксисной среды выступают различные предлоги темпоральной и другой обстоятельственной (модальной, инструментальной, медиальной, ка-

уальной, кондициональной, финальной) семантики. **Результаты.** По итогам проведенного исследования можно сделать вывод о том, что при употреблении с темпоральными предлогами девербативы реализуют примарно-таксисные функции одновременности или разновременности, а при сочетании с модальными, инструментальными, медиальными, кондициональными, каузальными и др. предлогами – секундарно-таксисные функции одновременности. Конституентный состав таксисной среды детерминирует «речевое поведение» девербативов. Некоторые немецкие девербативы отличает дуальное «речевое поведение», проявляющееся в условиях примарно-таксисной или секундарно-таксисной среды. Генетически-мультипликативные и генетически-итеративные имена реализуют мультипликативно-таксисные, итеративно-таксисные или семельфактивно-таксисные значения. Кроме того, в определенном контекстуальном окружении их итеративно-таксисная функция может оставаться не-реализованной.

Ключевые слова: девербативы, таксисные функции, потенциальные функции, реализованные функции, таксисная среда, дуальное речевое поведение

Для цитирования: Архипова И. В. Таксисные функции немецких девербативов: потенциальные и реализованные // Гуманитарные и юридические исследования. 2023. Т. 10 (2). С. 321–327. DOI: 10.37493/2409-1030.2023.2.19.

Original article

TAXI FUNCTIONS OF GERMAN DEVERBATIVES: POTENTIAL AND REALIZED

Irina V. Arkhipova¹

¹ Novosibirsk State Pedagogical University (28, Vilyuyskaya st., 630126, Novosibirsk, Russian Federation)
 Dr. Sci. (Philology), Associate Professor. ORCID: 0000-0002-0685-335X. E-mail: irarch@yandex.ru

Abstract. Introduction. Modern researchers describe deverbatives as «dual» names, derivatives of various lexical and derivational semantics, preserving the semantic properties of generating verbs. The purpose of this work is to study such verbal characteristics as taxis, i.e. the ability to actualize various taxis meanings of simultaneity and diversity of explicated actions in predicative constructions. Materials and Methods.

The material of the study was German utterances with deverbatives obtained by directed sampling from the database of the Leipzig Corpus (LC) and the Electronic Dictionary of the German Language (DWDs). In the course of the study, a hypothetical-deductive, inductive and descriptive method was used, including methods of observation, comparison, generalization, classification and interpretation of linguistic phenomena. **Analysis.**

This article deals with German deverbatives characterized by various taxis functions (potential and realized). The potential functions of deverbatives are realized in a certain taxis environment (primary taxis or secondary taxis). Various prepositions of temporal and other adverbial (modal, instrumental, medial, causal, conditional, final) semantics act as prototypical constituents of the taxis environment. **Results.** Based on the results of the study, we can conclude that when used with temporal prepositions, deverbatives implement the primary-taxis functions of simultaneity or non-simultaneity, and when combined with modal, instrumental, medial, conditional, causal, and other prepositions, they implement the secondary-taxis functions of simultaneity. The constitutive composition of the taxis environment determines the

Введение. Лингвистический феномен отглагольных имен (девербативов) находится в фокусе исследовательского внимания современных языковедов. Девербативы как имена производные наследуют семантико-синтаксические свойства производящих глаголов, специфицирующие их функциональный потенциал, с чем связана актуальность данного исследования.

Проблемы синтаксиса и семантики (лексической, словообразовательной, аспектуальной) немецких девербативных (отглагольных) имен существительных рассматриваются в работах ряда современных отечественных и зарубежных лингвистов [1; 2; 3; 4; 5; 6; 7; 8; 9; 10; 11; 12]. Е. В. Болотова исследует словообразовательную семантику девербативов, функционирующих в газетном дискурсе [3, с. 108–112]. И.В. Волкова анализирует имена на *-en* как образования глагольно-именного синтеза, акцентируя внимание на их функциональном статусе [4, с. 147–154]. Н.Н. Зольникова описывает девербативы различных деривационных моделей [5, с. 225–229]. Р. З. Каримова и Е. В. Болотова проводят структурно-семантический анализ имен на *-ung* [6, с. 72–79]. Н. А. Маслова описывает семантико-синтаксические свойства немецких производных имен существительных на *-ung* [7]. О. В. Матасова, З. А. Мирошкова и О.А. Уфимцева проводят сопоставительный анализ девербативов немецкого, русского и английского языков [8; 9]. Исследования зарубежных лингвистов затрагивают вопросы семантико-синтаксических свойств номинализаций на *-ung* [10; 11; 12]. По мнению исследователей, девербативы имеют особый частеречный статус, «двухслойную» или дуальную семантику и наследуют глагольные характеристики. Помимо глагольности девербативы наследуют и таксисность, т. е. способность к реализации таксисно-хронологических значений одновременности и разновременности. Данное свойство девербативов и его контекстуальная актуализация не получили систематического освещения в научной литературе, что обусловило наш исследовательский интерес.

«speech behavior» of deverbatives. Some German deverbatives are distinguished by dual «speech behavior», which manifests itself in the conditions of a primary-taxis or secondary-taxis environment. Genetically-multiplicative and genetically-iterative names implement multiplicative-taxis, iterative-taxis or semelfactive-taxis values. In addition, in a certain contextual environment, their iterative-taxis function may remain unrealized.

Key words: deverbatives, taxis functions, potential functions, realized functions, taxis environment, dual speech behavior

For citation: Arkhipova I. Taxi functions of German deverbatives: potential and realized // Humanities and law research. 2023. V. 10 (2). P. 321–327 (In Russian). DOI: 10.37493/2409-1030.2023.2.19.

В настоящей статье рассматриваются немецкие девербативные существительные и их таксисные функции, реализуемые в высказываниях с предлогами различной обстоятельственной семантики.

Материалы и методы. Материалом исследования послужили немецкие высказывания с девербативами, полученные методом направленной выборки из базы данных Лейпцигского национального корпуса (LC) и Электронного словаря немецкого языка (DWDS).

В ходе исследования применялись гипотетико-дедуктивный, индуктивный и описательный метод, включающий приемы наблюдения, сопоставления, обобщения, классификации и интерпретации языковых явлений. Данные методы позволили выявить и описать основные варианты таксисных категориальных значений, реализуемых в конкретных высказываниях с предложно-девербативными сочетаниями, а также проанализировать и обобщить таксисные функции немецких девербативов.

Анализ. Немецкие девербативы обладают свойством таксисности и характеризуются потенциальными функциями или функциями-потенциалами и реализованными функциями или функциями-реализациями. Потенциальные таксисные функции девербативов, заключающиеся в их способности актуализировать различные таксисные значения одновременности и разновременности, реализуются в конкретно-речевом (синтагматическом) контексте или таксисной среде.

К прототипическим элементам таксисной среды (примарно-таксисной, секундарно-таксисной), в первую очередь, относятся темпоральные и другие обстоятельственные предлоги. Темпоральные предлоги конституируют примарно-таксисную среду, а модальные, инструментальные, медиальные, кондициональные, каузальные, финальные и др. – секундарно-таксисную среду. Соответственно, потенциальные примарно-таксисные функции девербативы реализуют в высказываниях с темпоральными предлогами *während*, *bei*, *mit*, *nach*, *vor*, *seit*, *bis*, а секундарно-таксис-

ные функции – в высказываниях с предлогами модальной, инструментальной, медиальной, кондициональной, каузальной и др. семантики (см. предлоги *in, bei, unter, mit, durch, wegen, aus, vor, zu, für* и др.), например:

- (1) *Er isst im Gehen*, checkt Mails, wenn er im Bus sitzt, telefoniert auf dem Fahrrad, arbeitet mit Deadlines (LC).
- (2) *Während des Lesens* legte er sanft seine Hand auf ihre Hand (DWDS).
- (3) *Nach dem Öffnen der Tür* entdeckten die Beamten dann die professionell betriebene Plantage (LC).
- (4) *Vor der Abstimmung* sicherte die Kommission dem Parlament schriftlich zu, dass sie es vollständig in eine eventuelle Entscheidung des Beitritts mit einbezieht (LC).

В приведенных выше примерах с темпоральными предлогами *in, während, nach, vor* акциональные и событийные девербативы *das Gehen, das Lesen, das Öffnen, die Abstimmung* реализуют потенциальные функции актуализаторов примарно-таксисных категориальных значений одновременности, следования и предшествования. Таксисные функции девербативов, актуализируемые в высказываниях с темпоральными предлогами, следует рассматривать как результат «синергии» семантики предлога и исходного глагола.

В следующих высказываниях акциональные девербативы *die Besichtigung, das Schieben, das Verschieben, das Streicheln, die Gefährdung* выполняют секундарно-таксисные функции-потенции и актуализируют различные варианты значений секундарного (обстоятельственного) таксиса одновременности, например:

- (5) *Mit der Besichtigung des Heidelberger Schlosses und der Altstadt* verbrachten die Horner einen schönen Tag (LC).
- (6) *Durch das Schieben* verändert sich die Lage eines roten Steines, den der Spieler zuvor in eines der Löcher gesetzt hat, zu den roten aufgedruckten Punkten (DWDS).
- (7) Die Energieriesen reagieren *mit dem Verschieben von Grossprojekten* (LC).
- (8) *Zum Streicheln* braucht man kein Tablet, dafür gibt es Vater und Mutter (LC).
- (9) Der Lenker des Sattelzugs wurde von der Polizei gestellt, ihn erwartet eine Anzeige *wegen Gefährdung des Straßenverkehrs* (LC).
- (10) Auch die Einnahmen übertrafen die Schätzungen, *trotz der Senkung einiger Gebühren* (LC).

В примере (5) девербатив *die Besichtigung* с предлогом *mit* в модальном значении реализует функцию модально-таксисного актуализатора. В примере (6) девербатив *das Schieben* с предлогом *durch* в инструментальном значении участвует в актуализации инструментально-таксисного значения одновременности. В примере (7) с по-

мощью девербатива *das Verschieben* с предлогом *mit* в медиальном значении актуализовано медиально-таксисное значение одновременности. В высказывании (8) посредством девербатива *das Streicheln* с финальным предлогом *zu* выражено финально-таксисное значение одновременности. В примере (9) девербатив *die Gefährdung* с каузальным предлогом *wegen* актуализирует каузально-таксисное значение одновременности. В высказывании (10) девербатив *die Senkung* с concessivным предлогом *trotz* реализует concessivно-таксисное значение одновременности.

Реализация таксисных функций-потенций, помимо предлогов, может быть детерминирована и другими конституентами таксисной среды. Так, в инструментально-таксисной среде прототипический характер могут иметь различные глаголы целенаправленного (физического, психического, социального) воздействия. Все ли девербативы могут реализовывать потенциальные функции актуализаторов инструментально-таксисных значений. Наши наблюдения за «речевым поведением» девербативов показали, что таковыми являются лишь некоторые акциональные имена типа *das Ziehen, das Schieben, das Verschieben, das Drücken, das Halten, das Setzen, das Schlagen, das Heben, das Senken, das Absenken* и др., например:

- (11) Die Größe der Fenster in Split View verändert man *durch Ziehen an der Trennlinie* nach links oder nach rechts (LC).
- (12) *Durch Drücken und Halten von gewissen Stellen der Handinnenflächen* wird die Gehirntätigkeit stimuliert (LC).

В примерах (11–12) акциональные девербативы *das Ziehen, das Drücken, das Halten* выполняют функции-потенции актуализаторов инструментального таксиса, которые они реализуют при их функционировании с инструментальным предлогом *durch* в соответствующей инструментально-таксисной среде.

Потенциальную функцию актуализаторов категориальных значений медиального таксиса одновременности могут реализовывать акциональные девербативы-кинемы с предлогами *mit, durch* в медиальном значении (см. имена *das Achselzucken, das Schulterzucken, das Nicken, das Kopfnicken, das Kopfschütteln*) и процессуальные девербативы, обозначающие физиологические / физические процессы, протекающие в природе или связанные с деятельностью человека (см. имена *das Rufen, das Schreien, das Rauschen, das Zischen*), а также некоторые акциональные имена с семантикой физического итеративного действия (*das Schlagen, das Klopfen, das Klingeln*). Данные девербативы функционируют в медиально-таксисной среде, конституируемой каузативными глаголами психического / физического воздействия и информативно-модифицирующими глаголами типа *deuten, andeuten*,

erwidern, ermahnen, beweisen, überzeugen, begründen, erklären, reagieren, bestätigen, bekunden, bekräftigen, quittieren, dirigieren, aufnehmen, ankündigen и др.), ср.:

- (13) Der Flötist ... deutete *mit Kopfnicken* und sozusagen fragend auf den auf den dirigierenden Clownsburken (DWDS).
- (14) *Mit Achselzucken* wird denen begegnet (LC).
- (15) Baerbock quittiert das *mit Nicken* (DWDS).
- (16) Zu Recht reagieren Politiker und antirassistische Gruppen *mit Kopfschütteln* über den misslungenen Polizeieinsatz (DWDS).

В приведенных примерах девербативы-кинемы *das Kopfnicken, das Achselzucken, das Nicken, das Kopfschütteln*, функционируя в медиально-таксисной среде, употребляются с предлогом *mit* в медиальном значении и выступают в качестве актуализаторов категориальных значений медиального таксиса одновременности.

Особо следует отметить некоторые процессуальные девербативы на *-en* и *-ung* (см. имена *das Beobachten, das Betrachten, das Überlegen, das Zuhören, das Zusehen, das Zuschauen, das Anschauen, das Hinhören, das Hinsehen, die Beobachtung, die Betrachtung, die Überlegung* и др.), которые в условиях определенной таксисной среды могут реализовывать такие функциональные потенции как примарно-таксисные и кондиционально-таксисные. В высказываниях с предлогом *bei* в темпоральном значении они актуализируют значения примарного таксиса одновременности, а при употреблении предлога *bei* в кондициональном значении и наличии кондициональных экспликативов как элементов кондиционально-таксисной среды они реализуют функцию кондиционально-таксисных актуализаторов одновременности.

В следующих высказываниях с предлогом *bei* в темпоральном и условном значениях процессуальные девербативы актуализируют примарно-таксисные и кондиционально-таксисные категориальные значения одновременности:

- (17) Man hat *beim Anschauen Ihres Films* das Gefühl, dass sich die Machtübernahme der Taliban schon abzeichnet (LC).
- (18) *Beim Betrachten der Fotos* wird deutlich, wie hart die Arbeit, die zur Gewinnung des bunten Steins verrichtet werden musste, wirklich war (LC).
- (19) *Beim Zusehen* fiebert man mit (LC).
- (20) Spaziergänger haben ihre Freude *beim Beobachten* (LC).
- (21) Und *bei genauerem Betrachten* wird schnell klar: Der Mann hat recht (LC).
- (22) ... *doch bei genauerem Hinhören* ist auch hier immer etwas los (LC).
- (23) *Beim näheren Hinsehen* aber ist ein modernes Leben ohne chemische Produkte nicht vorstellbar (LC).

В примерах (17–20) процессуальные девербативы *das Anschauen, das Betrachten, das Zusehen, das Beobachten* в сочетании с предлогом *bei* в темпоральном значении реализуют функцию актуализаторов примарного таксиса одновременности. В примерах (21–23) девербативы *das Betrachten, das Hinhören, das Hinsehen* употребляются с предлогом *bei* в значении условия и функционируют в кондиционально-таксисной среде, прототипическими элементами которой являются оценочные атрибуты *genauer* и *näherer*. Они выполняют роль дополнительных кондициональных экспликативов.

Особый интерес представляют девербативы на *-en* с семантикой генетической мультипликативности (см. имена *das Nicken, das Kopfnicken, das Kopfschütteln, das Zucken, das Winken* и др.) и генетической итеративности (см. имена *das Zischen, das Klatschen, das Summen, das Surren, das Säuseln, das Rattern, das Klingeln, das Knistern, das Klopfen, das Seufzen, das Schluchzen, das Grinsen, das Schmunzeln, das Lachen* и др.). Мультипликативные имена обозначают многоактные действия с эксплицитной выраженностью отдельных актов, а для итеративных девербативов характерна семантика неоднократной повторяемости.

Потенциальными функциями вышеназванных девербативов являются функции актуализаторов мультипликативно-таксисных и итеративно-таксисных категориальных значений. При употреблении данных имен с неопределенным артиклем выражаемое ими мультипликативное (многоактное) или итеративное (многократное) значение «нейтрализуется». В этом случае функцией-реализацией мультипликативных девербативов является не мультипликативно-таксисная, а семельфактивно-таксисная. Девербативы реализуют при этом семельфактивно-таксисное значение одновременности, в частности, модально-семельфактивно-таксисное и медиально-семельфактивно-таксисное, например:

- (24) Er *grüßt mit einem Nicken* ... (LC).
- (25) Haas verschwand *mit einem kurzen Winken von Court 1* und wurde von Raonic mit einem Kompliment bedacht (LC).
- (26) *Mit einem Nicken* dirigiert er das blonde Mädchen mit den marmorierten Ostjeans auf den Beifahrersitz (DWDS).
- (27) Christoph Winkler bekräftigt seine Worte *mit einem Kopfnicken* (DWDS).
- (28) Meine Frage wird *mit einem Achselzucken* beantwortet (LC).
- (29) Robert Jaspert wandte sich *mit einem Kopfschütteln ab* (DWDS).
- (30) «Ich habe die Vorlesung genossen», sagt der heute 45-Jährige und fügt *mit einem Augenzwinkern* hinzu: «Etwas exhibitionistisch muss man schon sein, um an so etwas Spaß zu haben» (DWDS).

В приведенных выше примерах девербативы-кинемы *das Nicken, das Kopfnicken, das Winken, das Achselzucken, das Kopfschütteln, das Augenzwinkern* с предлогом *mit* в модальном и медиальном значениях выступают в качестве актуализаторов модально-семельфактивно-таксисных и медиально-семельфактивно-таксисных значений одновременности.

Генетически-итеративные девербативы *das Zischen, das Klatschen, das Summen, das Surren, das Säuseln, das Knistern, das Klopfen* выполняют свойственную им функцию актуализаторов итеративно-секундарного таксиса одновременности в следующих высказываниях:

- (31) *Mit Zischen, Klatschen ... und Summen* bereiten sich die Schüler und Lehrer auf die Probe vor (LC).
- (32) *Mit scharfem Zischen* packt der pneumatische Greifer den Stahldraht ... (LC).
- (33) *Mit leisem Surren* verspinnt das Rad die lockeren Fasern ineinander (LC).
- (34) Offensichtlich wehte der starke närrische Wind aus dem im Osten gelegenen Reichenbach westwärts und belebte *mit sanftem Säuseln* die dort eher sporadisch auftretende Narretei (LC).
- (35) Riesige Flammen verschlingen die Zuckerrohrblüten *mit lautem Knistern* (LC).
- (36) Aber er warnt mit Klopfen an die Schiffswand auch vor schadhafte Stellen (LC).

В высказываниях (31–35) итеративные девербативы *das Zischen, das Klatschen, das Summen, das Surren, das Säuseln, das Knistern* при употреблении с предлогом *mit* в модальном значении реализуют функцию актуализаторов итеративно-модального таксиса одновременности. В примере (36) генетически-итеративный девербатив *das Klopfen* с предлогом *mit* в медиальном значении актуализирует итеративно-медиально-таксисное значение одновременности.

В следующих примерах при употреблении с неопределенным артиклем итеративные девербативы *das Klopfen, das Surren, das Rattern, das Zischen, das Klingeln, das Seufzen, das Klatschen, das Säuseln* «теряют» значение многократности и оказываются не способными реализовать итеративно-секундарно-таксисную функцию-потенцию, например:

- (37) Netterweise kündigt er sich aber meistens vorher an, *mit einem leichten Klopfen an der Schläfe* (LC).
- (38) *Mit einem Surren* löst sich die elektrische Feststellbremse (DWDS).
- (39) Das Tor öffnete sich *mit einem Rattern* (DWDS).
- (40) Der Zug kommt *mit einem Zischen* zum Stehen (DWDS).
- (41) ... ich falle immer tiefer, *mit einem Klatschen* tauche ich ein in tiefblaues Wasser (DWDS).

- (42) Sie standen in einer unheimlichen Starre der Erwartung umher, wie Bäume in der Stille vor dem Sturm von der Erde aufragten, *mit erschlafte Ästen, tillmüden Blättern, mit einem Säuseln*, das sich anhört wie ein innerliches Rieseln des Erschauerns (DWDS).

- (43) Sie warnt ihn *mit einem Klingeln* (DWDS).

- (44) Meine Nachfrage beantwortete die Dame vom Abo-Service *mit einem Seufzen* (DWDS).

В высказываниях (37–44) с предлогом *mit* в модальном и медиальном значениях посредством девербативов *das Klopfen, das Surren, das Rattern, das Zischen, das Klingeln, das Seufzen, das Klatschen, das Säuseln* выражены модально-таксисные и медиально-таксисные значения одновременности.

Неитеративные девербативы с потенциальной функцией актуализации значений примарного или секундарного неитеративного таксиса при их функционировании в итеративно-таксисной среде, обусловленной наличием итеративных адвербиалов и атрибутов (*wieder, oft, oftmals, immer, mehrfach, jeder* и др.), могут реализовать значения итеративно-примарного или итеративно-секундарного таксиса одновременности / разновременности, например:

- (45) *Kurz vor dem Abschied aus dem Amt* ist Merkel damit wieder auf Normalmaß geschrumpft (LC).
- (46) Ihre Praxis suchen Väter und Mütter *nach einer Trennung* oftmals auf, weil sich ihr Kind zunehmend zurückzieht oder ständig Wutausbrüche bekommt (LC).
- (47) *Bei der Abreise am Sonntag* war der Ärger über das verkorkste Finale schon wieder verraucht (DWDS).
- (48) Labei traf sie diesen *trotz Abwehr mehrfach* am Kopf und im Brustbereich (LC).

В примерах (45–47) неитеративные девербативы событийной семантики *der Abschied, die Trennung, die Abreise* в сочетании с темпоральными предлогами *vor, nach, bei* реализуют не свойственную им функцию актуализации значений итеративно-примарного таксиса предшествования, следования и одновременности. Это становится возможным благодаря участию в процессе актуализации таксисных значений итеративных адвербиалов *wieder* и *oftmals*. В примере (48) неитеративный девербатив *die Abwehr* функционирует в concessivno-итеративно-таксисной среде и актуализирует соответствующее итеративно-таксисное значение одновременности. В качестве итеративного детерминанта выступает *mehrfach*.

Результаты. Таким образом, немецкие девербативы характеризуются потенциальными и реализованными таксисными функциями. Функции-потенции девербативов, состоящие в их спо-

способности к таксисной актуализации, реализуются в условиях определенной таксисной среды. В качестве ее прототипических конститuentов выступают предлоги. Употребляясь с темпоральными предложениями и функционируя в примарно-таксисной среде рассматриваемые девербативные имена существительные реализуют функции актуализаторов примарного таксиса одновременности или разновременности. При функционировании в секундарно-таксисной среде, конституируемой модальными, инструментальными, медиальными, кондициональными и др. предложениями, девербативы актуализируют секундарно-таксисные значения одновременности, в частности, модально-таксисные, инструментально-таксисные, медиально-таксисные и др. Некоторые девербативы демонстрируют дуальное «речевое поведение». Так, в условиях определенного контекстуального окру-

жения при употреблении с предлогом bei в темпоральном или кондициональном значениях процессуальные девербативы могут реализовывать как примарно-таксисную, так кондиционально-таксисную функцию одновременности. Девербативы с семантикой генетической мультипликативности / итеративности способны к реализации мультипликативно-таксисных, семейфактивно-таксисных или итеративно-таксисных значений, а также они могут «утрачивать» функцию актуализаторов значений итеративного таксиса. Неитеративные девербативы в условиях итеративно-таксисной среды, обусловленной итеративными адвербиалами и атрибутами, оказываются способными к реализации итеративно-примарно-таксисных и итеративно-секундарно-таксисных функций одновременности и разновременности (предшествования, следования).

Литература

1. Аржанцева Н. В. Семантика отглагольных существительных как основа их классификации (на материале английского, немецкого и русского языков) // Научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. 2012. № 81. С. 1–12.
2. Архипова И. В. Категория таксиса в разноструктурных языках. Монография. Новосибирск, 2020. 173 с.
3. Болотова Е. В. О словообразовательной тенденции отглагольных существительных в немецкоязычных газетных текстах // Доклады Башкирского университета. 2019. Т. 4. № 1. С. 108–112.
4. Волкова И. В. О статусе отглагольных имен в современном немецком языке // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2015. 34. С. 147–154.
5. Зольникова Н. Н. Словообразовательные модели отглагольных существительных немецкого языка // Наука и культура России. 2015. Т. 1. С. 225–229.
6. Каримова Р. Х., Болотова Е. В. Структурно-семантический анализ производных с суффиксом –ung в немецком языке // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2020. № 5 (211). С. 72–79.
7. Маслова Н. А. Семантика и синтаксис производных имен существительных в современном немецком языке. Казань: Изд-во «Казанский университет», 1985. 170 с.
8. Матасова О. В., Уфимцева О. А. Девербативы в германских языках: сопоставительный анализ на материале немецкого и английского // Язык. Социум. Культура. Саратов, 2017. С. 24–28.
9. Мирошникова З. А., Матасова О. В. Сопоставительный анализ деривационных рядов девербативов (на материале русского и немецкого языков) // Наука и общество. 2016. № 1 (24). С. 101–108.
10. Alexiadou A. Nominalizations: a probe into the architecture of grammar. Part II: The aspectual properties of nominalizations, and the lexicon Vs Syntax Debate // Language and Linguistics Compass. 2010. Vol. 4, Issue 7. P. 512–523.
11. Knobloch C. Zwischen Satz-Nominalisierung und Nennerivation: -ung-Nomina im Deutschen // Sprachwissenschaft 27. 2002. P. 333–362.
12. Rosdeutscher A., Kamp H. Syntactic and semantic constraints in the formation and interpretation of ung-nouns // The Semantics of Nominalizations across Languages and Frameworks. Ed. by M. Rathert and A. Alexiadou. 2010. P. 169–215.
13. LC – Лаборатория корпусной лингвистики Лейпцигского университета. URL: <http://www.wortschatz.uni-leipzig.de> (дата обращения: 15.02.2023).
14. DWDS – Электронный словарь немецкого языка. URL: <http://www.dwds.de> (дата обращения: 15.02.2023).

References

1. Arzhanceva N. V. Semantics of verbal nouns as the basis for their classification (based on English, German and Russian languages) Nauchnyj zhurnal Kubanskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta = Scientific journal of the Kuban State Agrarian University. 2012; 81: 1-12. (In Russ.).
2. Arhipova I. V. The category of taxis in languages with different structure. Novosibirsk, 2020. 173 p. (In Russ.).
3. Bolotova E.V. On the word-formation tendency of verbal nouns in German-language newspaper texts Doklady Bashkirskogo universiteta = Reports of the Bashkir University. 2020; 4 (1): 108-112. (In Russ.).
4. Volkova I.V. On the status of verbal names in modern German Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Serija: Lingvistika. = Bulletin of the Moscow State Regional University. Series: Linguistics. 2015; 4: 147–154. (In Russ.).
5. Zol'nikova N.N. Derivative models of verbal nouns in the German language Nauka i kul'tura Rossii. = Science and Culture of Russia. 2015; 1: 225–229. (In Russ.).
6. Karimova R.H., Bolotova E.V. Structural and semantic analysis of derivatives with the suffix –ung in German Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. = Bulletin of the Tomsk State Pedagogical University. 2020; 5 (211): 72–79. (In Russ.).

7. Maslova N.A. Semantics and syntax of derived nouns in modern German. Kazan': Kazanskij universitet, 1985. 170 p. (In Russ.).
8. Matasova O.V., Ufimceva O.A. Deverbatives in Germanic Languages: A Comparative Analysis Based on German and English Jazyk. *Socium. Kul'tura. = Language. Society. Culture.* 2017: 24-28. (In Russ.).
9. Miroshnikova Z.A., Matasova O.V. Comparative analysis of derivational series of deverbatives (based on the Russian and German languages) *Nauka i obshchestvo. = Science and Society.* 2016; 1 (24): 101-108. (In Russ.).
10. Alexiadou A. Nominalizations: a probe into the architecture of grammar. Part II: The aspectual properties of nominalizations, and the lexicon Vs Syntax Debate *Language and Linguistics Compass.* 2010; 4 (7): 512-523.
11. Knobloch C. Zwischen Satz-Nominalisierung und Nennerderivation: -ung-Nomina im Deutschen *Sprachwissenschaft* 27. 2002: 333–362.
12. Rosdeutscher A., Kamp H. Syntactic and semantic constraints in the formation and interpretation of ung-nouns *The Semantics of Nominalizations across Languages and Frameworks* / ed. by M. Rathert and A. Alexiadou. 2020: 169–215.
13. LC – Corpus Linguistics Laboratory of the University of Leipzig. URL: <http://www.wortschatz.uni-leipzig.de> [Accessed 15 Januar 2023].
14. DWDS – Electronic Dictionary of the German Language. URL: <http://www.dwds.de> [Accessed 15 Januar 2023].

Научная статья

УДК 81.255

<https://doi.org/10.37493/2409-1030.2023.2.20>

ЛИНГВОПЕРЕВОДЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНОЙ ЛЕКСИКИ ВОЕННОЙ ТЕМАТИКИ

Лиана Робертовна Вартанова¹, Юлия Валерьевна Рындина²

1 Северо-Кавказский федеральный университет (д. 1, ул. Пушкина, 355017, Ставрополь, Российская Федерация)

Кандидат педагогических наук, доцент. ORCID: 0000-0001-7983-7994. E-mail: vartanova74@rambler.ru

2 Тюменский государственный университет (д. 1, улица Ленина, 627750, Ишим, Российская Федерация)

Кандидат педагогических наук, доцент. ORCID: 0000-0003-0276-6213. E-mail: y.v.ryndina@utmn.ru

Автор, ответственный за переписку: Вартанова Лиана Робертовна, vartanova74@rambler.ru

Аннотация. Введение. В военной сфере деятельности переводчик играет очень важную роль, так как именно от него порой зависит адекватная оценка обстановки, а также осведомленность о планах противника. Значения слов, которые встречаются в повседневном общении, могут быть совершенно иными в военных текстах, и поэтому от переводчика требуется хорошая подготовка в сфере военного перевода. Актуальность данного исследования заключается в изучении специфики интернациональной лексики военной тематики. При переводе военных текстов переводчик сталкивается с интернационализмами, связанными с наименованиями и тактико-техническими характеристиками вооружения и техники. Военный перевод требует предельной точности понятий с сохранением информативности. Освещение проблем перевода интернационализмов и «ложных друзей переводчика» позволит выявить особенности их функционирования в текстах военной тематики, определить способы их перевода. **Материалы и методы.** В работе был использован комплекс методов, включающий компонентный анализ, позволивший установить семантические компоненты анализируемых лексем. Компаративный аспект исследования включал сравнительно-сопоставительный анализ контекстуально актуализированных единиц в немецкоязычных и русскоязычных материалах. Наряду с обозначенными исследовательскими процедурами использовались методы сплошной выборки и количественных подсчетов, описательно-аналитический, контекстологический методы анализа, которые составляют комплексную методику интерпретации текста. Материалом исследования послужил онлайн-словарь понятий и терминов вооруженных сил Германии, представленный на специализированном немецкоязычном Интернет-сайте вооруженных сил Германии. **Анализ.** Композиционная структура военного текста обусловлена его объемом и жанром. К военно-техническим текстам относятся различного рода наставления по видам боевой техники и вооружению, описания новых образцов оружия и инструкции по эксплуатации техники. Этим текстам присущи такие черты, как наличие военно-технической терминологии узкой области военного дела, наличие рисунков, чертежей, схем, нейтральный тон повествования. **Результаты.** Тексты военной тематики представляют собой разновидность официально-делового стиля речи, характеризующегося предписывающе-долженствующим характером речи, ее неличным характером, точностью, логичностью, объективностью, ясностью, официальностью, стереотипностью, конкретностью, обобщенностью, строгостью, а также особым набором клише и терминов. В текстах военной тематики широко представлены интернационализмы различных типов: однословные наименования, аббревиатуры, номинативные словосочетания, терминологические элементы. Преимуществом интернациональной лексики является ее краткость и удобство в употреблении, перевод при помощи транслитерации или транскрипции, в большинстве случаев также и однозначность.

Ключевые слова: военно-публицистический стиль, онлайн словарь, лексический уровень, морфологический уровень, стилистические характеристики, интернационализм, терминологические элементы, переводческие стратегии, переводческие трансформации

Для цитирования: Вартанова Л. Р., Рындина Ю. В. Лингвопереводческие особенности интернациональной лексики военной тематики // Гуманитарные и юридические исследования. 2023. Т. 10 (2). С. 328–336. DOI: 10.37493/2409-1030.2023.2.20.

Original article

LINGUISTIC AND TRANSLATIONAL FEATURES OF THE INTERNATIONAL VOCABULARY OF MILITARY SUBJECT

Liana R. Vartanova¹, Yuliya V. Ryndina²

1 North-Caucasus Federal University (1, Pushkina St., 355017 Stavropol, Russian Federation)

Cand. Sci. (Pedagogy), Associate Professor. ORCID: 0000-0001-7983-7994. E-mail: vartanova74@rambler.ru

2 University of Tyumen (1, Lenin Street, 627750, Ishim, Russian Federation)

Cand. Sci. (Pedagogy), Associate Professor. ORCID: 0000-0003-0276-6213. E-mail: y.v.ryndina@utmn.ru

Corresponding author: Liana R. Vartanova, vartanova74@rambler.ru

Abstract. Introduction. In the military domain, the interpreter plays a very important role, since it is the interpreter, who sometimes determines an adequate

assessment of the situation, as well as awareness of the enemy's plans. The meanings of words encountered in everyday communication may be quite different in

military texts, and therefore the translator is required to be well trained in military translation. The relevance of this research lies in the study of the specifics of international military vocabulary. When translating military texts, the translator encounters internationalisms related to the names and tactical and technical characteristics of weapons and equipment. Military translation requires the utmost precision of concepts while preserving informativeness. Covering the problems of translation of internationalisms and «translator's false friends» allow us to reveal the peculiarities of their functioning in the texts on military topics and to determine the ways of their translation. **Materials and methods.** In the work such methods were used as a component analysis to establish the semantic components of the lexical units, a comparative-comparative analysis, which involves comparing the contextual units as a result of analyzing the German and Russian language materials, the method of continuous sampling and quantitative calculations, descriptive-analytical, contextual analysis methods, which constitute a comprehensive method of text interpretation. The material of the study was an online dictionary of concepts and terms of the German armed forces, presented on the specialized German-language Internet site of the German armed forces. **Analysis.** The compositional structure of a military text is determined by its volume and genre. Military-technical texts include

В настоящее время военный переводчик в процессе профессиональной деятельности сталкивается с текстами различных стилей и жанров. Осведомлённость переводчика о «принадлежности текста к тому или иному жанру помогает переводчику определиться с выбором определённых языковых средств и выполнить перевод текста с учётом его адресата» [16, с. 13]. При этом, по мнению М. М. Бахтина, только «в связке с контекстом текст приобретает смысл, вложенный в него одной личностью для его восприятия другой личностью, и именно цель межличностного контакта выполняет контекст» [3, с. 271]. В Лингвистическом энциклопедическом словаре текст определяется как «объединённая смысловой связью последовательность знаковых единиц, основными свойствами которой являются цельность и связность» [19, с. 505]. Текст, по мнению учёного, «всегда имеет целенаправленность и прагматическую установку» [19, с. 505].

При характеристике текста С. В. Серебрякова отмечает «сложную семантическую и формально-грамматическую организацию компонентов текста, которые, вступая в границы текста в особые системные отношения, приобретают качественно новый, интенционально обусловленный стилистический и прагматический эффект» [15, с. 241]. Немаловажным также является и функциональное назначение текста. Так, английский профессор-переводчик Питер Ньюмарк предложил «разделение текстов в соответствии с их коммуникативной функцией на три группы. К первой группе учёный относил тексты, обладающие экспрессивной функцией, ко второй – информативные тексты, и к третьей – апеллятивные тексты» [25, с. 146].

various kinds of instructions on types of military equipment and weapons, descriptions of new weapon models and instructions on the operation of equipment. These texts are characterized by such features as the presence of military-technical terminology of the narrow field of military affairs, the presence of pictures, drawings, diagrams, neutral tone of narration. **Results.** Military texts are a kind of official-business style of speech, characterized by the prescriptive-duty character of speech, its non-personal nature, accuracy, logic, objectivity, clarity, formality, stereotyping, concreteness, generalization, rigor, as well as a special set of clichés and terms. In the texts on military subjects' various types of internationalisms are widely represented: single-word names, abbreviations, nominative word combinations, term elements. The advantage of the international vocabulary is its brevity and ease of use, its translation by transliteration or transcription, in most cases also its unambiguity.

Key words: military-publicistic style, online dictionary, lexical level, morphological level, style-forming characteristics, internationalism, term-elements, translation strategies, translation transformations

For citation: Vartanova L., Ryndina Yu. Linguistic and translational features of the international vocabulary of military subject // Humanities and law research. 2023. V. 10 (2). P. 328–336 (In Russian). DOI: 10.37493/2409-1030.2023.2.20.

Композиционная структура военного текста обусловлена его объёмом и жанром. В книге «Теория и практика военного перевода» Г. М. Стрелковский определяет жанр как «исторически сложившуюся, устойчивую разновидность творческих произведений. Он выделяет также личность побуждателя сообщения по причине необходимости побуждения адресата к определённым действиям или размышлениям» [16, с. 99]. Автор отмечает, что приведённые выше параметры присутствуют во всех военных текстах, но в разной степени.

Согласно Н. К. Гарбовскому и Э. Н. Мишкурору, самой большой группой жанров военных текстов являются распредмечивающие жанры к которым относятся «военно-публицистические тексты, военно-научная и военно-дидактическая коммуникация. Вторая группа включает в себя военные уставы, наставления и инструкции, причём уставы занимают в данной классификации особое место, так как они сочетают в себе две прагматические цели, такие как овладение деятельностью и её регуляция» [8, с. 20].

Исследованием военно-технических текстов занималась также Н. В. Ульянова. Исследователь рассматривает жанровое деление военных текстов, эксплицитную и имплицитную связь во внешней структуре текста, а также внешнюю композиционную структуру военного текста. Автор приходит к выводу, что «в процессе своей профессиональной деятельности реципиент формирует свой персональный тезаурус» [17, с. 288]. Реципиент также формирует в сознании модели реальной действительности, а жанровые ограничения военных текстов могут быть преодолены с помощью межфразовых эксплицитных и имплицитных связей.

Особенностям, присущим текстам военной тематики, посвящена статья Е. А. Кучинской, в которой отмечается, что «исследуя военные тексты, автор касается жанра и композиции текстов военной периодики, а также их соотношением друг с другом, раскрывая иерархическую структуру исследуемых текстов.» [11, с. 460].

По функциональному предназначению и содержательной характеристике Г. М. Стрелковский выделяет «информационные и регламентирующие типы текстов. К информационным текстам он относит военно-научные, военно-технические, военно-информационные и военно-публицистические тексты. Военно-научные тексты обладают узкой специализацией, включая в себя тексты идеологического и стратегического содержания» [16, с. 99]. Основными параметрами, характеризующими тексты военно-научного жанра, являются «направленность на узкий круг специалистов, отсутствие личностной характеристики отправителя текста, описание существа дела (предметной области), логичность высказывания (изложения), использование средств неязыковой наглядности (тактические схемы, схемы организационной структуры, тактические знаки), четкое деление текста на главы, разделы, абзацы» [10, с. 37].

В структуре военно-технических текстов, «представляющих собой объёмные журнальные статьи, можно выделить следующие категории внешней композиционной структуры: заголовок всей статьи, подзаголовки разделов, а следовательно, и сами разделы, вводный абзац. Текст статьи часто сопровождается фотографиями, рисунками, таблицами, например, с тактико-техническими данными описываемых артиллерийских орудий. Фотографии и рисунки сопровождаются подписями» [17, с. 287]. Военно-информационные тексты представляют собой обширную группу и включают в себя тексты в военной периодике и справочной литературе, а также донесения разведки, заключающие в себе информацию о передвижении войск или новейших образцах вооружения. Основное предназначение военно-информационных текстов этого жанра – «сообщить определённую информацию относительно некоторых военных и военно-технических понятий, новых терминов, новостях военной техники или новых положений военной теории» [16, с. 119]. Для военно-информационных текстов характерны в целом констатация фактов, отсутствие доказательств и комментариев, краткость. Этот вид военной литературы представляет для переводчика значительный интерес с точки зрения пополнения профессиональных знаний в области военного дела, правильного понимания появляющихся терминов и понятий [10, с. 38].

К регламентирующим видам текста Г. М. Стрелковский относит «уставы, наставления и военно-деловые тексты. В регламентирующем типе

текстов основными характеристиками являются использование форм настоящего времени, конструкций с модальными глаголами и инфинитивами, а также строгое деление на главы, разделы и абзацы. Главной целью уставов и наставлений является регулирование деятельности войск в военное и мирное время, а военно-деловые тексты включают в себя приказы и прочие документы, относящиеся к области военной логистики, подготовки организации и боевых действий войск.» [16, с. 127].

Материалом нашего исследования выступают тексты военной тематики, «Немецко-русский и русско-немецкий словарь ложных друзей переводчика», составленный К. Г. М. Готлибом и онлайн-словарь вооружённых сил Германии. В целом, рассматриваемые нами тексты рассчитаны на реципиента как из военной, так и из гражданской сферы деятельности. Характерными признаками военно-публицистического текста можно назвать эмоционально-экспрессивный стиль изложения, многократное повторение главной мысли текста и аргументация, что способствует формированию определённых убеждений у читателя. Основными языковыми средствами являются определённая последовательность изложения, использование лексических и стилистических средств для повторения главной мысли, методическое её развитие [11, с. 134].

Лексическая система военно-публицистического стиля включает в себя точность словоупотребления, стилистическое употребление омонимов, архаизмов, неологизмов и терминов. Избегается использование слов с экспрессивной окраской, однако эмоциональность и экспрессивность здесь достигаются косвенными средствами, в частности, изложением «таким образом, при котором слова начинают действовать не только на разум, но и на эмоциональную сферу человеческой психики» [16, с. 122].

Для публицистического стиля характерно широкое использование общественно-политической лексики, а для выразительности речи нередко используются термины в переносном значении. В качестве примера можно привести такие выражения, как *das Gleichgewicht der politischen Kräfte* (баланс политических сил), *Inflation des Gewissens* (инфляция совести), *freundliche Atmosphäre* (атмосфера доброжелательности), *auf dem Körper der Gesellschaft parasitieren* (паразитировать на теле общества).

На морфологическом уровне военно-публицистические тексты характеризуются определёнными формами слов, которые чаще используются именно в этом стиле и тем самым становятся его «морфологической приметой» [4, с. 29]. Так, морфологической приметой военно-публицистического стиля является широкая употребительность в нём формы родительного падежа, подавляющее

преобладание формы 3 лица над формами 1 и 2 лица. Глаголы в настоящем времени используются для сообщений о событиях, запланированных в будущем, что позволяет подчеркнуть актуальность предстоящих событий. Использование глаголов в прошедшем времени более частотно в сравнении с другими книжными стилями и служит для сообщений о происшедшем событии. Типичными чертами также являются использование производных предлогов, использование субстантивированных прилагательных, оценочных существительных, использование слов с интернациональными словообразовательными суффиксами и приставками, употребление неисчисляемых существительных в форме множественного числа, а также частое использование аббревиатур. Существует множество различных классификаций сложносокращенных слов (аббревиатур), основанных на выделении формальных, внешнеструктурных разновидностей сложносокращенных образований. О. С. Ахманова в «Словаре лингвистических терминов» приводит два определения понятия «аббревиатура»: 1) «Сложносокращенное слово, составленное из сокращенных составных элементов (морфем) словосочетания». 2) «Инициальный тип сложносокращенных слов, акроним» [1, с. 27]. Синтаксические особенности военно-публицистического стиля включают в себя устойчивые сочетания (речевые клише) и расчленение текста, позволяющее интонационно и позиционно вычленить структурную часть, связанную по смыслу с основным корпусом текста [4, с. 29].

Интернационализмы составляют также являются лексического уровня текстов военной тематики. Одним из первых лингвистов, обративших внимание на наличие интернационализмов, был выдающийся лингвист XX века Антуан Мейе. Еще в начале XX века он затрагивал вопрос об исторических слоях интернационализмов [7, с. 4]. Немецкий учёный Б. Шедер под интернационализмами понимал слова, понятные во многих языках без перевода. Й. Вольмер определял интернационализмы как «слова, распространенные в разных языках и имеющие одинаковую степень выражения или значения и зачастую не требующие перевода» [24, с. 38].

В нашем исследовании мы опирались на определение интернационализмов, приведенное в Большом лингвистическом энциклопедическом словаре под редакцией В. Н. Ярцевой, на основании которого к интернационализмам относятся «слова, совпадающие по своей внешней форме (с учетом закономерных соответствующих звуковых, графических единиц в конкретных языках) с полным или частично совпадающим смыслом, выражающие понятие международного характера из области науки, политики, культуры и функционирующие в разных неродственных (не менее чем в трех) языках» [19, с. 238]. В современных

языках интернационализмы играют важную роль, став общепринятой языковой нормой и помогая преодолению языкового барьера, переводу и обучению языкам.

При переводе иностранного текста, в том числе и текстов военной тематики, зачастую встаёт проблема возможного смыслового расхождения слов, которые имеют несколько значений, как в исходном, так и в переводящем языке. Подобные явления также присутствуют и в военных текстах, что тоже является одной из их особенностей. В отличие от интернациональной лексики, у которой форма и семантика совпадают, у псевдоинтернациональной лексики в ПЯ и ИЯ семантика совпадает частично, или же вовсе не совпадает. В ходе нашего исследования мы обратились к тематической классификации, сформулированной П. П. Банман и представленной в учебном пособии по военному переводу «Военная терминология и военный перевод» [2, с. 242]. Данная классификация составлена на материале организационной иерархии воинских формирований Бундесвера, состоящей из четырёх групп от малых формирований к большим: *Teileinheiten* (малые подразделения), *Einheiten* (подразделения), *Verbände* (соединения), *Großverbände* (крупные соединения).

На основе классификации, рассмотренной в вышеуказанном пособии, мы составили собственную классификацию интернационализмов и «ложных друзей переводчика». В первую группу мы выделили воинские звания, перешедшие в русский язык из немецкого вследствие исторических связей России и Германии. Во второй группе описываются детали военной униформы, а в третьей (самой большой) описываются термины, имеющие отношение к повседневной армейской жизни, образцам вооружения и мероприятиям. Четвёртая группа содержит в себе термины военно-морского флота, как устаревшие, так и используемые по сей день. В пятой группе находятся слова, имеющие отношение к армейскому вооружению. В шестую группу мы внесли термины, обозначающие должности военнослужащих.

В первой категории данной классификации представлены звания военнослужащих различных родов и видов войск. Более подробный разбор мы бы хотели начать со слова *der Brigadier* из-за его сходства с русским словом бригадир, в основном используемым в сфере строительства. В словаре терминов Бундесвера «Bundeswehr von A bis Z» дано следующее определение:

Brigadier ist ein Befehlshaber einer Brigade, Brigadengeneral [Die Bundeswehr von A bis Z: https://www.bundeswehr.de/soldaten.a_bis_z.a_d]. – Бригадир – это командующий бригадой, бригадный генерал.

Согласно немецкоязычному словарю Дудена, это слово пришло в немецкий язык из французского языка *brigadier* без изменений в написании [Duden: <http://www.duden.de/rechtschreibung/>

Brigadier]. В военной сфере слово бригадир обозначает звание бригадный генерал. Этот военный чин существовал в Русской Императорской армии в XVIII–XIX веках и занимал положение между полковником и генерал-майором. Своим происхождением это звание обязано Великой французской революции, тогда оно возникло для замены звания генерал-майор в королевской армии. В Красной Армии данному чину соответствовало воинское звание «комбриг» [Wikipedia: https://ru.wikipedia.org/Бригадный_генерал]. Перевод лексемы *Brigadier* был осуществлён при помощи транскрипции.

Существительное *Befehlshaber* передано при помощи описательного перевода, а именно командующий бригадой, тем самым, указывая на боевую единицу, над которой осуществляется командование. Ярким примером заимствования является также лексема *der Offizier*. Данный термин не является исконно немецким, он присутствует также и в русском языке и обозначает одну и ту же категорию военнослужащих.

Offiziere sind die Führungskräfte der Bundeswehr. *Sie umfassen vier unterschiedliche Dienstgruppen – Leutnante, Hauptleute, Stabsoffiziere und Generale* [Die Bundeswehr von A bis Z: <https://www.bundeswehr.de/portal/poc/bwde>]. – **Офицеры** – это **командующий** состав Бундесвера. Они разделены на четыре различные группы – лейтенанты, капитаны, штаб-офицеры и генералы.

Для перевода слова *Führungskräfte* мы обратились к замене грамматической категории. В немецком языке преимущественно применяется форма множественного числа, в русском языке – формы множественного и единственного числа: *Führungskräfte* – командующий состав. Используя этимологический словарь Дудена, можно проследить происхождение слова *der Offizier*. Это слово происходит от латинского *officium*, которое впоследствии перешло во французский язык – *officier*, а затем в немецкий [Duden: <http://www.duden.de/rechtschreibung/Offizier>]. В русский язык это звание пришло вместе с так называемыми «полками нового строя» во времена правления Петра I. Офицеры того времени чаще всего были зарубежными специалистами [Wikipedia: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Офицер>]. При переводе лексической единицы *Offizier* мы применили транскрипцию.

Следующая лексема, которую мы рассмотрим, пришла в немецкий язык путём заимствования, только на этот раз из арабского. В русский язык это звание пришло с реформами Петра I, когда в России начал создаваться военно-морской флот европейского образца. Рассмотрим следующий пример:

Der Admiral ist ein Marinedienstgrad und gehört zur Dienstgradgruppe der Generale, der höchsten Ebene der militärischen Hierarchie [Die Bundeswehr

von A bis Z: <https://www.bundeswehr.de/portal/poc/bwde>]. – Адмирал – звание военно-морского флота, принадлежащее к категории генералитета – высшему уровню званий в военной иерархии.

Для перевода словосочетания *Dienstgradgruppe der Generale* мы применили грамматическую трансформацию генерализацию. Для перевода термина *Admiral* мы обратились к приему транслитерации. Интересным для нашего исследования представляется обращение к происхождению слова *der Admiral*: в немецкий язык слово *der Admiral* пришло из арабского языка, и звание командующего военного флота звучало как *emīr al bahr*, что означает князь моря [Köbler, 1995: <http://www.koeblergerhard.de/der/DERA.pdf>]. Как указано в онлайн-энциклопедии «Википедия», в европейских странах это слово начало использоваться в XII в., заменив используемые греческие и римские термины *наварх*, *дуумвир*, *префект навалис* и другие [Wikipedia: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Адмирал>].

Следующая категория, которую мы рассмотрели в данном исследовании – слова, относящиеся к военной униформе. Большая часть этих слов также появилась в русском языке после военной реформы Петра I. Этим фактом можно объяснить созвучие многих слов, обозначающих элементы униформы военнослужащих. Даже термин униформа [воен. форма] пришел в немецкий и русский языки из французского практически без изменений. Так раскрывает его значение словарь военных терминов Бундесвера:

Soldaten tragen im Dienst Uniform, die für die jeweilige Tätigkeit ausgelegt ist. Es gibt beispielsweise den Dienstanzug, den Feldanzug, den Bord- und Gefechtsanzug oder den Sportanzug [Die Bundeswehr von A bis Z: https://www.bundeswehr.de/bwde.streitkraefte.soldaten.a_bis_z.u_z]. – *Во время прохождения службы солдаты носят форму, предназначенную для соответствующего вида деятельности. К примеру, существует служебная, полевая, боевая или спортивная форма.*

Согласно словарю Дудена, слово *die Uniform* произошло от французского слова *uniforme* и может служить примером того, как военные термины получают распространение в повседневной жизни. В наше время униформой называется любая одежда, которая носится представителями определённой профессии или социальной группы. В тексте речь идет о военной форме, поэтому при переводе мы обратились к соответствующему эквиваленту в русском языке, а именно к значению лексемы в военной сфере форма. В данном случае речь идет о дифференциации значений.

В российских вооружённых силах используются такие отличительные знаки, как галуны. Интернет-ресурс «Викисловарь» описывает их как нашивки на форменной одежде из тесьмы, вышитой золотом и серебром [Wiktionary: <https://>

ru.wiktionary.org/wiki/галун]. В словаре военных терминов Бундесвера даётся следующее описание данной лексики:

Litzen sind farbige Stoffbändchen [Breite: 0,4 Zentimeter] in den Farben der Kragenspiegel. [Die Bundeswehr von A bis Z: https://www.bundeswehr.de/streitkraefte.soldaten.a_bis_z.i_l]. – *Галуны* – это цветные тканевые ленты шириной 4 мм., подходящие по цвету к петлицам.

Для указания ширины мы в данном случае обратились к соответствующему эквиваленту, так как русскоязычный читатель привык воспринимать меры длины в целых, а не дробных значениях. В словаре «Мультитран», где указаны такие значения, как шнур, галун, жгут [Multitran: <http://www.multitran.ru>]. В российской армии галуны начали использоваться с XVIII века, во время правления Петра I, который тем самым, стремился преобразить армию на европейский манер.

Другой деталью военной униформы является портупей. Согласно словарю Дудена, это слово произошло от французского слова *porte-épée* [Duden: <http://www.duden.de/rechtschreibung/Portepee>]. Для указания периода, в котором произошло заимствование слова *das Portepee*, мы обратились к этимологическому онлайн-словарю М. Фасмера. Лексема *das Portepee* пришла в русский язык в начале XVIII века [Фасмер, 1986: <http://vasmer.slovaronline.com/PORTUPEYA>]. Словарь военных терминов Бундесвера даёт нам следующее определение этого слова:

Das Portepee ist ursprünglich ein Band oder eine Kordel am Griff eines Schwertes, Säbels oder Degens. Um das Handgelenk sowie den Griff geschlungen, sollte es verhindern, dass dem Träger seine Waffe aus der Hand geschlagen wird [Die Bundeswehr von A bis Z: https://www.bundeswehr.de/soldaten.a_bis_z.m_p]. – *Изначально понятие портупей означало петлю или шнур на рукоятке меча, сабли или шпаги. Обвиваясь вокруг запястья, она должна была предотвращать выбивание оружия из руки солдата.*

В русский язык лексема *Portepee* пришла путем транскрипции. При переводе лексемы *Träger* мы использовали грамматическую трансформацию конкретизации. Хотя изначально портупей была предназначена для ношения холодного оружия, развитие огнестрельного оружия расширило функции портупей, и именно от неё произошёл такой элемент снаряжения, как кобура [Wikipedia: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Портупей>].

Не менее интересным с переводческой точки зрения является фразеологизм *Erste Geige* в военной терминологии. С переводческой точки зрения это словосочетание представляет интерес, так как в военной сфере оно имеет совсем иное значение. В онлайн-энциклопедии «Википедия», выражение *Erste Geige* приводится в его основном значении: *первая скрипка*, то есть концертмейстер концерта

[Wikipedia: <https://de.wikipedia.org/wiki/Konzertmeister>]. Однако словарь военной лексики определяет значение этого фразеологизма иначе:

«Erste Geige» ist die in der Marine gebräuchliche Bezeichnung für den Dienstanzug [Die Bundeswehr von A bis Z: https://www.bundeswehr.de/streitkraefte.soldaten.a_bis_z.e_h]. – *«Первая скрипка»* – принятое в военно-морском флоте обозначение служебной формы.

При переводе словосочетания *Erste Geige* мы применили прием калькирования. Термином *Erste Geige* обозначается летний вариант военной формы. Существует также и зимний вариант, который носит название *Zweite Geige* (*Вторая скрипка*) [Wikipedia: <https://de.wikipedia.org/wiki/Uniform>].

Ещё одним примером расхождения значений в немецком и русском языках является слово *das Schiffchen*. Несмотря на то, что буквально это слово можно перевести как кораблик, оно обозначает головной убор, который встречается как в немецких военно-воздушных силах и флоте, так и в российских. Словарь военных терминов Бундесвера приводит следующее определение этого термина:

Das Schiffchen ist eine Kopfbedeckung und Uniformteil, die den Namen aufgrund ihrer Form erhalten hat [Die Bundeswehr von A bis Z: https://www.bundeswehr.de/streitkraefte.soldaten.a_bis_z.q_t]. – *Пилотка* – это головной убор и часть формы, получившая своё название из-за своей формы.

Немецкий термин *das Schiffchen* передается русским эквивалентом *пилотка*.

Третья категория нашей классификации охватывает термины, имеющие отношение к общеармейским терминам, от флота до сухопутных войск. Так, с помощью немецкой версии сайта «Википедия» и онлайн-словаря Брокгауза и Ефрона мы рассмотрим значения лексемы *das Biwak*, изначально пришедшую в немецкий язык из французского *bivouac* и означающую *ночной или временный лагерь* [Wikipedia: <https://de.wikipedia.org/wiki/Biwak>]. В словаре военных терминов Бундесвера приводится следующее определение лексемы *das Biwak*:

Ein Biwak ist ein provisorisches Feldlager, bei dem Truppen im Gelände kampieren [Die Bundeswehr von A bis Z: https://www.bundeswehr.de/streitkraefte.soldaten.a_bis_z.a_d]. – *Бивак* – это временный полевой лагерь, в котором располагаются войска на местности.

При переводе лексемы *Biwak* мы воспользовались поиском соответствующего эквивалента в русском языке. В настоящее время данная лексема практически не используется, ее сменила лексема *привал*, но она всё ещё может встретиться в исторических текстах.

Еще одним интересным примером является лексема *der Appell*. Как указывает словарь Дудена, это слово произошло от французского слова

appel и, согласно «Современному русско-немецкому и немецко-русскому словарю» означает призыв, обращение [14, с. 593]. В военной же сфере этому термину соответствует русский эквивалент смотр или развод личного состава. В словаре военных терминов Бундесвера приводится следующее значение:

Bei einem Appell treten Soldaten einer Einheit an, um von ihren Vorgesetzten Befehle oder Informationen zu erhalten [Die Bundeswehr von A bis Z: <https://www.bundeswehr.de/streitkraefte>]. – Во время **смотра** солдаты подразделения становятся в строй для получения приказаний или информации от командира.

Для перевода глагола antreten мы воспользовались лексической трансформацией конкретизации, так как, согласно словарю «Мультитран», в военной сфере это слово обозначает не только начинать или трогаться, но и становиться в строй [Multitrans: <http://www.multitrans.ru/c/antreten>].

Ещё одним общеупотребимым в военной лексике понятием является термин *das Manöver*. Согласно словарю Дудена и интернет-ресурсу «Викисловарь», эта лексема произошла от французского слова *manœuvre*, а уже затем перешло в русский язык, со значением тренировочная имитация боевых или военных действий [Wiktionary: <https://ru.wiktionary.org/манёвры>]. Словарь военных терминов Бундесвера приводит следующее описание этого слова:

Ein Manöver ist eine möglichst realitätsnahe militärische Übung. Dabei können Manövermunition, Simulationstechnik, aber auch scharfe Munition eingesetzt werden. Meist finden Manöver auf Übungsplätzen oder in speziellen Übungsluftäumen statt [Die Bundeswehr von A bis Z: https://www.bundeswehr.de/bwde.streitkraefte.soldaten.a_bis_z.m_p]. – **Манёвр** – это максимально приближенное к реальным условиям военное мероприятие. В ходе его выполнения используются холостые патроны и макеты техники, но используются также и боевые патроны. Чаще всего манёвры проводятся на полигонах или обозначенных воздушных пространствах.

При переводе слова *das Manöver* мы применили прием транскрипции.

Обратим также внимание и на лексему *der Zug*. В немецком языке у этого слова существует несколько значений, однако значение, используемое в военной лексике, сильно отличается от основного. Так раскрывает значение этого слова онлайн-словарь терминов Бундесвера:

Der Zug ist die Teileinheit oberhalb der Gruppe. Er umfasst meist mehrere Gruppen und besteht aus bis zu 40 Soldaten [Die Bundeswehr von A bis Z: https://www.bundeswehr.de/streitkraefte.soldaten.a_bis_z.u_z]. – **Взвод** – это воинское соединение, стоящее выше отделения. Часто в его состав входят несколько отделений общей численностью до 40 человек.

Для перевода лексемы *Zug* мы использовали эквивалент в русском языке. При переводе выражения *oberhalb der Gruppe* мы применили прием модуляции, добавив причастие стоящее, учитывая контекст.

Термин *der Zug* может представлять определённую опасность для переводчика, так как, согласно онлайн-словарю Дудена, *der Zug* имеет такие значения, как поезд, движение или ход [Duden: http://www.duden.de/rechtschreibung/Zug_Wagenreihe_Kolonne_Kraft]. Данные значения широко распространены, следовательно, вероятность того, что они встретятся в военном тексте наряду со словом взвод, весьма высока.

Анализ военно-технических текстов мы продолжим на примере статьи, размещённой на немецкоязычном сайте Whq-forum:

Sie ist zur Zeit eines der leistungsfähigsten Rohrtilleriesysteme der Welt, mit im Vergleich zu den Vorgängern drastisch verbesserter Reichweite, Genauigkeit, Schutz, Mobilität und Autonomie [Panzerhaubitze 2000: <http://www.whq-forum.de/cms/377.0.html>]. – В настоящее время это одна из самых мощных систем ствольной артиллерии в мире со значительно улучшенными, по сравнению с его предшественниками **дальностью стрельбы, точностью, защитой, мобильностью и автономностью**.

В приведённом предложении нас интересует термин *Reichweite*, который, согласно онлайн-словарю «Мультитран» можно перевести и как запас хода, и как дальноточность. В пользу выбранного нами варианта перевода слова *die Reichweite* говорит наличие в этом предложении военного термина *die Mobilität*, переведённый нами как мобильность с помощью поиска соответствующего эквивалента в русском языке.

Согласно интернет энциклопедии «Википедия», термин мобильность в военном деле «определяется временем развёртывания, проходимость, запасом хода и максимальной скоростью движения, способностью вести стрельбу в движении, транспортабельностью» [Wikipedia: <https://ru.wikipedia.org/wiki/мобильность>].

Перевод интернациональной лексики военной тематики зависит также и от функционального стиля переводимого текста. Каждый стиль обладает своими лексическими, морфологическими и синтаксическими особенностями, что также накладывает свой отпечаток на перевод текста. Поэтому переводчику следует обращать внимание на слова, которые распространены за пределами одного языка – интернационализмами, так как среди них могут быть и «ложные друзья переводчика». В этом переводчику могут помочь аналоговые тексты, в которых присутствует раскрытие значения искомого слова, тематические словари, а также осведомлённость о последних достижениях и тенденциях в той сфере, которой принадлежит переводимый текст.

При переводе широко используются логические структуры со значением условия и причины. Одной из основных особенностей, которые могут представлять трудности для переводчика, является частое использование специальных терминов. Особенности немецкой военной терминологии как терминологической системы заключаются в системности, стилистической нейтральности, однозначности. Большинство терминов являются сложными словами или заимствованиями из других языков. Под военным термином мы понимаем устойчивую единицу синтетической или аналитической номинации, закрепленную за соответствующим понятием в понятийно-функциональной системе определенной сферы военной деятельности в значении, регламентированном его дефиницией. В процессе перевода военных текстов наблюдается более частое использование калькирования, транскрипции и транслитерации. Также, военные тексты отличаются частым использованием специальных терминов. При переводе иностранного текста, в том числе и текстов военной тематики, зачастую встаёт проблема возможного смыслового

расхождения слов, которые имеют несколько значений, как в исходном, так и в переводящем языке. Смысловые расхождения также присутствуют и в военных текстах, что тоже является одной из их особенностей, так как существует вероятность неверного толкования термина, встречающегося в гражданской и военной лексике. Встречающиеся в военных текстах «ложные друзья переводчика», отличаются от значений, которыми они обладают в гражданской сфере деятельности. Основными способами перевода интернационализмов являются транслитерация, транскрипция и описательный перевод, и перевод эквивалентного соответствия. При переводе псевдоинтернационализмов использование транслитерации и транскрипции может привести к переводческим ошибкам, поэтому наиболее корректным способом перевода межъязыковых омонимов является эквивалентное соответствие. Обеспечению адекватного перевода также способствует правильная идентификация стиля переводимого текста, а также его анализ на лексическом, морфологическом и синтаксическом уровнях.

Литература

1. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М.: Едиториал УРСС, 2010. 571 с.
2. Банман П. П., Леглер А. А. Военная терминология и военный перевод: Учебное пособие. Ставрополь: СКФУ, 2015. 186 с.
3. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М.: «Искусство», 1979. — 424 с. URL: http://psylib.org.ua/books/_baht01.htm
4. Бобылёв Б. Г. Русский язык и культура речи: Учебник. Орёл: ОрелГТУ, 2008. 485 с.
5. Викисловарь. URL: <https://ru.wiktionary.org/wiki/>. (дата обращения: 05.01. 2021).
6. Википедия. Свободная энциклопедия. URL: <https://ru.wikipedia.org/>. (дата обращения: 05.01.2021).
7. Ганя П. Г. Интернационализмы, как фактор сближения лексики неблизкородственных языков: автореф. дис. ... канд. филол. наук.. Одесса, 1989. 16 с.
8. Гарбовский Н. К., Мишуров Э. Н. Военный перевод в современном мире (теоретико-методологические, лингвистические, военно-исторические и социально-политические аспекты) // Вестник Московского университета. 2010. № 2. С. 16–41.
9. Готлиб К. Г. Немецко-русский и русско-немецкий словарь «ложных друзей переводчика». М.: Советская энциклопедия, 1972. 398 с.
10. Ефимов Р. В. Учебник военного перевода. Общий курс. М.: Военное издательство, 1985. 402 с.
11. Кучинская Е. А. Жанр и композиция текста в военной периодике (коммуникативно-семантическое моделирование). М.: Наука, 2011. 420 с.
12. Онлайн словарь «Мультитран». URL: <http://www.multitran.ru/c/m.exe?l1=3&l2=2&s=Litze>. (дата обращения: 05.01. 2021).
13. Онлайн-словарь «Abbyy Lingvo». URL: <http://www.lingvo.ua/ru/Translate/de-ru/appell>. (дата обращения: 05.01.2021).
14. Рымашевская Э. Л. Современный немецко-русский и русско-немецкий словарь. М.: Фирма «НИК П», 1999. 832 с.
15. Серебрякова С. В. Концептуальная значимость заглавия в переводческом аспекте // Язык. Текст. Дискурс: Научный альманах. Вып. 6. / Ставрополь-Краснодар: СГУ, КГУ, 2008. С. 241–245.
16. Стрелковский Г. М. Теория и практика военного перевода: немецкий язык. М.: Воениздат, 1979. 272 с. URL: http://samlib.ru/w/wagarow_a_s/strelkovski.shtml. (дата обращения: 05.01.2021).
17. Ульянова Н. В. Военный текст как объект профессионально-ориентированного иноязычного чтения // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2009. № 2. С. 284–289.
18. Этимологический словарь русского языка онлайн URL: <http://vasmer.slovaronline.com/PORTUPEYA>. (дата обращения: 05.01.2021).
19. Ярцева В. Н. Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Советская Энциклопедия, 1990. 638 с.
20. Bundeswehr von A bis Z / URL: <https://www.bundeswehr.de/portal/a/bwde/start/streitkraefte/soldaten/>. (дата обращения: 05.01.2021).
21. Das Bundeswehr-Lexicon URL: <http://www.unmoralische.de/bundeswehr.htm>. (дата обращения: 05.01.2021).
22. Der Sanitätsdienst des Heeres URL: <http://www.wehrmed.de/article/2930-der-sanitaetsdienst-des-heeres.html>. (дата обращения: 05.01.2021).
23. Duden / URL: <http://www.duden.de/>. (дата обращения: 05.01.2021).
24. Internationalismen. Studien zur interlingualen Lexikologie und Lexikographie / Burkhard Schaefer, Peter Braun, Johannes Volmert, Tübingen, 1990. P. 34–46.
25. Newmark P. A Textbook of Translation. New York: Prentice Hall. 1988. 304 P. URL: <https://media.ls.urfu.ru/559/1520/3550/4071/>. (дата обращения: 05.01. 2021).

26. Köbler G. Deutsches Etymologisches Wörterbuch. 1995. URL: <http://www.koeblergerhard.de/der/DERA.pdf>. (дата обращения: 05.01.2021).
27. Panzerhaubitze 2000. URL: <http://www.whq-forum.de/cms/377.0.html>. (дата обращения: 05.01.2021).

References

1. Akhmanova O. S. Dictionary of linguistic terms. Moscow: Editorial URSS, 2010. 571 p. (In Russ.).
2. Banman P. P., Legler, A. A. Military terminology and military translation. Stavropol': NCFU publ., 2015. 186 p. (In Russ.).
3. Bakhtin M. M. Aesthetics of speech creativity. Moscow: Iskustvo, 1979. 424 s. URL: http://psylib.org.ua/books/_bahtm01.htm. (In Russ.).
4. Bobylev B. G. The Russian language and the culture of speech. Orel: OrelSTU publ., 2008. 485 p. (In Russ.).
5. Wikislovar. Available at: <https://ru.wiktionary.org/wiki/>. [Accessed 01 May 2023]. (In Russ.).
6. Wikipedia. Available at: <https://ru.wikipedia.org/>. [Accessed 01 May 2023]. (In Russ.).
7. Ganya P. G. International words as a factor of bridging the gap between non-related languages: Abstract Cand. thesis. Odessa, 1989. 16 p. (In Russ.).
8. Garbovskii N. K., Mishkurov E. N. Military translation in modern world (theoretical, methodological, linguistic, military-historical and social-political aspects). Vestnik Moskovskogo universiteta = Bulletin of Moscow University. 2010;2:16–41. (In Russ.).
9. Gotlib K. G. German-Russian and Russian-German dictionary of "false translator's friends". Moscow: Sovetskaya entsiklopediya, 1972. 398 p. (In Russ.).
10. Efimov R. V. Textbook on military translation. Moscow: Voennoe izdatel'stvo, 1985. 402 p. (In Russ.).
11. Kuchinskaya E. A. The genre and the composition of a text in military periodics. Moscow: Nauka, 2011. 420 p. (In Russ.).
12. Online dictionary «Multitran». Available at: <http://www.multitran.ru/c/m.exe?l1=3&l2=2&s=Litze>. [Accessed 01 May 2023].
13. Online dictionary «Abbyy Lingvo». Available at: <http://www.lingvo.ua/ru/Translate/de-ru/appell>. [Accessed 01 May 2023]. (In Russ.).
14. Rymashevskaya EL. Modern German-Russian and Russian-German dictionary. Moscow: Firma «NIK P», 1999. 832 p. (In Russ.).
15. Serebryakova S. V. The conceptual meaning of the heading in translation perspective in Language. Text. Discourse: Scientific almanac. Issue. 6. Stavropol'-Krasnodar: SSU, KSU publ., 2008. P. 241–245. (In Russ.).
16. Strelkovskii G.M. Theory and practice of military translation: the German language. Moscow: Voenizdat, 1979. 272 p. URL: http://samlib.ru/w/wagapow_a_s/strelkovski.shtml. [Accessed 01 May 2023]. (In Russ.).
17. Ul'yanova NV. A military text as the object of professional training. Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye nauki = News of the Tula State University. Humanitarian sciences. 2009;2:284–289. (In Russ.).
18. Etymology dictionary of the Russian language. Available at: <http://vasmer.slovaronline.com/PORTUPEYA>. [Accessed 01 May 2023]. (In Russ.).
19. Yartseva VN. Linguistic encyclopedic dictionary. Moscow: Sovetskaya Entsiklopediya, 1990. 638 p. (In Russ.).
20. Bundeswehr von A bis Z / Available at: <https://www.bundeswehr.de/portal/a/bwde/start/streitkraefte/soldaten/>. [Accessed 01 May 2023].
21. Das Bundeswehr-Lexicon Available at: <http://www.unmoralische.de/bundeswehr.htm>. [Accessed 01 May 2023].
22. Der Sanitätsdienst des Heeres Available at: <http://www.wehrmed.de/article/2930-der-sanitaetsdienst-des-heeres.html>. [Accessed 01 May 2023].
23. Duden / URL: <http://www.duden.de/>. [Accessed 01 May 2023].
24. Internationalismen. Studien zur interlingualen Lexikologie und Lexikographie / Burkhard Schaefer, Peter Braun, Johannes Volmert, Tübingen, 1990. s. 34–46.
25. Newmark PA. Textbook of Translation. New York: Prentice Hall. 1988. 304 P. Available at: <https://media.ls.urfu.ru/559/1520/3550/4071/>. [Accessed 01 May 2023].
26. Köbler G. Deutsches Etymologisches Wörterbuch. 1995. Available at: <http://www.koeblergerhard.de/der/DERA.pdf>. [Accessed 01 May 2023].
27. Panzerhaubitze 2000. Available at: <http://www.whq-forum.de/cms/377.0.html>. [Accessed 01 May 2023].

Научная статья
УДК 81.373.47
<https://doi.org/10.37493/2409-1030.2023.2.21>

ГИПЕРКОНЦЕПТ КАЧЕСТВО КАК МЕХАНИЗМ ВЕРБАЛЬНОГО ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ЭПИТЕТНОЙ ПАРАДИГМЫ В ТВОРЧЕСТВЕ М. ЦВЕТАЕВОЙ

Вioletta Михайловна Грязнова¹
Сергей Анатольевич Губанов²

- 1 Северо-Кавказский федеральный университет (д. 1, ул. Пушкина, 355017, Ставрополь, Российская Федерация)
Доктор филологических наук, профессор. ORCID: 0000-0003-2577-9594. E-mail: violetta-sgy@mail.ru
- 2 Самарский университет государственного управления «Международный институт рынка» (д. 21, ул. Г.С. Аксакова, 443030, Самара, Российская Федерация)
Кандидат филологических наук, доцент. ORCID: 0000-0003-3011-4589. E-mail: gubanov5@rambler.ru

Автор, ответственный за переписку: Грязнова Violetta Михайловна, violetta-sgy@mail.ru

Аннотация. Введение. Признаковая лексика часто становится предметом исследования когнитивной лингвистики. Настоящая статья посвящена описанию специфики вербализации гиперконцепта Качество средствами эпитетных комплексов в текстах М. Цветаевой. Актуальность статьи обусловлена предпринятой в ней попыткой описать механизмы моделирования эпитетных комплексов в творчестве М. Цветаевой с когнитивно-семантической позиции. **Материалы и методы.** В качестве материала взяты несколько эпитетных номинаций характера субъекта, имеющих семантическую специфику языковой репрезентации в творчестве М. Цветаевой. На основе последовательного сопоставления словарных значений эпитетных слов и их идиостилевых семантических особенностей выявляется специфика репрезентации базовых характерологических эпитетных комплексов. Эпитетные комплексы отбирались на основе метода сплошной выборки из полного собрания сочинений поэта. Комплексная методология исследования, включающая когнитивно-семантический, компонентный методы, позволила раскрыть специфику эпитетной парадигматичности творчества М. Цветаевой. **Анализ.** Структура гиперконцепта Качество обуславливает многоуровневую репрезентацию признаков эпитетными словами. В рамках статьи проанализирован

самый репрезентативный и частотно представленный в идиолекте поэта когнитивный признак гиперконцепта «собственно качественность» и один из его типов - социально-коммуникативный, характерологический. Моделирование смысла в рамках эпитетного комплекса происходит средствами неузвального употребления эпитетной лексики, изменения сочетаемостных свойств признаков слов и объектов эпитетации, продиктованными поэтическими установками. **Результаты.** Авторы приходят к выводу, что эпитетные комплексы различных семантических и структурных типов, вербализующие характерологический социально-коммуникативный признак когнитивного признака «собственно качественность» гиперконцепта Качество, представляют собой системное явление парадигматического характера, воплощающее антропоморфность художественного языка поэта.

Ключевые слова: гиперконцепт, эпитетный комплекс, признак, качество, эпитетная парадигма, Марина Цветаева, идиолект

Для цитирования: Грязнова В. М., Губанов С. А. Гиперконцепт Качество как механизм вербального представления эпитетной парадигмы в творчестве М. Цветаевой // Гуманитарные и юридические исследования. 2023. Т. 10 (2). С. 337–342. DOI: 10.37493/2409-1030.2023.2.21.

Original article

HYPERCONCEPT QUALITY AS A MECHANISM OF VERBAL REPRESENTATION OF EPITHETIC PARADIGM IN M. TSVETAeva's WORKS

Violetta M. Gryaznova¹
Sergey A. Gubanov²

- 1 North-Caucasus Federal University (1, Pushkina St., 355017 Stavropol, Russian Federation)
Dr. Sci. (Philology), Professor. ORCID: 0000-0003-2577-9594. E-mail: violetta-sgy@mail.ru
- 2 Samara State University of Public Administration «International Market Institute» (21, G.S. Aksakova St., 443030 Samara, Russian Federation)
Cand. Sci. (Philology), Associate Professor. ORCID: 0000-0003-3011-4589. E-mail: gubanov5@rambler.ru

Corresponding author: Violetta M. Gryaznova, violetta-sgy@mail.ru

Abstract. Introduction. Attributive vocabulary often becomes the subject of research in cognitive linguistics. The study focuses on the description of the specifics of the verbalization of the hyperconcept Quality by means of epithet complexes in M. Tsvetaeva's texts. The relevance of the article is due to the attempt made

in it to describe the mechanisms of modeling epithet complexes in the work of M. Tsvetaeva from a cognitive-semantic position. **Materials and Methods.** Several epithet nominations of the character of the subject, which have a semantic specificity of linguistic representation in M. Tsvetaeva's work, are taken as material. On the basis

of a consistent comparison of the dictionary meanings of epithet words and their idiosyncratic semantic features the specificity of the representation of basic characterological epithet complexes is revealed. The epithet complexes were selected on the basis of the continuous sampling method from the complete collection of the poet's works. The comprehensive methodology of the study, including cognitive-semantic, component methods, made it possible to reveal the specifics of the epithet paradigm of M. Tsvetaeva's work. Analysis. The structure of the hyperconcept Quality determines the multilevel representation of features by epithet words. The article analyzes the most representative and frequently represented in the poet's idiolect cognitive feature of the hyperconcept «proper quality» and one of its types - socio-communicative, characterological. Modeling of meaning within the framework of the epithet complex occurs by

Введение. Актуальность данного исследования определяется тем, что современная антропологическая лингвистика рассматривает языковые факты под когнитивным углом зрения, опираясь на специфику познания мира человеком и репрезентации результатов этого познания в языковой форме. Языковые единицы, семантически представляющие понятие качественности (от прилагательных и наречий до местоимений и других частей речи), в настоящее время изучаются с когнитивных позиций [2; 3; 12]. Процесс наделения признаком той или иной реалии связан с познавательной деятельностью человека и представляет собой сложный процесс отбора свойств объекта, которые актуализируются в сознании субъекта в определенном контексте. В художественном типе коммуникации признаковая номинация осложнена субъективным типом номинации, пронизывающим все текстовое пространство, что осложняет анализ мотивации появления признака.

Цель настоящей статьи состоит в рассмотрении механизмов вербального представления эпитетной (качественной) парадигмы творчества М. Цветаевой средствами гиперконцепта Качество.

Материалы и методы. При написании статьи был проанализирован материал, представляющий социально-коммуникативный признак когнитивного признака «собственно качественность» и имеющий 2152 эпитетных репрезентаций в виде эпитетных комплексов, из них характерологических было выявлено 574 единицы.

Основными методами, применяемыми при анализе языкового материала, выступили когнитивный метод, семантический метод, метод компонентного анализа, статистический метод.

Анализ. Качественная характеристика окружающей действительности является одним из основных механизмов познания. Выделение свойств, признаков объекта свидетельствует о том, что субъект познания выделяет для себя те или иные его специфичные черты, которые в дальнейшем будут отличать один объект от другого. При последующем контакте с данным объек-

means of non-usual use of epithet vocabulary, changes in the compatibility properties of characteristic words and objects of epithetation, conditioned by poetic attitudes. Results. The authors conclude that epithet complexes of various semantic and structural types, verbalizing the characterological socio-communicative feature of the cognitive feature «proper quality» of the hyperconcept Quality, are a systemic phenomenon of paradigmatic nature, embodying the anthropomorphism of the poet's language.

Key words: hyperconcept, epithet complex, attribute, quality, epithet paradigm, Marina Tsvetaeva, idiolect

For citation: Gryaznova V., Gubanov S. Hyperconcept Quality as a mechanism of verbal representation of epithetic paradigm in M. Tsvetaeva's works // Humanities and law research. 2023. V. 10 (2). P. 337–342 (In Russian). DOI: 10.37493/2409-1030.2023.2.21.

том познающий субъект будет его опознавать по определенным свойствам, признавая их в качестве объективных, устойчивых, эталонных. Если контекст общения или реальные условия взаимодействия с объектом поменялись, субъект может подметить и выделить новые свойства, которые он ранее не замечал и упаковать это знание в общую матрицу набора признаков реалии.

Когнитивным процессом наделения признаком, а затем специфичным качеством признается концептуальный механизм наделения признаком, который реализуется средствами вербальной репрезентации больших ментальных структур, которые получили название гиперконцептов или макроконцептов. Качественные характеристики реалий представлены разнообразными типами признаков от чувственно воспринимаемых (как принято говорить, эмпирически наблюдаемых, сенсорных) до абстрактных, оценочных, социально одобряемых или неодобряемых и т.д.

Гиперконцепт **Качество** предстает в виде глобальной ментальной структуры, концептуализирующей различные признаки и качества объекта. Механизм наделения признаком предстает в качестве субъективного семиотического процесса, поэтому выдвижение одних признаков и игнорирование других предстает закономерным явлением. Данный когнитивный процесс имеет сложную ментально-когнитивную структуру, которую можно представить в виде соотношения объекта с другим объектом и на основе данного соположения выявления того или иного признака. Свойство объекта понимается в работе как внутреннее присущая, объективная характеристика; признак появляется в результате установления специфики объекта на фоне других; качество же появляется в результате непосредственного оперирования с объектом, контекстуальным, содержательным «общением» с ним.

Разделение прилагательных как части речи, специализирующейся на языковом выражении качества, на логико-смысловые разряды представляется условным. Основной функцией адъ-

ективного слова следует признать вербализацию качества объекта, поэтому сема качественности непременно присутствует во всех типах прилагательных, не только качественных, но и относительных и притяжательных. Разница между ними заключается в степени экспликации качественного значения: в качественных прилагательных оно является единственным, в других же присутствует в процессе семиотизации, установления соотношения между объектами, путем отсылки к другому предмету (каменный дом – дом из камня, свойство и предмет отождествлены) [12]. Приобретение некачественными адъективами качественной семантики происходит довольно часто как в речи, так и в художественном дискурсе (каменное лицо, волчий взгляд). По этой причине предлагаются термины «качественно-относительные» прилагательные и другие терминообозначения.

Концепт **Качество** имеет сложную когнитивную природу и представлен тремя когнитивными признаками: собственно качественность, относительность+качественность и принадлежность+качественность. Как видно из номинаций когнитивных признаков, составляющих концепт, качественность присутствует как необходимая составляющая, поскольку именно этот гиперпризнак отражает специфику концепта и его ядерное значение.

Собственно качественность формируется посредством познания объектов с помощью органов чувств, а также в результате реакций познающего субъекта на среду или других субъектов в результате общения с ними. Таким образом, собственно качественный когнитивный признак предлагается представить в виде трехчленной структуры, имеющей в своем составе такие признаки, как *сенсорные, эмотивно-поведенческие, социально-коммуникативные*. Все они в основном оценочны, поэтому в речи могут иметь различные семантические коннотации.

Единицей исследования выступает эпитетный комплекс как семантико-структурное единство объекта эпитетации и эпитетного слова [4]. Оба компонента эпитетного комплекса участвуют в процессе наделения признаком, поскольку зачастую относятся к различным ментальным пространствам, когнитивно соположенным в рамках идиостиля. Когнитивной структурой, формирующей идиолект М. Цветаевой, выступает понятие *эпитетной парадигмы*, совокупности эпитетных комплексов, объединенных в рамках идиолекта и имеющих единую логику эпитетации.

Эпитет для М. Цветаевой существует *в виде лингвистической категории*, раскрывающей понятие качественности: это единственное слово, наиболее точно отражающее сущность явления. Кроме этого, нужно привести следующие строки: *Не справедливость бесстрастия, страсть*

справедливости. (Не справедливость бесстрастна, а мы к ней!). Свое отношение к предмету мы делаем его качеством [11, т. 5, с. 248]. Очевидно, что оценка предмета, индивидуальная трактовка его признаков делает их качеством, что отмечено в приведенной цитате.

Терминологически эпитетный комплекс упоминается в работах, посвященных сложному эпитету [9; 10], идиолекту М. Цветаевой (именуется атрибутивной регулятивной структурой) [1], а также при теоретическом осмыслении понятия атрибутивности [13]. Все работы так или иначе обращаются в том числе и к художественным текстам, содержащим неязыковые способы обнаружения качественных характеристик.

При изучении языка М. Цветаевой исследователями выявлены нормативные, устойчивые нормативные и индивидуально-авторские атрибутивные словосочетания [8], проанализированы колоративные признаки [5]; системного же рассмотрения всей совокупности эпитетных комплексов пока не проводилось.

О. Г. Ревзина также отмечает важную закономерность идиолектных метафорических номинаций М. Цветаевой, которые по своей сущности имеют антропоцентричную основу: все три ментальных пространства (сфера человека, сфера артефактов и сфера природы), в рамках которых происходит метафорический перенос, ориентированы на передачу авторской, субъективной модальности. В связи с этим как глагольная лексика, так и именная (субстантивная и адъективная) подчинены задаче выявить особенности субъектной составляющей переносных номинаций [8].

Когнитивный признак «собственно качественность» гиперконцепта Качество представлен социально-коммуникативным признаком, одним из самых репрезентативных в речи и в нашем материале: это все характеристики субъекта, появляющиеся в процессе его коммуникативной деятельности с другими субъектами в социуме.

В работе остановимся на самом широко представленном в материале характерологическом подпризнаке социально-коммуникативного признака. Он вербализован эпитетными комплексами, в состав которых в качестве эпитетных слов входят не только имена прилагательные, но и наречия, слова категории состояния и слова других частей речи, однако, безусловно, ядро, более 90% эпитетных комплексов содержат адъективные лексемы, номинирующие характер человека.

Характер субъекта является устойчивым качеством, поэтому имеет важное значение при обрисовке образа человека. К характерологическим эпитетам относим следующие: *добрый* (86 единиц в составе эпитетных конструкций), *страстный* (33), *гордый* (25), *надменный* (19), *скромный* (19), *дерзкий* (18), *кроткий* (18), *жестокый* (15), *капризный* (15), *бешеный* (15), *робкий* (14),

смелый (14), *суровый* (14), *вероломный* (10), *властный* (*властолюбивый*) (10), *шалый* (10), *лживый* (8), *храбрый* (8), *наглый* (7), *беспутный* (6), *хитрый* (6), *угрюмый* (6), *застенчивый* (5), *молчаливый* (5), *высокомерный* (3), *доверчивый* (3), *упрямый* (3), *безжалостный* (2), *жестоко-сердый* (2), *мужественный* (2), *себялюбивый* (1), *скрытный* (1) и др.

В группу также входят такие адвербиальные эпитеты, как: *нагло*, *невинно*, *смело*, *страстно*, *упрямо*; причастия: *любивший*, *ненавидевший* / *ненавидимый*, *смущающийся*.

Важно отметить, что прилагательные, обозначающие характер субъекта, описывают общие черты его поведения, постоянные и повторяющиеся в различных ситуациях общения. С позиции наблюдателя данные черты могут казаться определяющими и объясняющими его поведение, хотя во многом характер человека очень изменчив, поэтому качества субъекта как носителя постоянных характеристик очень условны. Кроме того, все характерологические эпитеты описываются субъективно, они пропущены через восприятие автора, поэтому во многом отражают впечатление о человеке. С позиции М. Цветаевой как языковой личности и поэта данное восприятие всегда субъективно окрашено, причем с большой долей экспрессии. Именно по этой описываемый характер оценочен, «недостоверен», импульсивен и «неинформативен», однако часто метафоризируем, о чем в дальнейшем пойдет речь.

Характерологические прилагательные семантизируют стратегические качества, которые будут воспроизведены личностью, поэтому они во многом определяют дальнейшую коммуникацию и жизнь человека в социуме [12].

Группа характерологических эпитетов является самой разнообразной по количеству представленных в ней определений, причем и количество их употреблений также очень велико. Это связано с тем, что М. Цветаева часто наделяла других людей, себя, неодушевленные предметы чертами характера человека. Многие прилагательные имеют антонимические пары (*добрый* / *злой*; *робкий* / *наглый*), синонимы (*робкий* / *кроткий* / *застенчивый*).

Охарактеризуем некоторые из них в аспекте специфики вербализации качественной семантики в идиолекте поэта.

Безжалостный. Прилагательное имеет значение: «не имеющий жалости, сострадания; жестокий» [6, с. 72]. Номинация данным эпитетом происходит по линии персонификации: характер человека распространяется на абстрактные понятия, такие, как честь и власть: *Огней есть / Власть безжалостнейшая* – честь [11, т. 3, с. 597]; *Красоты в этой жизни есть / Власть безжалостнейшая* – честь [11, т. 3, с. 598]; *«Божества над мужами есть / Власть безжалостнейшая»* [11, т. 3, с. 598].

В семантике прилагательного подчеркивается социально-коммуникативная составляющая характера, проявляющаяся в жестком отношении к другому, но актуализируется положительная семантика эпитета: власть проявляется в соблюдении честности, поэтому для многих она безжалостнейшая, т.е. принципиальная. Обновление значения прилагательного, его обогащение происходит за счет расширения семантики в контекстуальном употреблении с абстрактным объектом эпитетации. Употребление эпитета в превосходной степени и без того прилагательного предельной семантики удваивает элятивное значение.

Вероломный. Имеет значение «коварный, предательский» [6, с. 151].

Рассматриваемая номинация представляет собой книжное прилагательное, употребляемое в ограниченном круге контекстов. Тем не менее, оно довольно употребительно у поэта. Данный эпитет входит в состав эпитетных комплексов, номинирующих лицо, субъекта. Признак проявляется внешне, например, в глазах субъекта или метафорически, в крови, а также через причинно-следственную ситуацию. Эпитет сочетается с такими объектами эпитетации, как *глаза*, *жилы*; *шампанское*, *гуща*.

Как видно из состава определяемых, признаковое слово имеет нестандартную сочетаемость: *Я лживую кровь свою / Пою – в вероломных жилах* [11, т. 1, с. 461].

При распространении признака на артефакт за счет яркой метафоризации происходит конструирование неузального словосочетания: *шампанское вероломно*.

Доверчивый. Прилагательное имеет значение «легко доверяющий, питающий ко всем доверие. Доверчивый человек; выражающий доверие; основанный на доверии, откровенный» [6, с. 413].

Из толкования семантики лексемы следует, что в значении заложено выражение как абстрактное выражение характера человек вообще в его социально-коммуникативном проявлении (по отношению к...), так и внешняя представленность признака (взгляд или улыбка, выражающие доверие), поэтому метафоризация метонимического типа заложена в узусе. В текстах поэта доверчивость описываемого субъекта проявляется далеко не только в выражении взгляда, но и другими средствами, в частности, в мимике:

Лба доверчивую кротость / Злыми бороздами опят / Выбороздит [11, т. 3, с. 616].

В процессе метафоризации происходит пересечение ментальных сфер: сфера социально-коммуникативных качеств личности становится донором для порождения метафорического выражения в аспекте наделения природной реалии рассматриваемой характеристикой. Признаком, положенным в основу метафоризации, выступает родственность природного объекта и человека:

Дерево, доверчивое к звуку / Наглых топоров и нудных пил ... [11, т. 3, с. 126].

Себялюбивый. Имеет значение: «любящий только себя, заботящийся только о своих интересах; эгоистичный» [7, с. 67].

Будучи не очень употребительным, данный эпитет демонстрирует неузальную сочетаемость с физиологическим состоянием субъекта. Себялюбивым оказывается сон, в котором пребывает субъект; в то же время он начинает существовать как отдельная личность, независимо от человека, наделяясь антропоморфным признаком. Кроме того, сон не просто себялюбив, что означает, скорее, не эгоизм, а независимость, он еще и одинокий, что раскрывает, уточняет семантику основного эпитета. Перед нами двойной эпитет, выполняющий функцию уточнения, что свидетельствует об авторской установке на выстраивание развертывания смысла признаковой лексики:

И наконец-то будет разрешен / Себялюбивый, одинокий сон [11, т. 1, с. 271].

Скромный. Прилагательное имеет три основных значения: «лишенный тщеславия, высокомерия, не выставляющий напоказ своих достоинств, заслуг; сдержанный в обращении, поведении, в словах, поступках; не бросающийся в глаза, не привлекающий особенного внимания, простой» Скромное жилище. Скромный костюм» [7, с. 122].

Скромным может как артефакт, свидетельствующий о его носителе, так и метонимический представитель, например, город (люди, его населяющие):

Стар и давен город Гаммельн, / Словом скромн, делом строг [11, т. 3, с. 51].

Отметим употребление данного эпитета в следующем контексте:

Вы, как все самородные слитки, / Так невольн, так гордо скромны [11, т. 1, с. 26].

Первый эпитет самородные (слитки) интересен своей метафтонимичностью: человек сравнивается со слитком, при этом подмечается выраженность данного признака («драгоценность» характера, благородство) метонимически. Вновь наличие определителя-наречия при эпитете в составе эпитетного комплекса приводит к мысли о системности в потребности уточнения признака.

Скрытный. Имеет значение: «скрывающий свои мысли, чувства, намерения. Скрытный человек; не обнаруживающий себя или скрываемый» [7, с. 123].

Особенностью эпитетации данного адъектива выступает его употребление в качестве метонимического обозначения части тела человека, представляющего обозначаемый им признак, причем орган выбирается неординарно:

«Скрытные твои ресницы, – / Без огня сожжена!» [11, т. 3, с. 190].

Смелый. Прилагательное имеет три значения: «не поддающийся чувству страха, не боящийся опасностей; храбрый, отважный; не боящийся

трудностей, препятствий, стремящийся к новому; решительный, дерзающий; выходящий за границы принятого; нескромный. *Смелая поза. Смелые манеры*» [7, с. 150].

Необходимо отметить совмещение всех трех значений в идиолекте М. Цветаевой, причем третье значение реализуется более явно в силу импульсивности, страстности голоса лирической героини. Метонимический эпитетный комплекс реализует значение «имеющий выражение в...» (органы тела человека): в руках, глазах (взоре):

Смелыми руками – / Вдоль перил витых ... [11, т. 3, с. 227]; Светлый взор наш смел и светел / И во зле [11, т. 1, с. 184].

Во втором примере поэт вновь применяет двойной парный эпитет, в котором объединены два признака, причем эпитет светлый, дополняя положительную коннотацию эпитету смелый, повторяется в начале и в конце фразы, окаймляя его (в нашей терминологии это окаймляющий эпитет).

Шалый. Лексема имеет значение: «то же, что шальной» с пометой просторечное [7, т. 4, С–Я, с. 699]. Несмотря на оттенок просторечия, эпитет достаточно употребителен в поэзии М. Цветаевой, в которой смешиваются высокий и разговорный стили словоупотребления. Семантика эпитета шальной – «безумный; безрассудный». Для коммуникативных качеств личности это далеко не положительная характеристика, однако она приобретает противоположную коннотацию в текстах поэта. Актуализируется второе значение, связанное с импульсивностью, экспрессивным характером лирической героини, поэтому во многом данный эпитет сочетается с антропоморфными объектами эпитетации, как, например, в контексте:

У обеих совесть смуглая, / Сердце в груди – шалое [11, т. 3, с. 692] (примечательна визуализация совести, предстающей смуглой, т. е. настоящей, один из излюбленных эпитетов поэта).

Шальными могут быть вести, разговор:

Еще вестями шальными / Лжет вороная сталь ... [11, т. 2, с. 159].

Распространение признака, обозначаемого эпитетом шальной, на артефакт приводит к моделированию метафорического образа, имеющего в качестве признака соположения объектов причинно-следственную зависимость: вино шалое, может вызвать безрассудные поступки у человека, его выпившего:

Для того у нас заведено / Зеленое шалое вино [11, т. 1, с. 356].

На небольшом участке употребления эпитетных комплексов отчетливо прослеживается тенденция к внимательному, чуткому отношению М. Цветаевой к слову, особенно прилагательному. Поэт подмечает потенциальные возможности качественных слов выразить нужный смысл, особенно в ситуации субъективного восприятия реалии и выражения своих чувств. Безграничное варьирование семантики эпитетов, ничем не ограниченная

свобода их сочетаемости с любыми определяемыми словами делает эпитетный комплекс универсальным средством смыслопорождения.

Результаты. Как показал проведенный анализ эпитетных комплексов, вербализующих качественный социально-коммуникативный признак характера человека, специфика репрезентации гиперконцепта Качество в творчестве М. Цветаевой проявляется в следующем. Расширяется лексическая сочетаемость эпитетных слов путем употребления их с новыми объектами эпитетации (определяемыми словами). В результате образуются метафорические эпитеты, описывающие как субъекта, так и артефакты, абстрактные понятия. Характерологические эпитеты, изначально имеющие антропоцентрическую сочетаемость, отнесенность к человеку, характеризуют любой объект, наделяя его человеческими свойствами, что является идиолектной чертой творчества М. Цветаевой.

Эпитетная парадигмальность проявляется не только в центральном положении эпитетного комплекса как средства репрезентации когнитивного признака качественности, но и как когнитивная структура, организующая системность употребления эпитетных слов, что находит выражение в многообразном использовании различных форм прилагательных (полных, кратких, в различных степенях сравнения), в структурном расширении эпитетных комплексов (выстраивании цепочек эпитетов, дополнительных, окружающих объект эпитетации эпитетов).

Перспективы дальнейшего исследования категории качественности на материале творчества других писателей и поэтов трудно переоценить. Думается, что предложенная типология качественности и наработанные методики анализа языкового материала окажутся востребованными будучими лингвистами.

Литература

1. Громова А. В. Регулятивный потенциал прилагательных в поэтическом дискурсе М. Цветаевой: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2010. 28 с.
2. Грязнова В. М. Семантический потенциал слова и его реализация в речи // Журнал Казанского (Приволжского) университета. Серия: Филология и культура. 2015. № 2. С. 35–41.
3. Грязнова В. М. Слово в тексте и словаре: динамический аспект // Образы национальной ментальности в текстах русского севера: сб. научных статей. Вологда: ВГПУ, 2013. С. 87–92.
4. Губанов С. А. Языковая рефлексия в творчестве Марины Цветаевой: признаковая лексика // Теория языка и межкультурная коммуникация. 2021. № 3 (42). С. 33–41. URL: <https://tl-ic.kursksu.ru> (дата обращения: 06.03.2023).
5. Зубова Л. В. Поэзия Марины Цветаевой: Лингвистический аспект. Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1989. 264 с.
6. Словарь русского языка: в 4-х т. Т. 1. А–Й. 702 с. URL: <http://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/default.asp> (дата обращения: 06.03.2023).
7. Словарь русского языка: в 4-х т. Т. 4. С–Я. 797 с. URL: <http://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/default.asp> (дата обращения: 06.03.2023).
8. Ревзина О. Г. Словарь поэтического языка Марины Цветаевой // Словарь поэтического языка Марины Цветаевой: в 4 т. М.: Дом-музей Марины Цветаевой, 1996. Т. I. С. 5–40.
9. Томашевский Б. В. Теория литературы. Поэтика. М.: Аспект-Пресс, 1996. 334 с.
10. Фадеева Т. М. Сложный эпитет в художественном пространстве русского языка: М., 2014. 349 с.
11. Цветаева М. И. Собрание сочинений: в 7 томах. М.: Эллис-Лак, 1994–1995.
12. Шибкова О. С. Когниолингвистическая концепция категории Качество: дисс. ... д-ра филол. наук. М., 2006. 460 с.
13. Юдина Н. В. Лексическая сочетаемость в когнитивном аспекте: на материале конструкции «прилагательное+существительное»: дис. ... д-ра филол. наук. М., 2006. 400 с.

References

1. Gromova A.V. The regulatory potential of adjectives in the poetic discourse of M. Tsvetaeva: abstract of thesis. Tomsk, 2010. 28 p. (In Russ.).
2. Gryaznova V.M. The semantic potential of the word and its implementation in speech. Zhurnal Kazanskogo (Privolzhskogo) universiteta. Seriya: Filologiya i kul'tura = Journal of Kazan (Volga) University. Series: Philology and culture. 2015; (2):35–41. (In Russ.).
3. Gryaznova V.M. Word in the text and dictionary: dynamic aspect. Images of national mentality in the texts of the Russian North: a collection of scientific articles. Vologda: VSPU Publ.; 2013. p. 87–92. (In Russ.).
4. Gubanov S.A. Language reflection in the work of Marina Tsvetaeva: attributive words. Teoriya yazyka i mezhkul'turnaya kommunikatsiya. 2021; 3(42):33–41. Available from: <https://tl-ic.kursksu.ru> (Accessed 06 March 2023). (In Russ.).
5. Zubova L.V. Poetry of Marina Tsvetaeva: Linguistic aspect. Leningrad: LSU publ.; 1989. 264 p. (In Russ.).
6. Dictionary of the Russian language: in 4 volumes. Vol. 1. A–Й. 702 p. Available from: <http://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/default.asp> (Accessed: 06 March 2023). (In Russ.).
7. Dictionary of the Russian language: in 4 volumes. Vol. 4. C–Я. 797 p. Available from: <http://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/default.asp> (Accessed: 06 March 2023). (In Russ.).
8. Revzina O.G. Dictionary of the poetic language of Marina Tsvetaeva. Slovar' poeticheskogo yazyka Mariny Tsvetaevoi: in 4 volumes. Moscow: Dom-muzei Mariny Tsvetaevoi. 1996;(I)5–40. (In Russ.).
9. Tomashevskii B.V. Theory of Literature. Poetics. Poetika. Moscow: Aspekt-Press; 1996. 334 p. (In Russ.).
10. Fadeeva T.M. Complex epithet in the fiction space of the Russian language. Moscow, 2014. 349 p. (In Russ.).
11. Tsvetaeva M.I. Collected Works: in 7 volumes. Moscow: Ellis-Lak, 1994–1995. (In Russ.).
12. Shibkova O.S. Cognolinguistic concept of the category of Quality. Stavropol, 2006. 460 p. (In Russ.).
13. Yudina N.V. Lexical compatibility in the cognitive aspect: on the material of the «adjective + noun» construction: thesis. Moscow, 2006. 400 p. (In Russ.).

РЕЦЕНЗИИ / REVIEW

Рецензия

УДК 94

<https://doi.org/10.37493/2409-1030.2023.2.22>

С. И. Лучицкая.
РЫЦАРИ, КРЕСТОНОСЦЫ И САРАЦИНЫ.
ЗАПАД И ВОСТОК В ЭПОХУ КРЕСТОВЫХ ПОХОДОВ.
СПб.: Евразия, 2021. 480 с.

Сергей Леонидович Дударев¹

¹ Армавирский государственный педагогический университет (д. 159, ул. Розы Люксембург, 352901, Армавир, Российская Федерация)
Доктор исторических наук, профессор. ORCID: 0009-0008-4077-3514. E-mail: dudarev51@mail.ru

Для цитирования: Дударев С. Л. С. И. Лучицкая. Рыцари, крестоносцы и сарацины. Запад и Восток в эпоху крестовых походов. СПб.: Евразия, 2021. 480 с. // Гуманитарные и юридические исследования. 2023. Т. 10 (2). С. 343–350. DOI: 10.37493/2409-1030.2023.2.22.

Review

S. Luchitskaya.
KNIGHTS, CRUSADERS AND SARACENS.
WEST AND EAST IN THE AGE OF THE CRUSADES.
St. Petersburg: Eurasia, 2021. 480 p.

Sergey L. Dudarev¹

¹ Armavir State Pedagogical University (159, Roza Luxembourg St., 352901, Armavir, Russian Federation)
Dr. Sci. (History), Professor. ORCID: 0009-0008-4077-3514. E-mail: dudarev51@mail.ru

For citation: Dudarev S. S. Luchitskaya. Knights, Crusaders and Saracens. West and East in the Age of the Crusades. St. Petersburg: Eurasia, 2021. 480 p. // Humanities and law research. 2023. V. 10 (2). P. 343–350 (In Russian). DOI: 10.37493/2409-1030.2023.2.22.

Проблема взаимоотношений Запада и Востока является одной из самых востребованных в мировой исторической науке. Очень ярким её сегментом является период средневековой истории, и, конечно же, эпоха крестовых походов. Известный российский историк-медиевист, С. И. Лучицкая – автор целого ряда работ, посвященных указанной проблеме в контексте данной эпохи. Ее новая, причем, фундаментальная, книга, обращена к такому интересному ракурсу взаимодействия Запада и Востока, как повседневная история.

Во Введении автор представляет главные направления, которым будут посвящены главы ее исследования, сразу же нацеливая читателя на то, что главный тренд работы – культурно-исторические итоги крестовых походов, а также вопрос о том, как и насколько повлияли контакты с Вос-

током, шедшие в русле крестоносного движения, на мировосприятие средневековых европейцев. Не пересказывая содержания презентуемых исследователем глав, обратимся сразу к их содержанию.

Глава I «Рыцарство и рыцарские представления» посвящена популярному феномену, который вот уже не первое столетие занимает воображение не только ученых-историков, но и литераторов, философов, художников и др. Данная глава, как и все последующие, состоит из отдельных разделов, вполне самостоятельных по своему содержанию, но связанных общей идейной канвой. «Системообразующим» является, по определению, раздел, называющийся «*Рыцарство – уникальный феномен западноевропейского средневековья*». Этой теме адресованы многие

сотни работ исследователей. Историк, обладающий большой эрудицией в данном вопросе, прав, говоря о неоднозначности и сложности понятия «рыцарство». Кардинальная мысль данной части книги заключается в том, что в формирование указанного понятия каждая последующая эпоха после рыцарства вносила свой вклад в его описание, так что сегодня крайне трудно отделить те черты явления, которые возникли во времена рыцарей, от сформированных сознанием людей последующих эпох. Суждение автора о том, что рыцарство не остается, в этой связи, равным самому себе на протяжении веков, является грандиозной мистификацией, в которой ядро трудно отделить от позднейших напластований, оригинально само по себе, и заслуживает внимания. При всем том, те или иные черты рыцарства, реальные, или приписываемые ему в более поздние времена, создавали из него, так или иначе, некий весьма значимый историко-культурный и социоисторический бренд, который указывает на то, что идея рыцарства, несмотря на перипетии времени, продолжает оставаться актуальной, более того, непреходящей. И содержание главы помогает понять, почему именно.

Идя по «ступеням» проблемы рыцарства, автор касается целого ряда аспектов, которые уже стали классикой «рыцареведения». Начнем с того, что, как отмечает С. И. Лучицкая, существует подход, оперирующий чисто внешними критериями принадлежности к рыцарству (меч, конь, тяжелое вооружение), что приравнивает рыцарство к тяжелой кавалерии. И, разумеется, эту точку принять невозможно, так как в этом случае, как нам представляется, пришлось бы признать рыцарями парфянских и сарматских катафрактариев. Однако при поиске «фоновых» евразийских истоков рыцарства, назвать последних здесь стоило бы. Исследователь, тем не менее, справедливо относит первый виток подъема рыцарства к VIII в., указывая на такие предпосылки, как бенефициальная реформа К. Мартелла, раздачу бенефициев, послуживших материальной основой для приобретения тяжелого вооружения (напомним, равного, по капитулярию 805 г., стоимости 12 поместий-мансов), и ставших основанием для вассальной службы его пользователей, *milites*. Ученый, безусловно прав в том, что «феодальная революция» повысила их роль и приблизила к власти, т.е., скажем так, повела по пути феодальной «социализации». Автор последовательно демонстрирует то, как рыцарство, как ни парадоксально, с конца XI в. не связано с таким критерием, как вооруженная конница, но акцентирует то, что рыцари – это те, кто будучи связан специальным обрядом вассальной присяги, несет соответствующую службу сеньору и ждет земельных пожалований, а еще через столетие *miles* – это аристократ, обладающий известными

привилегиями, более того, он уже представитель сословия, единого в социальном и юридическом плане, обладающий определенными привилегиями, идеологией, этикой и т.п. Исследователь прослеживает то, что в разные периоды и в разных регионах в понятие «рыцарство» вкладывались разные смыслы. И оказаться в рядах рыцарей было возможно по-разному. Возник, по сути, аристократический путь в рыцари (скажем, во Франции), предполагавший знатное происхождение и приведший к «замыканию» этого сословия (что, между прочим, сродни процессам, шедшим в среде цеховых мастеров). Он, по С. И. Лучицкой, позволял не тратить деньги на доступ в рыцари. Однако, были и другие способы обрести рыцарское звание. В Англии с XIII в. правительство вменяло людям с доходом сначала в £20, а затем в £40 принимать рыцарское звание. Таким образом, условно говоря, были французский и английский «пути в рыцарство», связанные со спецификой развития этих стран, которая хорошо проявилась в раннее новое время.

Благодатная и популярная тема в рамках проблемы рыцарства – это рыцарский этос. Принципиально важной гранью этоса рыцарей была честь, причем, функционировавшая, по автору, как родовое понятие, не существующее вне рода. Но и оно не было статичным, как и сам институт рыцарства в целом. Рыцарская честь стала «притчей во языцех», но в начале XII в., в обстановке всеобщих войн и грабежей, некий трубадур изрек: «Честь (дворянина) в том, чтобы красть и грабить» [1, с. 10]. А другой представитель этого ремесла, имя которого хорошо известно истории, Бертран де Борн, изрек свое одиозное: «Любо видеть мне народ/ Голодающим, раздетым, / Страждущим, необогретым! /Пусть мне милая солжет, / Ежели солгал я в этом» (1195). Честь, таким образом, имела не только родовой, но и классовый характер (да еще соединенный с куртуазией). С понятием чести неизменно коррелируют понятия верности, свободы, достоинства, личной неприкосновенности. Все они, по С. И. Лучицкой, отстаиваются рыцарями в *shansons de geste*. Эта сторона рыцарского менталитета чрезвычайно важна для осознания наследия рыцарей в «посрыцарскую» эпоху (см. ниже).

Не останавливаясь далее подробно на теме этоса, что заняло бы слишком много места, мы, безусловно, согласимся с ученым в том, что и рыцарская этика в целом, и знаменитый куртуазный идеал испытали на себе большое влияние христианской церкви. Без этого, прекрасное рыцарство рисковало остаться в истории заурядным бандформированием.

Чрезвычайно интересна попытка автора бросить взгляд на такую грань темы, как «рыцарство после рыцарства». Думаем, что он совершенно прав, говоря о том, что рыцарская культура от-

части стала тем «строительным материалом», на базе которого формировалась новоевропейская личность, тем более что достижения этой культуры еще в средние века подверглись своего рода «отчуждению» от породившей ее среды и стали достижением, например, тех же самых горожан во Франции, и, особенно, Италии (жостры и др.). Однако такой аспект, как рыцарство в России, лишь намеченный исследователем (что, в принципе, можно понять), тем не менее, мог бы включать и такие важные как стороны, как «Павел I и Мальтийский Орден», «Декабристы и рыцарство», суждения Н. Бердяева о рыцарстве и русской истории, и др., не говоря уже о том, что исторические причины отсутствия рыцарства на Руси, как такового, уже обсуждались не только зарубежными (Х. Хеккер, 1985), но и отечественными медиэвистами страны в начале 2000-х гг. (конференция 2002 г. «Рыцарство: реальность и воображаемое», материалы которой были изданы в альманахе «Одиссей» в 2004 г., и где присутствует статья и нашего автора) [4, с. 5–169].

Продолжая рыцарскую тематику С. И. Лучицкая в разделе «Предательство и измена в *shansons de geste* XII–XII вв.» обращается к очень важным императивам из репертуара этики этого сословия. Ученый справедливо подчеркивает, что в системе ценностей средневекового общества понятие верности являлось, по сути, центральным для него. Для раскрытия значения оппозиции «верность – предательство» автор использует произведения французского героического эпоса¹, как наиболее репрезентативные в системе координат рыцарской культуры.

Предательство, как указывает специалист – это, прежде всего правовая категория, поскольку сеньор и вассал были связаны целой сетью взаимных обязательств, нарушить которые и означало совершить этот неблагоприятный акт, хотя данная тема на самом деле была шире, охватывая, разумеется, и различные виды человеческих взаимоотношений. Однако самым серьёзным видом предательства было вероотступничество, что указывает на социокультурную специфику общества, где религия играет роль главного камертона отношений в социуме. Не случайно, что в рассматриваемых автором литературных памятниках самым тяжким грехом на стезе предательства является сотрудничество с сарацинами, которые сами по своей природе вероломны (*perfidii*). Те, кто переходят на их сторону, уподобляются им же. Так «жесты» отражают обстановку конфессионального противостояния и религиозной нетерпимости, неприятия мира Другого и его ценностей, которые представляются ложными. Пожалуй, самое главное, на что покушаются предатели – это система вассальных отношений, преданность вассалов главному сюзеру – ко-

ролю, в которую они стремятся «вбить клин», настраивая нижестоящих против первого лица. Причиной их действий является захват власти или месть. Характерно, что сами короли, при всем том, выглядят нередко легковверными фигурами, которыми можно манипулировать, что, как справедливо отмечает автор, указывает на слабость центральной власти, когда император, признавая свою неправоту, может и зарыдать. Фактически, единственным залогом его относительно прочного положения является все та же верность вассалов, особенно пэров. Один из самых верных способов защитить себя от предателей – судебный поединок. Они, по мнению С. И. Лучицкой, случались в «жестах» и в весьма странном виде, когда, поруганную честь королевы защищает собака («жеста» «Макэр»). Но ничего странного в этом для нас не будет тогда, когда мы вспомним, что в средневековом обществе собака, отношение к которой в античности было отрицательным, была реабилитирована, поскольку, по определению, была носительницей самой главной феодальной доблести – верности. Ж. Ле Гофф приводит свидетельство того, что в средневековой Франции (XIII в.) в одной из местностей существовал культ Св. Гинефора, который, на поверку, оказался собакой! Мало того, этот культ просуществовал до 70-х гг. XIX в., что было для данного известного западного медиэвиста одним из ряда оснований говорить об «очень долгом средневековье».

«Жесты» предоставляют нам целый репертуар действий предателя, в некотором роде кодифицированных («жеста» «Гейдон»), при осуществлении которых отступники применяют самые низменные средства (отрава и пр.). Весьма показательным, что предатели действуют с помощью подкупа и сами падки на него. Ученый отмечает, что предатели изображаются самыми настоящими финансовыми дельцами. Согласимся с С. И. Лучицкой в том, что отрицательная оценка в «жестах» подобной «экономической деятельности» – это своеобразная косвенная реакция на развитие товарно-денежных отношений в то время. Ренегаты не только жадны до денег, они прибегают к травести и подлогу, предают родственников и т.п. Репертуар их предательских действий наводит на мысль, что в лице этих отверженных сочинители «жестов» не только отстаивали постулаты рыцарской морали, но и в целом, морали общества, еще весьма патриархального по своему характеру, осуждавшего через «жесты» не только феодальную и шире – общечеловеческую неверность, но и «новации» иного свойства – страсть к обогащению, ростки «нетрадиционных» отношений и т. п.

В разделе «Ассиза верности»: король и его вассалы в зеркале иерусалимского права» автор рассматривает интересный правовой конфликт, произошедший в Иерусалимском королевстве

1 Для простоты будем называть их ниже просто «жесты».

в XIII в. Среди законов Иерусалимского королевства (т.н. ассиз) была и т.н. Ассиза верности (примерно, середина XII в.), согласно которой, каждый рыцарь королевства, от барона до самого мелкого вассала, становился прямым вассалом короля, принося ему присягу (нечто подобное уже ранее произошло в 1086 г. в Англии, по т. н. Солсберийской присяге). Интрига вокруг данного документа заключается в том, что эта ассиза, судя по юридическим трактатам, написанным не позднее середины XIII в., использовалась не только для защиты интересов королевской власти, но и против нее. Ассиза была средством защиты от произвола сеньора и давала средства для сопротивления ему. Автор приводит примеры такого сопротивления, обращаясь к конкретным судебным коллизиям, когда применение «Ассизы верности» оказалось успешным для некоторых сеньоров в их споре с королем (Жан Ибелин, Алиса Армянская). Однако эти прецеденты оказались отнюдь не универсальным средством для оспаривания прав короны. С. И. Лучицкая показывает конфликт Балиана Сидонского, Жана Ибелина и императора Фридриха II Штауфена, который отстаивал свои прерогативы, опираясь на новое соотношение сил. Исследователь продемонстрировал, что несмотря на попытки своеобразной «фронды» сеньоров Утремера, выразившейся в создании, по сути, «оперетточной» коммуны Акры, отстоять свои права с опорой на указанную ассизу, баронам Заморья не удалось. «Ассиза верности» срабатывала только со слабым королем, зависевшим от баронской службы. Фридрих II, опиравшийся в тот момент на сильную наемную армию, в услугах местной знати не нуждался, и их попытка «фрондировать» провалилась. Исследованная С. И. Лучицкой ситуация наглядно показала то, что уже было известно ранее: феодальные отношения в Иерусалимском королевстве были «классикой», которая не существовала уже в самой Европе. Но, хотя Фридрих II Штауфен, предвосхищавший монархов нового времени, победил в том конфликте, пора таких правителей еще не пришла. После его смерти королевство билось в конвульсиях междоусобиц, пока окончательно не рухнуло под ударами джихада.

Глава II «Кто такие крестоносцы» начинается с раздела «Брак, семья и повседневная жизнь крестоносцев». Эти стороны жизни «воинов Христа» в Святой земле неоднократно служили предметом исследования специалистов. С. И. Лучицкая в большей мере уделила внимание гендерным отношениям в крестоносной среде, моральным нормам поведения крестоносцев и их жен и т. п. Настоящий очерк представляется достаточно содержательным, особенно в части межэтнических контактов крестоносцев с местным населением. В то же время, в историографии такие исследования уже известны (Р. Перну, С. Морисон, и др.)

и в ряде аспектов выглядят более емкими и разноплановыми. Что же касается взаимоотношений крестоносцев с мусульманами, то невозможно не назвать превосходную капитальную работу К. Хилленбранд [5], которой, почему-то, нет в списке литературы к книге С.И. Лучицкой. Зато безусловный интерес представляет раздел «Бедненькие рыцари Святого Лазаря»: из истории повседневной жизни прокаженных в Иерусалимском королевстве». Специалист делает заслуживающий внимания вывод об исключительном в чем-то статусе прокаженных в Иерусалимском королевстве. Известную роль в этом отношении сыграло то, что проказой страдал король Бодуэн IV. По Гийому Тирскому, болезнь описывается как милость Божья и испытание, посланное свыше. Любопытно, что в Западной Европе были эпизоды, в которых ухаживание за прокаженными фактически представало как проявление королевского милосердия и смирения (Людовик IX) [2, с. 183–184].

Раздел «*Ad succurendum. Как умирали иерусалимские короли*» отражает одну из самых важных ментальных структур средневекового общества – отношение к смерти, которое, как не без оснований пишет автор, в Иерусалимском королевстве было особенно острым в силу необычных условий. Исследователь предложил описание смертей лидеров этого государственного образования, которое было латинским государством на Востоке, и следовательно, и жизненный путь, но особенно, уход из жизни должны были служить моделью, образцом истинно христианского поведения перед лицом смерти. Для анализа событий автор привлек миниатюры с изображением кончин иерусалимских королей из «Хроники Гийома Тирского» и других средневековых источников, подвергнутые им тщательному исследованию. Особенности мизансцен, те или иные детали, их символизм, иконография – все это дает, в итоге, благодаря кропотливой работе ученого, полноценную картину свершавшегося действия, его обстановки и атмосферы, по своему доносящую до нас колорит той эпохи. В то же время, представленные на миниатюрах мизансцены в чем-то стереотипны, поскольку отображают строго регламентированный христианский обряд. Один же из самых главных выводов раздела заключается в том, что смерть короля в этом государстве (впрочем, как и в любом другом) рассматривается с точки политических последствий, как могущая нарушить политическое и социальное равновесие (=стабильность).

III глава книги названа «Пространство крестовых походов». В разделе «Путешествие в Святую землю в XII – XIII вв.» автор довольно бегло рассматривает особенности перемещений паломников на Ближний Восток, их пути, способы движения, перипетии странствований, особенности тех географических сред (особенно, гор и морей), по

которым происходило путешествие, и, конечно же, специфику восприятия участниками крестоносной эпопеи посещаемых местностей, стран и их населения с точки зрения средневекового менталитета. Наиболее ярко эту сторону походов С. И. Лучицкая рассматривает в следующем разделе, поэтому не станем здесь долго останавливаться на данных подробностях. В целом, к условиям путешествий крестоносцев к Гробу Господню историки не раз обращались прежде, и автор не внес в этом смысле принципиально новых соображений на сей счет. Зато следующий раздел «*Балканы в изображении хронистов крестовых походов*» вызывает большое внимание уже потому, что ранее отечественные историки не рассматривали балканский путь на Восток столь детально и заинтересованно. Но дело не только, да и не столько в этом. Одно дело – это описания западными хронистами восточных стран и взаимоотношений с миром ислама, полные предубеждений и стереотипов (см. ниже), другое дело – контакты с регионом, христианским по определению, описания которого должны выглядеть более благожелательно. И вот тут-то исследователем и выясняется, что здесь не так все просто.

Правда, С. И. Лучицкая, приступая к анализу восприятия балканского региона крестоносцами, озадачивает заинтересованного читателя тем, что аттестует хроника Альберта Ахенского, как лучший источник по теме. Между тем, в 2001 г. она же написала буквально следующее: «По мнению многих исследователей, хроника Альберта Ахенского – самое фантастичное из сочинений о крестовых походах». Впрочем, ученый совершенно тут же верно пишет о том, что фантастические сведения также важны для нас, как источник представлений хрониста об иноверцах [3, с. 32]. Но как именно следует понимать те или иные «неверные» сведения Альберта о Балканах, мы в тесте рецензируемой книги далее не видим.

Как бы то ни было, но если суммировать впечатления хронистов о Балканах, изложенные в хрониках I – III крестовых походов (а именно они рассматриваются специалистом), то получится следующая картина. Если описания Венгрии, наряду с отрицательными характеристиками венгров, содержат и положительные сведения, например о «христианнейшем короле венгров» Кальмане Книжнике или богатых дарах пилигримам другого короля – Гёзы II, то характеристики Болгарии, Далмации, Сербии выглядят совсем иными. Их жители названы «варварскими нациями», грубыми, дикими, вероломными, не знающими дисциплины, варварами, которые, при случае, убивают и грабят крестоносцев, не желают торговать с ними и со всем скарбом убегают в горы (совсем, как русские крестьяне в момент прихода «Великой армии» в 1812 г.). При этом хронисты, по С. И. Лучицкой, используют топо-

сы, известные еще по античной традиции, связанные с изображением варваров (антикизация действительности, прослеженная ранее ученым у западных авторов при описании ближневосточных политических и иных реалий). Западные писатели рассматривают движение своих войск по Балканам через призму цивилизаторской миссии крестоносцев¹. Тем не менее, балканские земли включены ими в византийское политическое и культурно-историческое пространство.

Глава IV «*Сарацины: ислам глазами средневековых христиан*» посвящена теме, несмотря на отдаленность от наших дней многими столетиями, чрезвычайно актуальной и даже злободневной. Она продолжает тему, глубоко затронутую автором в одной из его предыдущих обобщающих исследований.

В разделе «*Магомет, Сатана и «сарацинская ересь»: взгляд из Ключи*» автором рассматривается история создания корпуса текстов (антологии) об исламе, переведенных с арабского на латынь, называемого ныне «*Ключийским (или Исламо-христианским) корпусом*», созданного аббатом Ключи Петром Достопочтенным в XII в. Данный корпус послужил этому церковному деятелю основой для создания нескольких произведений («Сумма всей ереси и дьявольской секты сарацин», «Против секты сарацин», «Краткая сумма»), в которых автор последовательно подвергал разоблачению учение ислама, миссию пророка этой религии Мухаммада и его личность, как таковую. Примечательно, что если первоначально П. Достопочтенный был намерен вести с мусульманами мирный диалог с целью предложения им перехода в христианство, то постепенно аббат брал все более жесткий тон. «Сарацинский закон» был объявлен придумкой Сатаны, последователи Мухаммада – сектой, а их учение – ересью, величайшим заблуждением и т. п., всемирного характера. Лейтмотивом обоих произведений являлось, как полагает автор, по сути, не обращение мусульман в христианство, а разоблачение их религии. В то же время, заслугу Петра Достопочтенного С. И. Лучицкая видит в том, что он первым сменил меч на крест в общении с миром ислама, и обратился к «сарацинам» с призывом принять «истинную веру». Но не будем забывать, что это обращение было, в целом, декларативным, ведь никто не перевел труды аббата на арабский. Призывы его были обращены,

1 Впрочем, во время III крестового похода сербы, прямо скажем, опровергли эти примитивные представления о себе. Они, отвоевав у Византии часть земель, предложили императору Фридриху Барбароссе стать его вассалами, принеся оммаж за отвоеванные земли, и заключить союз против ромеев. Очень неплохой политический план, учитывая относительную удаленность той Германии от Сербии XIII в., с одной стороны, и политический авторитет, а также амбиции Германской империи, опиравшейся имперские права у Византии, с другой.

по сути, к тонкой прослойке высокообразованных христиан, которые могли, в случае успеха выступления Петра Достопочтенного, стать более «толерантными» к представителям ислама, или тех (по-видимому, немногочисленных) мусульманских интеллектуалов, которые владели латынью. Широкие же слои мусульман оставались в неведении о призывах Петра.

Показательно и произведение, анализируемое автором в разделе «Жизнь Магомета» Эмбрико Майнцского: легенда и история», которое является поэмой, являющейся первым подробным жизнеописанием Мухаммада на латыни, созданным, как подчеркивает специалист, за пределами Византии и Испании, где, как известно, творили самые осведомленные в теме, но и наиболее непримиримо настроенные по отношению к исламу и его пророку христианские писатели. Историк, проделав разносторонний анализ, показал, что Эмбрико, опираясь в некоторых случаях, на достоверные факты (например, женитьба главного героя на богатой вдове Хадидже, и т.д.), действуя в русле ряда культурных традиций того времени, создал «грандиозную мистификацию» из биографии Мухаммада, само имя которого также искажается. Это т.н. жизнеописание, является, практически, перевёрнутым изображением христианского святого (ставшего матрицей для трудов Эмбрико), только со знаком минус, созданием образом антисвятого, ересиарха, его профанацией. Главная цель всех этих усилий – изображение еретиков, опровержение их претензий на святость и истинную веру. Не станем подробно разбирать все ухищрения Эмбрико, тем более что это уже убедительно сделано С. И. Лучицкой. Обратим внимание только на одну сторону данной католической дискредитации образа пророка ислама: отсутствие истинных чудес. Миру христианства, который еще слабо знал особенности исламской религии, было неизвестно, что чудо, явленное Мухаммадом – это Коран. В самой же священной книге мусульман, и это было еще невдомек европейским критикам, умением творить чудеса наделялся Иса, сын Марьям, т.н. Иисус Христос (!) (К.:2:81:87; 3:43:48). Если бы пророк ислама занимался манипуляциями в духе сочинения Эмбрико и др., ему ничего не стоило бы приписать подобные вещи себе. Но этого, разумеется, не было. Итак, творения далеких предшественников «Шарли Эбдо», повиновавшиеся, что вполне естественно, средневековой религиозно-полемиической логике, преследовали цель, как подчеркивает С. И. Лучицкая, «деконструкции» образа святого.

В то же время, сюжеты, рассматриваемые С. И. Лучицкой, отражают не только идейное противостояние христиан и мусульман. В разделе «Мусульманско-христианские контакты в XII–XIII вв.: совместное почитание сакральных об-

разов» приводятся интересные примеры того, как представители обеих конфессий имели общие культовые объекты. В первом случае, речь идет о паломническом центре в Матарийе, где имелся источник, рядом с которым росли бальзамовые деревья, связанный с пребыванием у него Девы Марии с младенцем Иисусом. Этот объект посещался не только христианами, но и, как будто, мусульманами также. Автор делает резонное предположение, что западноевропейские паломники могли принять за представителей ислама арабоязычных христиан. Вместе с тем, не будем забывать, что на мусульманском Востоке, в Египте, во время празднования Крещения (он именовался «праздник погружения» (*'ud al-gu-tas*) к Нилу приходили не только христиане, но и мусульмане. Ал-Мас'уди сообщал, что ночь погружения – это великое дело для жителей Мисра (т.е. Египта - араб.), которые в эту ночь не ложатся спать [6, с. 385]. Поэтому участие мусульман в омовениях в Матарийе полностью исключать не следует. Еще один священный пункт межконфессионального почитания христиан и мусульман – это источающий чудесное масло образ Богородицы в местечке Саидная близ Дамаска. Историк отмечает, что по мнению средневековых писателей, благочестивое отношение мусульман к христианским образам было свидетельством их частичного обращения. Но дело не только в этом. Фиксация этими писателями почитания мусульманами образа Девы Марии использовалась в русле христиано-мусульманской полемики: мусульмане обвиняли христиан в идолопоклонстве (иконы и статуи в церквях и т. д.). Раз уж носители ислама чтут образ Девы, то никакого поклонения идолам тут нет. Но в связи с отмеченным почитанием Девы не будем забывать и о том, что в Коране Марьям – мать Мессии, пророка Исы, названа праведницей (К.: 5:76:72; 5:79-75). Стоит напомнить и предание о том, что когда воина пророка после того, как вошли в Мекку (630 г.), ворвались в Каабу, и один из них хотел стереть изображение Девы с младенцем Иисусом, то сам Мухаммад воспрепятствовал уничтожению такового.

Еще один раздел главы IV «Взаимодействие устной и письменной традиций в хрониках и *shansons de geste* Первого крестового похода», также продолжает более ранние изыскания автора. В нем С.И. Лучицкая стремится проследить влияние устной традиции на исторические и литературные памятники времен Первого крестового похода. Интересно, что в 2001 г. исследователь вполне определенно полагал, что *shansons de geste* «давали ту модель, с помощью которой писатели артикулировали собственное видение» мира ислама [3, с. 147]. Ныне ученый, проделав кропотливую работу по сопоставлению хроник и литературных произведений, постарался отойти от традиционного взгляда на эту проблему с

точки зрения, «кто у кого переписывал». Автор полагает, что подходить под таким углом зрения к ней не следует. Ставить вопрос о плагиате, как таковом, невозможно, ввиду тесной переплетённости письменной и устной традиций, когда граница между хрониками и «жестами» была весьма зыбкой. Для реалий XI–XIII вв. невозможно современное противопоставление устного и письменного. По сути дела, те общие для песен и хроник «блоки», которые встречаются и там и там – не результат плагиата, а, скорее, свидетельство наличия, как бы мы сказали, общей матрицы для тех и других, которой являлись устно передаваемые сюжеты, которые многократно исполнялись – пелись, декламировались, в крестоносной среде, в обществе пилигримов. Отсюда они и могли заимствоваться всеми участниками этого своеобразного диалога и обмена, способствовавшего распространению идеалов и ценностей крестоносного сообщества, как внутри, так и во вне его самого.

Последняя, V глава книги «История крестовых походов в лицах», обращена к тому, что в нашей отечественной историографии по истории крестоносного движения стало приобретать популярность, особенно, в новейшую российскую эпоху – персоналиям, человеческому фактору.

В разделе первом «*Imitatio Dei в латинской хронографии XII в.: император Ираклий и крестоносцы*» автор обращается к весьма важному моменту, связанному с апокалиптическим видением крестоносной эпопеи. Речь идет о том внимании, которое оказывали христианские авторы событиям, произошедшим еще до походов, и которые, якобы, предсказывали их. В канве эсхатологического видения истории, и, прежде всего, в контексте столкновения христианского мира с «обрезанными народами», в ряде средневековых хроник VIII–XII вв. повествуется о борьбе с ними византийского императора Ираклия (VII в.). Анализируя данные произведения (а также помещенные в них миниатюры), и деяния указанного императора, как удачные (возврат Честного Креста), так и неудачные (поражения от арабов и потеря Святой земли), С. И. Лучицкая демонстрирует, что история Ираклия вписывается в историю Спасения, а сам император становится символом борьбы христиан против «неверных», вожди которых «номинаруются» христианскими авторами на роль Антихриста. Поражения Ираклия, со временем, осмысливаются в христианском мире, как наказания за грехи, и в перспективе, в своем роде, открывают новый этап истории христиан – крестовые походы. Таким образом, события, связанные с деятельностью Ираклия, выступают, что весьма немаловажно для историографии крестоносного движения, в качестве отправной точки для будущего противостояния между христианским и мусульманским мирами в XI–XIII вв.

Два заключительных раздела книги прямо адресованы участникам крестовых походов. Раздел «*Стефан Шартрский. Семейный конфликт в нач.XII в.*» касается малоисследованной области – отношениям внутри семьи крестоносца. Автору удалось тонко показать переплетение психологических, социальных, религиозных и иных начал в том столкновении двух незаурядных личностей и характеров, которое произошло в одной из самых знатных семей Европы, и, как в капле воды, отразило разные стороны социоментальных составляющих крестоносного феномена. Образованный, благородный, набожный, но одновременно сентиментальный, и мы бы добавили, простодушный (чего стоит его описание действий императора Византии Алексея I, который под Никеей обвел вождей крестоносцев вокруг пальца, и большинство их «по достоинству» оценило его маневры!), граф Шартрский не был фанатиком. Вернувшись домой, он попал под уничтожительный «огонь» критики своей любимой супруги. Женина самого знатного происхождения (дочь и сестра королей Англии), честолюбивая, властная, дорожившая, прежде всего, семейной честью и престижем, Адель де Блуа, пожертвовала мужем ради поддержания соответствующего статуса и общественного мнения. Попав, наконец, в Святую землю, Стефан, изначально далекий от приобретения статуса *imitator Christi*, был, как указывает автор, 19 мая 1102 г. обезглавлен мусульманами. Мы полагаем, что графу, как это бывало с крестоносцами, попавшими в плен, предложили принять ислам. Тем, кто отказывался это сделать, отрубали голову (Жуанвиль). Но не будем забывать, что граф был очень знатен и богат, а противник был не чужд получить выкуп за таких пленников, независимо от их желания или нежелания о смене веры. Выдвинем предположение, что граф мог скрыть свое происхождение, чтобы умереть, как и все прочие «отказники». Что же касается Адели, то к ее чести, она всю оставшуюся жизнь исполняла долг перед семьей и детьми, и, покончив с мирскими делами, ушла в монастырь.

Завершает книгу раздел «*De more femineo: мезальянс Констанции, княгини Антиохии*». В нем автором дан увлекательный очерк биографии женщины, к судьбе которой уже обращались известные европейские медиевисты. При этом показательно, что о ее чувствах и внутреннем мире практически ничего не известно, и С. И. Лучицкая справедливо отталкивается от целого ряда обстоятельств, в которых оказывается героиня, чтобы попытаться представить себе ее реальные черты в том калейдоскопе событий, в центре которых находилась Констанция. Автор прав, утверждая, что последняя, в силу политических и гендерных факторов, была, фактически, заложницей ситуаций и предписанных ими ролей, сопровождавших по жизни, этот женский персонаж. И именно

данное обстоятельство, толкнуло Констанцию Отвильскую на брак с Рено Шатильонским, одной из наиболее одиозных личностей той эпохи, явившись, по существу, протестом против сети опутывавших княгиню сословных, династических, и прочих обязательств... История Констанции, как и Адели де Блуа, и ряда других фигурантов книги, в силу состояния источников, дошедших до нас от той, очень далекой эпохи, весьма показательна, как пример реконструкции конкретной человеческой личности времён крестовых походов, которая, во многом, оставляет место для загадок грядущим поколениям.

Подводя итоги, необходимо сказать, что глубокое знание материала и эпохи, понимание их особенностей, тонкий анализ сложного переплетения морально-духовных, интеллектуальных и материальных факторов, привели автора к созданию полнокровных очерков о масштабном взаимодействии таких крупных культурно-исторических ареалов, как Западная Европа и Ближний Восток, в XI–XIII вв., что крайне актуально в наше сложное время, когда отношения между

ними выходят на новый и очень нелегкий исторический виток. Труд С. И. Лучицкой, построенный на множестве источников и опирающийся на мнения целого ряда предшественников, является оригинальной попыткой представить социум времён крестоносцев: особенности яркого феномена рыцарства, нравы и менталитет людей средневековья на фоне бурных социополитических коллизий того периода, драматическое столкновение цивилизаций, противоборство идей, острая непереносимость к чужим взглядам и знаковым персонам, отчужденность, вражда, неприязненное восприятие даже иной географической среды. Автор осветил первые специфические попытки диалога представителей западнохристианского мира со сферой ислама, стремление глубже познать экзистенциальные основы мира Другого, хотя и, как ни парадоксально, с помощью ложных, даже вымышленных, стереотипов. Работа С. И. Лучицкой будет весьма полезна и ценна как историкам-профессионалам, так и всем тем, кто готов к серьезному знакомству со средневековым прошлым Запада и Востока.

Литература

1. Буассонад П. От нашествия варваров до эпохи Возрождения. Жизнь и труд в средневековой Европе. М.: Центрполиграф, 2010. 392 с.
2. Гарро А. Людовик Святой и его королевство. СПб.: Евразия, 2002. 256 с.
3. Лучицкая С.И. Образ Другого: мусульмане в хрониках крестовых походов. СПб.: Алетейя, 2001. 412 с.
4. Одиссей. Человек в истории. Рыцарство: реальность и воображаемое. М.: Наука, 2004. 511 с.
5. Хилленбранд К. Крестовые походы. Взгляд с Востока: мусульманская перспектива. СПб.: Дия, 2008. 672 с.
6. Мец А. Мусульманский Ренессанс. М.: ВиМ, 1996. 544 с.

References

1. Buassonad P. From the invasion of the barbarians to the Renaissance. Life and work in medieval Europe. Moscow: Centrpoligraf, 2010. 392 p. (In Russ.).
2. Garro A. Saint Louis and his kingdom. St. Petersburg: Evraziya, 2002. 256 p. (In Russ.).
3. Luchickaya S.I. The Image of the Other: Muslims in the Chronicles of the Crusades. St. Petersburg: Aletejya, 2001. 412 p. (In Russ.).
4. Odysseus. Man in history. Chivalry: Reality and Imagination. Moscow: Nauka, 2004. 511 p. (In Russ.).
5. Hillenbrand K. Crusades. View from the East: Muslim Perspective. St. Petersburg: Dilya, 2008. 672 p. (In Russ.).
6. Mec A. Muslim Renaissance. Moscow: ViM, 1996. 544 p. (In Russ.).

Научное издание

ГУМАНИТАРНЫЕ И ЮРИДИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Научно-теоретический журнал

Том 10, № 2 (2023)

Гуманитарные и юридические исследования: научно-теоретический журнал /
гл. ред. И. В. Крючков. 2023. Т. 10. № 2. 176 с.

Свободная цена

Технический редактор, компьютерная верстка И. В. Бушманова

Дизайн обложки С. Томицкая

Подписано к печати 22.06.2023

Дата выхода в свет 29.06.2023

Формат 60x84 1/8

Усл. п. л. 20,46

Уч.-изд. л. 19,92

Бумага офсетная

Заказ 32

Тираж 500 экз.

Отпечатано в дизайн-бюро Высшей школы креативных индустрий
ФГАОУ ВО «Северо-Кавказский федеральный университет»
355029, г. Ставрополь, пр-т Кулакова, 2

